

**ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

6

**ВОЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ**

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ОТЕЧЕСТВО»

ЧЕСТЬ, СТЫГА, МУЖЕСТВО

Валерий Мигуцко

Владимир Рыбин

Илья Рясной

Александр Плотников

Неприятности начинаются
в полдень

Приказ есть приказ

Последняя версия

Профи

РАТНАЯ ЛЕТОПИСЬ РОССИИ

Алексей Шишов

Юрий Лубченкэв

Предтеча Полтавской битвы

Георгиевские кавалеры

СЛУШАЙТЕ ВСЕ!

Карем Раш

Литургия верных

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

6

МОСКВА ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1991

ББК 84 Р7

В 63

В 63 Военные приключения: Шестой сборник, подготовленный Военно-патриотическим литературным объединением «Отечество». М.: Воениздат, 1991 — 383 стр.

ISBN 5—203—01291—1

В сборник вошли остросюжетные приключенческие повести Валерия Мигицко, Владимира Рыбина, Ильи Рясного, Александра Плотникова, а также исторические исследования А. Шишова и Ю. Лубченкова, злободневная публицистика К. Раца.

Все произведения рассчитаны на широкую аудиторию любого возраста.

В 4702010201—190
068(02)-91 Без объявл.

ББК 84 Р7

ISBN 5—203—01291—1

© Коллектив авторов, 1991

**ДЕСТЬ,
ОТВАГА,
МУЖЕСТВО**

ВАЛЕРИЙ МИГИЦКО

НЕПРИЯТНОСТИ НАЧИНАЮТСЯ В ПОЛДЕНЬ

Повесть

Часть первая

1

...А потом ничего не было. Ни видений, ни звуков, наполняющих мир вокруг. Ничего! Как будто попал в темный и безмолвный тоннель, ведущий в никуда, и дверь за тобой захлопнулась. Ты делаешь шаг, другой, тебе все равно, куда идти, потому что ни одно направление здесь не имеет смысла, и какой-то меркнущий свет и затихающие звуки, которые поначалу сопровождают тебя, это только иллюзия света и звуков, проваливаешься куда-то и летишь, летишь в бесконечном слепом полете...

Просыпаюсь от ощущения полного и безмятежного счастья. Я молод, симпатичен, не связан никакими обязательствами, никуда не спешу и жду от возможных встреч только хорошего. Осознав все это, я скидываю

руку, чтобы посмотреть на часы, и обнаруживаю, что они стоят. Это наводит меня на мысль откинуть полог и выйти из палатки.

Час рассвета давно миновал. Солнце находится где-то на полпути к зениту. Теплый свет его окрашивает в лирические полутона место действия, в центре которого мой лагерь: красная «Нива» и палатка под цвет авто. По обе стороны от лагеря тянется пляж, окаймленный голубовато-белесой водой. Здравый смысл призывал заночевать в каком-нибудь кемпинге, где народу в эту пору не густо, но я, черт побери, в отпуске, и мне нравится самому решать, что делать. Решения эти, как правило, неординарны. Наверное, потому, что остальные одиннадцать месяцев в году за меня решает кто-то другой.

Продолжаю знакомиться с пейзажем, который в радиусе возможного контакта приятно разнообразит отсутствие людей. С галерки с холодным безразличием взирают на окружающие красоты горы. Впереди, на авансцене, замерли в искусно выписанных декорациях моря несколько лодок. С этими лодками связана какая-то тайна, ибо расположились они довольно далеко от берега и в них никого нет. Мыс с указующим перстом маяка неспешно огибают чернобокий танкер под заморским флагом.

Забота о приличествующем случаю costume заставляет меня наведаться в палатку и оставить там джинсы и свитер. Появляюсь в одних плавках и оглядываю себя как бы со стороны. Грудь развернута, мускул играет, в облике чувствуется сила, взор решителен и смел. С такими данными не затеряешься не только здесь, на пустынном кавказском берегу, но и в разбухшей от приезжих бархатносезонной Ялте. Вот только подзагореть бы малость... Воображаю в десятке метров от своего местонахождения некую соблазнительную блондинку и под ее воображаемым восхищенным взглядом медленно вхожу в воду.

Вода тепла и почти невидима; на близком дне рельефно выделяется каждый камешек. Погружаюсь по грудь и выдаю метров тридцать энергичного спринта «кролем», убеждая себя и блондинку в том, что и «мы не лыком шиты». Финишировав, переворачиваюсь на спину и застываю в блаженном состоянии ленивого покоя.

Возвращаюсь на берег и обнаруживаю, что блондинка исчезла. Жаль, позавтракали бы вместе. Подхожу к «Ниве», открываю багажник и приступаю к ревизии своих припасов. Осмотр отнимает немного времени, ибо послед-

ние представлены булкой, купленной сутки назад в Ростове, и термосом с кофе, сваренным вчера вечером в Сухуми. Булка черствая, кофе совсем остыл, но первый же опыт с ними оказывается весьма успешным и вызывает желание продолжить эксперимент.

Покончив с завтраком, сажусь в кабину и минуточку другую созерцаю в зеркале заднего вида собственную физиономию. Двухдневная щетина придает ей какой-то пиратский вид. Приводить себя в порядок у меня нет ни малейшего желания, да и не для кого, но «джентльмен — он и в Африке джентльмен». Приободренный этой мыслью, лезу в чемодан за бритвой.

Солнце в зените, припекает оно совсем не по-осеннему, «Маяк» транслирует запись концерта оркестра Каравелли. Каравелли прекрасно вписывается в пейзаж. Горы с их показной невозмутимостью и Каравелли. Лодки на голубой воде и Каравелли. Мыс, белый маяк и Каравелли... Я сворачиваю лагерь, не без сожаления оглядывая место, которое мне предстоит покинуть. Наверное, стоило бы задержаться здесь на денек-другой. Но какой-то внутренний голос подсказывает, что впереди еще будет много достойных мест.

2

Равнодушный ко всему происходящему, баран стоит на обочине, а его хозяин мечется вдоль дороги и взывает к водителям попутных машин:

— Стой! Стой, тебе говорю! Подвези, слушай!

Но машины не останавливаются. У водителей свои дела, свой интерес, свой маршрут, и случайный попутчик, к тому же обремененный живым багажом, в нем не предусмотрен.

Мужчина возвращается к барану, внимательно на него смотрит, потом произносит с чувством:

— Я тебя люблю, дорогой! Но я тебя все равно зарежу. Попробуют гости и скажут: «Невкусный какой!» А почему? Потому что мрачный. Нервничаешь! Не все сразу, понимаешь? Не везут — повезут! Имей терпение! Вспомни, что по этому поводу говорил наш великий поэт!

Баран уныло опустил голову, косит глазом на покрытый серой пылью придорожный куст и всем своим видом демонстрирует полнейшее равнодушие к классике.

...одно терпение нас равняет с мудрецами.

Не приученный к терпению разве справится с делами?

Тот, кто хочет в жизни счастья, не гнушается скорбями, —

несется над горами. Горы выразительно молчат. Они-то хорошо понимают непреходящую мудрость простых истин.

На дороге появляется грузовик, заставляя мужчину вернуться с поэтических высот на прозаическую землю.

— Стой! Стой, дорогой! Прошу тебя!.. Добром прошу! Грузовик пронесется мимо.

Мужчина прикрывает глаза ладонью, словно хочет скрыть от бессловесного попутчика свой позор. Потом отводит ладонь и говорит:

— Осуждаешь, да? Может, сам попробуешь?

Баран не успевает воспользоваться советом. Из-за поворота выкатывается красная «Нива».

— Сейчас, — шепчет хозяин, изготавливаясь к очередной попытке.

Я гляжу и вижу: впереди на шоссе застыл человек с поднятой вверх рукой. Выглядит сей живой монумент весьма решительно, надежды на то, что в последний момент он уберется с дороги, у меня нет.

Помянув про себя «этих горцев», даю на тормоз. Остановившись в метре от любителя острых ощущений и только теперь позволяю себе рассмотреть его. Мужчине лет сорок пять. Сработали его основательно, добротнo. Он весь словно сложен из массивных, плотно пригнанных друг к другу глыб. Одет в галифе, сапоги и темную, свободного покроя рубашку. На лоснящемся от пота лице — виноватая улыбка. Будучи не бог весть каким физиономистом, внушаю себе, что действия моего оппонента продиктованы добрыми намерениями. Выхожу из машины и как можно любезней спрашиваю:

— Что случилось?

Мужчина делает шаг навстречу, приведя дистанцию между нами в соответствие со своими намерениями, и с акцентом, столь приятным слуху жителя средней полосы, начинает свой страстный монолог:

— Понимаешь дорогой у племянника свадьба племянник известный, на всю Грузию животновод девушку берет замечательную известную на всю Грузию чаевода тамадой у них я а какой стол без барана тамады этот ба-

ран из отары моего дяди второго такого в Грузии не найдешь а везти не на чем машина сломалась слушай подвези километров тридцать отсюда большое дело сделаешь прошу тебя!

Произнеся эту трогательную за душу речь и не употребив при этом ни одного знака прерывания, мужчина замолкает. В глазах его — надежда.

Соглашаться с ходу солидному человеку, вроде меня, не пристало. Раздумывать чрезмерно — значит обидеть достойного тамаду, столь доверчиво поведавшего мне о своих несчастях. Я выдерживаю паузу до того момента, когда на лице мужчины начинают появляться первые признаки нетерпения, и приглашаю садиться.

Лицо здоровяка озаряет благодарная улыбка, слова признательности так и рвутся из груди, мешая высказаться связно, поэтому всю последующую работу мы продельваем практически молча. Мужчина валит барана на дорогу, мы связываем кандидату в шашлыки ноги тонким прочным капроновым тросом, который я держу на случай буксировки, и водружаем его в багажник, после чего нам остается лишь занять места и продолжить наше путешествие.

По мере того, как «Нива» набирает скорость, к владельцу барана возвращается дар речи.

— Руставели, — начинает он и снова замолкает.

— «Витязь в тигровой шкуре», — подхватываю я для поддержания разговора. — Читал.

— Чем хвастаешься, слушай! — обижается мужчина. — Все читали, а кто понял?

Готов согласиться, что монополия на Руставели принадлежит его землякам, но вот насчет понятия — это он, пожалуй, чересчур... Не успеваю возразить, как мой попутчик объявляет:

— Гоголадзе моя фамилия. Автандил Гоголадзе. По профессии — пожарник. По призванию — тамада.

Многовато для одного человека: Гоголадзе, пожарник, тамада...

— Первый в Грузии? — уточняю я.

— В первой восьмерке, — безо всякой рисовки отвечает тамада по призванию. — Ну, может быть, в десятке.

По крайней мере откровенно. Ну что ж, на доверие принято отвечать доверием.

— Олег Никитин, — представляюсь я. — По профессии — водитель дальних трасс. По призванию — путешественник.

Подробности моего житья-бытья тамаду не интересуют.

— Какой счастливый случай занес тебя в наши края, дорогой? — спрашивает он.

— Отпуск, — коротко объясняю я.

— Куда едешь?

— Куда глаза глядят. Порыбачить хочу, поохотиться. Ружьишко вот взял, удочки. Ну, и покупаться, позагорать, на песочке поваляться — это само собой. Соскучился я по солнышку.

— Солнце у нас замечательное, — соглашается Гоголадзе. — И море замечательное. И горы. Но самое замечательное — это люди! Я тебе так скажу... Без людей самое теплое солнце, самое красивое море, самые высокие горы — ничто! Кого бог создал вначале? Солнце. Кого он создал потом? Землю, море и горы. Кого он создал в последнюю очередь? Человека! Чтобы человек мог наслаждаться всей этой красотой и поделиться своей радостью с другими людьми. Тот не заметил, этот был занят на работе, жена ушла — всякое в жизни случается... Как по этому поводу сказал наш великий поэт:

Есть ли что на свете лучше, чем разумная беседа?

Не пройдет она бесследно, коль послушаешь соседа.

Так высьдем же за то, чтоб люди... — В этом месте тамада по призыванию поспешно прерывает свою речь и смущенно объясняет: — Заговариваться стал, слушай. На этой неделе — третья свадьба. Совсем голову потерял!

Вот он, благоприятный случай разрушить некое ложное представление!

Несколько лет назад одна знакомая, заманувшись на мой культурный уровень, подсунула мне томик Руставели. Поначалу дело шло туго: я не люблю, когда мне что-то навязывают со стороны. Книга пролежала без пользы месяца три до того момента, когда однажды я — с тоски — не начал ее листать. Потом разошелся — кого из нас оставят равнодушными столь героические деяния, совершенные исключительно во имя дружбы! Теперь многие места из поэмы я знаю наизусть и при случае могу блеснуть своим возросшим культурным уровнем.

Коль ты мудр, то знай, что мудрость так вещает нам с тобою:

Муж не должен убиваться в столкновениях с судьбою.

Муж в беде стоять обязан неприступною стеною.
Коль заходит ум за разум, все кончается бедою, —

советую я тамаде.

Во время этого короткого монолога Гоголадзе с нарастающим изумлением глядит на меня и, когда я замолкаю, требует остановить машину.

Зачем?

— Останови, останови!

Останавливаю.

— Выходи! — командует тамада.

Он выходит первым. Я следую за ним. Пожарник спешит мне навстречу, для чего ему приходится обогнуть «Ниву». Испытывая определенные сомнения по поводу его намерений, я поджидаю попутчика, облокотившись на открытую дверцу и внутренне напрягшись. Приблизившись на расстояние полуметра, Автандил кладет мне руку на плечо, долго меня рассматривает, потом со слезой в голосе произносит:

— Дай, я тебя обниму, дорогой!

Беседа в таком вот духе и несколько раз по аналогичному поводу останавливаясь, тридцать километров мы преодолеваем за полтора часа и в конце концов прибываем в деревеньку, которую осчастлививает своим пребыванием Гроза Огня и Услада Застолья. Дом Гоголадзе — второй на центральной улице, он скрыт за садом. Во дворе намечается какое-то оживление, из чего я заключаю, что наше появление заметили.

— Сейчас мы приведем себя в порядок, Нателла на стол накроет. А потом я тебе такой тост скажу!.. — восторженно живописует ближайшее будущее хозяин.

Перспективы действительно отменные, но, откровенно говоря, меня уже утомили тосты, к тому же ничем не подкрепленные. Извлекаю на свет банальный, но безотказный аргумент: надо двигаться дальше.

— Зачем такая спешка? — удивляется Гоголадзе.

— Хочу засветло добраться... — Я называю город, в котором намеревался расположиться на ночлег и откуда надеялся дозвониться в Москву до... одной знакомой.

— Ждут тебя, да? — понимающе улыбается Автандил. — Женщина?

Никто меня не ждет, но он все равно не поверит.

— Да как тебе сказать... — мнусь я.

Мое смущение срабатывает с должным эффектом.

— Раз такое дело — отпускаю! — решается тамада. —
А теперь послушай, что я тебе на прощанье скажу:

Доказательствами дружбы служат три великих дела:
Друг не может жить без друга, чтобы сердце не
болело.

С ним он делится достатком, предан он ему всецело.
Если надобность случится, поспешит на помощь
смело!

Запомни эти святые слова. И еще запомни, что завтра
вечером я жду тебя здесь, на свадьбе! С твоей женщиной!

Я не решаюсь отказываться напрямик.

— Даже не знаю, как получится...

— А ты не знай. Ты приезжай, и все. Понял?

— Как не понять?

— Ну и хорошо, — заключает Гоголадзе и, обращаясь
к барану, говорит: — Эй, шашлык, вылезай!

3

Кое-кто считает, что запоминается главное. Не могу
с этим согласиться. Хотя бы потому, что любой из нас в
большинстве случаев не в состоянии сразу сообразить что
к чему. То, что поначалу показалось значительным, гля-
дишь, неделю спустя гроша ломаного не стоит. Память
в этом смысле объективнее нас. Она делает свой выбор
раз и навсегда. Поэтому, сдается мне, главное то, что про-
сто запомнилось.

Таких вот воспоминаний за всю мою жизнь и десятка
не наберется, что само по себе является серьезным дово-
дом в пользу вышеупомянутой теории: главное случает-
ся не так уж часто. Первым номером в этом списке
стоит воспоминание про выставку игрушек.

Эта выставка находилась в квартале от нашего дома,
и, насколько помню, кроме нас с отцом, ее никто не по-
сещал. В ту голодную послевоенную пору людей интере-
совало совсем другое. Зал был огромным, полутемным и
таинственным. Экспонаты располагались в больших от-
крытых стеллажах; на балконе второго этажа, опоясы-
вавшего зал по периметру, они стояли прямо на столах.
Охранял все это великолепие некий дядя Толя, человек
без одной руки, воевавший вместе с отцом. Наши посе-
щения выставки протекали по одной и той же схеме.
Взрослые закрывали меня в зале, а сами удалялись в
ближайший винный погребок. Подобные действия хоро-

шо согласовывались со взглядами отца на воспитание, считавшего, что на первый план в нем надо ставить самостоятельность и индивидуальный интерес подрастающего поколения.

Я оставался один и долго стоял посреди зала, куда сквозь запыленные окна с трудом проникало солнце. Воздух был плотен, при движении он ощущался, как вода. Где-то в темном углу жужжала муха. Я ждал чуда. Я очень верил в него, и оно свершалось. Вспыхивал яркий свет, валетали самолеты, по рельсам бежали поезда, уходили в море корабли, brave зайцы стучали в барабаны, под эту призывную дробь строились поротно солдаты и приступали к осаде крепости, палили пушки, к небу поднимался кольцами белый дым, и румяные куклы рукоплескали мужеству оловянных героев...

«Нива» мчится по шоссе вдоль моря, открывая за поворотами пейзажи, один чарующей другого. Воспоминания детства посетили меня не случайно. В стремительном течении моей безрассудной, неорганизованной жизни, полной бешеных скоростей и размазанных впечатлений, нет места умиротворению и покою. Потому поездка эта — настоящее чудо. Левое колесо машины влетает в выбоину, которой я не заметил. Ловлю себя на мысли, что состояние дорожного покрытия где-нибудь на трассе между Брюсселем и Копенгагеном известно мне гораздо лучше чем здешнего, на родном кавказском побережье. Ради чего все последние годы я столь необдуманно распоряжался отпуском? Ради лишней сотни? Общества сомнительных друзей? Прихоти одной знакомой, пожелавшей держать меня на расстоянии прямой видимости? Что ж, еще не все потеряно, ибо я снова здесь, тот самый мальчишка послевоенного образца, в ожидании веселой пальбы и белого дыма, кольцами поднимающегося к небесам.

Сворачиваю с шоссе и через несколько минут выезжаю к пляжу. Выхожу из машины. Местечко что надо! Совсем не хуже того, где я останавливался на ночлег. Сям и там у воды расставлены топчаны, выкрашенные в блеклый синий цвет, из чего я заключаю, что попал в места организованного купания. Впрочем, заключение это носит чисто умозрительный характер, ибо берег пуст, а в воде никого нет. Поодаль высится некое дощатое строение; крыша его на уровне полуроста нормального человека обнесена забором. На крыше появляется какой-то тип. Призывно взмахнув рукой, он намеревается обратиться ко мне с речью: то ли поприветствовать, то ли

призвать повернуть оглобли. С каким именно, я так никогда и не узнаю, ибо изначальный жест мужчины настолько энергичен, что на последующее выступление у него просто не остается сил.

Поскольку никто мне этого не запрещал, начинаю раздеваться. Медленно иду к морю и, достигнув его границы, останавливаюсь. У меня большой выбор. Могу броситься в воду. Могу погрузиться в нее, не торопясь, смакуя каждый шаг. Могу улечься на мелководье, как любил в детстве. Но я остаюсь на берегу. Мною овладевает какое-то оцепенение. Мне хорошо. И, кажется, сделай я один лишь шаг, и исчезнет, улечится, испарится это состояние блаженного покоя.

Неожиданное появление веселой группы пляжников побуждает меня броситься в воду. Сейчас здесь будет столь же шумно и бестолково, как на любом другом пляже, а это, признаться, мне не по душе. Ограничиваюсь несколькими энергичными движениями и, еще до того, как вновь прибывшие приблизились, выхожу и поспешаю к машине. Хочется зарыться в песок и лежать долго-долго, закрыв глаза, но меня уже спугнули, и я не намерен здесь задерживаться. Достаю полотенце, одеваюсь, потом, чтобы отступление не очень походило на бегство, закуриваю и между делом рассматриваю своих соседей.

Их семеро. Должно быть, отдыхающие из какого-нибудь окрестного дома отдыха. Мужчины стучат по мячу, приглашая в компанию девиц. Две присоединяются, две располагаются загорать; одна из них то и дело поглядывает в мою сторону. Хорошая девушка, но, к сожалению, не блондинка. На крыше дощатого строения вырастает любитель энергичных жестов и добродушно приветствует всю компанию. Отбрасываю сигарету, сажусь в кабину и включаю двигатель. Любители пляжного волейбола бросили тренировку и смотрят мне вслед. В зеркале заднего вида становится все меньше, убегает фигура девушки. Хочется думать, что она огорчена.

Обедаю в придорожном ресторанчике под названием «Хижина горца». От хижины здесь ровно столько же, сколько в аттракционе «Полет на луну» в каком-нибудь парке культуры и отдыха — от истинного полета. Современный интерьер, окна во всю стену, финская мебель... Неплохо живется нынешним горцам в их хижинах. Негромко и невидимо играет оркестр национальных инструментов. Возникает улыбчивый официант в белоснежной рубашке и с усами. Наш диалог состоит из нескольких

фраз. Скорее, это монолог: он говорит — я киваю. Вслед за этим на столе появляется зелень, лаваш, сыр и внушительный кусок жаренного на углях мяса. Обозрев все это великолепие, приступаю к трапезе.

Толстый с багровым лицом мужчина, раскачиваясь с «борта на борт», держит курс на выход. Наткнувшись на мой столик, он несколько минут сосредоточенно изучает его содержимое, после чего, не без усилий, поднимает голову, буравит меня маленькими глазками и спрашивает:

— Почему вина не пьешь, генацвале?

Отвечать следует лаконично, иначе он не поймет.

— За рулем, — коротко объясняю я.

Толстяк обдумывает услышанное, потом бурчит:

— Пешком надо, слушай!

Ходячая кладезь полезных советов удаляется неверными шагами. Я гляжу в зал. Вокруг восседают компании: большие, шумные и камерные — в несколько человек. Роятся парочки. Кое-кто глядит на меня с сочувствием: я единственный здесь вне компании и даже без спутницы. И должен признаться, нравится мне это гораздо меньше, нежели день назад.

Презрев здравый смысл и позабыв про намерения позвонить в Москву знакомой, снова ночью на берегу. Устанавливать палатку мне лень. Я устраиваюсь в салоне «Нивы» и, прежде чем уснуть, долго лежу и слушаю музыку, негромко звучащую в радиоприемнике. Когда смысл мелодии начинает ускользать, протягиваю руку и выключаю приемник. В двух шагах о чем-то шепчутся волны.

Утро доброе, пронзительно-солнечное. На шоссе — оживленно. В небе висит сине-желтый вертолет ГАИ. На всякий случай бросаю короткий взгляд на приборы. Все в порядке, на спидометре шестьдесят. Вертолет разворачивается и, пройдя в нескольких десятках метров над дорогой, уходит в сторону Сухуми. Успеваю рассмотреть людей в кабине — молодого пилота и какого-то человека в штатском на соседнем сиденье.

Набегают развилка. Сбавляю скорость, прижимаю машину к обочине и останавливаюсь. Извлекаю карту, прикидываю свой дальнейший маршрут. Налево — это в горы. Прямо — к побережью. Разворачиваюсь и еду назад. Туда, откуда приехал. В той стороне — мой новый друг тамада, качапури на набережной в Сухуми, ресторанчик «Хижина горца», расчудесное местечко у мыса с маяком, и веселая компания любителей подвижных игр на свежем воздухе. Мне хочется вернуться, и я не в силах се-

бе отказать. Наверное, со стороны мои действия выглядят безрассудно. Но я не думаю, что хоть кого-то здесь заинтересует моя персона.

4

За поворотом взмахом руки меня останавливает девушка. Руки и ноги сами выполняют заученную операцию торможения, а я гляжу на девушку и спрашиваю себя: уж не приснилось ли? Высокая блондинка стройна, как минарет, и прекрасна, как солнечный луч, прошедший сквозь витраж готического собора. На вид ей лет двадцать, не больше. Одето это чудо природы в светлые вельветовые джинсы и свободного покроя рубашку с расстегнутым воротом. На длинной, без единого изъяна шее покоится тонкая золотая цепочка. Волосы задержавшей свой бег волной ниспадают на плечи. Такой девушке место где-нибудь на дипломатическом рауте, под венцом или, на худой конец, в грезах отпускника, а она вдруг здесь, на дороге... Чувствую, что теряю дар речи и сверх всякой меры затягиваю паузу. А чертовка не торопит развития событий, молчит и открыто наслаждается моей растерянностью.

Наконец, собравшись с духом, распаиваю дверцу и задаю банальный вопрос:

— Вас подвезти?

Болван, именно за этим она тебя и остановила!

— Если можно, — улыбается девушка.

Наш диалог продолжается в нарастающем темпе.

— А... куда? — спрашиваю я.

Незнакомка садится в машину, свою дорожную сумку она бесцеремонно забрасывает на заднее сиденье и только после этого отвечает на мой вопрос:

— Прямо!

Чисто женское понятие об определенности!

— Ну, тогда и мне прямо, — заявляю я, как мне кажется, уже с большей уверенностью.

Направляйся она в Антарктиду, на Чукотку или в Гренландию, я бы тоже сказал, что нам по дороге.

Воввращаясь на шоссе и включаюсь в дорожное движение. Скорость не столь высока, чтобы испугать девушку, но и не столь мала, чтобы она вообразила, будто перед ней новичок. Разговор не залаживается. Первая стадия знакомства для меня всегда была камнем преткновения, и то, что я в отпуске и раскован, ничуть не меняет

сути дела. Чтобы скрыть смущение, пытаюсь что-то на-
свистывать. Потом включаю приемник и пробегая по
всем диапазонам — ничего интересного. Все эти уловки,
разумеется, не остаются незамеченными. Но моя попут-
чица сидит молча, очевидно, посмеиваясь про себя, и не
делает никаких попыток оживить ситуацию.

Наконец я решаюсь открыть программу.

— Отдыхаете? — спрашиваю девушку, удивляясь соб-
ственной ограниченности.

— Пытаюсь.

На первый взгляд, ответ свидетельствует о полном
безразличии к теме со стороны моей спутницы, но имеет
то неоспоримое достоинство, что позволяет продолжить в
том же духе.

— То есть?..

— Хочется всюду побывать и все увидеть, но много
времени отнимают переезды, — жалуется девушка.

— Летайте самолетами «Аэрофлота», — советую я.
Это уже претензия на юмор.

— Зачем? — искренне удивляется она.

Бросаю на нее короткий пристальный взгляд.

— Действительно — зачем? — бормочу я, чувствуя,
что краснею.

— Достаточно выйти на шоссе и поднять руку, —
развивает свою мысль девушка. — Может, и не столь бы-
стро, зато бесплатно. Лично для меня это немаловажное
обстоятельство.

Свой следующий ход я готовлю исподволь, как гросс-
мейстер.

— Теперь я понимаю, почему у нас провалилось та-
кое полезное начинание, как «Автостоп».

— Почему же?

— В нем не предусмотрели вашего личного участия.

Вторая попытка сострить принимается более благо-
склонно. Прекрасная незнакомка улыбается. Впрочем,
как тут же выясняется, совсем по иному поводу.

— Издалека заходите, — говорит она. — Скажите луч-
ше, вам приятно, что такая девушка сидит рядом. Что я
очень правильно поступила, остановив именно вашу ма-
шину, и до конца своих дней буду помнить нашу встре-
чу. В этих краях в ходу именно такие обороты речи.
Правда, финал подобных разговоров обычно один и тот
же: приходится выходить и искать нового попутчика.

Точно подмечено, достаточно определенно и ставит
все точки над «i».

— Я не здешний, — говорю я. — И потом, мне не хочется, чтобы вы выходили.

По-видимому, я все-таки вторгся в запретную область. Девушка перестает улыбаться. Взгляд ее становится строгим.

— А вот это вы зря, — говорит она. — Никогда нельзя знать наперед, что сулят нам случайные дорожные встречи.

Похоже на предостережение. А может быть, ей что-то вспомнилось? Я веду машину. Она замкнулась, молчит. Впрочем, с чего бы ей делиться сокровенным со случайным попутчиком?

Пейзаж между тем откровенно диссонирует с настроением, царящим в кабине «Нивы». Дорога спустилась к морю и летит вдоль него, повторяя изгибы берега. Солнце грохочет, как прибой, который сегодня по причине погоды, близкой к штилевой, безмолвствует. Мелькнула скала, похожая на парус. А вот целая флотилия разноцветных парусов выплывает из-за горизонта. Благоприятный момент нарушить тягостное молчание.

— Давайте остановимся, — предлагаю я. — Полюбуйтесь видами.

Не бог весть какая придумка, но все же...

Некая мысль упорно не покидает девушку, ибо отвечает она не сразу:

— Дальше будут еще лучшие виды.

При желании в ее словах можно усмотреть намек.

— Вас ждут? — осторожно предполагаю я.

— Да.

Еще бы, такую красотку да не ждут! Какое-то время мы снова едем молча. На сей раз пауза не столь продолжительна, как две первые, ибо теперь, когда кое-что произошло, и сложности, которые мне предстоит преодолеть, приобрели конкретные очертания, я чувствую прилив вдохновения.

— Знаете, о чем я сейчас подумал? — начинаю я. — О том, что не следовало бы пускаться в такую поездку одному. Женщина помимо всего прочего обладает даром благотворно влиять на восприятие окружающей действительности. Без вас, скорее всего, я бы не обратил внимания на эти красоты. — Дабы последнюю мою фразу истолковали в правильном смысле, киваю в окно.

— Почему же вы не поехали с жепой? — интересуется девушка.

— К сожалению или к счастью — я холост, — отвечаю я, остро ощущая, что к счастью. — Правда, одна знакомая согласилась было разделить со мной все тяготы этого многотрудного пути, но в последнюю минуту отказалась.

— Муж? — оперативно предполагает незнакомка.

Чего уж там скрывать — дело житейское.

— Если откровенно, то да, хотя формальная причина отказа была иной.

— Не могу сказать, что это обстоятельство заставляет вас грустить, — с деланной серьезностью замечает моя спутница.

Мы весело смеемся. Поздравляю себя с установлением контакта и, прежде чем продолжить нашу беседу, по привычке бросаю взгляд вокруг — все ли в порядке? Показания приборов — в норме. На шоссе — затишье, как это обычно бывает в послеобеденное время. В зеркале заднего вида — серая «Волга». Сбавляю скорость и принимаю вправо. Если я не спешу, будь добр, проезжай, не мозоль глаза. Но меня и не думают обгонять. «Волга» повторила мой маневр и держится на прежней дистанции. Ну что ж, тогда уйду я. Давлю на газ. Стрелка спидометра ползет за отметку «сто». Прощай, «Волгуша»!

Поднимаю глаза и, к своему удивлению, вижу: расстояние между нами по-прежнему не сократилось ни на метр. В первую минуту решаю, что за мной увязался любитель «погоняться» — такие нет-нет, да и встречаются на дорогах. Снова сбрасываю газ, и снова преследователь дублирует мои действия. «Волга» по-прежнему у меня «на хвосте». Становится не по себе. Не так, что очень... Самую малость.

Пока еще без всяких предположений любопытствую сам у себя, кто бы это мог быть. Представители властей? Какие-нибудь знакомые? Любители повеселиться на свой лад? Скромная моя персона вряд ли интересует власти. Знакомых в этих краях у меня нет. Разве что пожарник и тамада Автандил Гоголадзе, но он далеко и занят приготовлениями к свадьбе. Значит, любители. Это легко проверить. Хотя, признаться, мне не нравится веселье, в котором я принимаю участие, как статист.

Прижимаю «Ниву» к обочине и останавливаюсь.

— Бензина маловато. Колонка далеко. Хочу взглянуть, что у нас в загашнике, — объясняю я девушке причину остановки. Все вышеупомянутое заняло буквально считанные секунды, она ничего не заметила.

Выхожу из машины. Открываю багажник. Нахожу панистру и заглядываю в нее. Жду. Если мое предположение верно, «Волга» проскочит и уйдет себе, куда надо. Я не намерен участвовать в игре — кажется, это ясно. Мои преследователи не появляются. Бросаю короткий взгляд в салон и вижу, что попутчица проявляет признаки беспокойства: повернула к себе зеркало заднего вида, что-то высматривает. Наши взгляды встречаются, и она делает вид, что поправляет прическу.

Торчу на дороге, сколько позволяют приличия. Серая «Волга» исчезла. Убеждаю себя, что все это мне померещилось, и возвращаюсь к машине. Объявляю как можно веселее:

— Все в порядке! Хватит километров на двести.

— Ну и прекрасно, — улыбается девушка.

Нет, мне это определенно привиделось.

Включаю зажигание. «Нива» мягко набирает скорость. Мы выбились из графика, надо наверстывать. Зеркало возвращено на место. Позади никого нет. Да и были ли? Ко мне возвращается хорошее настроение. Надеюсь, то же самое происходит и с моей спутницей. Мы с ней встретились, познакомились, едем, знаем, можно сказать, почти все друг о друге. Остается только представиться. Конечно, проще всего назваться и ждать, когда она назовет себя. Но мне по душе прямые пути.

Предлагаю девушке:

— Хотите, я вам погадаю?

— Ведите машину, — строго отвечает она. — Погадаете на остановке.

— Мой метод констатации фактов из прошлого и предсказания будущего не требует ни карт, ни воды, ни кофейной гущи, — успокаиваю я ее. — Он основан на личных наблюдениях и с успехом может применяться как на остановках, так и в движении. Для меня, например, совершенно очевидно, что вы — ленинградка, ваше имя Маша и вы голодны.

Насчет местожительства и имени — это наугад. В остальном я просто уверен.

— Поразительно! — смеется девушка. — Как это вы угадали, что я москвичка и меня зовут Ольгой?

Поскольку такой исход мною был предусмотрен заранее, я не смущаюсь. Называю себя.

— А вот про голод — это вы в самую точку!

Что ж, тут у меня наготове дельное предложение.

— Ну, тогда попробуем предсказать будущее. Это у

меня получается лучше, — самодовольно заявляю я. — Так вот, не далее как в нескольких километрах отсюда, нас ждет изумительной красоты пейзаж, очаг и обед в национальном стиле на свежем воздухе.

Легко живописать будущее, когда обо всем позаботился заранее. Мои припасы уже не ограничиваются черствой булкой и глотком остывшего кофе. Правда, есть определенные опасения по поводу пейзажа и очага. Но ведь не зря же я дал себе несколько километров форы, в течение которых надеюсь отыскать что-нибудь подходящее. А уж очаг мы как-нибудь смастерим.

5

Горы отодвинуты к горизонту, их массивные, резко очерченные тени легли на лес. Отсюда он видится сплошным ковром, сотканным из всевозможных оттенков зеленого и желтого. На переднем плане — маленькое лесное озеро почти правильной круглой формы. На берегу стоит одинокая дикая груша. Чуть поодаль расположились три дремучих замшелых валуна, как три старика за столетней своей беседой. В воздухе носится что-то таинственное. Так и ждешь, что в следующую секунду из-за валуна выйдет леший или спикирует на метле из поднебесья Яга. Какое счастье, что сюда еще не добрались бытоустройители, не окрестили это место «Озером сказок» и не берут за вход!

Впрочем, неординарность — отнюдь не единственное достоинство выбранной позиции. С того места, где мы разбили лагерь, отлично просматриваются все подходы и подъезды к нему, так что ни пешему, ни моторизованному не замеченным к нам не пробраться. Во всяком случае, до сего момента никто такой попытки не предпринимал.

С охалкой супняка возвращаюсь к машине, где меня поджидает Ольга. Девушка облокотилась на дверцу и обзревает окрестности. Вид у нее задумчивый.

— Сейчас мы разведем огонь и сделаем шашлык, — объявляю я. — Как вы относитесь к шашлыку, Оля?

— Положительно.

В ответе звучит безразличие, тем не менее я воодушевляюсь и в спешном порядке начинаю сооружать костер. Стараясь придать своим действиям как можно больше осмысленности, раскладываю принесенные ветки. Со стороны не скажешь, что делаю я это второй раз в жизни.

Костер готов. Чиркаю спичкой. Хилый порыв ветра гасит вспыхнувший огонек. Зажигаю еще одну — тот же результат.

— Ветер, — уныло бормочу я, без малейшей надежды, что мне поверят.

— Силой двенадцать баллов. В северо-западной части Тихого океана, — с иронией подхватывает девушка. — Послушайте, Олег, вы представились опытным путешественником. Что-то не верится...

Произношу сбивчивый монолог о прогрессе в дорожном сервисе, под натиском которого костер отошел в область преданий, и заканчиваю тем, с чего следовало бы начать: признаюсь, что волнуюсь.

— Я так и думала. Позвольте мне.

Уступаю место своей очаровательной спутнице, а сама иду к машине. Извлекаю из багажника свертки с припасами. Когда возвращаюсь, костер уже весело пылает. Костерчик что надо! Единственный его недостаток: он больше, чем того требуют обстоятельства, и наверняка привлекает чье-нибудь внимание. А, впрочем, все равно.

— Bravo, bravo! — говорю я, протягивая девушке свертки. — Шашлык у нас будет, к сожалению, из колбасы. А вот сулугуни, лаваш и зелень — подлинные.

...Костер догорает. Наступил тот самый благословенный момент, когда человека тянет на разговор. Каждого в той степени, в какой ему есть, что сказать, и, что из того, что есть, можно сообщить другому.

— Работаю в одной скучной конторе, — говорит Ольга. — Тихий зануда шеф. Коллеги предпенсионного возраста. Кое-кто уже еле ходит, но еще не тушит. Выглядит это смешно, нелепо и довольно глупо.

Насколько могу догадываться, в предпенсионную категорию она зачисляет всех мужчин старше сорока лет. Кажется, у вас есть шанс, товарищ Никитин. Делаю сочувственное лицо и советую ей сменить вывеску.

— Менять надо не вывеску, — вздыхает девушка. — Менять надо жизнь. — Сказала и тут же пожалела о сказанном. — Что-то вы чересчур любопытны для предсказателя, — заявляет она. Насколько я понимаю, за этим последует предложение сменить пластинку. — Давайте лучше о вас.

Так и есть. Ну, что ж, обо мне так обо мне.

— У меня все обыкновенно, — начинаю я. — По профессии — шофер, тружусь в автопредприятии пятнадцать тысяч сто тридцать два города Москвы. Исколесил, мож-

Но сказать, весь континент — от Софии до Хельсинки и от Кракова до Мадрида.

Просто, действительно, и ничего не надо придумывать. Отдельные географические названия говорят сами за себя.

— Вы сказали, у вас все обыкновенно, — обрывает меня Ольга. — Вы что же, и за границей бываете?

— Бываю, — вздыхаю я.

— Смелее! Где именно?

Перечисляю: Голландия, Испания, Франция, ФРГ, Болгария, Венгрия, Австрия...

Ольга внимательно следит за моим рассказом. В ее взгляде — скрытая ирония. Если бы мы не встретились три часа назад, я бы, пожалуй, вообразил, что моя поднаготная известна девушке лучше, чем мне самому.

— В детстве на стене, возле моей кровати, висел старый гобелен, — говорит она, и взгляд ее теплеет. — Дворцы, дома, мощенные булыжником улицы, флаги на городских воротах, всадники в старинных доспехах, река синей змейкой и надпись «Вена» в правом верхнем углу... Нет, в левом! Когда меня оставляли одну — случалось это довольно часто, — гобелен заменял мне няню, ласковое слово, сказку и сам был всем этим сразу... Я путешествовала по улицам, стояла у городских ворот, входила в дома... Я могла смотреть на него часами. — Девушка машет головой, словно пытается стряхнуть груз нахлынувших воспоминаний, и просит: — Расскажите про Вену!

Рассказать... Ты думаешь, это просто? Грязноватый кемпинг в десятке километров от города, неоновое зарево в ночи, шпили готических соборов в лучах закатного солнца да мост через Дунай, который рухнул однажды на рассвете, и было просто чудом, что в этот самый момент на нем не оказалось ни людей, ни машин, — вот и все, что созерцал романтик дорог Олег Никитин из кабины своего трейлера. Сказка должна иметь счастливый конец, иначе она не сказка. И я начинаю рассказывать о соборе Святого Стефана, о здании венской оперы, о Ринге, зеленым кольцом опоясывающем город; о шумном и веселом Пратере, о памятнике Моцарту в городском парке и о городской ратуше, которую в тот день, когда на площади перед ней филармонический оркестр играет Штрауса, иллюминируют от цоколя до макушки, и она становится похожей на новогоднюю елку, о маленьких уютных кафе на два столика и об автомате на Мари-

анненштрассе, рядом со стереокино, который, когда ломался, выдавал по две пачки сигарет вместо одной, и все, кому был известен его «секрет», толпой валили сюда в надежде поживиться... Словом, обо всем том, чего вышеупомянутый романтик не знал и знать не мог, разве что понаслышке.

Ольга смотрит на меня, не отводя взгляда. Глаза блестят, она вся обратилась в слух. Волнение ее не портит, скорее, наоборот...

— И все это вы видели сами? — спрашивает она, когда я, вложив в свою краткую лекцию изрядную толику сведений о предмете, умолкаю.

— Сам, — смущенно говорю я, втихомолку воздавая себе за автомат — это, пожалуй, чересчур.

— Расскажите еще.

Могу. И не только про Вену. Но не здесь и не сейчас. Нам надо поспешать, ибо до наступления темноты предстоит проверить одну теорию.

— При всей своей неистребимой любви к природе нечевать я предпочитаю в гостинице, — объясняю я девушке.

— Откуда в вас столько практицизма? — удивляется Ольга.

Она разочарована и не пытается этого скрыть.

Мы начинаем сворачивать свой лагерь. Девушка двигается подчеркнуто медленно, как бы через силу. Прервав свой рассказ на самом интересном месте я, безусловно, кое-что потерял в ее глазах. Впрочем, сейчас меня интересует не падение собственного авторитета, а нечто совсем иное. За время нашего пребывания у озера нас никто не потревожил, а может, я что-то проглядел и сейчас пытаюсь установить, так ли это. Вокруг все тихо и благопристойно. И все же ощущение того, что кто-то, незамеченный, не сводит с нас внимательных глаз, не покидает меня. Ощущение, не более. Но многолетние странствия по чужим дорогам научили меня доверять своим ощущениям.

6

— Если я закрыла глаза и не отвечаю на вопросы, значит, я сплю, — произносит девушка.

Она все еще дует. Мы отъехали от озера двадцать семь километров, это первые слова, которые я от нее услышал.

— Ну, конечно, спите, — говорю я. — Вы устали, был трудный день.

— Только не обижайтесь, ладно? Нет никаких сил противиться... Я полчаса подремлю и снова буду в полном порядке. — Все это уже гораздо мягче, покладистей.

— Да хоть часик! — ободряюще улыбаюсь я. Мысли мои заняты другим, но мне приятно отметить, что мир между нами восстановлен.

Ольга откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

Веду машину, поглядываю на дорогу. Время от времени бросаю короткие взгляды на спящую девушку. Она обладает даром вписываться в любой интерьер и удобно устраиваться, где бы то ни было. Мне нравится, что она здесь, со мной, в машине, на пустынной дороге, и, оттого что она спит, а я бодрствую и веду машину, моя несложная миссия кажется мне чрезвычайно ответственной и важной. Определенно, бог создал женщину для того, чтобы мужчина рядом с ней чувствовал себя значительней.

В следующую секунду от моего хорошего настроения не остается и следа. В зеркале заднего вида появляется серая «Волга». Судя по повадке — машина та же самая: мышиного цвета лимузин четко держит дистанцию, не вырываясь вперед, но и не отставая ни на шаг. То, что я по этому поводу думаю, не определишь банальным словечком «надоело». Чует мое сердце, что кто-то задаясь целью испортить мне поездку. Хотелось бы знать — кто и почему?

Мелькает дорожный знак «Крутой поворот». Разгоняю «Ниву» до ста километров и, почти не снижая скорости, влетаю в поворот. Не бог весть какой трюк, но все же по силам он далеко не каждому и тем более не предназначен для глаз работников ГАИ. За поворотом резко сбрасываю скорость, притираю машину к обочине и останавливаюсь. Выхожу. Открываю капот и начинаю копать в двигателе. Поглядываю назад, откуда должна появиться серая «Волга». На шоссе — пусто, в близлежащих окрестностях тоже никого. Идеальная возможность задать друг другу несколько вопросов. У меня, во всяком случае, найдется, о чем поспросить моих преследователей.

«Волга» неспешно выкатывается из-за поворота — стало быть, за рулем какой-нибудь подмастерье. Словно прочтя мои мысли, водитель увеличивает скорость. «Волга» стремительно проносится мимо. В машине двое. Им

нечего мне сказать. Похоже, им вообще нет дела до моей персоны. И только одна деталь укрепляет меня в уверенности, что это не совсем так: я узнал номер.

Закрываю капот и обнаруживаю устремленный на меня взгляд Ольги. Девушка проснулась и улыбается мне. Неужели один лишь вид моей озадаченной физиономии вызывает в ней столь отрадные чувства? Бодро улыбаюсь в ответ и тут же вспоминаю, что серая «Волга» впервые появилась на шоссе сразу же после того, как я встретил эту девушку. Может быть, все дело в моей пассажирке? Но тогда почему она так спокойна?

Сажусь за руль.

— Не спится? — спрашиваю свою попутчицу.

— Полчаса прошло, — объясняет Ольга.

Логично, хотя лично меня и не убеждает. Включаю зажигание и трогаю с места. Проще всего было бы именно сейчас проверить мою последнюю версию и прямо спросить, что это за типы, но я нахожу подобные действия преждевременными.

— Чем вызвана наша остановка? — интересуется девушка.

— Клапана стучат, — импровизирую я. Вряд ли ей известно, что такое клапана. — Только отрегулировал — и вот пожалуйста...

— Они и в самом деле стучат? — невинно спрашивает Ольга.

Конечно же, она заметила и серую «Волгу», и мою растерянность, но, как и я, не спешит с вопросами или вообще не намерена их задавать.

— А вы не слышите?

Ольга качает головой. Я увеличиваю скорость.

— А теперь?

— Нет, улыбается девушка.

Снова даю на газ, Мы несемся со скоростью более ста километров в час.

— А так?

— И так нет.

Резко сбавляю скорость — «Нива» плетется, как заганная лошадь.

— Может быть, сейчас?

— Нет! — весело смеется Ольга.

Бессмысленное занятие, тем более, что стук клапанов — моя придумка, но оно нам нравится. Может, потому что отвлекает от мрачных мыслей. Впрочем, через несколько минут этого безудержного веселья в зеркало

заднего вида вползает серая «Волга», а с нею возвращаются и мрачные мысли. Она движется, не отставая ни на метр, но и не сокращая дистанции. У меня больше нет никаких сомнений: «Волга» преследует «Ниву». Постояла себе где-нибудь на проселке, дождалась и вот снова вцепилась своей бульдожьей хваткой.

Время раздумий прошло, тем более что никаких логических объяснений действиям моих преследователей я так и не нашел, а объясняться сами они не желали. Как бы там ни было, у меня больше нет желания играть роль подопытного кролика в неизвестном мне эксперименте. Пришла пора действовать. Ну-с, Олег Михайлович, обращаюсь я сам к себе, покажите, мой друг, на что вы способны.

В следующее мгновение «Нива» срывается с места. Стрелка спидометра проходит отметку «сто» и замирает где-то у верхнего предела шкалы. Нас вдавливают в спинки кресла. Ускорение столь стремительно, что в «Волге» не успевают среагировать, и она оказывается далеко позади.

Я спокоен. Я очень спокоен. Я стал спокоен, как только нажал на педаль газа. В конце концов это моя работа, а она как раз и состоит в том, чтобы в нужный момент действовать решительно и спокойно и показать все, на что способны ты и машина.

Дорога идет в гору. Впереди — двойной поворот: сначала правый, потом левый. Метрах в десяти от меня маячат желтые «Жигули». Неудачное место для обгона, рискованный маневр: никогда наперед не знаешь, что там, за поворотом. Но выбора нет. Если я пристроюсь за «Жигулями», «Волга» достанет меня в момент. Я иду на обгон.

За рулем в «Жигулях» — настырный тип: такой не свернет к обочине, не сбросит скорости, не уступит. Ему только дай погоняться! Вместе с ним мы влетаем в поворот, будто связанные какой-то незримой нитью. Так и есть: за поворотом оказывается грузовик, движущийся навстречу. Деваться нам с ним некуда. Разъехаться мы не можем: слева — сплошной скальный массив, справа — пропасть. Тормозить поздно. Приходится идти на рискованный трюк с переключением передачи — ни на что другое просто не остается времени. Мгновенно ускоряюсь и в последний момент успеваю опередить «Жигули» и освободить проезд грузовику. Мелькает перекошенное лицо водителя грузовика. Прости, друг! Так уж получилось...

«Жигули» остаются позади и не пытаются меня преследовать. Очевидно, после эпизода с грузовиком их водителю расхотелось гоняться.

Перевожу взгляд на свою спутницу, рассчитывая застать ее в состоянии, близком в обморочному или, в лучшем случае, в слезах. Ничуть не бывало! У этой девушки — характер настоящей гонимой! Ольга в полном восторге от того, что происходит, хотя, вероятно, и не догадывается об истинных причинах этого ралли.

— Bravo! — восклицает она.

Ну что ж, за своего штурмана можно не беспокоиться. Тогда продолжим. Тем временем, воспользовавшись нашим самоуспокоением, серая «Волга» снова приблизилась на расстояние прямой видимости. В опытных руках «Волга» легко достает «Ниву». Но в данном случае в опытных руках — «Нива». Увеличиваю скорость, решаю попробовать еще один вариант.

Дорога впереди сворачивает вправо и устремляется под гору. Прямо ведет другая дорога, проселочная, исчезающая в лесу. На проселке «Волга» «Ниве» не конкурент. Те, в «Волге», наверняка это знают и вряд ли сунутся. Скорее всего, они станут барражировать по трассе, дожидаясь моего появления. Судя по тому, что преследователи отлично знают местность, задача не составит для них особой сложности и в свою очередь диктует мне мою: в условиях бездорожья оторваться как можно дальше и к моменту выхода на шоссе выйти из-под осточертевшей мне опеки. Не раздумывая ни секунды, сворачиваю в лес.

Мелькают в бешеном хороводе деревья, только успевай вертеть баранкой. В сравнении с этим кроссом недавний почти смертельный номер с грузовиком кажется детской забавой. Спinoй чувствую, что рубашка взмокла. Отвлекись от дороги и глянуть на Ольгу нет никакой возможности, но я почему-то уверен, что восторги девушки несколько поостыли.

Лес переходит в невысокий кустарник. То, что с большим трудом можно было назвать дорогой, привело нас на вершину горы. На глаз крутизна склона — градусов сорок. Внизу, в нескольких километрах, тускло блестит в лучах заходящего солнца лента шоссе. Сам склон представляет собой гигантскую россыпь камней: не самый большой из них — величиной с мою новую прекрасную машину.

Ревет двигатель. «Нива» срывается вниз со склона и с глухим гулом, как овестьественное эхо, несется вниз. К счастью, быстрее, чем лавина, вызванная этим сумасшедшим падением. Я перестал соображать, что делаю, уступив свое место за баранкой инстинкту самосохранения, мне кажется, что это камни отворачивают от меня, а не я от них. Если наши пути пересекутся, нас разнесет в куски.

Машина уже у подножия и мчится по равнине, а потревоженный склон все ворчит и шлет нам вслед свое неодобрение.

Благополучно миновав все препятствия, мы достигаем шоссе. Увеличиваю скорость. Во всех этих передрыгках я как-то позабыл о ГАИ, а оно тут же напомнило о себе. Откуда-то свысока доносится знакомое тарахтенье: нас догоняет желто-синий вертолет. Не дожидаясь, пока трубный глас с неба призовет остановиться, торможу сам. Стрелка спидометра ползет влево и, успокоившись, замирает возле нужного деления. Вертолет, набрав высоту, удаляется в сторону моря, куда собственно, мы и направляемся.

С вершины подъема, на который мы взобрались, шоссе просматривается на добрый десяток километров в обе стороны. Ни впереди, ни сзади серой «Волги» не наблюдается. Не успеваю перевести дух и поздравить себя с тем, что маневр удался, как слышу адресованный мне вопрос:

— А теперь скажите, от кого мы так стремительно удирали? — кокетливо улыбаясь, интересуется Ольга.

В самом деле, от кого?

7

Путь преграждает вереница машин. Впереди, по-видимому, какое-то препятствие, послужившее причиной внушительной дорожной «пробки». Ни в ту, ни в другую сторону от него движения по шоссе нет. Собравшись в кружок, на обочине перекуривают водители.

Подъезжаю и пристраиваюсь в хвост этой унылой очереди.

— Что там? — не выходя из машины, спрашиваю у одного из водителей.

— Авария, — машет он рукой,

— Надолго?

— Черт его знает.

Исчерпывающие сведения. Мой добровольный осведомитель присоединяется к перекуру на обочине. Подъезжают и становятся за мной две легковушки и автобус. Перекрыв все пути к отступлению, за автобусом пристраивается самосвал. Стало быть, назад дороги нет.

— Поехали, — слышу я возбужденный шепот Ольги. — Прорвемся!

Мне не нравится чрезмерный оптимизм девушки, но еще меньше нравятся очереди. Что ж, попробуем. «Нива» выкатывается на свободную полосу встречного движения и медленно движется вперед. Очередь газует с неодобрением. В очередях не любят нахалов.

Метров через двести «пробка» кончается. Поперек дороги стоит милицкий «уазик». Перед ним прохаживается молодой человек в милицмейской форме с двумя звездочками на погонах. Тонкое, резко очерченное лицо лейтенанта делит пополам черная ниточка усов. Решительным взмахом жезла он останавливает «Ниву».

— Спешите, да? — говорит милиционер, приближаясь к машине. Впрочем, он тут же переходит на официальный тон. Под козырек взлетает рука.

— Лейтенант Копайлишвили, — представляется лейтенант. — Этот участок дороги для движения временно закрыт. Попрошу освободить проезжую часть!

Освободить — это значит сдать назад и ждать. Но я не люблю и не хочу ждать.

Мы выходим из машины и вступаем со стражем правопорядка в прямой контакт.

— Попрошу прощения, товарищ лейтенант, — задумчивым голосом обращаюсь я к милиционеру. — Дело в том, что мы опаздываем.

— Пропустите нас, пожалуйста, — подхватывает Ольга.

Она встряхивается, как застоявшаяся двухлетка, отчего ее дивные волосы взлетают, словно под напором ветра, и снова возвращаются на место. Будь я на месте милиционера, я бы зажег зеленый свет только за один этот жест. Но лейтенант, по-видимому, не принадлежит к числу людей, которого волнуют такого рода вещи.

— Куда это вы опаздываете? — с подозрением спрашивает он.

— Куда? — тяну я, надеясь выиграть время.

И действительно — куда? Мы с Ольгой обмениваемся выразительными взглядами. Ну, придумайте же что-ни-

будь, телепатировует она. И неожиданно меня осеняет спасительная мысль.

— Мы едем в Маджори, — говорю я. — На свадьбу.

«Удар» рассчитан точно! Из-под усов лейтенанта начинается растекаться медоточивая улыбка. Еще минута, и сюда, чего доброго, слетятся со всей округи пчелы.

— На свадьбу? Правда? — все еще не верит милиционер.

В небе грохочет желто-синий вертолет ГАИ. Эта шумная «птичка» по какому-то наитию появляется во всякую ответственную для меня минуту. Будто опекает. Я завидую тем, кто находится в вертолете. Сверху им видно гораздо лучше, а мне сейчас так необходим обзор. В кабине «уазика» пронзительно пищит зуммер радиотелефона.

— Одну минуту, — извиняется лейтенант.

Милиционер подбегает к машине, хватая трубку и что-то докладывает, глядя в поднебесье. Короткий и решительный разговор он завершает энергичным «Есть!», хорошо слышным с того места, где мы стоим. Девушка смотрит на меня с сомнением. Она все еще не верит в успех.

Лейтенант возвращается к «Ниве».

— Значит, на свадьбу, — повторяет он. — Счастливые люди! К самому Гоголадзе!.. Знаете, кто такой Гоголадзе? Тамада! Таких, как он, восемь во всей Грузии! Ну, может быть, десять!

Я выбрасываю козырного туза:

— Автандил — мой друг.

По-видимому, это имя в здешних местах служит чем-то вроде пароля.

— Что слышу! — ликует лейтенант. — Почему молчал, дорогой? Сразу надо было сказать. Сразу!.. Проезжай, прошу тебя! Здесь недалеко, успеешь.

— Спасибо, — благодарю, я.

— За что спасибо? Мне спасибо? — удивляется милиционер. — Тебе спасибо!

В лучших традициях кавказского гостеприимства!

— Спасибо, товарищ лейтенант! — кричит уже из кабины Ольга.

«Нива» огибает «уазик» и медленно катится по дороге. В ста метрах от поста за поворотом столкнулись два грузовика. Насколько могу судить, никто из водителей не пострадал. Тем не менее зрелище не из веселых. Спешу миновать это место. Бригада ГАИ, занятая на про-

исшествии, не чинит моему намерению никаких препятствий.

— Я должна вас поблагодарить, — говорит мне Ольга.

— За что? — искренне удивляюсь я.

— За выдумку со свадьбой. Ловко все получилось.

Минуту-другую внушительно молчу. Затем сообщаю:

— Никакая это не выдумка.

— Гоголадзе, свадьба, тамада — так не бывает! — безапелляционно заявляет она.

— Автандил Гоголадзе — мой друг. Свадьба — вполне реальное событие, которое будет иметь место нынче вечером. Между прочим, мы приглашены.

— И я тоже?

— Я вместе со своей девушкой, — уточняю я. — Если бы вы согласились стать ею на этот вечер...

— Только не обижайтесь, Олег, — после короткой паузы говорит Ольга. — Боюсь, что не смогу. Сегодня было столько всего... Я устала.

Больше к вопросу о свадьбе мы не возвращаемся. Часом позже «Нива» стоит у входа в единственную гостиницу одного маленького городка с труднопроизносимым названием. Девушка сидит в кабине. Я занял стратегически важную позицию у входа и теперь определяю, что она мне сулит. Дверь заперта. В холле никого нет. Впрочем, кроме швейцара, — вот он. Стучу, надеясь привлечь его внимание. Тщетно.

Меняю тактику, нахожу в кармане металлический рубль и телеграфирую им. Тренированный слух швейцара мгновенно реагирует на изменения в характере производимого шума. Швейцар подходит, отпирает и замирает в двери с решимостью последнего защитника Фермопильского прохода. Незамедлительно переправляю подношение ему в карман и, дабы как-то обосновать сей приступ меценатства, добавляю словесно:

— Два номера.

Не проронив ни слова, швейцар запирает дверь, направляет свои стопы в неосвещенную часть холла и возвращается с табличкой, каковую для удобства ознакомления с ней водружает на уровне глаз. На табличке надпись: «Мест нет». Отлично организована здесь информация: оперативно, доступно и, можно сказать, за чисто символическую плату.

С максимально возможной теплотой улыбаюсь этому достойному представителю местного сервиса и сбегая по лестнице

— Мест нет и не предвидится, — сообщаю я Ольге. Девушка молчит. По ее виду можно заключить, что она с самого начала была в этом уверена.

Предлагаю разбить бивуак на берегу,

— Вероятно, это не совсем удобно, — нерешительно возражает Ольга.

Полностью с ней согласен, хотя на эти самые неудобства мы смотрим, по-видимому, с разных точек зрения.

— Я лягу в машине. Для вас у меня есть палатка, — успокаиваю я девушку, — Ну, так как?

Она молчит, что-то обдумывая. Хотелось бы мне знать, что ее так озабочивает? Ужели моя возможная агрессивность?

— А, впрочем, если хотите, можем до утра простоять здесь. Место не из опасных — людно, светло... — говорю я, надеясь ускорить ее решение, каким бы оно ни оказалось.

— Я принимаю ваше предложение, — наконец объявляет Ольга таким тоном, будто речь идет не о почевке на берегу теплого моря, а по меньшей мере, в кратере действующего вулкана, и я начинаю понимать, что ее беспокоит что-то другое.

8

Свет в палатке гаснет. Тишина и темень вокруг таковы, что на ум невольно приходят мысли о конце света. Я мог бы нарушить их множеством имеющихся в моем распоряжении средств, но не делаю этого потому, что ничего не имею против мрака и тишины. Тишина обостряет слух, а в темноте иной раз удается подсмотреть такое, чего не разглядишь даже в лучах самого мощного прожектора.

«Нива», в которой расположился я, стоит на опушке каких-то зарослей. Палатка, избранная под резиденцию Ольгой, разбита на пляже в десятке метров от автомобиля. Возможно, при свете дня окрестный пейзаж и радует взор, но теперь, исполненный какой-то мрачной недоговоренности, он кажется просто зловецим.

Сон не приходит. По давней привычке призываю себя поразмыслить о чем-нибудь отвлеченном, но соседство столь очаровательной девушки оставляет этот призыв повисшим в воздухе. Думаю о конкретном. О той, которая в десятке метров отсюда, по-видимому, тоже не спит и размышляет.

Где-то далеко в стороне пролетает самолет. Волна, рожденная в десятке миль, на последнем дыхании доползает до финиша и теребит берег. В соседних зарослях хрустит ветка. Случайные ночные звуки, столь выразительно оттеняющие тишину. Впрочем, не все. Хруст повторяется, заставляя меня придать собственным мыслям иное направление. Суть их проста.

Некто движется через заросли в нашем направлении. Судя по тому, что дикий зверь в здешних местах не водится, этот самый «некто» имеет человеческий облик. Если же вспомнить сегодняшнее назойливое поведение серой «Волги» и учесть, что место и время не очень подходят для дружеского визита, остается заключить, что намерения визитера столь же мрачны, как и ночь.

На случай, если мои предположения оправдаются, принимаю необходимые меры предосторожности. Дотягиваюсь до ружья, которое предусмотрительно положено на сиденье на расстоянии вытянутой руки, кладу его рядом с собой. Нащупываю фонарик и жду.

Долго ждать не приходится. Снова хрустит ветка, вслед за этим явственно слышны шаги. Потом шаги замирают. Человек пробирается не наугад, он боится быть обнаруженным, и у него определенная цель. Самое время продемонстрировать, что мы бодрствуем и готовы к встрече.

Открываю дверцу кабины и вываливаюсь на песок. Резко вскакиваю, бросаюсь в сторону. Дерево, которое я заметил еще вечером, на месте. Укрываюсь за его могучим стволом, включаю фонарик. Луч света простреливает заросли навывлет и производит то действие, на которое я и рассчитывал. Ночной гость убегает, даже не пытаясь скрыть своего присутствия. Это все, что я хотел выяснить. Преследовать его нет смысла, да к тому же небезопасно.

Возвращаюсь к машине и с полным небрежением к моим таинственным преследователям, закуриваю. Сей вызывающий жест в достаточной степени аргументирован, ибо попытка повторного сближения вряд ли последует в ближайшую минуту. В то же время я надеюсь, что этот бесхитростный, тысячекратно испытанный прием придаст мне бодрости, ибо честно говоря, мне не по себе. Я издерган, раздосадован. Напряжение сегодняшнего дня не прошло с приходом ночи. Конечно, глупо было располагаться на ночлег в таком безлюдном месте, но тут уж, как говорится, все мы умны задним числом.

Сейчас я лягу, буду пытаться уснуть, но так и не усну. Буду вскакивать на каждый шорох и гоняться с ружьем за призраками, и, если Ольге вадумается выглянуть из палатки, она, пожалуй, решит, что я сиятил. Отлично проводите отпуск, товарищ Никитин, говорю я себе. Так и в психиатричку угодить недолго.

Ольга появляется из темноты столь неожиданно, что я вздрагиваю: на ее месте мог оказаться кто-нибудь другой. Сколь пристально мысли мои ни заняты другим, все же успеваю отметить, что выглядит девушка отменно и, по-видимому, еще не ложилась.

— Не спится, — объявляет она.

Мне тоже. Ни о чем другом моя спутница, будем надеяться, не догадывается. В тот самый момент, когда я говорю ей, что лучшее средство борьбы с бессонницей — хорошенько встряхнуться, мне приходит в голову — как.

— Встряхнуться?..

— Поехали на свадьбу! — предлагаю я.

— Вы удивительно однообразны, — вздыхает Ольга. — И потом, сейчас не самое удачное время для шуток.

Конечно, мы уедем отсюда, даже если мне придется уговаривать ее до утра. Сколько же событий может произойти до утра, если полночь еще не наступила! Гаду улыбкой нахлынувшее на меня смятение и обращаюсь к девушке со словами:

— А знаете, Оля, это ведь с самого начала не было шуткой.

9.

Ночная дорога действует на меня освежающе. Возможно, потому, что нас никто не преследует. Мелодии, льющиеся из приемника, способны взбодрить самого отъявленного скептика, к каковым, к счастью, причислить себя пока не могу. Что касается Ольги, то она забила в угол и молчит. Я не делаю никаких попыток разговаривать девушку. Мы оба понимаем, что наше поспешное бегство с побережья было продиктовано отнюдь не свадьбой, и у нас обоих есть основания это не обсуждать друг с другом.

В таком вот настроении мы приближаемся к месту действия. Искомую деревеньку можно приметить с расстояния в добрый десяток километров, а на среднем плане происходящее являет собой нечто среднее между из-

вержением Везувия и карнавалом в Рио-де-Жанейро. С небес на это буйство света радостно взирает луна в окружении сонма ликующих звезд. Люди веселятся, у людей праздник — так почему бы, черт возьми, об этом не узнать всей Вселенной и не порадоваться!

Лихо торможу у знакомого двора, и за ту минуту, по истечении которой наше прибытие станет центром всеобщего внимания, успеваю рассмотреть детали. Несмотря на поздний час, веселье в самом разгаре. Ломятся от яств накрытые во дворе столы, во главе которых я замечаю Автандила Гоголадзе. Между столами и погребом курсируют женщины с кувшинами, чье содержимое, надо полагать, покрепче газировки. Аппетитно дымится невероятных размеров мангал, способный вместить быка. Играет небольшой, но звучный оркестр национальных инструментов. Молодежь демонстрирует себя в танце, и почтенные аксакалы с воодушевлением приветствуют каждый удачный выпад.

Преисполненный скрытого достоинства, сдержанно гляжу на Ольгу — кажется, здесь кто-то сомневался? — и обнаруживаю прямо-таки разительные перемены. Девушка возбуждена. Она смеется. Ее захлестнула эта атмосфера безудержного веселья. Она выходит из машины и предлагает мне руку. Я следую за ней, успевая подумать о том, что даже такое, в целом безотрадное явление, как извержение вулкана, может содержать в себе некий положительный момент, если дело происходит холодной зимней ночью.

Появление красной «Нивы» замечено. Для опытного глаза Гоголадзе не составляет труда определить, кто перед ним. Тамада взмахом руки останавливает танцы, поднимает новобрачных, родственников, гостей и сам во главе колонны движется нам навстречу. Пораженные размахом встречи, мы несколько теряемся.

— Дорогой! Я знал, что ты приедешь! — раскрыв объятия, гудит Автандил.

Мы обнимаемся. Пока участники торжественной встречи перестраиваются в живописное полукольцо, тамада, радостно косясь в сторону Ольги, успевает шепнуть мне на ухо:

— Кто это?

Ситуация не оставляет времени на раздумья.

— Это... — начинаю я, надеясь, что некий голос свыше сподобит меня закончить фразу.

— Твоя жена! — догадывается Гоголадзе.

Ход его размышлений несложен. Эдакая прелесть может быть либо ангелом, либо супругой. Но нынче ночью в ангелов здесь не верят.

Участники этого короткого разговора столбенеют, каждый на свой лад. Я — от смущения. Почтенный тамада — от восторга. Не теряет присутствия духа лишь девушка. Она встряхивает головкой, чем приводит нашего огнеборца в состояние, близкое к экстазу, и представляется:

— Ольга.

— Добро пожаловать, дорогая Ольга! — грохочет Гоголадзе, и горы возвращают подобное обвалу эхо. — Добро пожаловать!

Он делает знак оркестру. Звучит что-то вроде марша. Чувствуя себя последним болваном, шепчу на ухо Ольге:

— Они приняли вас за мою жену. Надо исправить это недоразумение.

— Успеется, — улыбается она.

Улыбка адресуется всем, и каждый без зазрения совести относит ее на свой счет. В рядах лихих джигитов наблюдается массовое подкручивание усов. Два-три экземпляра покрупнее теснят своих соседей, занимая выигрышные позиции.

Тамада жестом останавливает музыкантов и приступает к представлению участников событий.

— Наши новобрачные. Посмотри, какие красавцы!

Действительно красавцы! Известный на всю Грузию живописец стресен, как утес, и гибок, как лоза. Румянец на щеках известной на всю Грузию часовода подобен розе на заснеженном склоне Эльбруса. Я жму руку жемуху. Ольга обнимает невесту.

— Поздравляем!

— Спасибо! Спасибо, что приехали.

— Нателла, Софико, Сулико, Георгий, Зураб, Гогя, Эллочка, Григорий, дедушка Шота, Тамара, Шалва, Гиви, Кахи и маленький Самвельчик, — называет тамада.

Жму чьи-то руки, похлопываю по чьим-то плечам, меня целует какая-то игривая молодка.

— Очень приятно.

— Очень...

— ...приятно!

— Очень!..

Раздвинув толпу, на передний план выдвигается толстый краснощекий молодец с усами в пол-лица, не упомянутый в вышеприведенном списке.

— Тариэл, — рекомендует молодца Гоголадзе. — По-русски не говорит, но очень хороший человек!

— Олег.

— Ольга.

Усач что-то бормочет, пунцовея до крайней степени. Держу пари, что его монолог адресован моей «женушке».

— Он говорит, что мой друг и гость — очень счастливый человек. Очень! — переводит Гоголадзе. — Он говорит, что жена моего друга и гостя — луна в небе. Между прочим, это самые высокие слова, какие мужчина может сказать женщине, — доверительно сообщает он Ольге.

Про себя добавляю: только не в присутствии мужа.

Нас приглашают к столу.

— Вы не находите, что тирада этого Тариэла даже в переводе звучит несколько вызывающе? — говорю я Ольге.

— А вы не волнуйтесь, — с достоинством отвечает девушка. — Я вам все-таки не жена. Кстати, Олег, — голос ее теплеет, — спасибо за то, что привезли меня сюда.

Мимолетно и как бы случайно Ольга касается моей руки, и этот жест примиряет меня с обществом вызывающих молодых людей, которые так и кишат поблизости.

Нас усаживают на почетные места рядом с новобрачными, и мы присоединяемся ко всеобщему молчанию, предваряющему тост тамады. Используя эту короткую паузу, чтобы приглядеться к собравшимся. Ничье лицо не привлекает внимания, а моя хваленая интуиция на сей раз безмолвствует. Сколь высоко ни оценивай здешнее гостеприимство, вряд ли стоит предполагать, что пассажиры «Волги» весь день донимали нас с единственной целью завлечь на свадьбу.

Убедившись, что тишина достигла нужной кондиции, Гоголадзе обводит присутствующих добрым взглядом и начинает:

— Для чего на свете живет человек? Ради богатства? Нет! Ради славы? Слава — пустой звук, если в жизни не было ничего, кроме славы. Ради того, чтобы дожить до ста пятидесяти лет и сказать: «Смотрите, люди, я самый старый среди вас»? Мне жаль такого человека. (Прадедушка невесты: «Правильно!»). Я хочу вам напомнить замечательные слова великого поэта:

Мало толку, если горе несчастливому снедает,
До назначенного срока человек не умирает.

Роза, солнца ожидая, по три дня не умирает.
Смелость, счастье и победа — вот что смертным
подобает!

(Оживление в зале).

Тамада поднимает свой бокал, глаза его сверкают, голос гремит:

— Давайте же в этот большой для новобрачных и для всех вас день выпьем за то, чтобы каждый из нас жил на земле столько, сколько ему положено, чтобы хорошо делал свое дело, чтобы радовался, глядя на детей, внуков и правнуков, и чтобы всегда были с нами мир, счастье и любовь! За вас, дорогие! (Возгласы одобрения.)

Воздаю должное ораторскому искусству моего друга и намереваюсь воздать должное вину. Чокаюсь с Ольгой.

— За тебя, дорогая!

— За тебя, дорогой! — отвечает она бесцветным голо-
сом, как и подобает примерной супруге.

Вино превосходно. Впрочем, человек, расположившийся напротив, на сей счет, по-видимому, иного мнения, ибо к бокалу он так и не притронулся. Он сидит и не сводит печальных глаз с Ольги. Это — небезызвестный Тариэл.

— Почему он все время на меня смотрит? — шепчет мне девушка.

— Вы ему нравитесь, — говорю я.

И тут же мне в голову приходит, что возможна и другая причина столь пристального внимания. Об этом я, естественно, умалчиваю.

— Ты, — поправляет она.

— Ты, — повторяю я.

Иной раз и малопочтенная роль эха не лишена приятности.

— Но ведь я замужем, — резонно замечает она, возвращая меня к интересующей ее теме.

— Разве это препятствие для мужчины?

— «Луна в небе»... Такие слова женщины помнят до гробовой доски. А он симпатичный, правда?

Стоит мужчине выдать «на гора» какой-нибудь дурацкий комплимент, и он уже симпатичный.

— Если бы он понимал по-русски, у него бы сразу улучшилось настроение, — говорю я.

Настроение у нашего визави не меняется, тем не менее мне кажется, что его способности к языкам Гоголадзе несколько приуменьшил.

Появляется тамада, делает знак рукой. К нам спешит веселая старуха с кувшином и краснощекий толстяк с двумя рапирами шашлыков. Автандил с поклоном преподносит нам по рапире и, заговорщически подмигнув мне, интересуется:

— Узнаешь?

— Неужели?..

— Он самый — наш бывший попутчик. Высший сорт! Ешьте, пейте, гости дорогие! У нас на свадьбе быть голодным и трезвым не полагается!

...Поздно ночью, когда самые стойкие еще сидят за столом и еще звучит песня, тамада провожает нас на ночлег. Открывает дверь, пропускает нас в какую-то комнату и говорит:

— Вам здесь будет хорошо. Отдыхайте. Пойду скажу этим головорезам, чтоб не шумели.

Осенив «чету» Никитиных улыбкой, Гоголадзе выходит. Мы остаемся вдвоем. Осматриваемся. Комната небольшая, интерьер выдержан в национальном стиле, стены покрывают ковры. Кровать, как и следовало ожидать, одна. Пауза затягивается. Молчание становится неловким.

— Вот они, последствия фиктивного брака в лучшем виде, — бормочу я.

Ольга молчит. Судя по всему, выход из создавшегося положения следует искать мне. Эти поиски не затягиваются, хотя и стоят определенной внутренней борьбы с самим собой.

— Ну, вот что... Оставайся здесь, — решаю я. — Я переночую в машине.

— Не надо в машине! — поспешно восклицает девушка.

— Почему? — задаю я естественный в этой ситуации вопрос.

— Ну, в общем... — Ольга лихорадочно ищет ответ и, наконец, находит: — Нас могут неправильно понять. Хозяева так старались! Думаешь, легко разместить такое количество гостей?

— Я так не думаю, поэтому и исчезаю, — заявляю я. — И вот что, Оля... После того, как я уйду, хорошенько запри окно и дверь.

— Боишься, что украдут? — вымученно улыбается девушка.

— Боюсь, — отвечаю я, что в определенной степени соответствует действительности.

После того как я дал все необходимые указания, мое присутствие в данной географической точке становится необязательным. Направляюсь к двери.

— Олег! — останавливает меня девушка.

Оглядываюсь, у меня нет никаких сомнений: она боится за меня, но объяснить причину своих опасений не решается. Что ж, подождем.

— Спокойной ночи, — говорю я.

— Спокойной ночи, — шепчет Ольга.

Оставив ее наедине со своими страхами и сомнениями, обхожу дом и, укрывшись в темноте, какое-то время наблюдаю за заветным окном. Вопреки моим советам, девушка не заперла его на засов, а, наоборот, распахнула настежь. Выключив свет, она замирает у окна. Оставляю свой пост и следую дальше. Здесь пока все.

Свадьба сходит на нет. У столов еще суетятся какие-то личности, но вряд ли они способны соображать, что происходит в окружающем мире. В поисках пристанища оглядываю двор. Мое внимание привлекает стог, стоящий у забора. Стратегические достоинства этой позиции очевидны. С вершины стога отлично просматривается двор и, что немаловажно, — улица.

В следующее мгновение занимаю сей опорный пункт, надеясь, что никто этого не заметил. Сено оглушительно пахнет. Запахи навевают фривольные мысли о сне. Дабы отогнать от себя сон, выдергиваю пук травы и энергично растираю щеки и лоб. На время это помогает. Во дворе и на улице не происходит ничего, заслуживающего внимания, и меня начинает снова клонить ко сну. В этот самый момент у «Нивы» возникает какая-то фигура. Это не подвыпивший прохожий и не подгулявший гость, интересующийся новинками отечественного автомобилестроения. Появление этого человека здесь не случайно.

Осторожно обойдя автомобиль, фигура делает попытку нырнуть под капот. Забыв о сне, с интересом слежу за развитием событий. Тут же выясняется, что этим заняты не я один. Кто-то из-за стола, где, по-видимому, крайне нуждаются в свежих силах, зовет:

— Эй, дорогой! Куда полез? Иди сюда! Вышьем!

Неизвестный выбирается из-под машины и поспешно исчезает в темноте.

— Куда ты, генацвале? — удивляется приглашавший.

Вопрос остается без ответа. В следующие часы моя «Нива» не привлекает ничьего внимания. Рассвет уже золотит близкие вершины гор, когда я, убедившись, что

наиболее стойкие из гостей вознамерились пировать до утра, позволяю себе уснуть. Мой сон желанен и легок. Мне снится, что я летаю. Это, помимо всего прочего, означает, что дело, которому я посвятил трудный день, удалось.

10

Утро. С гор тянет свежестью. Отчетливо слышен шум перебранки: гортанные крики женщины и размеренные методичные, как удары молота, короткие контрдоводы мужчины. Где-то по соседству допочут куры. Разгребаю сено и выбираюсь наружу. Обозреваю пустынный в этот час двор и столь же пустынную улицу. Едва заметно дымит очаг. Во главе стога мирно похрапывает тамада.

Сползаю со стога. Делаю несколько энергичных движений, стряхивая с себя сон. Подхожу к машине. Все, что меня интересует, на месте.

Мой следующий маршрут — к двери, за которой спит Ольга. Совершенно неожиданно для себя обнаруживаю дверь открытой. Стучу, потом вхожу. Девушки нет...

Возвращаюсь во двор. Мое первое побуждение — броситься к спящему Гоголадзе. Впрочем, и тут же останавливаю себя. Мой друг во все бы со мной столь мертвно, емейся в наличии причтем, помыслившие на его сон, к каковому, без сомнения, можно отнести несомненно Ольгу. Прислонившись к забору, приготовился закурить и хорошенько все обдумать.

С улицы доносится шум метора. Переламываю в кулаке сигарету и огораживаю ее в сторону. Из разрывов утреннего тумана слышатся лошади и всадник. Лошадь серая, в яблоках. Всадник, точнее, всадница — Ольга. Картина, которая открывается моему взору, способна восхитить даже человека с воображением нил, но сейчас мне не до восторгов.

Девушка останавливается у калитки и лихо спрыгивает с лошади.

— Ой, как здорово! — запыхавшись, говорит она. — Просто чудо какое-то! Это все Таризэл. Я не могла отказаться, правда!

Кому еще могла прийти в голову идея этой романтической прогулки с чужой женой, как не герою Руставели! Я отворачиваюсь к забору, не без тревоги обнаруживая, что чувства, меня обуревающие, совсем не те, како-

вые пристало испытывать автопутешественнику к своей случайной попутчице. Они совсем иного толка.

Ольга приближается, кладет мне руку на плечо.

— Олег, милый, прости! Я заставила тебя волноваться...

Оборачиваюсь и интересуюсь как можно безразличнее:

— С чего ты взяла?

С этого момента наш разговор мог бы пойти по одному, интересующему меня направлению, но его прерывает Тариэл. Способность этого человека появляться некстати поразительна. По-видимому, всадник из него неважный, ибо передвигаться он предпочитает за рулем открытого «уазика». Сказал бы я ему, да жаль, он не понимает по-русски.

— Спасибо, Тариэл! — кричит девушка.

Тариэл что-то бормочет по-грузински. Потом отъезжает. Лошадь послушно следует за ним.

Говорю, что намерен продолжать путь. Ольга покорно соглашается. Мы уже собрались и сидим в машине, когда перед нами вырастает всклокоченный тамада. Широко разведя руки, он преграждает нам путь и обиженно возопляет:

— Куда?!

Приходится выйти и объясниться.

— Автандил, нам пора ехать, — говорю я.

— Нет, нет и еще раз нет! — решительно заявляет Гоголадзе. — У нас так не полагается! Что за гости, слушай? Приехали последними — уезжают первыми. Передо мной не стыдно? Хорошо. А перед молодыми? Что я им скажу?

— Мы хотели проститься, но они спят, — объясняет Ольга.

— И пусть спят. Пусть! — восклицает тамада. — Такой ночи, как эта, в их жизни больше не будет. А когда проснутся, мы сядем за стол и выпьем за моего друга Олега Никитина, выдающегося автомобилиста, знаменитого путешественника, главу замечательной семьи, мужа красавицы жены и престо очень хорошего человека!

Достигнув пределов своего красноречия, Гоголадзе умолкает. В самом деле, что тут можно добавить?

Смущенный развернутой передо мной картиной, молчу и я. Молчу недолго, чтобы меня не заподозрили в самлюбовании.

— И все-таки нам пора ехать, — говорю я.

Ну что ж... — Тамада расстраивается до последней возможности, но потом лицо его озаряет улыбка: — Если очень надо... «Мудрецу (помнишь, да?) торопиться не пристало. Поступать он так обязан, чтоб душа не горевала!» Поезжай. В мире много разных дорог. Но самая широкая и самая прямая — всего одна. Хороший человек всегда идет по этой дороге, а значит, обязательно встретит другого человека. Я думаю, еще увидимся. Прощай!

— Ну, почему «прощай», Автандил? — восклицает Ольга. — До свидания!

— Правильно говоришь, душа! — цветет Гоголадзе. — До свидания! До скорого и радостного свидания!

Мы обнимаемся. Тамада прощается с Ольгой. Сажусь за руль. Девушка располагается рядом, удаляется фигурка однофамильца великого поэта, пожарника и тамады Автандила Гоголадзе. Он стоит и машет рукой до тех пор, пока его не скрывает поворот, но я уверен, что он еще долго не сходит с места.

11

Резко давлю на тормоз. Нас швыряет вперед, но ремни безопасности амортизируют рывок.

— Прости, — коротко бросаю я девушке. Объяснения потом.

Выбираюсь из кабины, опускаюсь на корточки и поднимаю невесть как сюда попавшего, едва оперившегося птенца. Моя радость двойного действия: я спас живое существо и еще раз убедился в безотказности своей реакции.

Подходит Ольга.

— Боже, как ты меня напугал! — признается она.

Кладу птенца ей на ладонь.

— Какой хорошенький! — восхищается девушка.

Процесс любования продолжается минуты полторы, после чего Ольга решительно заявляет:

— Надо что-то делать! А вдруг это будущий орел?

— Ну, не совсем орел... — говорю я, глядя на двух пташек, закладывающих у нас над головами сумасшедшие виражи. — Дай-ка его мне.

— Что ты надумал? — интересуется Ольга.

— Песажу этого молодца на какое-нибудь подходящее дерево и препоручу предкам. Вон там, видишь?

— Держи. — Девушка передает мне птенца. — Только, пожалуйста, осторожно.

— Это ты обо мне или о нем? — интересуюсь я.

— О вас обоих.

Лезу на ближайшее дерево и пристраиваю беглеца в углубление между ветвями.

— Привет, дурашка, — говорю я ему и спрыгиваю вниз.

Какое-то время мы прогуливаемся вдоль шоссе, ожидая, пока родители заметят своего беспутного отпрыска. Судя по их реакции, в ближайшие несколько минут семейству суждено соединиться.

— Скажи, Олег, ты добрый? — неожиданно спрашивает девушка.

Вот так вопрос!

— Ты что же, задалась целью поставить меня в тупик? — говорю я, надеясь выиграть время для более достойного ответа.

Но Ольгу, похоже, в данный момент не занимает мое смущение.

— Добрый, — сама же и отвечает она. — Ты хороший и добрый человек.

Выглядит это так, будто кто-то ей не бог весть что обо мне порассказал, а она возьми и убедись в обратном.

— До сих пор мне казалось, что говорить комплименты — привилегия мужчин, — бормочу я.

— От вас дождешься... — улыбается девушка. И тут же становится серьезной: — Это не комплимент. Я же вижу...

Наш содержательный диалог мы продолжаем на ближайшем пляже. Мы только что искупались и теперь лежим на песке лицом к лицу на расстоянии вдоха. Кроме нас здесь — несколько человек, что дает мне право считать берег пустынным.

— Скажи... — говорит девушка.

— Да?..

— Могло так случиться, что ты поехал бы в другое место?

— Наверное, — бездумно отвечаю я.

— Куда, например?

— Разве это имеет значение?

— Имеет. И так, куда же?

Похоже на допрос, но я не придаю этому никакого значения. Мне хорошо. А когда мне хорошо, я не ищу скрытого смысла в происходящем.

— Мне не хочется отвечать, — признаюсь я.

— Это почему же? — деланно сердится Ольга.

— Потому что мне не хочется говорить.

— А почему тебе не хочется говорить?

— Потому что мне хорошо, — отвечаю я и закрываю глаза.

Тема исчерпана.

— И все-таки ответ, — теревит меня девушка.

Что ни говори, твердолобый экземпляр ей попался. Любой другой на моем месте давно бы уже дал соответствующие показания.

— Ну, ладно, ладно... О чем ты?

— Господи, какая забывчивость! — возмущается Ольга. — Я спросила, куда бы ты отправился, если бы не поехал сюда?

— Куда бы, если не сюда... — мямлю я. Получается что-то вроде рефрена. — Слушай, скажи, наконец, какое это имеет значение?

— Просто, если бы ты поехал в другое место, мы бы не встретились, — смущенно лепечет Ольга.

На такие перегрузки я не рассчитывал. Пора снимать напряжение.

— Вот оно что!.. Так знай же, прекрасная незнакомка, что, всем своим существом предчувствуя встречу с тобой, я не поехал в Ялту, — говорю я тоном опытного ловеласа.

— А зря! — неожиданно вырывается у девушки.

Если память не изменяет, это — третье по счету предупреждение, сделанное как бы певничай. Трехкратное повторение, насколько мне известно, возводит любое событие в ранг закономерности. Отмечаю это обстоятельство про себя, наперед зная, что оно не повлияет на ход нашей беседы. Не должно повлиять, во всяком случае.

— Вот и я думаю, что зря, — вадыхаю я. — Собираюсь отдохнуть от неудачного романа, клялся не повторять ошибок прежних дней... И надо же, недели не прошло — завожу новый.

— Ну и нахал! — возмущается Ольга.

— Значит, я нахал! — Я приподнимаюсь и сажусь на песок. — Граждане судьи, давайте разберемся, кто же я все-таки такой? Нахал или добрый человек пополам с хорошим?

— И то, и другое, и третье — вот ты кто! — смеется Ольга.

— И еще четвертое, пятое, шестое, седьмое и так далее, — подхватываю я. — Всего тридцать три пункта, из коих три характеризуют положительные стороны моего

характера, а остальные тринадцать — крайне непривлекательны для окружающих. Граждане судьбы, я удовлетворен!

Я растягиваюсь на песке. Какое-то время мы молчим. Мне есть о чем помолчать. Надо думать, и Ольге тоже.

— А в Москве сейчас дождь, сыро и холодно, — вторгается в паузу девушка.

— Откуда ты знаешь? — интересуюсь я, как бы между прочим.

— Знаю, — уклончиво отвечает она. — Я люблю тепло. Здесь его так много и почти круглый год солнце.

Логический вывод из ее последнего заявления делает честь моим умственным способностям.

— Тебе надо жить здесь, — говорю я.

— Именно это мне недавно и предложили.

— Да? Если не секрет, кто же?

— Один тип.

— Ну, а ты?

— Отказалась, — отвечает Ольга, подумав. — Самоуверенность и заносчивость не смогут компенсировать даже триста шестьдесят пять солнечных дней в году.

— Ты поступила правильно, — констатирую я.

Ольга задумчиво смотрит на воду. Ветер развел волну. Волна баюкает отражение солнца, катит его к берегу.

— Слушай, Олег, в Воркуте тоже есть солнце? — неожиданно спрашивает девушка.

Свою трудовую деятельность Олег Никитин действительно начинал в тех краях, но я что-то не припомню, чтобы эту тему мы обсуждали с Ольгой. А впрочем...

— Всюду есть солнце, — говорю я. — Только там, на Севере, оно другое. Представляешь, несколько месяцев его нет совсем. Ночь, темень, мороз, пурга... Бр-р!.. И вот в один из дней краешек солнечного диска впервые показывается из-за горизонта. Это как чудо!.. Люди просто сходят с ума от счастья!

Воистину маршруты женской логики невозможно предугадать. От продолжительности светового дня в Заполярье мы переходим к моей жизненной неустроенности.

— Я кочевой человек, Оленька, — объясняю я причину своего одиночества. — Женщины отдают предпочтение мужчинам оседлым.

— И что же, не пытался?

— Ну, почему же... Правда, давно. Потом понял всю безнадежность этой затеи. Вот тогда я и дал слово: не

брать никаких обязательств и не требовать, чтобы это делали другие. По крайней мере, честно...

— Зачем ты на себя наговариваешь? — укоризненно спрашивает девушка.

— Это не наговоры. Это правда. Как видишь, я не ставлю целью тебе понравиться.

— А почему ты решил, что нравишься мне?

Вам слово, мистер Ловелас!

— Да я просто в этом уверен!

Продолжительная пауза в оркестре.

— Самое странное, что так оно и есть... — растерянно улыбается Ольга.

Как ты на это отреагируешь? Что ни скажи, все прозвучит банально. Самое лучшее в моем положении — молчать, что я и делаю. Набрав песок в ладонь, пропускаю его сквозь пальцы и смотрю поверх головы девушки, туда, где еще час назад заметил на обрыве двух молодых, усердно разглядывающих морскую ширь. В моем тщательно подобранном багаже есть бинокль, с помощью которого я мог бы поближе разглядеть эту компанию. Но, во-первых, мне не хочется тревожить девушку, а во-вторых, я знаю, что у них тоже есть бинокль.

12

Ресторан расположен в живописном ущелье и, судя по обилию машин, заполнивших стоянку, пользуется популярностью. Не без труда нахожу свободное место и с трудом втискиваюсь между серебристой экспортной «Ладой» и голубым «форд-капри». В окружении элегантных экипажей моя «Нива» смотрится, как тудяга-тяжеловоз в обществе племенных рысаков, но нам с ней это как-то все равно. Среди транспортных средств, дожидаящихся своих хозяев, мы с ней заметили три серых «Волги».

У входа в ресторан встречает улыбчивый мужчина в смокинге.

— Добрый вечер, — с любезностью, превосходящей дежурную, приветствует он. — Николайшвили, метрдотель. Добро пожаловать в наш ресторан!

Жалуем. Метрдотель пропускает меня с Ольгой вперед, а сам услужливо семенит следом.

— Издалека к нам прибыли? — интересуется он.

— Издалека, — не устаивая метрдотеля поворотом головы, бросает девушка.

В атмосфере фешенебельного ресторана она чувствует себя столь же уверенно, как и на трассе нашего ралли. Ее появление уже привлекло внимание лиц мужского пола, занимающих ближайшие столики.

— Одесса? Ростов? Черновцы? — предполагает провожатый.

— Москва, — говорю я.

Услышав, что гости не принадлежат к жителям городов, которые он ставит выше столицы, метрдотель скидает.

— Москвичи? Замечательно, — уже без улыбки произносит он. Говорит подоспевшему официанту: — Проведи наших гостей к столику номер три. — И исчезает.

У него обнаружилось срочные дела в противоположном конце зала.

Вечер у столика номер три начинается с небольшой заминки. Я усаживаюсь лицом к окну. Усаживаюсь преднамеренно: у меня перед глазами — автостоянка и входная дверь. Ольга устраивается напротив. Пока я беседую с официантом, она с отсутствующим видом разглядывает зал. Закончив переговоры, обнаруживаю ее обеспокоенной. Интересуюсь в чем дело.

— Дует, — жалобно отвечает девушка.

У меня есть основания заподозрить иную причину ее нервозности, но факт сквозняка — валидо. Предлагаю поменяться местами, на что моя спутница с готовностью соглашается. Теперь, когда я лишен возможности созерцать столь важные объекты, у меня появляется дополнительная причина бросить взгляд на скопище автотехники, расположенное по соседству. Встаю.

— Куда ты? — спрашивает Ольга.

Говорю, что хочу переставить машину. На стоянке сутолока, скоро стемнеет, кто-то будет выезжать — заденет. Одним словом, нормальное беспокойство нормального автомобилиста.

Объяснение ее удовлетворяет.

— Только скорее. Ладно? — просит девушка.

Умение держать себя в руках у нее, если можно так выразиться, непрофессиональное, и, когда она плохо владеет собой, она переживает. Это заметно. Не очень, но заметно. Конечно же, она тоже видела серые «Волги».

Покидаю ресторан и провожу рекогносцировку местности. Интересующие меня автомобили — на прежних местах. Номера у всех трех — местные, и один из них кажется мне знакомым. Мне приходит на ум обсудить это

обстоятельство с кем-нибудь из персонала заведения: своих тут, без сомнения, знают. Верчу головой в поисках подходящего собеседника и обнаруживаю дремлющего у входа швейцара. Это то, что мне нужно. Иду на сближение и, когда последнее по моим расчетам достигнуто, лезу в карман за сигаретами.

— Закуривайте! — предлагаю я швейцару.

Незамысловато, но вполне подходит в качестве заправки.

Швейцар открывает глаза и рассматривает сначала протягиваемую ему пачку «Примц», потом обладателя столь редкостных сигарет. Признав во мне ходока из дальних мест и не усмотрев в моих действиях ничего предосудительного, он принимает вызов.

— Лучше моих, — говорит швейцар и извлекает на свет пачку «Пэлл Мэлл».

И я понимаю, что ответы на мои вопросы будут стоить недешево.

Мы закуриваем и еще несколько мгновений молча обзираем друг друга, внося в свои выводы последние коррективы.

— Значит, Габуния уже здесь? — говорю я, указывая на серую «Волгу», стоящую к нам ближе других. — Как это я не заметил?

— Какой Габуния? — лениво любопытствует швейцар.

— Мой приятель из Тбилиси. Это его машина.

— Пойдем, — предлагает швейцар, одарив меня взглядом, исполненным сочувствия.

Я жду от него слов, а он намерен вовлечь меня в действие. Любопытно — какое?

Мы подходим к заинтересовавшей меня машине. Швейцар достает из кармана ключи на пикантном брелке, открывает дверцу «Волги», опускается на переднее сиденье и приглашает меня расположиться рядом.

— Садись, дорогой, — говорит он. — Это моя машина.

Тем временем в ресторане происходит один незначительный инцидент, который, протекая он на моих глазах, заставил бы последующие события развернуться по-иному. Но я, хоть и нахожусь в каких-нибудь ста метрах, выключен из игры.

За столиком в дальнем углу некто в джинсовой куртке рассчитывается с официантом. Уплатив по счету, человек встает и направляется к выходу. Он спешит, у него нет желания быть узанным. У самой двери «джинсо-

вая куртка» вынужден уступить дорогу официанту с нагруженным подносом, и этого полуоборота достаточно для того, чтобы Ольга, нелюбопытно переводя взгляд с одного предмета интерьера на другой, увидела его лицо. Девушка вздрагивает. Она, без сомнения, знает этого человека.

Выйдя из ресторана, «джинсовая куртка» оказывается передо мной на расстоянии прямой видимости, но мой взгляд в его сторону расфокусирован: я отвлечен беседой со швейцаром. К тому же на стороне незнакомца сгущающиеся сумерки. Он сворачивает влево и сосредоточенно исчезает со сцены.

— Ну, значит, машина моего приятеля вон та, — говорю я.

— Это машина товарища Мачаидзе, — объясняет швейцар.

Держу пари, он уже смекнул, что никакого приятеля нет и в помине.

— Мачаидзе? Футболиста?

— Он не футболист, нет. Большой человек!

— Тогда третья, — простецки продолжаю я. — Мой приятель никогда не опаздывает.

Швейцар хитро щурит на меня свои белесые глаза.

— Интересуетесь, да? — с намеком спрашивает он.

Все понятно, как надо. Нащупываю в кармане некую шуршащую бумаженцию и переправляю ее в ладонь швейцару. Он зажимает купюру и рассматривает кулак с прозорливостью рентгеновской установки.

— К нам много людей приезжают, — наконец говорит он. — Это машина моя. Заработанная честным трудом!.. Вон та — товарища Мачаидзе. А чья третья — я не знаю.

Переставляю «Ниву», уступаю дорогу какому-то дикому мотоциклисту, с ревом стартующему из ближайших кустов, и возвращаюсь в ресторан. Здесь оживленно. Какой-то подвыпивший верзила схватил Ольгу за руку и тянет танцевать, девушка отбивается, но вырваться из объятий эдакого «экскаватора» ей не по силам. Как водится, за развитием событий заинтересованно следит весь зал, но никто не вмешивается.

— Олег! Олег! — завидев меня, кричит девушка.

На хорошей спринтерской скорости срываю ленточку и вклиниваюсь между Ольгой и верзилой. У меня большие сомнения по поводу того, понимает ли этот мелкок с песком доступный нам язык, но я, как можно громче и внятнее, все же советую ему идти своей дорогой.

— А это кто такой? — удивляется звезда танцевального вечера.

Не успеваю представиться. Несильный, но достаточно ощутимый толчок отбрасывает меня в сторону. В зале воцаряется тишина. Прижавшись к стене, испуганно следит за развитием событий Ольга. Сейчас у меня нет времени ее успокаивать.

Снова подхожу к верзиле и возобновляю переговоры. Я мог бы уложить его с одного удара, но два обстоятельства мешают мне это сделать незамедлительно. Во-первых, важно, чтобы в последующем за всем этим в милицеском протоколе было отмечено: драку начал не я. А во-вторых, нелишне было бы знать, какими силами, кроме этого монстра, располагают нападающие, если таковые имеются в наличии.

Верзила на уговоры не поддается. Он ударяет правой. Эффектным этот удар кажется только из последних рядов партера, ибо я успеваю увернуться, и размером с хороший кулак кирпич со свистом пронесится в миллиметре от моего лица, навевая приятную прохладу. Слышу, как кричит Ольга. «Экскаватор» разворачивается для второй попытки. Напоследок еще раз гляжу в тупое ухмыляющееся лицо незнакомого мне человека и в следующую секунду многократно выверенным ударом отправляю его в нокаут. До счета «шесть» верзила еще стоит, как бы в ожидании аплодисментов, потом тяжело рушится на пол. Занавес!

Зал, до того молчавший, взрывается. Слышатся негодующие крики. Официанты ожили и решительно бросаются к месту действия. Ольга опережает их и преграждает путь, надеясь меня защитить. А в двери, неумолимый и грозный, уже вырастает милицеский наряд.

13

Пока меня, Ольгу и находящегося в блаженном состоянии тихого лада со всем миром верзилу опрашивают в районном отделении милиции, в переговорном пункте местного узла связи происходит заслуживающие внимания события. Из кабины номер «четыре» некий молодой человек ведет со своим абонентом следующий диалог.

Абонент: — Слушаю.

Молодой человек: — Это я.

Абонент: — Да?

Молодой человек: — Мы не можем войти с ним в контакт. Он возит с собой какую-то девочку.

Продолжительная пауза.

Молодой человек: — Вы слышите?

Абонент: — Да.

Молодой человек: — Что делать?

Абонент: — Изолируйте ее. Я жду до завтра.

Молодой человек: — Да, но...

В трубке сигнал отбоя. Короткие гудки.

Молодой человек покидает переговорный пункт, садится за руль серой «Волги» и уезжает. Минуту спустя к телефонистке обращается еще один молодой и решительно настроенный человек. Выдернув из нагрудного кармана рубашки краешек удостоверения, он называет свое звание и место работы.

— Слушаю вас, — испуганно произносит телефонистка.

Обладатель удостоверения задает ей один-единственный вопрос.

— Куда и по какому номеру только что звонили из четвертой кабинки?

14

Наш лагерь мы опять разбиваем на берегу: никаких возражений со стороны Ольги на этот счет не поступает. Пейзаж не отличается разнообразием: те же заросли, тот же пляж. Я возмусь с палаткой. Девушка стоит у воды и смотрит в темноту. Любопытно, что она там увидела?

— Вот теперь это похоже на отдых, — говорю я. — Ресторан, драка, милиция... И все думал, чего не хватает в моей жизни? Теперь ясно: в ней не хватало приключений!

— Перестань! — обрывает меня Ольга.

Поднимаюсь и подхожу к ней. Обнимаю за плечи.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

— Ничего. — Девушка отстраняется.

— Может, тебе не нравится здесь? Давай поедем в Крым, — предлагаю я. — Завтра к вечеру будем в Ялте.

— Ах, оставь!..

Ольга нервничает и на сей раз не пытается этого скрыть. Последующие попытки убедить ее, что все худшее позади, ни к чему не приводят. А может, я не очень доказателен, ибо сам в это не верю?

— Тебе надо отдохнуть, — мягко заключаю я. — Сегодняшний день был трудным.

То, что я думаю в этой связи о дне завтрашнем, остается при мне.

Часом позже Ольга, как доброе привидение, возникает у «Нивы», в кабине которой несет свою нелегкую ночную вахту некто О. М. Никитин.

— Оля? — неуверенно предполагаю я, отнюдь не потому, что не верю своим глазам.

Девушка открывает дверку и в течение шестнадцати ударов моего гулко бухающего сердца молчит, глядя куда-то в сторону.

— Я боюсь, — наконец произносит она.

— Кого? — спрашиваю я, хотя правильнее было бы спросить «за кого?».

Вместо ответа слышу рыдания Ольги. В следующее мгновение на меня обрушиваются ее волосы, ее руки, ее губы, и под этим несокрушимым натиском я непрестительно поспешно забываю о том, что намеревался бдиль до утра и непременно изловить двух мрачных шутников, разъезжающих в автомобиле панихидного цвета, окажись они где-нибудь поблизости...

Утро свежо и чисто; все выметено до последней соринки и вымыто до головокружительной синевы. Солнце трезвонит во все колокола. Ветер гонит по поверхности залива заливчатские волны. Избыток сил распирает мою хорошо развитую грудь. Хочется делать что-нибудь значительное: ломать скалы, нырнуть на дно и гарпунить кровожадных акул, впрячься в плуг и лопатить склоны окрестных гор. Однако здравый смысл пресекает все эти намерения в зародыше. Кровожадные акулы в Черном море не водятся, склоны давно уже возделаны под виноградники, а за попытку ломать заповедные скалы можно, чего доброго, угодить за решетку. Материализую свой приступ энтузиазма в нечто, менее значительное, но более полезное: решаю заглянуть в двигатель, чего, кстати, не делал последние несколько дней. Хорошая сигарета и незатейливые пассажи какого-то кандидата в пианисты-виртуозы, звучащие из приемника, приятно разнообразят мою деятельность.

Из палатки появляется Ольга. Она — в полном сборе. В руках у нее сумка.

— Я ухожу, — объявляет девушка.

Сухо, конкретно и оглушительно неожиданно. Насколько я понимаю, это более чем странное реше-

ние окончательно и бесповоротно, уговоры бессмысленны.

Отбрасываю сигарету, выпрямляюсь, вытираю руки ветошью и, как и подобает мужчине, молча и сдержанно гляжу на Ольгу. Истины ради следует добавить, что на карту поставлено все мое самообладание.

— Обещай выполнить одну мою просьбу, — говорит Ольга.

Молчу, ничего не обещая и — во всяком случае внешне — не выражая ни малейшего желания узнать, что это за просьба.

— Не смотри на меня так! — взмаливается девушка.

— Слушаю. — Я не делаю при этом никаких попыток смягчить выражение лица и голоса. Что решено, то решено, и basta!

— Уезжай отсюда. Сегодня же! — поспешно, будто ей не дадут высказаться, кричит Ольга. — В Крым, в Ялту — ты же хотел... А лучше всего, возвращайся в Москву... И не иди за мной. Пожалуйста!

Предупреждение четвертое, сделанное открытым текстом, и, судя по всему, последнее.

Девушка подхватывает сумку и исчезает в прибрежных зарослях.

Два обстоятельства мешают мне последовать за нею немедленно. Первое — чисто теоретического плана, оно называется «мужская гордость». Второе более конкретно. Мой верный друг и помощник небоеготовен, а «Нива», насколько я разбираюсь в ситуации, может понадобиться с минуты на минуту.

Пока я лихорадочно расставляю на места гайки и, превосходя все нормативы, закручиваю винты, Ольга углубляется в заросли, идет, не разбирая дороги. Она плачет взахлеб, будто навсегда прощается с близким ей человеком, что само по себе не так уж и далеко от истины. Поначалу серая «Волга», абстрактным пятном возникшая впереди, не воспринимается девушкой, но уже через несколько шагов она начинает понимать, что перед ней, и усилием воли заставляет себя унять рыдания. Попытка остаться не замеченной на таком расстоянии лишена смысла, или ей это просто не приходит в голову. Ольга подходит к машине и видит: дверца открыта, внутри никого нет. Она оглядывается: впереди стоит и смотрит в сторону моря какой-то человек.

Девушка делает несколько осторожных шагов к берегу, хочет предупредить меня, но в это время на нее

набрасывается некто, неслышно приблизившийся сзади.

Ольга пытается вырваться, громко кричит:

— Олег! Оле...

Повторное упоминание моего имени прерывает тяжелый удар. Свет меркнет. Безжизненное тело девушки сползает на землю.

Происходящее наблюдают неожиданные свидетели — пассажиры проезжающих мимо зеленых «Жигулей». Вопреки обычной для такой ситуации логике, водитель «Жигулей» не спешит исчезнуть со сцены. Он останавливается, чем серьезно нарушает дальнейшие планы таинственного дуэта из серой «Волги». Мужчины поспешно садятся в машину. Пропетляв между деревьями, «Волга» выносится на шоссе, визгливо разворачивается и устремляется в сторону гор.

Хватаю ружье и бросаюсь на крик. Ольга лежит на траве лицом вниз. Она без сознания. Сквозь ее волосы, как сквозь марлевую повязку, проступает кровь. На шоссе разворачивается серая «Волга», и какие-то люди толпой валят из зеленых «Жигулей». Короткого взгляда на этот десант достаточно, чтобы определить: они не соучастники.

— Идите сюда! — зову я пассажиров «Жигулей».

Их трое. По-видимому, это семья. Мужчина возглавляет команду. Женщина держится поодаль, но в любую минуту готова прийти на помощь мужу. Девчонка лет тринадцати, оставшись на дороге, дрожит от возбуждения: ее гонит вперед любопытство и удерживает на месте страх.

Мое появление останавливает их продвижение вперед.

— Кто вы такой? — кричит мужчина.

Серая «Волга», ружье, какой-то подозрительный тип, возможно, труп: у него есть основания оставаться на месте.

Приходится терять драгоценные секунды и объяснять, кто я. Вместе с мужчиной мы переносим Ольгу в «Жигули». Женщина суетится рядом, открывает дверку, раскладывает сиденье и раздраженно бормочет:

— Какая красавица! Ах, какая красавица!..

Мы укладываем девушку в машину, и я объясняю мужчине, что ему делать дальше.

— Не беспокойся, товарищ дорогой! Все сделаем! — торжественно заверяет он.

«Жигули» увозят Ольгу. Бегом возвращаюсь к месту нашей последней стоянки и вскакиваю в кабину «Нивы». Переваливаясь всеми четырьмя колесами на каких-то колдобинах, машина устремилась в сторону трассы. На берегу остается брошенная палатка — сейчас не до нее.

Достигнув дороги, я позволяю себе единственную паузу и несколько секунд рассматриваю карту. «Волга» оторвалась километров на десять по шоссе, мне ее не достать. Зато у меня всепогодный, чья стихия — проселок. Значит, надо двигаться в обход. Вот и весь план, с тем небольшим уточнением, что какой-нибудь незадачливый водитель встречного грузовика в состоянии перечеркнуть его одним поворотом баранки.

На протяжении добрых двадцати с лишним километров шоссе карабкается вверх. Прямых участков совсем мало, «Волга» ушла слишком далеко — на всем протяжении подъема я ни разу ее не видел. Я спешу. Я очень спешу. Еще ни разу в жизни так не спешил. Помимо всего прочего, мне хочется первым перехватить этих мерзавцев, чтобы побеседовать с ними на свой лад: слишком много всего у меня к ним накопилось. И то, что по независящим от меня обстоятельствам эта встреча откладывается на километр, на секунду, на вздох, заставляет меня скрежетать зубами от ярости. Спокойнее, говорю я себе, все равно никакой такой «нравоучительной» беседы у вас не получится. Делай свое дело так, как умеешь. Это сейчас все, что требуется.

Обнаруживаю какую-то подходящую гору. Дорога обвивает ее стан причудливым зигзагом и устремляется к морю. В этом месте я впервые замечаю своих противников: они двумя витками ниже, я отыграл у них километров шесть. Не сбавляя скорости, оцениваю местность, нахожу участок, подходящий для задуманного мною трюка: россыпь камней, два-три десятка деревьев. Съезжаю с трассы и, секунду помедлив, обрушиваю «Ниву» со склона. Спуск едва ли проще по сравнению с другим, в той гонке, когда я убегал, а меня догоняли. Но теперь я злее, а значит — спокойнее, и вторая попытка удачнее первой. Пересекаю два витка серпантина за спинами преследуемых, и один уже перед ними, выкатываюсь на шоссе и останавливаюсь. Я достиг точки встречи.

Из-за поворота, сияя никелем и медью, поднимается пожарная машина. Судя по всему, пожарные возвращаются после успешного единоборства с огнем, ибо этот па-

рад доблести и блеска сопровождает песня. Поспешно соображаю, как бы мне получше воспользоваться этой неожиданной встречей, и краем глаза вижу, как с подножки соскакивает какой-то великан в полной боевой амуниции и устремляется к «Ниве».

— Какими судьбами, дорогой? — голосит он.

Я узнаю Автандила Гоголадзе.

Для затейливого разговора времени нет. Выхожу из машины и в двух словах излагаю ему существо дела.

— Я понимаю, дорогой, что твоя просьба продиктована добрыми намерениями, но все же... — мнется почтенный тамада. — Наш великий поэт по этому поводу сказал...

Вынимаю из кармана и протягиваю моему другу удостоверение, из которого он узнает, что человек, доселе ему известный, как Олег Михайлович Никитин, носит совсем другое имя, а характер его деятельности связан отнюдь не с международными перевозками.

Тамада суровеет.

— Все понял, товарищ капитан! — говорит он и, повернувшись к пожарным, внушительно кричит: — Тревога!

Предупредив, что пассажиры «Волги» вооружены и возможна стрельба, успеваю рассредоточить большую часть команды за скалами. Возвремя! Серый лимузин загланным зверем выносится из-за поворота. Успеваю отметить, что в салоне один водитель. Такой поворот дела не был мною предусмотрен, но я не смог бы вмешаться, даже если бы предвидел это заранее.

Водитель «Волги» видит, что впереди, преграждая путь, стоит красная «Нива». Его замешательство длится лишь мгновение, но именно в это самое мгновение из-за скалы выезжает пожарная машина и отрезает путь к отходу. «Волга» в западне! Но это ее не останавливает. В отчаянной попытке спастись она рвется напролом, «бодает» «Ниву», отбрасывает ее в сторону, и я понимаю, что на дороге «Волге» уже не удержаться.

Она срывается в пропасть, падает на камни и — взрывается. Мне остается лишь подойти к самому краю пропасти и зафиксировать этот неожиданный и страшный финал.

Когда Гоголадзе решает приблизиться ко мне, я все еще стою на том же месте и гляжу вниз. Туда, где покоятся останки столь нужного мне свидетеля.

Я сижу в одиночестве в своей холостяцкой квартире и вспоминаю. Воспоминания прерывисты, как знаки телеграфной азбуки. Они теснят друг друга, мешая сосредоточиться на главном. Главное — это то, что произошло в последние две недели. Все самое значительное из происшедшего уже изложено мною в докладе, прочитано, и завтра у нас по этому поводу разговор. Разговор, насколько я знаю моего шефа, пойдет как раз о том, что не вошло в доклад, и я, естественно, хочу подготовиться к нему как можно лучше. Иными словами, я намерен обособить собственную защиту. Мне не по душе слово «защита», каковое прямо указывает на мою вину или, во всяком случае, ее предполагает. Как бы там ни было, дебют в этой партии не за нами, и, если я намерен и впредь участвовать в игре, я должен защититься. Таковы правила.

У себя дома я бываю редко, но всегда с удовольствием. Все, что находится здесь, соответствует моим вкусам и наклонностям. Я очень ценю постоянство в людях и предметах. Двум-трем знакомым девушкам, пытавшимся разнообразить интерьер с помощью различных перестановок, подобная инициатива стоила довольно дорого: в этой комнате они больше не появлялись. Все осталось на своих местах. Телефон под рукой. Груда газет и журналов, сваленных прямо на пол, у телевизора. Книжный шкаф в двух шагах и телевизор — в трех. Книг не много, зато среди них нет ни одной, не прочитанной по крайней мере дважды. Некоторые сопровождали меня в моих поездках и могли бы удостоверить, что далеко не всегда наше возвращение было столь же безрадостным.

За окном дождь. Он идет третий день подряд. Улицы серы, лица людей скучны. По-моему, дождь достиг такой стадии, когда стал противен самому себе и давно бы закончил свое безотрадное существование, если бы у них там, наверху, что-то не разладилось с сантехникой. Даже не верится, что всего лишь в двух часах лета отсюда буйствует солнце, шалит волна и веселые свадьбы скликают под свои знамена жизнерадостных людей с эпическими именами.

Что с того, что стремительные перемещения из одной географической точки в другую стали в наши дни явле-

нием обычным? Мысль, которую поэты наделяют свойствами молнии, расставшись с прошлым, плетется со скоростью парового катка. В этом смысле ничего не изменилось со времен египетских фараонов. К черту несуразные разговоры о какой-то сомнительной способности человеческой природы раздваиваться, растраниваться и даже расчленяться! О чем быя ни думал, чем бы ни занимался в эти дни, мыслями я — в маленькой районной больнице, где до сих пор не пришла в сознание девушка с обликом феи.

Звонит телефон. Дотягиваюсь до трубки и узнаю воркующий голосок некой Люсеньки, милой, коротко стриженной птички, гнездящейся в районе Варшавского шоссе. Неудачное замужество птички освободило ее от иллюзий, что само по себе послужило надежной основой наших отношений. Они приятны, незамысловаты и, самое главное, — свободны от взаимных обязательств. Говорить мне почти не приходится, эту часть дела Люсенька берет на себя. Выслушиваю восторженный экспромт по поводу моего возвращения. Потом меня уведомляют о каких-то премьерах и о намечающемся сборище старых друзей в новом «Национале», в котором мы, конечно же...

Не смогу... Нет, не занят. Просто не хочется... Завтра тоже... Приходить не надо. Послушай, Люсенька, будет лучше, если ты вообще перестанешь звонить.

Воспользовавшись паузой на другом конце провода, кладу трубку на рычаг. Я убежден, что птичка не воспримет мои слова, как руководство к действию. Во всяком случае, повторный звонок последует не раньше, чем завтра, что весьма кстати, ибо мне очень нужен сегодняшний вечер.

...Это началось две недели назад, когда в одно из районных отделений милиции города Москвы пришел гражданин Никитин. Существо сделанного им заявления заставило работников райотдела связаться с вышестоящими милицейскими инстанциями, а тех, в свою очередь, немедленно обратиться в наше ведомство. Речь шла не больше не меньше, как о возможности прямого выхода на тщательно законспирированную группу валютчиков, которых уже много месяцев безуспешно искали сотрудники отдела полковника Белопольского.

Водитель спецавтобазы дальних перевозок Олег Михайлович Никитин очередной свой отпуск планирует провести в автомобильном путешествии по Черноморскому побережью Кавказа. За день до отъезда его «Ниву» (го-

сударственный номер 21-12 МОС) в районе Курского вокзала «бодает» автобус. Повреждения легко усгранимы: погнут бампер и слегка — левое заднее крыло. Откладывать поездку из-за таких пустяков Никитин не намерен. В гараже спецавтобазы знакомые слесари берутся привести «Ниву» в порядок. Когда бампер снимают, между двумя его стойками находят контейнер. Слесари — народ опытный, умелый, а естественное в таких случаях любопытство придает их действиям поистине виртуозный характер. Они вскрывают контейнер и обнаруживают внутри золотые монеты царской чеканки, изделия из драгоценных металлов и бриллианты. То, что юриспруденция определяет кратким словом «валюта». Днем позже эксперты оценивают стоимость найденных предметов внушительной суммой со многими нулями.

Оснований сомневаться в показаниях Никитина нет. Факт дорожного происшествия с «Нивой» зафиксирован в ГАИ. Возникает предположение, что машину намеревались использовать, как своеобразный почтовый ящик. Сотрудники Белопольского оперативно проверяют всех, кому было известно о поездке. Безрезультатно. И тогда на побережье под именем Никитина отправляется капитан Лукшин, то есть я.

Наша короткая подготовка к этому достаточно опасному делу с далеко не очевидным исходом базировалась на допущении, что те, кому предназначалась эта «посылка», в лицо Никитина не знают; в противном случае операция вообще теряла смысл. За рулем поэтому сидел не дубликат владельца, а некий абстрактный путешественник, который достигнув определенного района, едет, куда хочет, останавливается, где вздумается, сводит знакомство с каждым, кто ему приглянулся, и вообще весело проводит время. Целенаправленно искать таинственного адресата резона не было. В свой черед он сам найдет красную «Ниву».

Сумерки за окном сгущаются, темнота в комнате становится зловещей. Протягиваю руку и включаю торшер. В очерченный желтоватым светом круг попадают телефон и залежи периодических изданий на полу. Из полумрака на меня участливо таращатся телевизор и книжный шкаф. У меня к самому себе накопилось много вопросов, и я до глубокой ночи не покидаю кресла, пытаюсь ответить хотя бы на некоторые из них. Завтра на них наверняка придется отвечать полковнику.

Раскусили ли пассажиры серой «Волги» нашу игру,

и куда девался второй? В какой степени причастны к случившемуся мои новые знакомые, такие, как Гоголадзе или случайные встречные, вроде верзилы в ресторане? И наконец, самое главное: какую роль в этом играет Ольга? Мой интерес к девушке выходит за рамки чисто служебного. Но в этом я не хочу признаваться даже себе.

16

Мне назначено к десяти. Без одной минуты десять вхожу в приемную и здороваюсь с секретаршей. Бесстрастная, неопределенного возраста дама нажимает кнопку селектора и докладывает о моем прибытии.

— Пусть подождет, — отвечает знакомый баритон, почти не искаженный техническим устройством.

Судя по всему, это надолго.

— Садитесь, — бесцветным голосом советует секретарша.

Минуту-другую торчу у окна, обозревая до мельчайших подробностей знакомый вид на площадь, на универсамат «Детский мир» и на памятник основателю нашего дела. Потом сажусь на один из стоящих вдоль стены стульев, ощутив под собой поскрипывание старого ветхого стула, если бы умел говорить? Осознав, в каком заслуженном обществе нахожусь, я отвлекаюсь и успокаиваюсь. Причина отсрочки нашего разговора, конечно же, не во мне. Скорее всего, это — какая-нибудь не запланированная заранее встреча, телефонный звонок или дело, более важное, чем мое.

Минут через двадцать меня приглашают войти. Открываю знакомую дверь и проникаю в знакомый кабинет. Шеф сдержанно приветлив, но это еще ни о чем не говорит. По нему не определишь, в каком он настроении. Мне, во всяком случае, не удавалось ни разу.

Опускаюсь в кресло и в течение нескольких секунд подвергаюсь пристальному рассматриванию. В свою очередь, и я отваживаюсь взглянуть на начальство. Мы оба почти не изменились со времени нашей последней встречи. Я малость подзагорел, он малость осунулся, и только. Разные следствия разных причин. А может, одной и той же?

Глубоко ошибаются те, кто считает нашу профессию привилегией людей какого-то особого сорта. Мы — такие же, как все, и в этом наша сила. Встретить моего шефа

где-нибудь в булочной, задашься целью определить, чем занимается этот мешковатый, рано поседевший человек, переберешь тысячу вариантов, но ни за что не докопешься до истины. Впрочем, насколько я знаю, его самого мало занимают обстоятельства, которыми он мог бы гордиться.

Замечаю на столе полковника папку со своим докладом. Папка закрыта и в этом состоянии будет пребывать до конца нашей беседы. Открывать ее нужды нет. Отдельные, зававшие в душу места шеф способен цитировать наизусть.

— Итак... — говорит он, одарив меня строгим взглядом.

В этом месте не худо бы закурить. Но Белополюский не курит и не переносит, когда в его присутствии это делают другие. Пока я поспешно подыскиваю какую-нибудь нейтральную, подходящую для начала разговора фразу, шеф атакует первым.

— Я внимательно ознакомился с твоим произведением. — Он кивает на папку. — Складно написано — достоверно, зримо и безжалостно по отношению к себе. У тебя есть определенные литературные способности. Но сейчас мы поговорим не о них. Десять дней назад в этом самом кабинете ты убедил меня дать тебе возможность действовать самостоятельно, так сказать, в свободном поиске. Не скрою, твои доводы показались мне убедительными. Те, кто охотился за контейнером, в силу, так сказать рода своих занятий, постоянно оглядывались по сторонам и ненароком могли углядеть что-нибудь подозрительное. Никитин «не подозревал» о «посылке». Ты, стало быть, тоже, и никоим образом не должен был показывать, что знаешь. Что же все-таки произошло? Ты их чем-то спугнул?

Мой ход, а я — в цунцванге. Фигуры скованы, остается лишь топтаться на месте.

— Вряд ли, — говорю я.

— Как же ты объяснишь столь неожиданный финал? Повторяю изложенную в докладе мысль о совокупности случайностей (поспешном бегстве Ольги, появлении зеленых «Жигулей»), воздаю должное собственной нерасторопности и заканчиваю общими рассуждениями на тему, что мы чего-то не учли с самого начала.

Полковник смотрит на меня, как учитель на троечника, бойко начавшего ответ и неожиданно споткнувшегося на всем известных истинах.

— То, что не учли — понятно, — говорит он. — Конкретнее. Что именно?

— Не знаю, — честно отвечаю я и — может быть, с излишним оптимизмом — добавляю: — Пока не знаю.

Понимаю, что это не ответ, но другого у меня нет. Сегодня ночью тот же вопрос я задавал себе. В голову лезла всякая чепуха. Мне вдруг начало казаться, что подобный исход кем-то планировался в самом начале. Я убеждал себя, что это — игра, о которой, в тех или иных подробностях, конечно же, было известно определенному числу людей, но все они действовали на нашей стороне, по нашей схеме, это не вызывало сомнений. Оставалось предположить, что неверна сама схема, но эта мысль выглядела невероятной: слишком крупные ставки, слишком очевидны намерения сторон. Слишком очевидны — может, в этом все дело? Ответа не было, а сомнения остались. Сомнения по поводу сомнений. Категории не из тех, которыми оперируют в докладе высокому начальству.

— Могли они заподозрить, что ты водишь их за нос? — продолжает шеф.

Вопрос из тех, который я предвидел заранее и заранее готов ответ.

— Не думаю, — отвечаю я.

— Не думаешь... А на самом деле?

— На самом деле... Хотелось бы и мне это знать.

— В многословии тебя не упрекнешь, — заключает полковник.

Насколько я понимаю, сейчас будут подводиться итоги.

— Подведем итоги, — объявляет шеф. — Операция провалилась. Задумана она была неплохо, не стану этого отрицать. К сожалению, в нашем деле результаты ценятся выше идей. А результаты, сам видишь, какие. Единственная нить — я имею в виду серую «Волгу» — оборвалась. Преступники остались на свободе и теперь будут действовать еще осмотрительней. А самое главное, на нашей совести — человеческая жизнь.

— На моей, — тихо уточняю я.

Мои слова продиктованы отнюдь не желанием выставить себя в лучшем свете. Все так и есть.

Белопольский пронзает меня взглядом, острым, как выпад фехтовальщика. Не думаю, что он умеет читать

чужие мысли, но уже от одного этого предположения мне становится не по себе.

— Как состояние Морозовой? — интересуется он.

— Все еще без сознания.

— Что врачи?

Иногда очень трудно произнести вслух то, что тебе давно и хорошо известно. Отвечаю, с усилием подбирая слова:

— Плохо, Юрий Петрович. Но надежда есть.

Мы молчим. Полковник встает из-за стола, подходит к окну и долго что-то рассматривает на улице. Он давно все обдумал, но спешить — не в его характере. Повернувшись ко мне, шеф начинает:

— В общем так, Виктор Николаевич...

Очевидно, сейчас последуют оргвыводы, и, если они не в мою пользу, еще не поздно попытаться что-то изменить.

— Извините, товарищ полковник, — отважно перебиваю я Белопольского. — Если вы намерены отстранить меня от дела, то я категорически возражаю!

Шеф улыбается, качая головой. Моя решительность пришлась ему по душе.

— Кто сказал, что я намерен отстранить тебя от дела? — удивляется он. — Ты эту кашу, можно сказать, заварил, тебе и расхлебывать. А вот носа вешать не надо. Молчи! Я же вижу... Оно только начинается, это дельце. Еще будет возможность отличиться... Ну, как там, на Черноморском побережье? Ты не поверишь, лет десять не был!

Это сигнал отбоя. Можно перевести дух.

— Неплохо, — говорю я, — но сервис на Лазурном берегу лучше.

Шеф улыбается. Он и сам прекрасно знает, какой на Лазурном берегу сервис.

В течение полутора часов мы снова и снова обговариваем случившееся и набрасываем план дальнейших действий. Нас никто не тревожит — два коротких телефонных звонка не в счет.

В финале этого разговора я наконец решаюсь:

— Серая «Волга» — нить, которая оборвалась... Кажется, существует еще одна.

— Куда же она ведет, эта твоя вторая нить? — любопытствует полковник. И, не дожидаясь ответа, предполагает: — К Морозовой?..

Контора, в которой трудится Ольга, расположена во дворе дома, выходящего фасадом на улицу Горького. Во двор я проникаю с переулка. Буквально в каких-нибудь ста метрах грохочет центр столицы, а здесь — патриархальная тишина, унылый вид на залежи старых ящиков, серая полоска неба, начинающегося где-то на уровне крыш, и бесчисленные двери по обе стороны, ведущие неизвестно куда. Искомое учреждение окопалось в самом конце двора; его название, переведенное на общедоступный язык, звучит примерно так: чегототампроекткакой-тотаммонтаж.

По лестнице, которую, при всем желании, я не берусь охарактеризовать как освещенную, поднимаюсь на третий этаж и долго брожу по коридорам в поисках приемной. Поиски безуспешны. Приходится остановить степенного вида мужчину, на рысях пробегающего мимо, и вступить с ним в переговоры. Мужчина по-детски рад возможности оказать мне услугу. Объем полученной от него информации позволяет без помех добраться до Огненной Земли. К сожалению, мои планы не идут столь далеко, а нужная дверь оказывается именно той, перед которой протекала наша беседа. Мы сердечно прощаемся. Каждый из нас следует своей дорогой.

Вхожу в приемную, представляюсь работником милиции и заявляю о своем желании встретиться с управляющим. Секретарша, полная, не скрывающая своих лет женщина, совершает короткий вояж в кабинет и, вернувшись, просит подождать: управляющий совещается с сотрудниками. Жду, коротая время за разглядыванием обклеенных пластиком стен. Женщина делает вид, что усердно интересуется документацией. В приемной мы с ней одни. Подходящий момент задать несколько вопросов.

Спрашиваю секретаршу, давно ли она здесь работает.

— Вообще-то я работаю в отделе, — почему-то смущается женщина. — А на этом месте — всего несколько дней: замещаю девушку, ушедшую в отпуск.

— Сколько именно?

Секретарша настолько любезна, что показывает мне папку с приказами. Вряд ли она отдает себе отчет в том, зачем мне понадобились эти сведения. А они между тем чрезвычайно любопытны. Первый день отпуска Ольги совпал с тем самым днем, когда я, под видом Никитина, начал свой автомобильный вояж.

Совещание закончено. Из кабинета нетерпеливо выходят сотрудники. Надо думать, они осведомлены о моем визите, ибо глядят на меня с любопытством, которое трудно квалифицировать как случайное.

Меня приглашают войти. Вхожу и обмениваюсь скорострельными приветствиями с хозяином кабинета. Сажусь в указанное мне кресло. Управляющий, пухлый мужчина предпенсионного возраста, нервно вытирает платком багровую шею. Тревожащий его жар, по-видимому, внутреннего свойства, ибо в кабинете довольно прохладно.

— Ничего плохого сказать о Морозовой не могу, — опередив мои вопросы, гудит он.

Меня радует такое начало.

— Почему вы считаете, что должны говорить о ней плохое? — любопытствую я.

— Ну, раз уж ею заинтересовалась милиция!..

Своеобразная, но довольно распространенная точка зрения. Что ж, придется его огорчить.

— Речь идет о дорожно-транспортном происшествии, — говорю я. — Морозова оказалась единственным свидетелем. Потребовалось уточнить некоторые детали. В протоколе указан адрес вашего учреждения. Вот мы и обратились сюда. А Морозова в отпуске. Не знаете, куда она уехала?

Управляющий приободряется.

— Свой домашний адрес она, конечно, назвать не могла, — упрекает он отсутствующую секретаршу. — Куда уехала? Не знаю. Она мне не говорила. Наши отношения с Морозовой носят сугубо деловой характер.

Последнее — на всякий случай. Сугубо для моего сведения.

— Может, кто-нибудь из сотрудников знает, где она сейчас?

— Вряд ли! Насколько мне известно, ни приятельниц, ни тем более приятелей, у нее здесь нет. Морозова, знаете ли, принадлежит к той категории людей, которые находят себе друзей на стороне. — Эти слова мой собеседник произносит не без сожаления, и тут же, обеспокоившись, что сие смогут истолковать превратно, поспешно добавляет: — Да, кстати, и работает она у нас недавно — третий год.

— Вы сказали «недавно», — замечаю я.

— Молодой человек! — В голосе управляющего появляются назидательные нотки. — Если я сказал недавно,

значит, недавно. Я работаю здесь двадцать шесть лет!

Свой следующий визит наношу квартирной хозяйке Ольги: метро «Ждановская», шестнадцатизэтажная башня на противоположной стороне улицы, десятый этаж, вторая дверь налево. Звоню. Меня долго рассматривают в «глазок». Следует традиционный вопрос — «Кто?» Называюсь. Дверь открывается ровно настолько, насколько позволяет цепочка. Просят показать документ. Показываю. Дверь отворяется. На пороге — высокая худая старуха. Седые волосы зачесаны назад и увязаны в пучок, взгляд недобрый, под глазами — мрачные тени. Мне не по себе от одного ее вида, но я стараюсь держать себя в рамках бодрой любезности, ибо впереди — разговор.

— Вы ко мне? — неприятным, визгливым голосом вопрошает сия мегера.

Объясняю, что пришел потолковать с ней о ее квартирантке. Лицо старухи оживляет злорадная усмешка: она словно еще много веков назад предвидела этот визит. Церберша делает шаг в сторону. Это предложение войти.

Беседуем мы на кухне, поражающей своей прямо-таки безжизненной чистотой.

— При всем желании ничего хорошего сказать о ней не могу, — с плохо скрываемой радостью сообщает хозяйка. — Приходит поздно, за полночь. Случается, по нескольку дней дома не появляется. Современная девушка!

— Что это вы так, а? — интересуюсь я. Вопрос излишний, ибо и без того все ясно.

— В ее годах мной милиция не интересовалась, — многозначительно отвечает старуха.

Смею думать, что в ее годах еще не было милиции. Спрашиваю о знакомствах Ольги, бывает ли у нее кто-нибудь?

— Как же... Так я и позволила!

— И не звонят?

— Ну, почему же? Этого я не запрещаю. И знаете кто? Мужские голоса. Только мужские голоса!

У меня большие сомнения по поводу того, известно ли этой особе, что человечество делится на мужчин и женщин, но это обстоятельство отношения к дорожно-транспортному происшествию, по поводу которого я здесь, отношения не имеет.

— Ольга не говорила вам, куда поехала?

Какой-то разговор по этому поводу был, но его содержание старуха запомнила хуже, чем «мужские голоса».

— Куда же?.. Пойдите, пойдите... Кажется, в Брянск, к матери.

— Куда? — с плохо скрываемым волнением переспрашиваю я.

— В Брянск! — убежденно повторяет мегера. — Говорила, что в Брянск. А уж туда ли, не туда — этого я не знаю.

По моей просьбе старуха показывает мне комнату Ольги. Теория, гласящая, что предметы могут многое рассказать о хозяине, здесь не работает, ибо в комнате мало предметов, принадлежащих девушке: личные вещи да книги. Книг немного. Автобиография Чарльза Чаплина. Томик Фицджеральда. «Три товарища» Ремарка. Учебник русского языка и самоучитель французского. Томик Есенина. «Технология кройки и шитья». Томик Чехова. Попробуйте на основании этого списка умозаключить что-нибудь путное?

На стене — мастерски сделанная фотография. Девушка запечатлена на берегу Москвы-реки. Ветер теребит ее волосы. Она улыбается, но глаза печальные, строгие. Какие мысли тревожат эту очаровательную головку?

Дальше начинается запретная тема. Вынимаю записную книжку, нахожу чистый листок и фиксирую свой служебный телефон. Это — хозяйке.

— У меня к вам просьба, — говорю ей. — Если кто-нибудь будет интересоваться Ольгой, позвоните мне по этому номеру.

Старуха берет листок и изучает текст с наивозможной тщательностью.

— Позволю, не сомневайтесь, — заверяет она.

Выхожу на улицу. Несколько глотков чистого воздуха мгновенно вершат свое очистительное действие. В обществе этого фельдфебеля в отставке я бы не смог прожить и дня. Девушка жила три года. Еще одна загадка, хотя и не столь важная, как другие. А, впрочем, как угадать, что здесь важнее другого? По этой улице Ольга ходила. В том киоске покупала цветы. Садилась в метро, ехала на работу. Отвечала на звонки, носила бумаги на подпись. А потом в одно прекрасное утро остановила мою машину. Случайно или нет? Этого я не знаю, но дорого дал бы за то, чтобы знать...

Сухуми не принимает. Девушка в справочном бюро толкует о каких-то метеоусловиях; ее холодное безразличие пахнет духами «Мадам Роша». Когда имеешь дело с авиацией, всегда готов к такого рода заминкам, и всегда они застают тебя врасплох. Остается только ждать, надеясь, что и человек ради встречи с которым ты, бросив все, помчался за тысячи километров, благополучно дожидается твоего появления.

Несмотря на то, что отпускной сезон приказал долго жить, в аэропорту оживленно сверх всякой меры. Сидячие места разобраны, к буфету не пробиться. Те, кто не сидит и не ждет очереди к буфетной стойке, обзирают друг друга. В центре внимания — две-три девушки, одетые с наимоднейшим изыском и похожие друг на друга, как танцовщицы балета Ленинградского мюзик-холла. Друг на друга девушки поглядывают с тайным и ревнивым беспокойством, на прочую братию — с явным небрежением. Группа храбрых военных численностью до полувзвода истолковывают их взгляды на свой лад. Судя по всему, подразделение концентрируется для фронтальной атаки по всем направлениям одновременно.

Покидаю театр предполагаемых боевых действий и выдвигаюсь к огромному окну, выходящему на летное поле. Зрелище, самое что ни есть отградное! Самолеты взлетают и садятся, катятся по рулежным дорожкам, высаживают пассажиров и поглощают их целыми толпами. Хотелось бы знать, какой из них не торопится вылетать в Сухуми.

События, заставившие меня свернуть свою активность в столице и срочно отбыть на побережье, ожидаемы, как восход, и столь же неожиданны, как строчки тайнописи, возникшие на бумаге под действием тепла. Своей легализацией, однако, они обязаны отнюдь не благотворному влиянию южного климата. Мир полон истин, и они всегда готовы прийти к вам на помощь, надо лишь не плошать. «Бесследно не проходит ничто» — так определяется та, которую мы выбрали в данном случае. Бросьте в воду камень, и через соответствующий промежуток времени этот факт будет зафиксирован сейсмостанцией где-нибудь на Канарских островах. Примерно так и возникло предположение, что гибель серой «Волги» и исчезновение одного из ее пассажиров вызовут какую-то реакцию со стороны преступников, возмож-

но, даже заметную со стороны. Сегодня утром пришло сообщение от наших грузинских коллег. В тот день, когда было нападение на Морозову, при странных обстоятельствах исчез адвокат Зазроев. Само по себе это ни о чем не говорило, если бы не одна маленькая деталь. Автомобиль, отравлявший мне жизнь на протяжении нескольких дней, был зарегистрирован на имя жены Зазроева!.

Четыре часа спустя самолет приземляется в Сухумском аэропорту. Ликующее население делегировало для торжественной встречи некоего Бориса Ахалая, и вот уже он, красивый и загорелый, сжимает меня в объятиях. Ахалая — мой сверстник, закоренелый холостяк и безумно любит «бэшаный скорост»: эти два обстоятельства в свое время и способствовали нашему сближению. То, что грушу, которая раскручивает клубок, так сказать, с другой стороны, возглавляет именно он — случайность. Но эта случайность, несомненно, в пользу дела: в нем я уверен, как в себе самом.

На город опускаются сумерки. Ахалая сообщает, что на место мы отправимся завтра утром, и высказывает предположение, что хороший шашлык и стакан доброго вина удвоят наши силы. Идея, несомненно, имеет право на жизнь, и минут через двадцать езды по пересеченной местности на такой скорости, будто за нами гонятся черти, мы занимаем оборону в одном укромном ресторанчике. Вино и, в самом деле, отменное, шашлык — выше всяких похвал. По мере сил пользую и то и другое. Ахалая, по причине вполне понятной, ограничивается шашлыком. Разговор не залаживается. Борис ждет моих вопросов — я не спешу их задавать. Если человеку есть что сказать, он скажет.

— Ну, и нашел же ты нам работенку, генацвале! — вздыхает мой друг, уразумев, что ожидание бессмысленно, и надеясь хотя бы вызвать сочувствие. — «Пойди туда — не знаю куда. Принеси то — не знаю что». И все срочно!

— Ты же знаешь, что это действительно все срочно.

— Ха! — восклицает мой собеседник.

«Как ты мог усомниться!» — так это надо понимать.

— Знаешь, чего мне в последнее время хочется? — доверительно вопрошает Ахалая. — Проснуться, чайку попить, не торомясь, потом погулять, воздухом подышать, на стадион пойти. Я там три года не был! За «Динамо»

поболеть, понимаешь, покричать, гол красивый увидеть — а то ведь все только по телевизору. Вернуться домой, с соседями в домино сыграть, «рыбу» сделать!.. И чтоб никуда не спешить!.. Даже у валютчиков отпуск есть. А у нас с тобой...

Склонность моего друга к сантиментам мне хорошо известна. Если он действительно решил меня разжалобить, то у него ничего не выйдет.

— В отпуске ты был, — напоминаю я. — В Москву приезжал, помнишь?

— Когда приезжал, слушай? Два года назад!

Это еще что... Я-то к нему в Тбилиси приезжал только по делу.

— Да, кстати, и я только что из отпуска, — продолжаю я.

Борис смотрит на меня с удивлением.

— Ну, и где же ты отдыхал? — недоверчиво спрашивает он.

— На Черноморском побережье.

И тут до него доходит.

— Ха! — усмеяется он. — Могу себе представить, что это был за отпуск.

Утро приготовило нам сюрприз. Окрестности заволокло туманом. Он плотен, как вода, я почти физически ощущаю, как он давит на нас. Противотуманные фары в этом сером месиве так же бесполезны, как противогаз на дне морском, но Ахалая гонит, не снижая скорости. Остается надеяться, что дорога ему хорошо известна.

По мере того как мы поднимаемся в горы, туман редет, растворяется, как дым костра в ночном небе. Единоборства с солнцем ему не выдержать; он отступает вниз, забивается в ущелья, стекает к морю. Минуем какую-то деревеньку, сворачиваем на проселок и через несколько минут оказываемся в пределах действия пейзажа, поражающего взор своей суровой прелестью.

Остроконечные вершины гор, как пики, пронзают ослепительно синее небо. Окруженная с трех сторон горами, долина словно сошла с какой-то старинной гравюры: налицо поместье влиятельного сеньора, и старый лес, и речка, и мост. Так и ждешь, что в следующий миг протрубит боевой рог и из дома выступит походом на врага хорошо вооруженный рыцарский отряд. Но дом — нечто среднее между гипертрофированной пастушьей хижинкой и самолетным ангаром, — окруженный массивным, боль-

ше похожим на крепостную стену забором, безмолвствует и безлюден.

Борис останавливается у дома. Мы выходим и какую-то минуту любимся окрестностями.

— Пленительный уголок! — восклицаю я.

— Еще какой! — подхватывает Ахалая. — Дом был брошен. Три года назад Зазроев купил его за бесценок, перестроил — сегодня за него дают восемьдесят тысяч! На языке деловых людей это называется «выгодным помещением капитала». Верно?

Внешний вид этого строения не дает оснований для столь оптимистических оценок.

— Что-то не верится... — бормочу я.

— Сейчас увидишь.

Осматриваем дом. Внутри — это настоящий дворец в миниатюре: старинная мебель, антиквариат, ковры, картины. Насколько могу судить, здесь есть и подлинники.

— Хорошо живет адвокат! — констатирую я.

— Состоятельный человек, — коротко поясняет Ахалая.

Он достает записную книжку и перечисляет, сверяясь со сделанными в ней пометками:

— Пятнадцатого сентября днем Зазроев выехал сюда на машине.

— На машине жены? — интересуюсь я. Это немаловажная подробность.

— На своей. У него «Жигули».

— А как супруга объясняет отсутствие ее машины?

— Говорит, муж дал на несколько дней каким-то своим знакомым. Больше ничего не знает... Еще один момент. Жена хотела приехать сюда вместе с дочерью, но он не разрешил. Сказал, что будет работать, и просил его не беспокоить. Шестнадцатого сентября между девятью и десятью вечера она звонила и разговаривала с ним.

Шестнадцатого сентября... В тот вечер мы были в ресторане...

— На даче есть телефон? — перебиваю я, пораженный пришедшей на ум несложной мыслью.

— Я же сказал — звонила! — обижается Ахалая. — Или ты считаешь, такой человек будет бегать на ближайший переговорный пункт? Слушай дальше. Утром следующего дня — это было семнадцатое сентября — на ее звонок никто не ответил. Не отвечал ни днем, ни ве-

чером. Волнения, переживания, то да се... Восемнадцатого она приезжает сюда сама. Зазроева на даче нет. Два дня она выжидает, а двадцатого заявляет в милицию.

— Почему только двадцатого?

— Говорит, что такие неожиданные отлучки мужа бывали и раньше. В таких случаях он всегда звонил ей — из Москвы, из Ленинграда, из Одессы... В этот раз не позвонил.

— Машина? — роняю я.

— «Жигулей» на даче не было.

— Ищите?

— Розыск мы объявили двадцатого. Пока никаких следов. — Ахалая задумчиво трет переносицу. — Я тебе вот что скажу, Виктор. Если человек внезапно исчезает, это кому-то нужно. Может, ему самому, а может, нет. Давайте исходить из того, что Зазроев исчез по собственной инициативе. В таких случаях человек обязательно что-то прихватывает на черный день. Вклад Зазроева в сберкассе не тронут. В квартире мы ничего не нашли.

— А здесь?

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Борис выходит из гостиной. Я следую за ним, мысленно сопоставляя даты. Об исчезновении Зазроева стало известно двадцатого. Нам доложили двадцать первого. Они искали меньше полусуток.

На кухне Ахалая обращает внимание на холодильник, спрятанный в глубокой нише.

— Что это? — спрашивает он.

— Холодильник, — отвечаю я.

— Удобно, правда? Никому не мешает... Ну-ка, помоги.

Вдвоем мы выволакиваем холодильник из ниши. Борис включает настольную лампу и светит в нишу.

— Теперь смотри, — говорит он.

Наклоняюсь и вижу вмонтированный в дальнюю стенку ниши сейф.

— Открывай, не заперто, — предлагает Ахалая.

Открываю — сейф пуст. Вопросительно смотрю на своего друга.

— Мои ребята утверждают, что в сейфе находился сравнительно небольшой прямоугольный предмет. Что-то вроде портфеля или, скорее, «дипломата». Извлекли его оттуда несколько дней назад. Много любопытного в этом доме, правда?

Мы возвращаемся в гостиную. Некоторые из картин, бесспорно, заслуживают того, чтобы им посвятить часок-другой, но сейчас у меня нет на это времени.

— Не боится хозяин оставлять такое богатство без присмотра? — интересуюсь я.

— Обычно на даче есть сторож — житель здешней деревни, — объясняет Борис. — Пятнадцатого Зазроев, когда приехал, отпустил его домой. Сказал, дня на три.

— Ты проверял?

— Обижаетесь, начальник! — разводит руками Ахалая.

— Где телефон?

— Хочешь позвонить?

— Хочу посмотреть.

— Он в спальне. Это сюда.

В смысле обстановки спальня, пожалуй, самое скромное место в доме. Простая кровать, торшер, два кресла, тумбочка. На тумбочке — телефон. Для того чтобы снять трубку, человеку, сидящему в кресле, достаточно протянуть руку.

— Послушай, Борис, — говорю я, — попытайся выяснить, кто, кроме жены, звонил Зазроеву шестнадцатого в течение дня и семнадцатого утром.

— Сделаем, — коротко отвечает Ахалая.

Мой друг не привык задавать лишних вопросов. Он считает, что это непрофессионально.

19

Двухэтажное здание больницы расположено на окраине городка. Место под двор отвоевали у холма, срезали часть склона, стыки аккуратно выложили камнем. Холм не обиделся, валял под свою добрую опеку здание и двор. Зимой он защищает их от ветра. Летом в его тени всегда прохладно. Сегодня жаркий день. По двору, стараясь держаться в радиусе действия тени, прогуливаются выздоравливающие. Четверо из них, расположившись за деревянным столом под старой грушей, разминаются в домино.

Из двери появляется и поспешно направляется ко мне главврач, рано располневший мужчина лет сорока, с добрыми и грустными глазами. Маленькая больница в глубине, трудяга-доктор, с виду закоренелый неудачник, практикующий в диапазоне от вывихов до чередных травм, — все это поначалу вызывало у меня большие со-

мнения. Медицинское светило, на которое я вышел через Бориса, заставило меня отказаться от намерения при первой же возможности перевезти Ольгу в Тбилиси. «Канталадзе? Если, не дай бог, со мной случится то же, что с вашей подопечной, я попрошу отправить меня только к нему!»

— Извините, что заставил вас ждать, — говорит главврач. — Срочная операция. Понимаете, мальчишка-слесарь транспортер на ферме ремонтировал, а механик возьми да включи... Можно сказать, по частям собрали. Будет жить парень! Под счастливой звездой родился!

Я угощаю «счастливую звезду» незнакомого мне слесаря столичной «Явой». Мы закуриваем и отправляемся в неспешную прогулку по больничному двору. Со стороны это похоже на душевный разговор старых друзей. Но только со стороны, ибо повод, который свел нас, отнюдь не добрый.

— Состояние по-прежнему очень тяжелое, — сообщает главврач. — Бредит.

По сравнению со вчерашним днем — ничего нового. Удерживаю себя от внезапно нахлынувшего желания излить этому незнакомому человеку душу и не без усилий возвращаю нашей беседе деловое начало.

— Называла кого-нибудь? — интересуюсь я.

Главврач выпускает дым тонкой струйкой и с юношеской восторженностью следит, как он поднимается к небесам.

— Звала какого-то Олега, — отвечает он.

По-видимому, я меняюсь в лице, ибо мой собеседник поспешно спрашивает?

— Что с вами?

— Ничего, — говорю я. — Я могу ее видеть?

— Не раньше, чем дней через пять-семь... Скажите... — Главврач какое-то мгновение взвешивает, стоит ли ему продолжать — Я понимаю, что у вас такая работа... Но все же, если возможно... Для вас очень важен этот разговор?

Я звоню по три раза на дню, теперь вот примчался из самой Москвы — мог бы и догадаться.

— Очень, — коротко отвечаю я. — Скажите, доктор, кто-нибудь еще интересовался состоянием больной?

— Ваш коллега из Тбилиси.

Это Борис.

— Может, приходил кто-нибудь?

— Нет-нет, я бы знал.

Закрываю наш разговор естественной в таких случаях просьбой сделать все возможное.

— Делаем все возможное, — сухо произносит главный врач.

Будь я хоть господь бог, я не имею права сомневаться в его усилиях.

Ахалая дожидается меня в машине. На его взгляд, мое беспокойство о судьбе этой девушки вполне понятно: она — важный свидетель. Он считает, что наша встреча на дороге не была случайной. Я знаю это, и меня вполне устраивает, что прозорливость моего друга имеет некоторые пределы.

20

Энергичный АН-24 переносит нас в Тбилиси, а машина напрямик доставляет к подъезду учреждения, в котором трудится Ахалая. Стыдно признаться, но все предыдущие визиты в этот город проходили по той же схеме, так что мое знакомство с ним носит чисто иллюзорный характер. Впрочем, изменения на улицах, по которым меня возят из раза в раз, я все же в состоянии подметить. Говорю об этом Борису.

— Это потому, что ты редко бываешь у нас, — бросается в глаза, — объясняет он сей феномен. — А я вот внимания не обращал...

После доклада руководству уединяемся в кабинете. Свой главный сюрприз Ахалая, как хороший фокусник, приберет к концу программы. Теперь он, не торопясь, обстоятельно подводит меня к нему.

— Вот уже несколько лет подряд мы постоянно наткнемся на следы деятельности одной шайки. — Борис при этом энергично расхаживает по кабинету. — Валюта, драгоценности, произведения искусства... Антиквариатом не брезгают. Работают с размахом! Конспирация — на высоком уровне! Я так думаю, каждый знает только одного, не больше. И только тот, кто на самом верху, знает всех и все ниточки у себя в руках держит. Понимаешь, сидит где-нибудь в темном углу, а от него во все стороны нити, нити... Как паутина! Башковитый, мерзавец!.. К сожалению, это все, что я сегодня могу о нем сказать. Зато у меня есть кое-что другое. Раньше не вышло. Вот только теперь... Несколько лет назад при совершенно случайных обстоятельствах — подчеркиваю, совершенно случайных — арестовали мы некоего гражданина Мино-

сьяна. Ничего интересного при обыске у него не нашли. Кроме вот этого.

Ахалая останавливается у стола, открывает один из ящичков и выкладывает передо мной металлический контейнер.

— Узнаешь? — вкрадчиво спрашивает он.

Как не узнать — его-то и обнаружили в машине Никитина. Говорю об этом Борису.

— Нет, дорогой, — хитро улыбается он, — Это контейнер, изъятый у Миносьяна. Ты привез мне вот этот.

Ахалая снова лезет в стол и извлекает на свет второй контейнер, как две капли воды похожий на первый.

— Bravo! — восклицаю я. И, насколько понимаю, это еще не все.

— Миносьян никого не назвал, молчал как рыба. На сегодняшний день он пребывает в местах не столь отдаленных. К сожалению, только он один. Все остальные преступники остались на свободе и продолжают свое черное дело. Теперь слушай внимательно! — Призыв совершенно излишен, ибо я весь обратился в слух. — Как ты думаешь, кто защищал Миносьяна на суде?

Вот он, фокус! Гаснет свет, волнительно гремит барабан, прожектор выхватывает из темноты таинственную личность во фраке и цилиндре, лицо закрывает черная полумаска. Кто разгадает его секрет — тому бесплатный билет на все последующие представления.

— Зазроев! — Я почти уверен в этом.

— Именно! — ликующе заключает Ахалая.

Сдается, моя сообразительность привела его в восторг, хотя, после того что я здесь услышал, догадаться было не так уж трудно.

Немного успокоившись, он продолжает:

— Было это четыре года назад. С тех пор Зазроев очень переменился. От активной практики отошел, изредка ведет незначительные дела. Как живет — сам видел. Защищая даже самых отъявленных негодяев, на такую дачу просто так не заработаешь! Остается предположить, что у нашего адвоката появились какие-то возможности. Как думаешь, какие?

Мне понятно, к чему клонит мой друг.

— Миносьян, — роняю я.

— Вот-вот! — подхватывает Борис. — Не самый ли крупный зверь попался нам тогда.., при случайных обстоятельствах?

Предложение, безусловно, заслуживает внимания. А какие у тебя, мой друг, доказательства?

— Нет доказательств! Нет! Чистая логика! Я не знаю, кто такой Зазроев, но я могу судить о масштабах его деятельности. Если он и валютчик, то, во всяком случае, не рядовой!

— Ты полагаешь, Миносьян вручил бразды правления Зазроеву?

— Временно, дорогой! Временно! На период вынужденного отдыха. Люди «сидят». Схема должна работать.

— Но почему именно Зазроеву?

— Об этом лучше всего спросить у самого Зазроева, — логично замечает Ахалая.

— Улетела птичка, — говорю я.

— Надеюсь, недалеко. Вот что, Виктор, тебе обязательно надо встретиться с Миносьяном.

— А если он будет молчать?

— Есть еще одна зацепка.

Ахалая достает из верхнего ящика и кладет на стол, изображением вниз, какую-то фотографию.

— Взяли мы несколько дней назад одного человека, — говорит он. — Мелкая сошка, но с большими аппетитами. Тот же круг интересов: золото, бриллианты... Он назвал нам одно имя: клянется, что других не знает. Вот этого!

Борис переворачивает фотографию. С любительского снимка размером тринадцать на восемнадцать на меня таращится довольная собой личность лет тридцати с лицом преуспевающего деятеля районного масштаба.

— Арчил Нодаришвили, гражданин без определенных занятий, — представляет Ахалая. — По словам вышеупомянутой мелкой сошки Нодаришвили был связным между адептами валютчиками и каким-то человеком в Москве. В конце августа он выехал в столицу, но к назначенному сроку не вернулся. Иными словами, тоже исчез!

Существуют десятки способов выпасть из поля зрения: изменить имя и внешность, подыскать подходящий адресок, заполучить новые документы. Определенными преимуществами здесь обладают лица с хорошим знанием географии. Допустим, вас ищут в Костроме, а вы в это самое время преспокойно разгуливаете по улицам Новосибирска. Если в Арчиле Нодаришвили неожиданно

проснулась «охота к перемене мест», поиски его могли затянуться на неопределенное время. Этот человек нужен был мне немедленно, и я решил ограничиться Москвой.

Коллеги из милиции предоставили нужные сведения. На стыке последнего месяца лета с первым месяцем осени интересующий нас гость с Кавказа ни в одной гостинице столицы не проживал, по поводу его исчезновения к властям никто не обращался. Я поднял аналогичные заявления, касающиеся мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет. Таковых оказалось трое. Все нашлись, все живы и здоровы. Один загулял с друзьями. Второй неумело скрывался от алиментов. Третий вернулся к жене. Искать его по старому адресу заявительнице, к которой он, в свой черед, ушел от жены, почему-то не пришло в голову.

Оставались лица, ушедшие в небытие. Двадцать девятого августа в состоянии сильного алкогольного опьянения угодил под электричку командированный из Иркутска. Тридцатого в районе пятьдесят седьмого километра Киевского шоссе обнаружен труп неизвестного. Возраст тридцать — тридцать пять лет. Особые приметы: на левой руке — след какой-то давней травмы — не хватает большого пальца. Заключение следствия: сбит машиной.

Пока медицинская карточка Нодаришвили, изъятая из районной поликлиники, путешествовала в Москву, труп эксгумировали. Заключение судебно-медицинской экспертизы не оставило никаких сомнений. В ночь с двадцать девятого на тридцатое августа под машину на Киевском шоссе угодил именно он.

Пустынное шоссе в шестидесяти километрах от столицы — неподходящее место для прогулок в ночное время. Но поскольку Арчил Нодаришвили ничего не делал просто так, его появление в данной географической точке, надо думать, не было случайным. Что заставило его отправиться в этот последний в жизни вояж? Сержант, командир патруля, обнаружившего труп, обратил мое внимание на две любопытные подробности. Во-первых, тело было найдено в тридцати четырех метрах от дороги и вроде как замаскировано, но не тщательно. Во-вторых, ни документов, ни денег — ровным счетом ничего такого, что могло бы пролить какой-то свет на тайпу его появления здесь — обнаружено не было: карманы очищались со скрупулезностью пылесоса. Я заинтересовался у специалистов, может ли человек, с травмой, послужившей при-

чиной смерти Нодаришвили, самостоятельно одолеть тридцать четыре метра, и в ответ услышал категорическое «нет».

Версию о непредумышленном убийстве я отверг сразу же. Координаты и время действий, род деятельности погибшего, пустые карманы и отдаленность от шоссе места его последнего успокоения, однозначно указывали на убийство с заранее обдуманым намерением. Тот, чья рука направила роковой автомобиль, определенно знал, на что шел, и сделал все возможное, чтобы жертва осталась неопознанной.

Нодаришвили был связным: передавал распоряжения, что-то перевозил по мелочам. Для переброски крупных партий валюты изобретают что-нибудь похитрей. Что-то вроде контейнера в бампере вездехода Никитина. Тот, кто убрал связного, по-видимому, опасался, что нечто, чрезвычайно важное, станет достоянием чужих глаз и ушей. Годилось и другое предположение. В среде преступников наметился раздор: обманывали друг друга эти подонки так же легко, как клялись в вечной верности. Но и в этом случае речь шла об обмане не рядовом, раз оно повлекло за собой убийство.

Чем больше я раздумывал над всем этим, тем больше мне не нравился один нюанс. Даже не факт. Тональность. Об исчезновении Нодаришвили преступники знали, это подтверждено. Но почему-то особого беспокойства в их стане это не вызвало. Первый признак такого беспокойства — мгновенное прекращение всех дел: залечь на дно, выждать, определить, откуда дует ветер. В данном случае уже через несколько дней из Москвы на Кавказ была отправлена «посылка». Оставалось предположить, что ликвидация связного предопределялась заранее. Но если так, почему это не было сделано на месте? Почему ему позволили выехать в Москву — мало ли что могло случиться по дороге?

Ясности не было никакой. Схематично меж тем все выглядело складно, и у меня снова возникло чувство, что кто-то исподволь направляет наши действия. Всякий раз, когда события выходят из-под контроля, кажется, что их контролирует кто-то другой, тут уж ничего с собой не поделает. Стоило следствию забуксовать, как появился Никитин с его контейнером. Провалилась операция с контейнером — тут же всплывает личность Зазроева, затем возникает этот самый Нодаришвили. И что же? Зазроев исчез, Нодаришвили убит. По мере того как появля-

ются новые подробности и возникают новые имена, мы все больше и больше вязнем в лабиринте. В лабиринте, из которого, возможно, вообще нет выхода.

22

Стремительный ТУ-154 с точностью часового механизма доставляет меня в Свердловск, а его старший по возрасту собрат, трудяга АН-второй, препровождает дальше на северо-восток. Полтора часа в кабине тряского армейского вездехода — и вот я уже в лагере, где отбывает срок заключения некий гражданин Миносьян. Вся дорога от Москвы заняла семь часов. Вчера, испросив выходной, ровно столько же я добирался в Муром, проведать мать...

О моем приезде предупреждены. После недолгой беседы с начальником лагеря меня проводят в комнату для свиданий. Сажусь за стол, достаю из портфеля несколько листов бумаги, вынимаю из кармана авторучку и жду.

Дверь распахивается, и приятный баритон, опережая появление его хозяина, просит разрешения войти.

Поднимаю глаза и вижу невысокого, одетого в аккуратную униформу темного цвета человека лет пятидесяти, чье телосложение находится в полном согласии с его возрастом и ростом. Глядит вошедший бодро, на щеках играет здоровый румянец — в здешних местах морозно.

— Входите, — приглашаю я.

Человек входит. Дверь за ним захлопывается.

— Садитесь.

Садится. Глаз не отводит. Внимательно меня разглядывает.

Называю себя. Вошедшему представляться нет никакой нужды. Раз он здесь — мне известно, кто он такой.

Начало нашего разговора традиционно.

— Гражданин Миносьян, — говорю я, — у меня к вам несколько вопросов. Хочу предупредить, что правдивые и полные ответы на них могут благоприятно сказаться на вашей дальнейшей судьбе.

Миносьян улыбается.

— Вы, наверное, уже были у руководителей этого учреждения, гражданин начальник, — говорит он. — В таком случае, вам известно, что Миносьян — образцовый заключенный, нормы выполняет на сто двадцать процентов, стенгазета дважды о нем писала. А сидеть Миносьяну осталось всего полгода. Значит, через полгода Ми-

носьян — свободный человек, понимаете, и ни в каких благоприятных переменах он не нуждается. А вопросы ваши задавайте: приятно поговорить со свежим человеком... оттуда.

Внешне этот человек безразличен к моему появлению. Тем не менее его живо интересует, что я знаю и зачем пожаловал.

— Складно говорите, — замечаю я. — Хорошо поставленный голос, красивый тембр. Мне сказали, что вы — активный участник художественной самодеятельности.

— Участвую, — степенно подтверждает Миносьян. — Чтец-декламатор. Шота Руставели знаете? Мой коронный номер! Я за него первую премию на нашем смотре получил.

С трудом удерживаюсь от улыбки. Сам на то не рассчитывая, я задел душевную струну моего собеседника, и он не намерен ограничиваться простой констатацией фактов. Он намерен представить доказательства.

Нет тому на свете счастья, кто живет во имя злата.
Жадный щелкает зубами от восхода до заката.

Все ему, бедняге, мнится, будто денег маловато.

И душа его во прахе погибает без возврата,

— проникновенно цитирует обладатель первой премии. Кажется, он весь во власти этих слов.

— Разумно, — коротко одобряю я.

На более затяжной комплимент нет времени. Пора начинать нашу работу. Я достаю из портфеля и протягиваю Миносьяну фотографию Зазроева.

— Вы знаете этого человека?

Миносьян смотрит. Лицо его не выражает ничего.

— Не знаю, — бурчит он.

— Точнее сказать, не узнаете. Это адвокат Зазроев. Он защищал вас на суде.

После моего сообщения человек, сидящий напротив, считает необходимым снова взглянуть на фото.

— Изменился, — говорит он. — Пять лет прошло.

— Очень изменился, — соглашаюсь я. — Настолько изменился, что забросил адвокатскую практику и стал практиковать в области валютных операций.

Холостой выстрел.

— А мне какое до этого дело? — равнодушно роняет Миносьян.

— Может быть, вы объясните, почему столь разительные перемены в судьбе преуспевающего адвоката произошли именно после вашей с ним встречи?

— Какие встречи, слушайте! — Все это — лишь на полтона выше, чем предшествующая реплика. — Я виделся с ним раза три до суда и еще раз в день суда. Все, что знал он, знали и вы. Я совершил преступление и наказан по всей строгости нашего закона. Неужели вы думаете, что мой пример мог заставить блестящего адвоката бросить все — карьеру, спокойную, обеспеченную жизнь и заняться этим сомнительным и грязным делом?

Насчет сомнений — это он, пожалуй, чересчур, или есть люди, для которых грязь — самая привычная среда, а в остальном — почти по Руставели. Фронтальная атака не удалась. Ну что ж, попробуем фланговый маневр.

— Давайте порассуждаем, — предлагаю я — Некто по незначительному поводу задерживается властями. Главные преступления этого человека остаются «за кадром», судят его за мелочь, пустяк по сравнению со всем остальным. Пустяк — не пустяк, а дело на пять лет остается бесхозным. Дело, размах которого известен ему одному: нити, связи, люди — все у него в руках! Как быть? Связаться с кем-нибудь из своих людей он не может, да и, вероятно, полностью не доверяет никому из них. И тогда этот человек решается на рискованный, но в его положении единственный и потому оправданный маневр — на эти пять лет находит себе заместителя в лице своего адвоката, в котором по-видимому, он сумел разглядеть родственную душу. Подробности этого сговора известны им обоим, но, надо думать, они оказались приемлемыми для обоих.

— А ведь никаких улик против Зазроева у вас нет, — неожиданно вступает Миносьян. — Так, подозрения... А подозрения без фактов — это мираж в пустыне. Солнце взойшло — и нет ничего. Даже тени.

Полутона, полунамеки... А за всем этим стоит нечто очень важное. Передо мной сидит решительный, уверенный в себе человек. Если Борис Ахалая прав в своем предположении, то у Зазроева, пожалуй, есть все основания остерегаться Миносьяна...

— Откуда такая уверенность? — интересуюсь я.

Мой собеседник «играет паузу». Получается у него это столь же профессионально, как и недавняя декламация. Воистину первая премия досталась ему по праву.

— Вы приехали ко мне и хотите, чтобы я подтвердил эту фантастическую историю? — наконец произносит он. — Вот что я вам скажу... Миносьян прожил жизнь и надеется пожить еще немного. Старость человека должна проходить под солнцем — в этих стенах мне его не хватает. Вы любите сказки? Я вам расскажу еще одну. Предположим, вы правы и ваш загадочный некто — тот самый человек, которого вы давно и безуспешно ищете. Неужели вы думаете, что он настолько глуп, чтобы до конца своих дней оставить себя без солнца?

— Когда эта сказка обретет характер официального документа, рассказывать ее будет поздно, — предостерегаю я.

Лицо Миносьяна становится бесстрастным.

— Я ничего не знаю, — сухо произносит он, — Ничего!

23

Вид географической карты у моего друга Бориса Ахалая всегда вызывал уныние. Для человека, который так любит жизнь, нет ничего мрачней схематического ее изображения: линии вместо дорог, кружки вместо населенных пунктов, пятна вместо гор и морей. Но сегодня карта, висящая в его сухумском кабинете, служит источником самых отрядных мыслей.

— Шестнадцатого вечером и семнадцатого утром на дачу Зазроева звонил какой-то мужчина. Вызовы были междугородными, их зафиксировали на местной телефонной станции, — докладывает молодой безусый лейтенант, которому мой друг оказывает тайное покровительство. Проявляется это, впрочем, в том, что к своему подопечному Борис столь же требователен, как и к себе самому.

— Откуда звонили? — интересуется Ахалай.

Лейтенант подходит к карте и показывает.

— Отсюда и отсюда.

Борис рассматривает карту столь пристально, будто хочет увидеть стену, которую она скрывает. Подробности моего «путешествия» по побережью ему хорошо известны, и он уже отметил про себя: первый звонок был сделан из городка, в котором мы с Ольгой пытались поужинать в ресторане, а в результате оказались в милиции; второй последовал из поселка, через который на следующее утро пролегал маршрут серой «Волги».

— Очень хорошо, генацвале! — отмечает Ахалая действия своего подчиненного. — Очень хорошо! Ты принес добрые вести. Мы выезжаем немедленно!

— Куда? — разочарованно спрашивает лейтенант.

Он не без основания рассчитывал, что двое суток напряженных поисков позволят ему по-иному распорядиться остатком дня.

Борис накрывает ладонью вышеупомянутые населенные пункты. Пессимизм подчиненного не укрылся от его внимания.

— Сюда и сюда, — ласково произносит Ахалая.

...Они начинают с городка. Заведующая переговорным пунктом волнуется. От приезда гостей ничего хорошего она не ждет. Ахалая ее успокаивает: они здесь по делу, и какие-либо перемены в структуре ее учреждения находятся за пределами их компетенции и намерений.

— Кто из ваших сотрудников дежурил вечером шестнадцатого сентября, — спрашивает он.

— Натворили что-нибудь? — пугается женщина.

Она не верит гостю.

— Нет-нет, что вы!

— Сейчас посмотрю. — Заведующая заглядывает в список, лежащий на столе под стеклом. — Дежурили Белидзе и Марголина, а заказы принимала Лысенкова.

— Лысенкова есть на работе?

— Есть. Сейчас ее смена.

— Пригласите, пожалуйста.

Телефонистка Лысенкова входит достаточно уверенно, как человек, которому нечего скрывать, и достаточно степенно, для того чтобы ею успели полюбоваться. Любоваться есть чем, ибо телефонистка — высокая красивая шатенка, чье общественное сознание несколько отстаёт в развитии от фигуры.

— Это Раиса Лысенкова, — представляет ее заведующая.

— Очень хорошо! — радуется Ахалая, и телефонистка с излишней опрометчивостью относит это восклицание на определенный счет.

— Я вам больше не нужна?

— Пока нет.

Заведующая выходит.

— Садитесь, Раечка, — приглашает Ахалая.

Лысенкова садится. Ножки она, как бы случайно, поставила на авансцену. И хотя Борис и отметил, что девушка хорошенькая, сейчас ему не до пожек.

— Шестнадцатого сентября вечером вы дежурили на приеме заказов? — спрашивает он.

— Да, — подтверждает девушка.

— Не запомнили, случайно, кто заказывал телефонный разговор через Сухуми по номеру двадцать пять тринадцать?

— Почему же не запомнила — работы было немного. Высокий такой, с усиками, лет тридцати. Красивый!

Поэтому она и запомнила — отсутствие работы здесь ни при чем.

— Великолепно, Раечка! — ликует Ахалая. — Его так и распирает от возбуждения. — Может быть, еще какие-нибудь подробности?

— А разве ваш товарищ вам не рассказывал?

— Какой товарищ?

— Ну, товарищ из... милиции.

— Из милиции? — удивляется Ахалая. — Ну-ка, ну-ка...

— Странно, что вы не знаете, — в свою очередь удивляется девушка. — Как только тот, с усиками, ушел, подходит какой-то человек, красную книжечку показывает и говорит: «Я капитан такой-то».

— Вы эту книжечку видели?

— Ну что вы!.. Я людям верю. Вообще-то он не сказал, что из милиции, я сама так решила: раз с книжечкой и капитан... Спрашивает: «Куда и по какому номеру только что звонили из четвертой кабины?» Я сказала.

— А он?

— Поблагодарил и ушел.

Борис задумывается. Если он и предусмотрел чье-либо появление здесь вечером шестнадцатого, то, скорее, снежного человека, чем какого-то таинственного «коллеги».

— Как он выглядел?

— Не помню, — разводит руками девушка. — Да, вот что еще... Не знаю, пригодится ли... Когда он вышел, мне показалось, что от двери отъехал мотоцикл.

Коллега на мотоцикле... А может быть, на метле?

— Постойте, постойте! — вспоминает Лысенкова. — Я, кажется, где-то записала его фамилию. Подумала, вдруг вызовут. Чтоб знать, к кому обратиться... Как в воду глядела!

— Раечка, вы прелесть! — восхищается Ахалая.

Девушка одаряет его кокетливой улыбкой. Она сама прекрасно знает, что она прелесть.

Поиски фамилии приводят обоих в соседнюю комнату. На свет появляется пачка бланков заказов. Дежурные телефонистки, две дамочки средних лет, не обремененные работой, с интересом поглядывают на гостя.

— Не то, — говорит Раечка, перебирая бланки. — Не то. Вот! — Она переворачивает бланк. — Все точно! Двадцать пять тринадцать... А вот и фамилия. Волновалась... Собственной руки не узнаю... Капитан... Капитан...

Девушка называет фамилию.

— Как, как? — пораженно переспрашивает Ахалая.

Назовись вышеупомянутый «капитаном» Жаном-Полем Бельмондо, это не произвело бы столь поразительного эффекта.

— Вы не ошиблись?

— Нет, — холодно отвечает Раечка.

Она привыкла к тому, что ее словам верят.

Проинспектировав поселок, который в его списке значится под номером «два» и убедившись, что и здесь отметили молодого красивого мужчину с усиками, Борис возвращается в Сухуми и заказывает разговор с Москвой. Нас с ним соединяют.

— Шестнадцатого вечером Зазроеву звонили из того самого городка, в котором ты демонстрировал приемы бокса, — говорит он. — Но это еще не все. На переговорном пункте какой-то человек интересовался номером телефона адвоката и местом, где телефон установлен. Ему назвали и то, и другое. Я так думаю, человек искал Зазроева, понимаешь?.. А теперь приготовься упасть со стула. Этот человек представился капитаном Лукшиным!

Я молчу. Понимаю, что он не шутит. Какие уж тут шутки!

— Ты почему молчишь? — волнуется на другом конце провода Ахалая. — Ты меня понял?

Я понял, как не понять. Капитан Лукшин — это я сам, и, насколько мне известно, ни двойников, ни родственников мужского пола, ни шутников-друзей у меня нет.

Утро начинается с того же, чем закончился минувший день: с раздумий. Иной раз чем больше голову ломаешь, тем меньше что-либо понимаешь, именно так все и было в данном случае. Предчувствия меня не обманули. В игре действительно участвует какой-то сторон-

ний человек, который ведет странную партию. Он играет ни за нас, ни против нас. Он играет сам по себе. На этом определенность кончалась. Я набросал список лиц, в той или иной степени причастных к этому делу: каждый из них мог оказаться на переговорном пункте вечером шестнадцатого. Среди прочих в этом списке значились Борис Ахалая и я сам. Но даже самые невероятные предположения не проясняли образ мыслей и действий таинственного «капитана Лукшина». За каким чертом ему понадобилось называться моим именем? В его действиях чувствовался вызов. Он открыто смеялся над нашим недоумением. Этот человек был где-то рядом, ну вроде бы как вы открываете дверь, а он за ней стоит и в то же время недосыгаем, как обитатель преисподней. Лица, квартирующие в этом достойном месте, разумеется, в расчет не брались, хотя в поведении моего двойника и было что-то от лукавого.

В какой-то момент мое смятение заставляет меня сняться с места и двигаться в сторону кабинета шефа. Но, не доходя до него метров десять, я благоразумно поворачиваю назад. О чем мы с ним будем толковать? О моей несостоятельности?

В таком вот настроении меня застаёт телефонный звонок квартирной хозяйки Ольги. Между нами происходит диалог следующего содержания.

Она. — Вы просили вам позвонить, если кто-нибудь будет справляться о моей жилище.

Я. — И что, справлялись?

Она. — Пришла открытка.

Я. — Я сейчас приеду, не возражаете?

Она. — Это ваше дело.

Я. — Вы будете дома?

Она. — Я все время дома. Я, знаете ли, в таких годах, что без крайней надобности не выхожу.

Я. — Приеду через час.

Она. — Я вас жду.

Мчусь к метро «Ждановская». Дождь, всю последнюю неделю наводивший тоску на москвичей, занемог и взял бюллетень. В просветы между тучами нерешительно, как надежда, проглядывает солнце. Это хороший знак.

В парадном меня поджидает первая неожиданность: лифт не работает. Возбегаю по лестнице, по мере приближения финиша отмечая, что моя хваленая спортивная форма не столь высока, как того требуют обстоятель-

ства. Минуту-другую посвящаю тому, чтобы восстано-
вить дыхание, потом звоню.

Открывают немедленно — хозяйка будто караулит за
дверью.

— Здравствуйте, Марья Демьяновна, — как можно
радушнее приветствую я ее.

— Здравствуйте, — сухо отвечает старуха.

Она — в том же виде, в том же состоянии здоровья и
в столь же непоколебимой уверенности в превосходстве
добрых старых нравов над нынешними. Стоит, загора-
живая проход и, судя по всему, не намерена приглашать
меня в апартаменты.

— Вот то, за чем вы пришли.

Хозяйка протягивает мне открытку.

Верчу ее в руках. С облегчением констатирую, что
обратный адрес имеется.

— Местная, — говорю я.

— Это уж я не знаю, местная или не местная, — из-
рекает старуха, публично выказывая свою незаинтересо-
ванность. Так уж я в нее и поверил! — От хахаля, на-
верное.

Судя по тону этого замечания, деятельность почты в
последние семьдесят с лишним лет в основном направ-
лена на обеспечение низменных потребностей любителей
поволокнуться за хорошенькими девушками.

— Так уж сразу и от хахаля!

— А кто ж еще написать-то ей может! — Хозяйка
молчит, словно прикидывая, стоит ли ей продолжать, по-
том все-таки спрашивает: — Были вы в Брянске?

Отвечаю, что был.

— Ну и что, нашли вашу Морозову?

Отвечаю, что нет.

Ольга больше здесь жить не будет, могу это гаранти-
ровать!

— Я так и думала! — торжествующе констатирует
дербер в юбке.

Внимательно гляжу на нее. Эта женщина стара, как
мир, но даже столь почтенное обстоятельство ее не из-
виняет.

— А вы злой человек, Марья Демьяновна, — говорю
я и по ее ответному взгляду понимаю, что эти слова мне
при случае припомнят.

— Если у вас больше ничего ко мне нет, то позволъ-
те с вами проститься, — скрипит старуха. — Я себя не-
важно чувствую, пойду лягу.

Она захлопывает дверь. Вовремя! Не знаю, как ее — мое терпение на исходе. Спускаюсь на два пролета и, остановившись у окна, внимательно изучаю открытку. Четким крупным почерком на обратной стороне выведено:

«Оля! Нам надо встретиться. Это важно! Жду тебя в семь часов вечера в субботу на старом месте.

Павел».

Сегодня среда. Вышеупомянутое место известно лишь двоим — отправителю и адресату, к тому же меня не устраивают сроки. Остается обратный адрес. Он кажется мне знакомым. После недолгих раздумий вспоминаю, что где-то в этом районе проживает маленькая птичка со стрижкой а-ля Мирей Матье. Гнездовые птички я узнаю по чисто внешним признакам. Поинтересоваться точными координатами как-то не приходило в голову.

Сомнения сменяет уверенность, когда двумя часами позже в подъезде известного мне дома я сталкиваюсь с Люсенькой.

— Ты ко мне? — приятно удивляется птичка.

— Я здесь по делу, — объясняю сдержанно.

Ей известно, где я работаю, но предположить такое совпадение она не в состоянии.

— Может, все-таки зайдешь? — ненавязчиво настаивает она.

— В другой раз, — говорю я.

Лично у меня на этот счет — большие сомнения.

— Ты странный человек, Виктор, — после непродолжительного молчания заявляет Люсенька. — Ну, что ж, пока!

Она удаляется в сторону автобусной остановки, независимо постукивая каблучками щегольских сапожек. Ее ладное кожаное пальтишко красиво облегает все, что положено. По всем признакам рано или поздно я должен пожалеть о своей необъяснимой неговорчивости.

Нахожу нужное мне парадное. Скрипит лифт, останавливается со вздохом. Хлопают его двери. Искомая квартира — справа. Нажимаю кнопку. Непродолжительную тишину оглашает стандартизованный перезвон.

Мне открывает раньше сорока постаревшая женщина, чья жизнь, вероятно, не была легкой.

— Вам кого? — спрашивает она.

— Извините, Павел дома? — в свою очередь спрашиваю я.

— Папа, тебя! — зовет женщина.

Появляется высокий светловолосый парень в тренировочных брюках и темной рубашке в клетку, лицом похожий на открывшую мне женщину. Его интерес ко мне — из разряда случайных: он видит меня впервые.

— Здравствуйте, — говорит парень.

— Здравствуйте, — отвечаю я. — Вы — Павел, верно?

— Он самый.

Представляюсь. Удивление моего собеседника не выходит за рамки обычного. Он приглашает меня в комнату.

Комната как комната: футбольный мяч, магнитофон, гантели, книги. Одно лишь отличает ее от сотен тысяч таких же комнат — множество фотографий Ольги на стенах. Почерк автора кажется мне знакомым. Вспоминаю, что одну из таких фотографий я видел в квартире у метро «Ждановская».

Сообщаю Павлу о поводе своего визита. Разумеется, в тех подробностях, о которых он должен об этом знать, и в ответ выслушиваю сбивчивое и искреннее признание. Сбивчивость объясняется волнением парня. Искренность — его возрастом. Судя по всему, человек он добрый, открытый и честный.

— Мы познакомились три года назад, — рассказывает Павел. — Вместе поступали в университет, на филологический. Я поступил. Ольга не прошла по конкурсу. Я уговорил ее остаться в Москве и на следующий год поступать снова. Она послушалась меня, осталась. Пошла работать секретаршей в какой-то трест. Она и сейчас там работает. В первые полгода мы виделись каждый день, меня из-за этого чуть из университета не отчислили. Первую же сессию завалил, еле выкарабкался. Потом стали встречаться реже. У нее появились новые друзья, не мне чета — рестораны, машины... Учиться она не хотела, даже поступать не пыталась. Говорила, что и так всего в жизни добьется. В общем, жила в свое удовольствие. А жилось ей, по-видимому, не сладко. В последний раз я встретил ее в конце августа. Случайно. Обрадовалась, потащила в Сокольники... Бродили до утра... Как в добрые старые времена... Она была чем-то расстроена, плакала. Говорила, что все надоело, что не может больше так жить... Сказала, что уедет... Я решил помочь ей. Ну, не то, чтобы помочь — вы понимаете? Я ведь люблю ее. Очень! Всегда любил... Договорился, что перейду на заочный, место на кафедре предложил.

Не бог весть что, но на первых порах нам бы хватило. Написал вот эту открытку, просил о встрече...

Осторожно говорю, что на свидание девушка не придет.

— Что с ней? — встревожился Павел.

Сегодня утром я звонил в Грузию. Состояние по-прежнему тяжелое.

Как могу, успокаиваю парня. Не думаю, что он до конца мне верит, но не спрашивает. Очевидно, понимает, что я ограничен в возможности отвечать. Его деликатность мне по душе. Добрый, открытый, честный... Почему-то именно таким людям мало в этой жизни везет.

Обвожу глазами стены. С фотографий, бесчисленно повторенные, за мной следят знакомые глаза. Они словно вопрошают: что же ты?.. В самом деле, что ж это я?..

— Эти фотографии... Они сделаны давно? — интересуюсь я, додумывая некую, внезапно пришедшую в голову мысль.

— Давно, — отвечает Павел. — В наш «голубой период».

— В последнее время вы ее не снимали?

— Нет... Впрочем, постойте! В конце июня мы с нашей группой отмечали окончание третьего курса. Это было в кафе «Валдай». Поздно вечером, перед самым закрытием, неожиданно появилась Ольга с каким-то типом. Я их несколько раз щелкнул во время танцев, сам не знаю зачем. Она увидела, разозлилась, отругала меня... Они тут же ушли.

— У вас есть эти фотографии? — поспешно перебиваю я.

Черт возьми, сегодня, кажется, не зря солнечный день!

— Да, конечно.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста.

Павел поднимается, достает с полки большую картонную коробку, высыпает на стол содержимое, находит несколько снимков и протягивает мне.

Я просматриваю фотографии. Мне требуется все мое самообладание, чтобы не проявить удивления, ибо я сразу узнаю человека, стоящего рядом с Ольгой...

— Можно я возьму их с собой? — спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Павел. — Если хотите, я увеличу.

— Благодарю вас, не надо.

Мне пора. Я встаю. Понимая, что я сейчас уйду, Павел решается сказать несколько трудно дающихся ему слов.

— Вы должны помочь ей, — говорит он, глядя куда-то в пол. — Она не виновата.

— Надеюсь, — вздыхаю я.

Я не могу сказать ему ничего иного. Хотя, по чести говоря, должен.

25

У шефа есть возможность в приказном порядке в любую минуту заполучить меня к себе. Однако на следующее утро он предпочитает появиться у меня сам. Шеф считает, что отеческий разговор о наших нуждах-бедах лучше всего проводить на нейтральной территории. У него в кабинете такой разговор, хочешь не хочешь, получается чересчур официальным.

Играть роль человека озабоченного, никакой необходимости нет, ибо я и без того озабочен сверх всякой меры.

Что за польза Ростевану, что за выгода войскам,

Если их военачальник предан горю и слезам? —

любопытствует Белопольский. Кавказские мотивы в данном случае весьма уместны. Что касается Руставели, то шеф не принадлежит к клану его наиболее экзальтированных почитателей, вроде моего друга тамады. Он просто много знает.

Вопрос задевает за живое. Самое время показать, что наша, так сказать, озабоченность является следствием нашей, так сказать, активности. Приглашаю полковника в кинозал. На маршруте перехода и в зале, пока настраивают проектор, он не задает мне ни одного вопроса. Он задаст их потом. Но это уже будет другой разговор и в ином тоне.

Гаснет свет. На экране появляется изображение. Это — один из двух снимков, переданных мне вчера Павлом.

— Видите девушку в левом углу? Это Морозова, — поясню я. — А теперь обратите внимание на человека рядом с ней.

— В кожаной куртке? — уточняет Белопольский.

— Да. Здесь нечетко. Сейчас будет получше.

На экране возникает новый снимок интересующей нас пары. На сей раз лицо мужчины, запечатленного в фас, видно во всех деталях и интонациях. Ему явно не нравится, что его фотографируют.

— Никитин?! — восклицает полковник.

Ему незачем скрывать своего изумления, как и мне вчера.

— Он самый, — сдержанно подтверждаю я.

Восторгаться тут особенно нечем. Скорее наоборот.

Вспыхивает свет. Подхожу и сажусь рядом с шефом. Кинозал — одно из самых уютных мест в нашем офисе, его приятный полумрак хорошо стимулирует воображение. Последнее обстоятельство мне хорошо известно, я не без умысла устроил обсуждение увиденного именно здесь.

— Вот это поворот! — изумляется шеф. Он до сих пор не может прийти в себя, а уж этого человека удивить трудно. — Помнишь, наш самый первый разговор, после того как ты вернулся из поездки? Ты тогда сказал, что мы чего-то не учли с самого начала. Вот и ответ!

Допустим, я не говорил, а только подумал, но и это не важно. Главное, мы оба думали об одном и том же. Как уж тут промахнуться?

— Мы и не могли учесть, — говорю я. — Уж слишком неправдоподобно...

— Факты — вещь точная, как бы неправдоподобно они ни выглядели, — вздыхает Белопольский. — Никитин и Морозова знакомы. Значит, тебе на дороге Морозова встретилась не случайно. Никитин хотел знать, что ты будешь делать, а ты не понял...

В этом месте следует небольшая заминка, ибо шеф понимает, что перегнул палку.

— И я бы не понял, — поспешно добавляет он. — Попробуй догадаться... Идем дальше. Появляется человек, который шестнадцатого сентября вечером на переговорном пункте представляется капитаном Лукшиным. Это мог быть только Никитин! Возникает естественное предположение, что все эти дни он был где-то рядом.

Образцовый гражданин, «случайно» нашедший у себя в машине целое состояние и без промедления сообщивший об этом властям. Его «случайное» появление в самом центре событий в тот момент, когда он, по нашей договоренности, должен был находиться совсем в другом месте, и совершенно непонятное небрежение к опасности быть обнаруженным или вычисленным. Его знакомая,

«случайно» оказавшаяся участницей затейной нами игры... От всего этого голова кругом идет. Получается, что все это время нашим хорошо слаженным оркестром управлял совсем другой дирижер...

— В толк не возьму, зачем ему понадобилось называться моим именем? — бормочу я. — Он мог назвать любое другое...

— Есть такая категория людей, любящих риск, решительных, самонадеянных, дерзких, — раздумчиво произносит шеф. — Сознание собственного превосходства в них сильнее элементарной осторожности: вот он я, здесь, кручу вами, как хочу, а попробуй возьми! Между прочим при всей внешней уязвимости его действий, рисковал он немногим. Его не было в нашей схеме. Не было! И он это знал. Если бы ты не обратил внимания на некоторые странности в поведении Морозовой, — ловлю адресованный мне испытующий взгляд и отчаянно стараюсь не покраснеть, — не было бы и сегодняшнего разговора. К сожалению, брат Никитин пока нельзя: знакомство с Морозовой и странная манера выдавать себя за другого — это еще не улика. Спросить бы Морозову...

— Дня через два-три, — говорю я, делая вид, что рассматриваю фотографии.

— Надо спешить, чует мое сердце. Хотелось бы знать, для чего ему понадобился весь этот маскарад с контейнером?

Ответ на этот вопрос из разряда тех, которые одним махом ставят все точки над всеми «і».

— Он искал Зазроева, — предполагаю я.

Мы уклонились в сторону от опасной темы, и теперь я могу наконец отвлечься от фотографии.

— Допустим. А зачем? Как думаешь, где Никитин может быть сейчас?

Где может — этого я не знаю. Говорю, где должен.

— Ты проверял?

— Я послал запрос.

Наш разговор окончен. Шеф встает и направляется к выходу из кинозала. Его походка лишена обычной живости, ступает он с усилием, тяжело, как человек, который прошагал многие десятки километров по бездорожью и обнаружил, что искомый дядюшка совершенно неожиданно съехал в неизвестном направлении, а на месте родимого села стоит большой металлургический завод. Я хорошо понимаю его состояние, ибо шагали мы вме-

сте. У двери он останавливается и, повернувшись ко мне, произносит отеческим тоном:

— Будь осторожен. Это опасный противник, Виктор!

26

Место действия — поросшие лесом отроги гор. Слева внизу — село в несколько десятков изб. Справа на вершине пригорка — стоящая особняком добротно срубленная пятистенка. На пригорок с усилием взбирается толстый человек средних лет, в милицейской форме с погонами лейтенанта. Это — здешний участковый. Ходьба по сильно пересеченной местности явно не соответствует его комплекции и наклонностям, потому теплый погожий день не радует лейтенанта.

Достигнув забора, окружающего пятистенку, участковый останавливается и, с удовольствием привалившись к калитке, в течение нескольких минут приводит свое дыхание в норму.

За забором могучего сложения мужик, как перышком, ворочает вилами, нанизывая за раз огромные, величиной со средних размеров стог, оханки сена. Он не видит, а скорее, подчеркнуто не замечает гостя. Это — хозяин пятистенки, бобыль-охотник и по некоторым неподтвержденным сведениям — браконьер.

— Здорово, Николай Филимонович! — собрав достаточные для разговора силы, приветствует его лейтенант. Мужик прерывает свое занятие.

— А, участковый. Здорово, — степенно отвечает он.

Участковый достает несовой платок и обтирает побавшее от движения в гору лицо.

— Как живешь-межень? — любопытно спрашивает он.

— Да уж могу, не сомневайся, — размашисто произносит хозяин. — Ты что, с делом каким аль мимо шел?

Вопрос задан так, по инерции, или про участкового известно, что он никогда не появляется просто так.

— Давненько я тебя не видел, — уклончиво отвечает лейтенант. — В дом пригласишь, может? Печет нынче, спасу нет!

— Печет, — сочувственно соглашается хозяин. — Заходи — гостем будешь.

Участковый проникает за забор, а потом следом за хозяином — в дом. В престорной горнице гость не без любопытства оглядывается.

— Ты бы, Николай Филимонович, чаю предложил, — говорит он. — А то в горле с самого утра сохнет.

— Это можно, — с охотой соглашается хозяин. — А ты, Петр Никитич, садись. Садись! Ноги небось гудят?

— Гудят. Гудят, родимые...

Лейтенант садится за массивный дубовый стол. Умиротворенно следит за тем, как хозяин хлопчет у самовара. В следующую минуту некий тревожащий запах заставляя участкового помрачнеть.

— Жареным пахнет, — констатирует он. — Медвежатинкой пробавляешься?

— Какое там... — машет рукой хозяин.

Он остался спокоен.

— А ты от ответа не отвлекайся. Не отвлекайся! — настаивает лейтенант. — Есть сведения!

— Нет у тебя никаких сведений, — добродушно отвечает хозяин. — Нетути! Потому, как были бы, давно бы ты меня в кутузку упер.

Чай участковый пьет в прикуску, с наслаждением прихлебывая из блюдца.

— Люди сказывают, неизвестный человек в тайге появился, — между вторым и третьим стаканами заявляет он.

— Тайга большая — кого только не встретишь, — резонно замечает хозяин.

— Так-то оно так. — Участковый отодвигает блюдце и переходит к делу, ради которого он, собственно, и пожаловал. — К тебе, говорят, сродственник недавно приезжал?

— Приезжал, — пожимает плечами хозяин. — Племянш из Москвы.

— Ну, и где ж он теперь?

— Ружьишко взял, в тайгу подался.

— Давно?

— Недели с две.

— Ну, а ежели с ним что случится? — беспокоится лейтенант. — Кто будет отвечать? Я буду отвечать!

— Да ты не волнуйся, Петр Никитич. Не волнуйся! — успокаивает его хозяин. — Парень он опытный, в наших краях — не впервой. Батка его, брательник мой, знаешь какой мужик был? Промысловик!.. Все честь по чести — охотничий билет имеется, лицензия на отстрелюся...

— Лицензия, говоришь? — Немного успокоившись, участковый берет за блюдце. — В общем, слово мое та-

кое. Как племян твой из тайги выйдет, ты его прямоком ко мне! Поглядеть на него хочу. Да заодно на то, чего он там наохотил. Понял?

— Не беспокойся, Петр Никитич, — обещает хозяин. — Все будет честь по чести!

У крайней избы участкового дожидается лошадь. По дороге, растянувшись на душистом сене, покрывающем дно телеги, он успевает полчаса вздремнуть. Свежий речной воздух, рев мотора, волокущего лодку по направлению к большому селу в низовье, приводят лейтенанта в состояние активной бодрости. Из почтового отделения на пристани он собственноручно диктует телеграфистке срочную телеграмму моим коллегам в краевой центр, которая незамедлительно переправляется мне.

Текст телеграммы прост: интересующий нас человек две недели назад отправился на охоту в тайгу, его возвращение ожидается со дня на день. Но именно телеграмма лишний раз убеждает меня в том, что игра идет очень серьезная.

27

Исковерканные «Жигули» Зазроева обнаруживают в полутора десятках километров от его дачи, на дне ущелья. Двумя часами позже Борис Ахалая уже на месте. Спуск с почти отвесной пятидесятиметровой скалы — дело достаточно рискованное даже для специалиста, каковым он, к его несчастью, не является. В ущелье спускается лейтенант, у которого, оказывается, разряд по альпинизму и которому мой друг доверяет, как самому себе. Пока лейтенант, благополучно достигнув дна ущелья, знакомится с местом происшествия, Борис столь же пристально оглядывает окрестности.

От обрыва, с которого сорвался автомобиль, до трассы — полтора километра. Место глухое, безлюдное — вернуться сюда можно лишь с какой-то определенной целью. Сам обрыв отлично просматривается с дороги, не заметить его любой мало-мальски опытный водитель просто не может. Если, конечно, ему не помогли... не заметить.

Через час с небольшим поступают первые сведения, свидетельствующие о том, что в определенном смысле нам повезло. Бензобак не взорвался, пожара не было. В кабине «Жигулей» обнаружен труп мужчины. Адвокат это или нет — позже установят эксперты, но Ахалая

уверен, что погибший — Зазроев. Небольшого прямоугольного предмета, исчезнувшего из сейфа на даче, в кабине нет. Не найдут его и на следующий день при более тщательном осмотре.

Темнеет, дело движется к вечеру, но лейтенант решается спуститься еще раз и, как выясняется, не зря. Недалеко от того места, где покоятся «Жигули», он находит останки мотоцикла. Здесь поначалу везет меньше. Падение с высоты, взрыв и пожар почти полностью уничтожили мотоцикл. К счастью, огонь наполовину пощадил табличку с государственным номером. Оставшихся двух букв достаточно для того, чтобы искать владельца мотоцикла на побережье, а сохранившиеся две цифры делают эти поиски вполне реальными.

28

Директор спецавтобазы дальних перевозок звонком вызывает к себе секретаршу.

— Ко мне — никого! — распоряжается он. — Занят! И в приемной скажите — пусть не ждут.

— Если будут звонить? — напоминает секретарша.

— Соединяйте только с министерством, — уверенно отвечает директор, и короткий взгляд его любопытствует, какое впечатление это произвело на меня.

— Хорошо. — Секретарша выходит, аккуратно прикрыв за собою дверь.

— Ну, вот мы и одни, — констатирует директор. — Никто нам не помешает, мы можем говорить спокойно, обстоятельно и не торопясь.

Никто нам, собственно, и не мешал, но моему собеседнику очень хочется подчеркнуть, сколь большое значение придает он моему визиту. Красивый холеный мужчина. На нем безукоризненный костюм. Его галстук изготовлен в Брюсселе, запонки — в Лондоне, а одеколон, которым обрызганы сидящие виски, — в Париже. Он курит сигареты «Джон Плайерс». Со стен его с дорогим вкусом декорированного кабинета призывно глядят глянцевые календарные красотики. Словом, если вы не последний болван, сразу поймете, что находитесь в кабинете значительного лица.

— Вы сказали, что интересуетесь Никитиным, — напоминает директор. — Простите, с какой стороны?

Незамысловатый, но в то же время почтительный прием определить, откуда дует ветер.

— С разных, — говорю я.

Соображай-ка ты, приятель, сам.

— Понятно, — говорит директор, хотя я и сомневаюсь, что ему что-нибудь понятно. — Ну, что сказать о Никитине?.. Работает у нас двенадцать лет. Последние семь обслуживает международные линии: Берлин, Гамбург, Варшава, Вена, Париж, Брюссель... В Европу вышли! Да... И знаете, не только железнодорожному — воздушному транспорту даем форы. Вот так-то! Самолет надо погрузить-разгрузить, а мы, можно сказать, от отправителя — прямо к заказчику!.. — В этом месте он спохватывается, что перед ним не автор будущей восторженной статьи в центральной прессе, и без паузы возвращается к интересующей меня теме. — Большой мастер своего дела! Водитель экстра-класса! Между прочим, мастер спорта по мотоциклетным гонкам. Дважды представлял наш коллектив на всесоюзных соревнованиях, оба раза возвращался с призами. С товарищами по работе тактичен, вежлив, в быту скромн.

Тактичный и скромный победитель гонок по пересеченной местности. Почти как в нашем случае. Убедившись, что сведения, которыми располагает директор, иссякли, уточняю:

— Меня интересуют заграничные поездки Никитина. Насколько я знаю, он за эти семь лет ни в каких нарушениях или злоупотреблениях замечен не был?

— Да вы его личное дело посмотрите! — Директор давит в хрустальной пепельнице до половины выкуренную сигарету и подвигает мне заблаговременно доставленную из отдела кадров папку с личным делом Никитина. (Опоздал, я уже смотрел). — Благодарность... Благодарность... Премия! Мы у себя кого попало не держим!

— Прямо не человек, а памятник, — замечаю я.

— А что? Что-нибудь не так? — тревожится директор. — Вы скажите, мы примем меры.

Стандартная реакция. Барельеф уже изготовлен; у дома, где проживает наш герой, назначен торжественный митинг, и оркестр уже не раз репетирует туш. Но если вдруг что-нибудь не так...

— Никаких мер вы, Сергей Егорович, принимать не будете, — строго говорю я. — Пусть Никитин работает, как работал. Это первая просьба. Теперь вторая. О нашем с вами разговоре никто не должен знать. Ни один человек, понимаете? Прежде всего сам Никитин.

Мой визави отвечает сосредоточенным кивком. Вот теперь он, кажется, понимает...

— А сейчас скажите, где он был в последних числах августа?

— Сейчас посмотрим.

Директор с готовностью лезет в стол, достает кожаную папку и сверяется с имеющимися в ней записями.

— Двадцать восьмого августа машина Никитина пришла из Софии, — докладывает он. — Груз — консервы. Три дня отгулов... Первого сентября они ушли на Дрезден. Это была его последняя поездка перед отпуском.

— О том, что Никитин будет делать после отпуска, вам, вероятно, тоже известно?

— Разумеется... Вот! — Хозяин кабинета находит нужное место в своих бумагах. — Седьмого октября он возвращается на работу, а восьмого уходит на Копенгаген.

Немаловажная подробность, возможно решающая. Впрочем, меня интересует еще кое-что.

— Скажите, — говорю я, — есть на автобазе человек, который знает Никитина, ну, скажем так, ближе, чем вы?

Директор пододвигает мне круглую черную коробку с золотым тиснением. Я отказываюсь — его сигареты для меня слишком слабы.

— Счастливец, — улыбается он. — А у меня, знаете ли, на наши духу не хватает. — Он закуривает и с удовольствием затягивается. Волнение его почти прошло. — Говорите, кто знает? Вот тут вам повезло. Полгода назад ушел на пенсию Лефтий Андрей Платонович, бывший наварник Никитина — ездили они вместе, если память не изменяет, лет пять. Опытный водитель, прекрасный человек, но — возраст! И вот совсем недавно Лефтий не выдержал, вернулся — дома сидеть не может. Мы его, естественно, встретили с распростертыми объятиями. Механиком он сейчас в гараже. Пригласить?

— Не надо. Схожу к нему сам.

— Тогда я провожу, — радушно предлагает директор.

— Благодарю вас.

В подобного рода контакты я привык вступать без посредников.

Иду на территорию базы и без труда нахожу ремонтный участок. Справляюсь о Лефтии у какого-то расторопного малого лет семнадцати, одетого в комбинезон номера на два больше и сверх всякой меры вымазанного в тавоте.

— Дядь Андрей, тебя! — кличет паренек.

Из гаража появляется пожилой человек крепкого телосложения. Его волосы девственно белы, как первая пороша, а глаза лучатся добротой: такой никогда не направит свою силу, куда не след.

— Вы меня спрашивали? — обращается он ко мне, протягивает руку и называет себя: — Лефтий Андрей Платонович.

Жму руку, ощутив исходящее от нее тепло.

— Лукшин.

— Вы, товарищ Лукшин, случайно не из...

Лефтий называет учреждение, которое я представляю. Не могу скрыть своего удивления.

— Чего ж тут сложного, — добродушно улыбается Лефтий. — Я ведь всю войну в разведке...

Мы устраиваемся на скамейке под развесистой липой и не торопясь закуриваем.

— Я Никитина пять лет знаю, — медленно, раздумывая над каждым словом, начинает Лефтий. — Ничего плохого сказать о нем не могу. Конечно, сомнения есть. Да только стоит ли о них говорить? Вас ведь интересуют факты.

— А вы скажите, — подбадриваю его я.

Соображения бывшего разведчика могут оказаться поважней фактов.

Лефтий глядит на меня коротко и внимательно. Этот взгляд проникает в самую душу.

— Для вас это важно? — спрашивает он.

— Важно, — коротко отвечаю я.

Объяснять что к чему такому человеку нет никакой нужды.

Минуту-другую механик молчит, собираясь с мыслями.

— Настоящий это человек, — наконец произносит он. — Есть в нем какая-то порча... Я тут недавно по телевизору передачу про львов с внуком смотрел... Лев — тот часами может в зарослях лежать без движения: дождется, когда добыча на расстоянии прыжка приблизится, — тогда только и бросится... Вот так и Никитин.

Сравнение очень удачное. Мне даже немного не по себе от того, что Лефтий угодил в самую точку.

— Так ведь пока не бросился, — замечаю я.

Бывший разведчик поднимает глаза.

— Пока... — твердо говорит он.

Если б так... Проглядели мы прыжок, и теперь все

это надо восстанавливать по памяти, иначе не докопаться до сути.

— Скажите, Андрей Платонович, в последнее время вы часто виделись? — спрашиваю я.

— Часто, — отвечает Лефтий. — Как бы вам это объяснить... Никитин на мне свою благонадежность проверял, что ли. Уж если я его буду принимать таким, каким он казаться хочет, то другие и подавно... После рейсов всегда заходил, рассказывал, что и как. Машину свою только мне доверял.

Наступает кульминационный момент нашей беседы.

— Стало быть, вы и накануне его отпуска встречались? — предполагаю я.

Механик улыбается. Хитринки так и мелькают в его глазах.

— А ведь я знаю, что вас интересует, — говорит он. — Один человек.

Мозаика почти сложилась. Не могла не сложиться. На свои места осталось положить два-три камешка, не больше. И один из них — в кармане моего пиджака. Достая и показываю собеседнику фотографию Надаршвили.

— Интересует, — говорю я. — Вот этот.

— Это он, — уверенно произносит Лефтий. — Он приходил к Никитину. Между прочим на левой руке у этого человека нет большого пальца.

29

Сажу за столом в кабинете шефа. Белопольский стоит у окна, со стороны кажется, будто он что-то пытается рассмотреть сквозь залитые дождем стекла. Несмотря на то что природа вновь ополчилась против населения столицы, настроение у нас приподнятое. Судя по всему, очередная картина второго акта будет последней в этом затянувшемся спектакле. Я пока не знаю, что автор приготовил мне еще один, финальный, сюрприз.

Полковник отрывается от созерцания разгульной деятельности ливня.

— Как быстро меняется погода, — говорит он. — Вчера солнце — сегодня дождь... Скорее б уж завьюжило! Люблю зиму за ее постоянство, за размах, за надежность. За то, чего нам так часто не хватает самим. Ну, что ж, будем ждать зиму. Кстати, в тех местах, откуда я родом, существует хорошее правило: все важные дела завершать к зиме. Как думаешь, успеем?

Я молчу. Отнюдь не потому, что мой ответ неоднозначен. Просто я суеверен. Не очень, самую малость.

— Пожалуйста, продолжай, — просит шеф, расхаживая по кабинету.

Ничем иным его возбуждение не обозначено.

— Тридцатого августа днем Никитин пригнал «Ниву» в гараж автобазы проверить двигатель, — говорю я. — Там его и нашел какой-то человек. Механик Лефтий, бывший напарник Никитина, утверждает, что этот человек приходил к Никитину и раньше. По словам Лефтия, незнакомец был взвешен, прямо в гараже они с Никитиным повздорили. Незнакомый обвинил Никитина в «нечистой игре».

— Лефтий употребил именно эти слова? — уточняет полковник.

— Именно. Потом оба сели в машину и уехали. Это был Арчил Нодаришвили — Лефтий узнал его на фотографии. Мотоцикл Никитин приобрел у гражданина Бодирадзе. В числе прочих бывшему владельцу мотоцикла предъявили фотографию Никитина — он сразу указал на нее. Таким образом, предполагаемые действия Никитина обозначаются довольно четко. Я только одного не пойму... Как он решился прийти к нам с контейнером. Там ведь целое состояние!..

Шеф раздумывает на расстоянии трех шагов к окну и четырех обратно к столу.

— Жертвуй меньшим, чтобы заполучить большее, — объясняет он. Объясняет ненавязчиво, как будто самому себе. — Через него они выходили за границу. Зачем? Я так думаю, Зазроев исподволь готовил свое бегство. Приближалось возвращение Миносьяна. Двоим места на «троне» не было. Один из них должен был исчезнуть, и Зазроев резонно предполагал, что им может оказаться не он. А тут «канал» — регулярный, доступный. Услугам, которые оказывал им Никитин, цены не было, а оплачивались они, надо думать, не очень щедро. Никитин же мечтал о главном куше — для этого надо было найти Зазроева, которого он не знал, — а пока довольствовался тем, что удавалось урвать. По-видимому, часть ценностей, предназначенных к переправке за границу, не доходила до места и оседала у Никитина — вспомните контейнер! Преступники встревожились. Они послали к нему Нодаришвили — он единственный знал Никитина в лицо, за что и поплатился жизнью. Искать главаря в одиночку наш водитель не решился. Он побоялся открытой

конфронтации с хорошо организованной шайкой преступников. Ему надо было действовать наверняка. Вот тогда и возник план — остроумный, дерзкий, одним словом, в характере Нодаришвили: найти его с нашей помощью. Перед тем как исчезнуть, Нодаришвили успевает сообщить: нечистый на руку «коллега» собирается в путешествие на собственной машине — красной «Ниве» номер двадцать один — двенадцать МОС; его будет легко перехватить по дороге и призвать к ответу. Под видом Никитина в поездку отправился ты. Оставалось не допустить твоего преждевременного контакта с людьми Зазроева. Это взяла на себя «случайная» попутчица Морозова. Между прочим состава преступления в действиях ее нет — я консультировался с юристами.

Все это произнесено вскользь, как бы случайно, и я с трудом удерживаюсь от желания немедленно заключить свое начальство в объятия. Не за смысл сказанного. За то, что вскользь.

Шеф делает вид, что не замечает моей радости, которую-то и от человека менее наблюдательного не скроешь. — А Никитин, — продолжает он, — обеспечив себе стопроцентное алиби — двухнедельное пребывание в глухой тайге, — прилетел на место действия, убедился, что его так называемые компаньоны «клянули» на «Ниву», и последовал за ними. Остальное было, как говорится, делом техники. Как ему удалось заполучить содержимое сейфа на даче, мы можем только предполагать. Я думаю, Зазроева успели предупредить. Тот, второй, который звонил ему утром семнадцатого. Адвокат смекнул, что сера «Волга» рано или поздно приведет нас к нему, стал за лучшее пуститься в бега и — угодил прямо в лапы Никитину. Теперь Никитин попытается уйти за границу. И, судя по всему, при первой же возможности. Впрочем, в это пока не более чем предположение...

— ...подтвердить которое может лишь один человек, — заканчиваю я.

Полковник кивает. Он знает имя.

В этом месте нас прерывает появление секретарши Белонольской.

— Извините, товарищ полковник, — говорит она. — Звонили из бюро пропусков. Товарищ Лукшвиц, — обращается ко мне секретарина. — Вас просит принять его гражданин Никитин.

Секретарша выходит, оставляя за дверью напряженную тишину. Ту самую, которая предвещает взрыв. Ре-

шимость покинула меня. Может быть, впервые за последний месяц я не знаю, что делать. Мне сейчас так нужна поддержка, но я не хочу просить ее, боясь проявить свою слабость, а шеф не спешит прийти на помощь.

— Не могу, — с усилием произношу я. — Я сейчас должен говорить с ним, улыбаться, жать руку. Не могу!

Белопольский глядит на меня с неожиданной суровостью.

— Иди, — строго произносит он.

Что ж, может быть, он и прав. С этим я должен справиться сам.

Возвращаюсь в свой кабинет. Звоню в бюро пропусков, заказываю пропуск. Сажусь за стол, бессмысленно перебираю какие-то бумаги. Сквозь монотонный шум дождя я различаю будничные звуки улицы. Шелестят по мокрому асфальту машины, гудит троллейбус, люди торопятся по своим делам, и, для того чтобы так было всегда, мы должны скромно и незаметно продолжать свое дело. Иной раз даже стиснув зубы.

В дверь стучат. Приглашаю войти. Входит Олег Михайлович Никитин. Он красив, подтянут и свеж. Его легкий загар с одинаковым успехом можно приобрести как на морском побережье, так и в горах. Мы одногодки, я старше его всего на три месяца. Мы выросли в одной стране, нас окружали одни и те же люди, и вот к тридцати трем годам оказались по разные стороны баррикады... Я не готов анализировать, как это произошло, но то, что мы по разные стороны, придает мне сил. Он пришел узнать, как идут наши дела? Что ж, он узнает.

— Хорошо отдохнули? — вежливо улыбнувшись, спрашиваю я.

— Неплохо. По тайге побродил, поохотился. Такого лося завалил!

Пусть думает, что завалил. Его заблуждению суждено жить недолго.

— Машину вам вернули? — спрашиваю я.

— В полной сохранности! Вот пришел поблагодарить...

— Ну, не совсем в полной...

— Не скромничайте, товарищ капитан! — цветет в улыбке гость. — Специалисты у вас — что надо! Не хуже наших... Что, поймали преступников? — как бы между прочим интересуется он.

Вопрос с подтекстом, как и его неожиданный визит. Если б поймали, наша беседа протекала бы в ином тоне.

— Ловим, — коротко говорю я.

Собеседник смотрит на меня с сочувствием.

— Совсем я там, в лесу, одичал, — доверительно сообщает он. — Бродил как леший. Ни людей, ни машин — одно зверье. У вас-то, наверное, было повеселее?

— Да, не жалуюсь, — сдержанно отвечаю я, начиная смутно догадываться, куда он клонит.

— А вернулся — и будто на другую планету попал. Вроде все то же самое, но как звучит!.. Цветы, улыбки, девушки!.. Все эти блага начинаешь ценить, только побыв отшельником.

Вот оно что! В назначенный день и час Ольга не явилась на встречу. Никитин забеспокоился. Телефонный звонок на квартиру близ метро «Ждановская», надо полагать, не внес ясности, если только хозяйка в пылу «благородного негодования», не упомянула «мужскому голосу» про мой визит, и неоднократный победитель Все-союзных мотоциклетных соревнований, со свойственной ему дерзостью, решил справиться у меня. Улыбка не сходит с его лица, но в глазах — холод, и я про себя воздаю должное его выдержке.

— А я вот с удовольствием поменялся бы с вами, — вздыхаю я. — Человека, знаете, всегда тянет к тому, чего у него нет. И улыбки, и прекрасные попутчицы — все это было в изобилии. А цветами меня, можно сказать, забрасывали. Да что толку... Прекрасным попутчицам требуется внимание, — заканчиваю я с грустной улыбкой.

Голова у тебя варит, мог бы догадаться и сам, что, если ты у меня на правах гостя, ваша встреча не состоялась не по моей вине.

Удовлетворяет его услышанное или нет, но дальше он не идет. Дальше не безопасно.

— Товарищ Никитин, вы, возможно, еще понадобится, — говорю я, что вполне соответствует характеру наших легальных отношений. — Как вас можно найти?

— Отпуск-то мой — тю-тю!.. — мрачнеет Никитин. — В понедельник — на работу. И пошло-поехало!.. Командировки, командировки... Вы, если что, звоните на автобазу. Мне передадут.

— Хорошо.

— Я могу идти?

— Да, конечно.

Гость встает.

— До свидания, товарищ капитан, — говорит он. Безо всякого напряжения пожимаю протянутую мне руку.

Что ж, прощайте, гражданин Никитин. Или, точнее, до скорого свидания!

30

Белые стены, белый потолок, окно в подернутый утренней дымкой сад, два стула, маленький стол в углу и большой букет ярких осенних цветов на тумбочке. В этой комнате лежит Ольга. Главврач оставляет нас одних. Сажусь на стул у ног девушки и вижу ее глаза, огромные, во все лицо. Тугая повязка белоснежным водолазным шлемом обхватывает голову, оставив незащищенным овал лица: бледные щеки, потрескавшиеся губы, милый вздернутый носик. Волосы... Ее дивные волосы!.. В уголке левого глаза появляется и медленно сползает по щеке чистая, как драгоценный камень, слеза.

В смятении гляжу на Ольгу, не зная, с чего начать. С этой девушкой мне суждено говорить часто и долго. Но этот первый разговор — самый трудный.

Семь часов спустя я нахожусь в кабинете начальника одного из контрольно-пропускных пунктов на западной границе. В эту самую минуту трейлер Никитина досматривают таможенники. Два-три укромных местечка, на которые указал бывший разведчик Андрей Платонович Лефтий, они нарочито обходят своим вниманием.

Досмотр закончен. До пересечения границы остаются считанные минуты. Наступает столь нужный мне момент полной расслабленности преступника: все позади, ничего изменить нельзя. Начальник КПП делает мне знак. Я встаю. Мой выход.

Выхожу и остаюсь на дороге, преграждая путь к шлагбауму. Водитель уже за рулем, но он меня не знает, а его напарник не видит. Офицер, возглавляющий пограничный наряд, вручает ему документы. И когда Никитин занимает свое место в кабине и дает сигнал к отъезду, наши взгляды встречаются.

ВЛАДИМИР РЫБИН

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ

Повесть

Ночь густела над истерзанной землей, непривычно тихая и тем страшная. Мертвенное мерцание ракет выхватывало из тьмы белые наметы снега, черные бугры вывороченной взрывами земли. Других цветов не было — только белый и черный. Весь мир словно бы разделился на белое и черное, на добро и зло, на защищающихся и нападающих. Даже звуки над севастопольской нейтральной контрастировали, час от часа сменяясь то убивающим грохотом, то мертвой тишиной. И эта тишина была так же нестерпима, как и грохот разрывов.

— Пальнуть, что ли? — сказал молодой боец, сидевший на дне окопа и державший между колен длинную винтовку, которая высоко поднималась над согнутой фигурой, доставая штыком до верхушки бруствера.

— Я те пальну, — равнодушно отозвался стоявший рядом напарник, такой же молодой, только что с усами, отчего он выглядел старше своих двадцати лет.

— Так ведь тошно!

— Терпи.

Были они неразлучными друзьями — Иван Козлов да Степан Рогов, и над ними в разведывае постоянно подшучивали: «Куда Козлову без Рогова?» Они не обижались: давно дружили, ко всему привыкли. Хотя что значит «давно» или «недавно» в Севастополе?

Оба они были разведчиками, привыкшими ночами шастать по нейтралке, а то и по немецким тылам. А в эту ночь командир кинул всех, кто есть в полку, копать оборону; разведчикам же досталось сидеть в боевом охранении, чтобы немец, повадившийся последнее время шкандить по ночам, не мешал авральным работам.

Сидевший боец, которого звали Степаном, поднялся, навалился грудью на бруствер, выкинул перед собой винтовку. Беззвучной птицей затрепыхала во тьме немецкая ракета, и черно-белые пятна на нейтралке ожили, зашевелились.

— Усы у тебя сегодня! — хмыкнул он, глянув на своего напарника.

— Чего — усы?!

Иван спросил это с вызовом, громко, и сразу от близких немецких окопов испуганно треснула автоматная очередь.

— Не спят, гады! — зашептал Степан, вжимаясь в бруствер.

— Боятся, вот и не спят.

— Забоишься. Сколько мы их ночами-то трясли? Чего-нито, а удумаем.

Снова вскинулась ракета, и снова Степан хмыкнул.

— Усы прямо как у Кошки.

— У какой еще кошки?!

— Не у кошки, а у Кошки, знаменитого разведчика. Был такой в Севастополе в ту войну.

— А-а, другое дело...

В темноте послышалась немецкая речь — то ли команда, то ли ругань. Оба они разом выглянули из окопа, но ничего не увидели. Этот окоп боевого охранения совсем близко подходил к немецкому охранению — гранату можно добросить, но даже при свете ракет было не разглядеть, где немцы, так все смешалось на этой земле, — сплошной хаос пятен.

Что-то профырчало в воздухе и шлепнулось о бруствер. Оба, Иван и Степан, рухнули на дно окопа, ожидая взрыва. Взрыва не было. И тут обоих как оягло: броси-

ли камень, чтобы уткнулись носами в землю, а сами — вперед?.. Вскочили, уставились в темноту. Очередная ракета, которых немцы не жалели, высветила все тот же хаос пятен, и ничего ни убавилось и ни прибавилось впереди. Иван скосил глаза и увидел сбоку на бруствере поблескивающую луженым боком консервную банку. Не стал брать ее сразу — ученый.

Но и через пять минут, и через десять банка оставалась банкой. Тогда он потянулся к ней. В банке что-то белело, зажатое камнем.

— Опять немец пакостничает.

Он отвел руку, чтобы выбросить банку. Степан удержал.

— А чего там?

— Чего ни есть.

— Надо поглядеть.

— Чего глядеть? Камень внутри.

— Бумага какая-то.

И, решительно отобрав банку, отогнул ножом вдавленную внутрь крышку, вытряхнул камень, а затем и бумагу с оборванными краями и какими-то жирно нацарапанными немецкими словами.

— Я говорил: пакость немецкая. Сдаваться небось зовут, золотые горы сулят. Выбрось!

— Надо отделенному доложить.

— Я сам. — Иван вспомнил, что его командир определил старшим на эту ночь, стало быть, ему и докладывать.

— Нет уж, — заупряился Степан, обрадованный подернувшейся возможностью хоть на миг оторваться от этой ночной нуды.

— Ну, давай. Мигом!

Степан побежал по окопу, сунулся в подбрустверную нишу, в которой, закутавшись в байковое одеяло, спал отделенный.

— А? Что? Лезут?! — вскинулся отделенный. — Какая банка? Выкинь к чертовой матери!

— Да ведь записка там.

— Выкинь! Не хватало нам еще немецкие записки читать. Запрещено, понял?

— Да, может, важное что.

— В немецкой-то записке? Окстись!

Отделенный сел, звучно зевнул. Вставать ему страсть как не хотелось, но он уже понимал: вставать придется.

Пощупав, задернута ли занавеска над нишей, зажег спичку.

— «Мос-ка-у», — разобрал одно лишь слово и сунул записку Степану. — Читай, ты в школе проходил немецкий.

— Мало ли что проходил.

— Учат вас, учат... Придется взводному докладывать.

Но и командир взвода не смог прочесть записку, понес ее к политруку роты. Тот вызвал писаря и, наконец, всем вместе им удалось разобрать: «Расскажите подробней о сражении под Москвой».

— Вот те на! — рассмеялся политрук. — Немцы лекцию запресли.

— Выбросить? — неуверенно спросил взводный.

Все, кто был в землянке, промолчали. Все знали, что бывает, когда на передовую приезжают спецпропагандисты. Выставят громкоговорители, побалабочат по-немецки, а потом начинается такое, что не приведи бог. Лупят немцы из всего, что есть, порой вызывают огонь целых батарей. Ни одна спецпередача не обходится без потерь.

— Нельзя, — сказал политрук. — Доложить надо. — И повернулся к телефонисту: — Вызывай комиссара полка.

Пока телефонист крутил ручку да переговаривался на своих позывных, политрук стоял над ним и, не оборачиваясь, говорил, что дело это, по-видимому, будет доложено на самый верх, аж в политотдел армии.

— Утром бы. Спят небось там, — осторожно вставил взводный.

Политрук хотел что-то ответить, но тут телефонист протянул ему трубку.

— Мы хотели утром, — доложив о бумаге, извиняющимся тоном добавил политрук. И вдруг вытянулся.

— Записку срочно ко мне! — кричала трубка. — Срочно! Вы поняли?..

* * *

Визжа на поворотах лысыми пинами, крытая полуторка мчалась по ночной дороге. Впрочем, быстрой езда назалась только шоферу: будь его воля, тащился бы на первой скорости, поскольку ничего впереди не видать; а фары не зажжешь, разве лишь на миг, чтобы не влететь в канаву, а то и в бухту, светлевшую слева от дороги. А сидевший рядом с шофером человек, занутанный и

плащ-палатку, все торопил, ему казалось, что при такой езде затемно не добратся до места.

Машина именовалась загадочно — ЗВАС, что, впрочем, расшифровывалось довольно просто — звуковещательная автостанция. Человек в плащ-палатке — политрук Преловский — был представителем политотдела армии, точнее, того подразделения, которое занималось разложением войск противника; «хитрого отделения», как зачастую именовалось оно в политотделе.

Его, а также лейтенанта Шарановича, который находился сейчас в кузове автостанции, подняли среди ночи по тревоге.

— Выхать немедленно, — распорядился командир спецотделения батальонный комиссар Харламов и рассказал о записке, переброшенной немцами в наш окоп.

— Мы на том участке недавно были, — возразил Преловский. — Куда спешить? Завтра подготовимся...

— Нет, не завтра, — оборвал его командир. — Такие заявки нужно выполнять незамедлительно. Немецкий солдат, перебросивший записку, сейчас сидит в окопе и ждет. А где он будет завтра? А если он не один, желающий узнать правду?..

И вот теперь они ехали выполнять эту заявку немецкого солдата. Странно. Странно и смешно. Не было еще такого в его практике контрпропагандиста. Ну да на войне что ни день — неожиданности. Под Одессой, помнится, писали в листовках: «Камаразь осташь ромынь», то есть «Товарищи румынские солдаты». А как еще могли обращаться интернационалисты? Пленные солдаты надумили: фальшиво такое обращение и не убедительно. Хороши «товарищи» — гвоздят авиабомбами. А то еще призывали сдаваться в плен, когда сами отступали. Вот уж смешили немецких да румынских солдат своими листовками!

А теперь немецкие солдаты сами запросили правду. Значит, пронял их московский разгром. Не зря говорится: поражение — мать мудрости.

Преловский собирался подремать дорогой, поскольку радиопередача о поражении немцев под Москвой, многократно повторенная за последние недели, вся была в голове, и готовиться к ней не требовалось. Но сон не шел, все думалось о разном.

Думать, как считал Преловский, было его главным делом на фронте. Другие стреляли, ходили в атаки, командовали ротами, батареями. А он думал. О том, как, ка-

кими средствами донести до немецкого солдата нашу правду, как заставить его усомниться в правоте того, что он делает. Это было не просто. Ни он, да и никто в их «хитром отделении», не знал прежде, как вести пропаганду, адресованную противнику. До войны так все было засекречено, что даже от будущих спецпропагандистов скрывалась литература по спецпропаганде. Преловскому была известна одна-единственная брошюрка на эту тему, но и та быстро исчезла, потому что ее автор — Блюменталь — оказался врагом народа.

Перед машиной вырывались из тьмы бесформенные серые пятна — наметы снега на склонах. Иногда пятна отделялись от скальных уступов, и только по блеску штыков можно было угадать, что это патрульные, в валенках и шапках-ушанках, до неузнаваемости закутанные в телогрейки, надетые поверх шинелей. Внезапно возникали во тьме встречные грузовики, шумно пронеслись мимо, и было удивительно, как не сталкиваются машины на ночной дороге. Это не очень волновало Преловского — это дело шофера. А он думал. Мысли, как во сне, рождались порой вовсе не логичные ряды картин, обобщений и растворялись, уступая место другим картинам и обобщениям.

Вспомнилось вдруг ЧП, случившееся на том самом участке фронта, куда они теперь направлялись: сержант-артиллерист, из местных крымских татар, перебежал к немцам и унес списки личного состава батареи. С тех пор оттуда каждую ночь кричали, запугивали, перечисляя имена бойцов: «Еремеев, Кацура, Бардин... — вас будем казнить лютой казнью!»

Мысли кружили, свивались, как снежные вихри в метель. Как это случилось с крымскими татарами? Ведь не единицами — порой целыми подразделениями уходили к немцам. Где же хваленое морально-политическое единство советского народа, о котором столько говорили до войны? Значит, была лишь видимость единства? Значит, иные представители «семьи народов» предпочитали свой карман общему, всенародному? Да и только ли иные? Национализма не было лишь в речах да статьях теоретиков марксизма-ленинизма, а он жил, не заявляя о себе громкогласно...

Далеко впереди блеснул взрыв, звуковая волна толкнулась в лобовое стекло. Шофер открыл дверцу, всмотрелся в ночь. Слева широко светлела гладкая поверх-

ность бухты, справа темнели горы, и не понять было, где рвануло.

Снова замелькали пятна за обочинами. Скоро и они начали растворяться во мгле: заморосил дождь, размазал и без того неясные контуры столбов, каких-то построек, местами совсем близко подступающих скальных уступов.

Машина резко затормозила, и Преловский вдруг увидел перед самым капотом трех бойцов и паутину тускло поблескивавшей проволоки. Понял, что задремал-таки, если не разглядел людей на дороге еще издали.

Шофер высунулся из кабины, крикнул:

— Чего вам, другого места нету?!

Один из бойцов шагнул к машине.

— Дай погляжу, что за умник тут разезжает?

Шофер ничуть не обиделся.

— Чего стряслось?

— А вишь, столбы-то раскидало, провода в клубки.

— Так обрезать их.

— Али зубы у тебя железные? Давай.

— Кусачки есть.

— А чего потом на столбы натягивать?

— Так сам говоришь — кусай.

— Мало ли что? Помогайте вот.

Шофер решительно выпрыгнул на дорогу, подергал упругий провод, оглянулся на Преловского. Тот тоже вылез, постучал в стенку фургона, чтобы и Шаранович выходил.

Минут двадцать распутывали они стальные негнущиеся провода, и Преловский все оглядывался на дверь фургона, ждал, когда выйдет Шаранович. Не вышел — видно, уснул крепко.

Снова поехали, и снова поползли те же мысли. Национализм?! Знать бы в точности, где, в какой момент забота о национальном перерастает в национализм? Да полно, связаны ли они, не антиподы ли они? Не может человека, заботящегося о национальном, не беспокоить вопрос, как относятся другие к его национальности. Националист презирает все не свое и тем обязательно вызывает ответное презрение. Странно звучит, но можно сказать: национализм не национален. Именно он порождает нацизм — террористическое господство... не нации, нет, а чего-то, что вовсе уж не считается даже и со своим национальным...

Всегда дорога усыпляет. И, странное дело, будит мысли. Жаль, что эти вот, о национальном, не годятся для

войны — не вставишь их ни в листовку, ни в радиопередачу для солдат противника...

Когда Преловский снова очнулся, увидел, что машина стоит, уткнувшись в высокий кустарник, — тонкие ветки дотягивались до лобового стекла. Первое, о чем подумалось, — авария. Выскочил из кабины и увидел шофера и Шарановича, спокойно покуривавших возле раскрытой двери фургона.

— Ну, ты и спать! — сказал Шаранович.

«А я не спал», — хотел сказать он, да подумал, что это будет неубедительно, даже смешно будет, и ответил резкостью:

— На себя погляди. Стучал тебе, стучал,

— Мог бы и не стучать.

— Проволоку распутывать надо было.

— Не мое это дело.

— А чье — наше? — кивнул Преловский на шофера.

— Дураков работа любит.

И засмеялся, отбросил окурок, полез в дверь фургона. Крикнул изнутри:

— Пока ты спал, мы тут с командиром части связались.

— Какой части?

— Да не связались, — уточнил шофер, — пытались связаться. И не с командиром, а с комиссаром. Нашли тут одного, послали доложить о нас. Оказывается, медпункт рядом. Счас позвонят.

Как раз в этот момент невдалеке рванул шальной снаряд, выхватил из тьмы квадраты палаток. Варыв испугал — ночной беспокоящий огонь по площадям обречен на фронте. Обеспокоило другое.

— Не посылать надо, а самим, самим, — горячо заговорил Преловский. — Что о нас подумают?

И он полез напрямую, через упругие кусты, к тем палаткам. Крикнул, не оборачиваясь:

— Дождитесь тут!

Мог бы и не кричать. Он — старший на ЗВАС, куда денутся без команды? Но в нем в этот момент кипела весть откуда ваявшаяся обида. На Шарановича? На шофера, не разбудившего его? На себя?..

Шаранович недавно в отделе — прислали с Большой земли как опытного переводчика. Был он вроде бы неплохим парнем, только не в меру нагловатым — со всеми с ходу на «ты». Но это Преловский считал объяснимым: молод, смазлив — машинистки заглядываются.

И перо у него бойкое: листовки для разбрасывания над немецкими позициями пишет в один присест. Уверовал, что он гений, и вот... Пройдет это. Помыкается по передовой, послушает, как поют осколки да пули, и поостынет...

Не доходя до палаток, Преловский увидел спешивших навстречу людей, узнав знакомого политрука и понял: в полку их ждали. Стало быть, никаких задержек не предвидится.

— А мы думали, что случилось, — заговорил политрук. — Дорога-то обстреливается.

— Потому и задержались. Столбы взрывом раскидало, проволоки напутало.

— А мы боялись. Ночи-то чуть осталось. — Политрук оглянулся на обозначившиеся на фоне светлеющего неба горбы высот, занятых немцами.

— Далеко? — спросил Преловский.

— До позиций-то? Вы что, хотите прямо там, где записку перебросили?

— А где еще?

— Немцы там близко.

— А где они далеко?

Политрук вздохнул и спросил:

— Вы что, один?

— С Шарановичем.

— Этим франтом?!

— Он дело знает.

— Дело-то ваше не только разговоры говорить, а еще и ползать. А он пачкаться не больно-то любит.

— Полюбит, куда деваться?

— Ладно, я вам помощника подобрал. Разведчик, место знает.

К ним подошел невысокий боец в телогрейке, туго перетянутой брезентовым ремнем, не козырнул, как положено военному, а протянул руку:

— Будем знакомы. Степан Рогов.

— Это вы нашли записку? — догадался Преловский.

— Не я, дружок мой, Ваня Козлов. Окопы там — доплюнуть можно. А банка — плюх рядом. Ваня хотел выбросить, а я говорю: надо доложить.

— Догадались, что в ней?

— Учужал.

— Как это «учужал»?

— А мы таковские, что надо — сечем.

— Что вы сказали? — резко спросил Преловский.

- Сечем, говорю.
- Нет, перед этим.
- Что «перед этим»?
- Вы сказали: «мы таковские»?
- Ну.
- Вы когда прибыли в Севастополь?
- А как привезли, так и прибыл.
- Морем?
- А то как?
- Верно, извините.

Преловский повернулся к политруку, заговорил взволнованно:

— Понимаете, когда сюда плыли, спас меня один человек. Имя не спросил, не до того было, и лица не разглядел, только усы помню да эту вот поговорку — «мы таковские».

— Так это, наверное, Ваня. Его присказка.

— Я этому человеку часы хотел подарить. Загадал: жив буду — подарю.

Преловский сунул руку за пазуху, вынул кругляк часов. Светящиеся стрелки показывали четверть шестого.

— Ух ты! — восхитился разведчик. — Давайте я передам.

— Ладно, ладно, — ревниво отстранил его политрук. — Мало ли кто кого спасает...

— Нет-нет, — перебил его Преловский. — Я должен, я суеверный... Козлов, говорите? Где он сейчас?

Разведчик посмотрел на светлую рассветную полосу над горами и вздохнул:

— Далеко...

* * *

В белом маскхалате Иван Козлов долго лежал на мокром снежном намете и терпеливо ждал, когда командир разведгруппы лейтенант Симаков щелкнет языком. Звук этот, напоминающий падение капли в лужу, будет означать — вперед.

Когда Ивана вместе с его дружкой Степаном вызвали в штаб, они сразу поняли: предстоит дело. Не знали только, что дело предстоит особенное, на какое разведчики еще не ходили.

Приказ в штаб полка привез лично генерал, начальник артиллерии, что само по себе многое означало.

— Ну так что думает противник? — спросил генерал у командира и комиссара полка, стоявших перед ним.

Вопрос был странный, и все, кто был на КП, замерли, не зная, что ответить. Нашелся комиссар:

— Наверное, то же самое, что и мы. Только наоборот.

— Вот-вот. Мы думаем, как удержат оборону, а немец — как ее прорвать. Затянулось затишье-то...

— Затишье?!

— Знаю, что скажете. Бой каждый день — верно, но в сравнении с декабрьскими — затишье.

Генерал вытянул перед собой руку и, встряхивая ею, стал загибать пальцы:

— Январь, февраль... Чего ждут?

— Дали им в декабре, — подал голос вестовой, стоявший у двери.

Генерал посмотрел в его сторону, и командир с комиссаром тоже посмотрели, подумав одинаково, что распустился вестовой, вмешивается в разговор старших. Но генерал словно бы даже обрадовался реплике.

— Дали, верно! Только наивно думать, что фашисты оставили нас в покое. Они готовятся. — Генерал протестующе мотнул головой. — Знаю, что скажете: мы тоже готовимся. Готовимся к обороне. А надо наступать.

Командир полка и комиссар переглянулись. Наступать! Да одним только этим словом можно свершить чудеса. Каждый пойдет на вражеские пулеметы и умрет героем. Только бы в наступлении.

— Я имею в виду активную оборону. Знаю, ваши разведчики просачиваются во вражеские тылы. Но теперь предстоит дело посерьезнее. Надо уничтожить боеприпасы, которые фашисты приготовили для наступления. Склад где-то здесь. — Он обвел пальцем круг на карте, голос его сразу построжал: — Подберите надежных людей и доложите. Я хочу знать, кого вы пошлете.

Подобрали пятерых: лейтенанта Симакова, младшего лейтенанта Гладышева и троих рядовых — Александра Мостового, Ивана Козлова и Степана Логова.

Гуськом разведчики прошли неглубокой балочкой, поднялись по пологому склону, огляделись: где-то здесь должны были находиться позиции морских пехотинцев.

— Стой, кто идет? — послышалось из темноты. Невидимый часовой клацнул затвором, крикнул по-уставному: — Один ко мне, остальные на месте.

Симаков шагнул вперед, прошептал часовому пароль и махнул своим, чтобы подходили. Часовой стоял возле полуразрушенной стены кирпичного сарая, — телогрейка,

форсисто расстегнутая на груди, в вырезе — полоски тельняшки, шапка-ушанка, надетая лихо, набекрень, щегольские усики.

— Что это вы, братки, в такую погоду? — посочувствовал часовой.

— А мы таковские, — отшутился Козлов. — Нам всё нипочем.

— Да уж понимаем, как не понять...

Многие провожали, напутствовали их, по траншеям, по окопам, даже по нейтралке, по которой ползли они вслед за саперами. Но почему-то больше всех запомнился Ивану этот вот часовой. Было в его глазах, которые время от времени взблескивали в свете ракет, что-то необычное — то ли восхищение, то ли жалость, то ли сострадание небывалое, замешенное на потаенной радости, что не ему выпала участь сия.

И теперь, пока Иван лежал на нейтралке, ожидая сигнала, все маячили перед ним эти провожающие глаза, не отпускали.

Задача у Козлова была простая: в случае чего прикрыть огнем саперов, работающих впереди на минном поле. Он представлял, как в эту минуту чуть ли не носом елозит сапер по снежным ошметкам, по мокрой земле, и шарит, шарит озябшими руками, оглаживает затвердевший панцырь снега, мокрые стебли прошлогодней травы. Руки быстро согреваются, это Козлов хорошо знал. И на морозе тело обычно ударяет в жар, в испарину от огромного напряжения. Вот пальцы натываются на твердое, округлое. Мина! Противопехотная, прыгающая. Должна быть проволочка, тронешь неосторожно — мина подпрыгнет и взорвется, все вокруг кося осколками. Снять проволочку, вывернуть взрыватель, и тогда хоть гвозди забивай этой миной. Сапер отставляет мину в сторону, чтобы потом забрать с собой. Теперь он знает, где искать следующую. Помогает педантизм немцев: если уж ставят мины, то в строгойшем, до сантиметра выверенном, порядке. Протягивает руку — и точно, вот она, другая мина...

Во тьме затрясся огонек пулеметной очереди, пули шмыгнули где-то близко. В ответ коротко протарахтел наш «дегтярь». Взвилась ракета, высветила пустоту нейтралки и погасла. Все это ничего, это не страшно: обычная переключка переднего края. Знал Козлов: «дегтярь» отозвался так, для порядка, чтобы ничего немцы не заподозрили. Знал, что в эту самую минуту вся провожав-

шая их рота наготове, и артиллеристы стоят у орудий, и начальник штаба полка не отходит от телефона. Обнаружит противник неладное на нейтралке — и в один миг взорвется передний край, оцеритея всеми огневыми средствами, чтобы отвлечь немцев от разведчиков или дать им возможность благополучно отойти, — смотря как сложится.

Как ни ждал Козлов условного сигнала, но звук капли, падающей в лужу, донесся неожиданно. Он пополз вперед, не замечая ни грязи, ни ледянящего мокрого снега под локтями, под коленями. Все внимание вошло к той шевелящейся тени. Он знал, что это за тень, — Сашка Мостовой. Только туда внимание. Замерла тень, и ты замирай, жди. И хоть умри, а чтоб не видно тебя и не слышно. Одно слово — нейтралка, место между жизнью и смертью.

У Мостового свой ориентир — командир группы лейтенант Симаков. За Козловым — Степка Рогов, а позади всех — младший лейтенант Гладышев. Так они и ползут, в точности повторяя движения друг друга, стараясь попасть локтями и коленями в ямки из-под локтей и коленей тех, кто впереди. Так вернее.

Снова замерла беззвучная цепочка: Симаков углядел в падающем свете ракеты осыпь бруствера и тусклый блеск каски. Немец что-то заметил, привстал. Такой вот момент обычно ловили разведчики, когда ходили за «языком». Слабый хлопок мелкокалиберки, немец падает на дно траншеи, и тут уж не зевай: броском в траншею, ногами, плечами, чем придется спибай другого, не ошомившегося, немца, который всегда бывает рядом, и клянц, клянц ему в глотку, чтобы не заорал.

А теперь надо молчать и не двигаться. Хоть бы и полоснули по тебе из автомата, умри без звука. Но немец стрелять не стал, каска скрылась, ракета погасла, и Симаков так же беззвучно пополз в сторону, вдоль бруствера. Вон преступил в темноте силуэт сломанного дерева. За ним траншея кончалась, это Симаков знал в точности. Все он знал о вражеских позициях, и за каким кустом что, и где какой камень валнется. Не зря же разведчики все время ведут наблюдение.

Когда уже казалось, что передний край немцев пропал, Козлов услышал вдруг непонятный шумок позади. Оглянулся и похолодел: смутно видимые в тусклом свете дальней ракеты поднимались из-под земли руки. Затем

и голова показалась, маленькая, обтянутая пилоткой. Немец!

Такого еще не бывало, чтобы так вот, дуриком, свалиться в окоп, на немцев. Двое из них сидели в хорошо замаскированной ячейке, видать, в секрете. Закрылись плащ-палаткой и дрыхли. Трое разведчиков проползли мимо, не заметили, а Степка неосторожно взял чуток левее и рухнул в окоп. Не растерялся, первого опомнившегося немца прикончил ножом, а другой сообразил, что молчать в его интересах, и поднял руки. Ловкий Степка, ну да все равно оболтус. Командир, который в момент оказался рядом и сразу все понял, так глянул на него, что тому и в темноте стало не по себе, заерзал.

Пленный был совсем ни к чему. Избавиться от него проще простого, но не навело бы это немцев на мысль, что разведчики приходили совсем не за «языком». Начнут искать, найдут след. Это уж обязательно найдут, ничего не бывает так, чтобы совсем без следа.

— Возвращайся. Доставишь «языка», — сказал командир Рогову.

И все поняли: единственное, что оставалось, — запутать немцев, дать им понять, что разведчики приходили именно за «языком». Дело обычное.

Дождь все моросил, огненные всполохи ракет трепетали в радужном ореоле. Ракеты помогали сориентироваться. Если не зевать, то всегда можно упасть на землю, прежде чем стремительно взмывающий след очередной ракеты оборвется в вышине, всыхнет. И оглядеться, наметить путь очередного броска в обход немецких постов.

Постепенно всплески ракет остались за спиной, а потом и вовсе потускнели. Разведчики часто останавливались, напрягали слух. Начался плотный кустарник, в котором пришлось двигаться совсем уж осторожно, чтобы не очень шуметь.

Кустарник поредел и кончился, впереди поблескивало мокрое поле. Собрались вместе, пошептались. Крохотный светящийся треугольник на кончике стрелки компаса звал в черную даль поля. Обойти? Но куда поведет опушка?

— Мостовой! — позвал командир. — Разведай поле. Оставь вещмешок.

— Есть!

Крупный, здоровый Мостовой поднялся в рост, перекинул автомат на грудь, шагнул в темноту и растворился

в ней. Оставшиеся замерли за кустами, приготовив оружие. Вроде бы какой-то белесый туман стал опускаться на поле. Но это был не туман, такой мутью давал о себе знать близкий рассвет.

Наконец во мгле зачмокали шаги, прорисовался темный силуэт.

— Не поле это, а вроде как поляна, — тихо доложил Мостовой. — Там, метров четыреста, опять лес и — никого.

— Хорошо посмотрел?

— Кругом обошел.

Броском пересекли открытое пространство, углубились в кустарник, высокий, похожий на низкорослый лесок. И застыли на месте: в предрассветной тишине непонятно откуда доносились громкие безбоязненные голоса. Еще не разбирая слов, по крикливым рваным звукам поняли — немцы. Голоса приближались, и вскоре разведчики разглядели троих, идущих напрямик, должно быть, по тропе.

— Гладышев! Козлов! — шепотом позвал командир и медленно повел рукой в сторону немцев.

Поняли без слов, один за другим беззвучно исчезли в кустах. Стараясь не терять голоса, они осторожно двигались по найденной тропе. И вдруг остановились, припали к земле: впереди, слева от тропы, мелькнул огонек. Вспыхнуло еще раз, и они разглядели лицо под надвинутой на лоб каской и холодный блеск винтовки. Солдат прикуривал от зажигалки, и этот солдат явно был часовым.

Такая встреча не предвещала ничего хорошего. Они поползли в сторону от тропы и скоро оказались на опушке. Перед ними была поляна с разбросанными копнами.

Разведчики лежали, касаясь друг друга локтями, и оба думали об одном: пера возвращаться. Но что сказать командиру? Что охраняет часовой? Вроде бы не их это дело. Их дело — поскорей выйти в указанный квадрат и разыскать склад боеприпасов. Но сказано же в приказе: попутно вести разведку...

Иван тронул плечо Гладышева, показал на копны. Там кто-то ходил, что-то делал. Пригляделись и поняли: не копны перед ними, а замаскированные танки. Шестнадцать штук. Не жерди торчат из некоторых копен, а пушки, и не развалы сбоку, а полукружья гусениц.

Переглянулись, отползли в глубь леса и тихо, прислушиваясь на каждом шагу, заспешили к своим.

— Не склад, к сожалению, — сказал Иван, когда они возвратились к группе. И сел на мокрую землю, вытер ладонью горячее лицо в каплях воды, почему-то соленой.

— Ничего. — Симаков раскрыл планшетку, пометил на карте место расположения танков. — Такие разведданные тоже не даром даются. Да и рано быть складу. Дай бог, добраться до него следующей ночью. Будем думать о дневке. Пойдем в горы. Отсидимся да и оглядимся заодно. А? Как думаете?

Вопрос был неуместен. На то и командир, чтобы приказывать. Но пикто не удивился вопросу. В разведке свои законы, свои правила.

* * *

Все пошло не так, как рассчитывал Преловский. Сначала у Шарановича что-то не заладилось с микрофонами, и он долго искал неисправность. Была мысль идти на нейтралку с жестяным мегафоном, что не раз проделывали они до того, как с Большой земли прислали эту чудо-технику — ЗВАС. При соответствующем прикрытии вполне можно. Но Шаранович все обещал: вот-вот будет готово, и Преловский все откладывал. А утро уже забелило тучи над горами. Плотны были тучи, без конца сыпавшие дождевую морось, но и их пробивал близкий рассвет. А потом на передовой что-то произошло: внезапно зачастили автоматы, и несколько пулеметов включились в огневую перебранку. Заполыхали в небе десятки ракет, и уж гаубицы ухнули из нашей глубины, им ответили немецкие, и пошло...

— Разведчики ночью ходили. Должно, из-за них, — предположил политрук. — Теперь надолго.

Он наклонился, вопросительно заглянул в глаза Преловскому, и тот понял немой вопрос: до передовой добраться можно, но кто в этом грохоте услышит голос диктора? При обычных-то передачах умолкали, когда немцы отвечали огнем, ждали тишины, чтобы снова говорить. А тут, похоже, тишины не дожидаться.

Преловский ничего не ответил. Что он мог ответить, когда сам не знал, как быть. Приказ — провести передачу — не отменялся, а и выполнить его никак нельзя было. Оставалось одно — звонить начальству и этот вопрос «Как быть?» переадресовать ему. Но Преловский не спешил к телефону, зная, что начальство само задаст вопрос: «Что вы предлагаете?» Предложить пока что

было нечего, и он тянул время, продолжал разговор, пачатый с разведчиком Роговым.

Втроем они сидели в тесной кабине «газика», выпроводив шофера в помощь Шарановичу, все копаншемуся в фургоне со своей техникой. Преловский расспрашивал разведчика о его приятеле Иване Козлове, хотелось разузнать — точно ли он в тот роковой час в море оказался рядом?

Транспорты шли тогда в сопровождении крейсера и двух эсминцев. Шли, дымили в десяток труб, и все, кто был на палубах, спрашивали друг у друга: как далеко можно разглядеть с самолета эти дымы? Знаатоки просвещали: с километровой высоты дым в море видно чуть ли не за сотню миль. И всем было ясно: незаметно не прокрадешься. Тем более что шли днем, рассчитывая прийти в Севастополь в начале ночи, чтобы кораблям до утра разгрузиться и погрузиться и снова уйти подалее в море.

Как раз солнце заходило, и все, кто изнывал на палубах, мысленно и вслух торопили солнце, представляя, как хорошо видны силуэты кораблей на фоне розового заката. И уже близок был Севастополь, уже кружил над караваном гидросамолет прикрытия, когда появился первый немецкий торпедоносец. Он шел над самой водой, но кто-то, глазастый, далеко углядел, закричал. И весь корабль закричал, как один человек. Но наш летчик тоже оказался глазастым, пошел наперерез, издалека открыл огонь: главное, не сбить — главное, не дать прицельно сбросить торпеду. Старенький гидросамолет, с поплавками, но маневренный, верткий.

Первый торпедоносец ушел круто вверх. Но со стороны солнца зашел другой. Сброшенная им торпеда достала бы впереди идущий транспорт, да подвернулся эсминец. Или нарочно подставил борт, поди пойми? Эсминец тонул, а перегруженные корабли шли вперед, не останавливаясь. И когда проходили мимо оседающего в воду эсминца, многие на транспорте плакали и ругая ругали немецких летчиков, а заодно и командиров своих кораблей, не отдавших приказа застопорить ход, подобрать тонущих.

Тот одинокий гидросамолет и спас тогда транспорт, на котором плыл Преловский. От одной торпеды капитан сумел отвернуть, а вторую разглядел поздно. Сотни людей, стоявших на палубе, затаив дыхание, не сводили глаз с искрящегося следа на поверхности моря. Транс-

порт круто заворачивал, торопясь уйти, но уж видно было, что не успеет. Гидросамолет тоже ринулся на след, пронесся так низко, словно хотел протаранить торпеду, и сбросил серию мелких бомб. Точно сбросил: торпеда рванула в полукабельтове от борта. А самолет, чтобы не зацепить транспорт, заложил крутой вираж и... чиркнул крылом по воде. И весь транспорт, только что дружно кричавший «Ура!», охнул, как один человек. Самолет был уже далеко за кормой, все взмахивал над волнами одним крылом, как подбитая чайка.

И тут рвануло. Потом Преловский узнал, что к транспорту подобрался еще один немецкий самолет, сбросил бомбы. Одна ухнула под бортом, другая угодила в палубу, заполненную людьми. А в тот миг он ничего не понял. То был на палубе, а то вдруг оказался в воде. Транспорт уходил, весь в дыму, а здесь, на воде, плавали люди и какие-то предметы, сброшенные взрывом с палубы.

Первая была мысль: это конец. Странно спокойная мысль. Сразу вспомнился чей-то рассказ, как кто-то тонул в каком-то северном море. Несколько минут — и всё. Помнится, возразил сам себе: Черное море — на юге. И тут же подумал о том, что вода в зимнем южном море не теплее, чем в северном.

Шинель, намкнув, тянула на дно. Он извернулся, скинул шинель. Непомерно тяжелыми показались сапоги. Попробовал снять их, чуть не захлебнулся, заторопился выгрести на поверхность. И тут кто-то схватил его за шиворот. В беспомощности той минуты он не разглядел лица. Мелькали глаза, мокрые усы, слышался голос:

— Не паникуй! Не паникуй!..

Под его рукой оказалось что-то округлое, и он с внезапной радостью понял: спасательный круг.

— Внутри подныривай.

Что-то они еще говорили друг другу, повернутые в круге головами в разные стороны. Это потом уж, в госпитале. Преловский вспоминал, что вспоминалось. И тогда же поклялся отыскать спасшего его человека и подарить ему самое свое дорогое — часы. Да не знал, было ли кому дарить. Потому что человек тот, увидев еще кого-то тонувшего, поплыл к нему. Сказал лишь напоследок:

— Смотри, не вылезай из круга! Руки онемеют, не удержишься.

— А... вы? — коченеющими губами выдавил Преловский.

— Ничего! — отозвался человек. — Выдюжим. Мы так-овские.

Вскоре Преловского подобрал катер, подоспевший из Севастополя. И на катере, и потом, сколько ни высматривал он своего спасителя, не нашел...

В стенку фургона постучали.

— Всё, можно идти, — донесся глухой голос Шарановича.

Преловский вылез из кабины, поежился. Близкая передовая все не успокаивалась, все рассыпала трескотню очередей и разрозненных выстрелов, сухо рвали мутнеющую предрассветную мглу разрывы мин.

Политрук тоже сврыгнул на землю.

— Что будем делать?

— Пойдемте.

— Хотите сейчас? На передовую?

— Пока к телефону. Надо долежить. Думаю, придется ждать до вечера.

Что в Севастополе действовало безотказно, так это связь. Загодя проложенные моряками подземные кабели позволяли соединиться со штабом едва ли не из любой точки обороны. С обычного полевого телефона, установленного в палатке санчасти, Преловский в минуту связался с политотделом, доложил Харламову об обстановке. Ждал разноса и услышал ожидаемые резкие нотки в голосе начальника, но совсем по другому поводу.

— Там, где вы сейчас находитесь, разведчики «языка» приволокли. Я знаю, а вы не знаете?!

— Но мы не в штабе, — попытался оправдаться Преловский. И сообразил: подвернувшийся пленный выручит. Работники спецотделения не упускали случая побеседовать с пленными. От них можно было узнать о деятельности наших листовок и радиопередач, о настроениях немецких солдат. Но делать это лучше всего было сразу же, на передовой. Ответы «свежаков» непосредственнее. Потом пленный приспособливался и говорил то, что, по его мнению, могло понравиться.

— Передачу мы проведем следующей ночью, — сказал Преловский. — Дождемся здесь темноты. А пока работаем с пленным.

Добро было получено. Довольный Преловский побежал к машине, распорядился хорошенько замаскировать ее на день и поспешил в штаб полка. Уже дорогой спо-

хватился, что ничего не сказал присланному в помощь разведчику. И махнул рукой: сам сообразит, что ему делать, на то и разведчик.

В большой штабной землянке было непривычно пусто. Знакомый начальник штаба, майор с каменным, злым лицом, сидел у стола, над которым в автомобильной фаре горела маленькая электрическая лампочка. Молоденький младший лейтенант, переводчик, стоял у столба, врытого посередине землянки, а рядом с ним — красноармеец с автоматом на груди — конвоир. Пленный немец сидел на табуретке со связанными за спиной руками, втянув голову в плечи. Мокрые волосы спадали ему на лоб. Ситуация была слишком знакомая Преловскому, чтобы не понять, что тут происходит.

— Не говорит?

— Молчит, стервец! — выругался начальник штаба. — Придется отправлять, пускай там разбираются.

— Можно я с ним поговорю?

— Да без толку. Вишь, ощерился, гаденыш.

— Молчание иногда тоже кое о чем говорит.

— Вот, разбирайся. — Майор ткнул рукой бумаги, лежавшие на столе, резко встал и ушел за перегородку.

— Вы тоже можете идти, — сказал Преловский переводчику и сел за стол, начал просматривать документы, отобранные у пленного, письма, какие-то брошюрки.

Пленный был не типичный, бумаг у него, как у молодого румынского локотементы — лейтенанта, невесть для чего берегущего все свое барахло. У немцев бумаг при себе обычно бывает куда меньше. Эта нетипичность оставляла надежду на то, что пленного можно разговорить.

— Ефрейтор Епке? — спросил он, раскрыв солдатскую книжку. И разворошил на столе стопку семейных фотографий. — Судя по снимкам, вы вроде бы не из богатых. Чем вам так уж люб ваш фашизм?

Пленный не ответил, лишь шевельнулся на табурете, передернул связанными руками.

— Я могу вас развязать. Но вы сами понимаете, если будете неправильно себя вести... — Преловский показал глазами на конвоира. Прием был не нов, но для начала годился. И теперь Преловский рассчитывал с помощью этого наивного приема понять пленного: дорожит он жизнью или фанатически рвется умереть?

— Развяжите, — сказал пленный.

Голос был злой, но Преловский все же кивнул конвоиру. Тот подошел к пленному сзади, одним резким дви-

женем сбросил веревку с его рук и отступил. Пленный сидел недвижно, медленно потирал запястья рук и вроде бы думал о чем-то. Преловский не торопил вопросами, знал: если пленный задумался, значит, есть надежда на контакт с ним.

— Фашизм — это у Муссолини.

— Что?

— Вы спросили.

— Да, спросил, — спохватился Преловский. Он уж и забыл свой прощупывающий вопрос. Но немец есть немец, и тут педантичен. — Я спросил, почему вам, вроде бы не богатому человеку, так уж люб фашизм?

— У нас, в Германии, национал-социализм.

— Что же такое, по-вашему, национал-социализм?

— Вам этого не понять.

— Я попробую.

Пленный хмыкнул и отвернулся, уставился в темный угол, но тут же заговорил отрывисто и назидательно:

— Волкам и козам вместе не жить. Для одних стая, для других — стадо. Так и нации. Одинаковых не бывает. Одним бог дал повелевать, другим — исполнять повеления. Каждый человек хорош на своем месте. Порядок будет лишь тогда, когда каждый будет заниматься своим делом. Немцы, народ самой высокой организованности, призван навести на земле порядок. Поняли?

— Более менее, — сказал Преловский, растерявшийся от такого лобового национал-эгоизма. — Значит, война — это наведение порядка? Нечто вроде генеральной уборки?

— Совершенно верно. Сегодня фюрер взял на себя задачу спасти мир от коммунизма. За это мы, немцы, проливаем свою кровь. Но народы мира, за которые мы деремся, должны оплатить немецкую кровь плодами своих трудов. Мы их возьмем, поделим поровну между всеми немцами. Это и есть национал-социализм.

— Значит, сегодня эта задача. А завтра от кого фюрер захочет спасти мир? Это же вечная война. Хватит ли немцев на вечную войну?

Пленный оторвал, наконец, глаза от видений в темном углу, перевел взгляд на лампочку, заморгал. Похоже, вопрос его озадачил.

— Вы, господин офицер, просто не знаете, что такое национал-социализм. Но вы можете это узнать, потому что хорошо владеете немецким языком. Когда мы возьмем Севастополь, рекомендую идти к нам переводчиком.

Конвоир дернулся, шагнул к пленному. Преловский

успокоил его взглядом — сам-то слыхивал откровения и похлеще, — подумал, что пленный не говорил бы такого, узнай он, что сидящий перед ним «господин офицер» — еврей по национальности. И еще подумал, что пленный, видать, не имел отношения к расовым репрессиям, иначе бы заметил очевидное: все говорили, что национальность у Преловского на лице. Вот Шаранович — другое дело, блондинистый, светлоглазый. Но по убеждениям — высшей степени талмудист.

«Интересно, как бы среагировал Шаранович?» — подумал Преловский. Но тут же забыл об этом, потому что пленный вдруг резко подался вперед.

— Я не только не из богатых, я из рабочих, — быстро сказал он. — Работал на предприятии «Герман Геринг-верке».

— Тогда тем более я вас не понимаю. Геринг — крупнейший капиталист. На его предприятиях — шестьсот тысяч рабочих. А выходит, что вы с ним заодно?

— А почему я должен быть против него? Господин рейхсмаршал — деловой человек. Был когда-то без штанов, а теперь — миллионер. Умный, деловой парень. И демократичный — не гнушается пешком побродить по парку, посидеть на скамейке с простым человеком...

Вот вам и классовая солидарность. А мы-то верили: поднимется мускулистая рука немецкого пролетария и сметет фашистскую свору, осмелившуюся напасть на СССР. Не поднялась. Более того, можно, наверное, утверждать, что нас атаковал именно немецкий пролетариат. Сколько уже встречал Преловский таких вот рабочих! Нетипичные? Да полно обманывать-то себя, называя типичными не тех, кого большинство, а кто больше правится. Что же получается: не верен классовый подход? А какой же верен?..

Все думая об этом, Преловский перекладывал бумаги на столе. Небольшая брошюрка заинтересовала — «Солдатский путеводитель по России». В начале была историческая справка, в которой вся послепетровская эпоха, вплоть до революции 1917 года, объявлялась временем господства немцев в России. Ломоносов, Суворов, Кутузов, другие великаны русской истории даже не упоминались, зато подчеркивалось, что императрица Анна была герцогиней Курляндской, Петр III — герцогом Гольштейн-Готторпским, Екатерина II — принцессой Ангальт-Цербстской. Страницы прямо-таки пестрели чужими именами — Остерман, Бирон, Миних, Беннигсен, Канкрин,

Бенкендорф, Нессельроде, Витте, Штюмер... Крым объявлялся «исконно германской землей» на том основании, что когда-то, в глубокой древности, сюда приходили готы, и потому Симферополь переименовывался в Готенбург, а Севастополь — в Теодорихтгафен.

— Теодорихтгафен, — усмехнулся Преловский. — Вы в это верите?

— В это у нас теперь никто не верит, — тотчас отозвался пленный.

«Понесло, — подумал Преловский, решив, что пленный уже освоился и начинает, как часто бывает при допросах, говорить угодное допрашиваемому. — Разговор можно кончать, теперь, кроме «Гитлер капут», ничего не услышишь. Но все же спросил:

— Почему?

— Потому что скоро на месте Севастополя будет пустыня. На город будет обрушен удар небывалой силы. С земли и с воздуха.

— В декабре вы грозились тем же, а что получилось?

Пленный замотал головой.

— Еще никогда и нигде не наносилось такого удара. Тут будет луный пейзаж. Потом встанет Теодорихтгафен. На пустом месте.

— Что же это за удар такой?

— С земли и с воздуха, — повторил пленный.

И Преловский понял, что он повторяет лишь то, что говорят немецкие офицеры для поднятия духа солдат. Обычная пропаганда. Однако об этом следует довести до сведения разведотдела. Авось вымотают из пленного какие-нибудь подробности.

Он встал, прошел за перегородку, сказал майору, что пленного можно отправлять, и вышел на улицу. Дождь все моросил. С фронта не доносилось ни звука. Глухая тишина эта показалась Преловскому зловещей, и он подумал, что немцы и в самом деле готовят какую-нибудь пакость. Захотелось сейчас же отправиться на передовую, осмотреть местность, где предстоит проводить передачу. Сказал об этом майору, вышедшему вместе с ним. Тот решительно замотал головой.

— Днем туда не пройти. Ходы сообщения не везде, а высовываться нельзя — снайпера бьют. Обед, боеприпасы — все только с наступлением темноты. Так что пока отдыхайте.

Майор проводил его до оврага. Дальше Преловский пошагал один и едва не прошел мимо своей машины,

так она была завалена ветками. На подножке сидел разведчик Рогов. Похоже, дремал, но, чуть Преловский приблизился, сразу поднялся навстречу. Невысокий, втянувший голову в поднятый воротник ватника, он совсем не походил на разведчика, какими представлял себе Преловский этих лихих парней, скорее, на только что прибывшего с Большой земли пехотинца, измочаленного морским переходом.

— Что вы тут?

— Приказано охранять.

— Где лейтенант?

— Спит. То есть, простите, отдыхает.

Из-под нахлобученной ушанки насмешливо блеснули глаза. Преловский внимательно поглядел на него и улыбнулся.

— Правильно рассуждаешь. Начальство не спит — начальство отдыхает. Ел сегодня?

— Сегодня? — переспросил разведчик и задумался.

— Ну, ладно, — снова засмеялся Преловский. — Сейчас что-нибудь придумаем.

* * *

Светало быстро. Плотный кустарник спадал по пологому склону, сквозь него просматривалась долина, вся в пятнах снега, серого, намоченного. Дальше опять начинался склон горы. За той горой были другие, горбились лесистыми спинами, будто неведомые спящие чудовища, покрытые шерстью.

С наблюдательного пункта, который Иван облюбовал на вершине камня под корявым кустиком, был виден изгиб дороги. Там временами проползали тупорылые немецкие грузовики. Машины шли по одной, не сбиваясь в колонны, побаиваясь дальнобойных севастопольских батарей, достававших за десятки километров. Немцы знали: в горы порой проникали артиллерийские корректировщики с рациями, засекали цели, и тогда от огневых налетов не было спасения. Иван это тоже знал, и сейчас он молил бога, чтобы рядом не оказалось такого корректировщика. Начнут падать снаряды, немцы кинутся прочесывать леса.

Группа затаилась внизу, под камнем, отдыхала, а ему выпало первому «стоять на часах», как по-старомодному, выражался лейтенант Симаков. Хотя где уж было стоять, и лежа-то весь на виду. Мысли ворочались тяжело, как

всегда бывает в полудреме. Но глаза и уши были будто бы сами по себе, привычно примечали все, улавливали и отдаленные шумы, и близкие шорохи.

Иван вспоминал эти горы багряными от осенней листвы. Полгода не прошло, а будто целая жизнь пролетела, — столько пережито, столько пало друзей-товарищей.

Разрозненными подразделениями отходили они тогда к Севастополю, прорывались через немецкие заслоны, перехватившие все дороги. Шли напрямую через лесные заросли, и раненых выносили, и станковые пулеметы, для которых уже не было патронов. Пулеметы особенно берегли, знали: не для отдыха выходят к Севастополю, для того, чтобы встать там на заранее подготовленных рубежах.

Главные войска пошли тогда в обход — через Ай-Петринский перевал, через Ялту и Байдарские ворота, а они, промедлившая в горах рота, в которой людей не было и на взвод, решили идти в Севастополь напрямую: так было в три раза короче. Но на войне не всякая прямая дорога короче кривой, затопались они перед первым же немецким заслоном. Думали, там и полягут в неравном бою, да выручил проводник — татарин. Крохотный был аульчик, прилепившийся к склону горы, а люди в нем оказались добрыми. И нашелся старик, вызвался вывести к Севастополю потайными тропами. И вывел. У всего отряда дух вон — как углядели впереди Байдарскую долину, так и легли без сил. А старик — вот ведь ходок! — только махнул палкой и пошагал обратно, даже имени своего не сказал.

Тогда выручил татарин, а потом... Потом татары подвели, да так, что хуже не придумаешь.

Подготовленных рубежей на участке, куда определили остатки роты, не оказалось, окопы пришлось копать самим. Грунт — сплошной камень, а инструмент — только лопата, одна на двоих. Ночью долбили эту землю, а днем отбивались от немцев, которым все не терпелось с ходу взять Севастополь. Атаки, как казалось Ивану, были какие-то несерьезные: выскочат на машинах, — шум, гам, трескотня автоматная! — и назад.

Как-то пришел командир полка, объяснил:

— Оборону прощупывают. Найдут слабое место — ударят по-настоящему. Так что копайте оборону как следует.

Тогда Ивану казалось: на то и командир, чтобы говорить «копайте», Ему-то хотелось не в земле копаться, а

гулять по немецким тылам, устраивать засады на дорогах. Так и сказал командиру:

— Прошу назначить меня в разведчики.

Командир оглядел его с ног до головы, будто прикидывал на вес.

— Разведчик должен проходить там, где комар носа не просунет.

— Постараюсь овладеть такой тактикой, — самоуверенно заявил Иван.

— Ну что ж. — И засмеялся, заговорщически скосил глаза на какого-то фёрта из своей свиты: — Возьми-ка его с собой.

Так Иван откололся от своей роты. Уходил — нос кверху, кинув винтарь за спину. Круто темнело, и они, группа всего-то из трех человек, шли не таясь, не опасаясь, что углядят из-за бугра и подстрелят. Ферт, когда откинул плащ-палатку, оказался лейтенантом. Кто да откуда — не докладывал, но Иван и сам сообразил по некоторым фразам — из штабных. И был с ними маленький кругленький красноармеец. Длиннющая винтовка у него чуть ли не волочилась прикладом по земле, а штык высоко торчал над головой, и Иван все посмеивался про себя: ни дать ни взять — шашлык на шампуре.

Весело было Ивану в тот вечер. Хотя знал уже: ни в какую не в разведку шли, а просто командир полка послал проведать соседа слева. Стояли там местные татары, и очень командир сомневался в их боеготовности.

Миновали лесок и редкий кустарник за ним, каждую минуту ожидая окрика часовых. Но никто их не останавливал. Иван совсем уж решил, что они заблудились в темноте, как вдруг провалился в какую-то яму. Ощупал стенки и понял: попал в окоп. И бутылки с горючкой нащупал в подбрустверной нише, и коробку с дисками для дегтяревского пулемета. И тут же наступил на сам пулемет, почему-то валявшийся на дне окопа.

Лейтенант ощупал поданный ему пулемет, крикнул:

— Эй, кто есть?!

Тишина. Только ветер шумел да где-то далеко сухо потрескивал одинокий автомат.

— Может, тут немцы побывали? — предположил Иван.

— Стрельбы-то не было.

— Бывает и без стрельбы, одними ножами.

— А убитых что же, с собой унесли? Пойдем-ка по-ищем, должен же кто-то быть.

Неторопливо, чтобы сидевшие в обороне, не дай бог, не приняли за немцев, пошли они по полю. Отыскивали еще один окоп, тоже пустой. Винтовки лежали на бруствере, стоял дегтяревский пулемет. И поняли: позиции брошены. Не оставлены — оставляют с боем, — а именно брошены. Собранные с соседних сел да аулов татары попросту разбежались по домам.

Это было такое, о чем не хотелось даже докладывать.

Лейтенант долго матерился, потом отправил маленького красноармейца в полк с донесением, а сам схватил пулемет и выпустил в воздух полдиска. Иван было подумал: со злости. И догадался: надо показать немцам, что оборона жива.

Запомнилась та ночь Ивану. Порывами налетал ветер, иногда хлестал мелким дождем, шевелил соседние кусты, заставляя настораживаться: все казалось, что кто-то подкрадывается. Иногда вдалеке взлетали ракеты, чертили во тьме светящиеся дуги, и тогда оживали тени. И он стрелял по этим теням, не жалея патронов.

— Давай, давай! — подбадривал лейтенант. — Пускай не думают, что тут пусто.

И опять материл бросивших свою позицию татар, последними словами поминал национализм. Хотя при чем тут национализм, было непонятно Ивану. Думалось: просто сдрейфили татары. Или Родина для них — не дальше своего аула? Но ведь немец-то и к ним не с медом. Или по-другому? А если и так — не все ли равно? Фашиста бить надо, хоть бы он тебя и не тронул. С другими-то вон что творит. Тут уж заодно со всеми надо, по совести, по справедливости. А как иначе?..

Немцев они все-таки прозевали. Ракеты как раз погасли или что-то другое отвело глаза, только увидели бегущую цепь, когда она была уже совсем близко. Вдарили из двух пулеметов, схватились за гранаты. А больше Иван ничего не помнил. Очнулся в медсанбате. Кто-то сказал ему, что подоспевшие ребята выбили немцев из тех окопов. Лейтенанта нашли убитым, а его еле живым.

Потом было долгое лечение на Кавказе, потом страшный переход морем обратно, в Севастополь, когда он, Иван Козлов, чуть не утонул. Много чего было. И никогда, никто и нигде не делился по национальностям. Национализм виделся ему вроде как болезнью, забавой мирного времени, а на войне — свой так свой, враг так враг. В госпитале, прежде чем лечить, не спрашивали, кто ка-

кой национальности. И он не спрашивал, когда в море спасал людей.

Впервые столкнулся он с национальными странностями тогда, в брошенных татарских окопах. А потом, в госпиталях, много думал об этом. Сколько ведь жил, а понятия не имел о национализме. Люди — и весь сказ. Ну, еще с детства долдонили — богатые да бедные. Ну, еще ежели пьяные или трезвые, злые или добрые, болтуны или молчуны... А что национальное? С чем его едят-кушают? Язык? Так можно и по-чужому выучиться... Нет, не слышал он до войны ни о чем таком...

Лежа на холодном камне, вглядываясь в светлеющую даль, а больше вслушиваясь в то, что близко, поскольку вдали целый вражеский батальон не так опасен, как один-единственный солдат, забредший в горы. Иван все возвращался мыслями к тем дезертировавшим татарам. И вспоминались ему давние рассказы о деревенском дурачке, который хвастался тем, что у него пуп на вершок выше, чем у всех других. Дурачок, он дурачок и есть — какой с него спрос? А эти-то? Не могут же все в одночасье ослепнуть да очуметь? А может, могут? Или кому-то надо, чтобы все стали дураками? Дураку ведь что зверь, что человек — все едино; автомат для него — игрушка, мать родную поставь — застрелит... Вот, значит, что такое национализм, вроде велья — кто-то пьет, а кто-то опаивает. Люди — что? Каждому хочется выскочить из самого себя, стать не хуже других. А легко ли это? А тут приходит некто, говорит: нечего тебе стараться-пыжиться, ты от рождения лучше других. Дурачок-то и радешенек...

Иван вздохнул, перевалился на другой бок, поскольку совсем застыл на голом камне. Но мысли прогонять не стал: на стреме глаза сторожат да уши — они бы не заценились, — а мысли что, мысли сами по себе.

Утренней побудкой загудели в небе немецкие самолеты. На большой высоте шли девять «юнкерсов», шли без сопровождения истребителей, уверенные, что немногие, оставшиеся в Севастополе самолеты, не помешают бомбить.

Мгла понемногу рассеивалась, отодвигались дали. Дождь перестал, небо светлело, а на востоке, над горами, изломавшими горизонт, разливались багряные отблески. Это могло предвещать все, что угодно, — и порожий дель, и новое ухудшение погоды. Флотские вон говорят: «Если ясно поутру, моряку не поутру». Да и сам он

видывал зоревые восходы под занавесом туч перед хмарным днем с дождем и снегом. Видывал и другое, но теперь хотелось верить — к непогоде это, потому что непогода для разведчика — истинная благодать...

В долине, метрах в восьмистах, наметилось какое-то движение, и Иван напрягся весь, вглядываясь. На опушке показался человек, зачем-то несколько раз махнул обеими руками. Издали донесся тонкий крик, похожий на писк мыши. Еще через минуту на поляну начали выбегать люди. Немцы? Румыны? Вопросы не было — враги, и все тут. Один за другим они появлялись на поляне, зачем-то бежали к другому ее концу и поворачивали обратно. И было их уже человек двадцать, все бегавшие друг за другом.

Иван сбросил вниз, в кусты, камень — условный сигнал командиру. Через минуту лейтенант Симаков был рядом.

— Бегают чего-то, не пойму.

— Физзарядкой занимаются, — раздраженно буркнул Симаков. И встрепенулся, приподнялся даже: — Физзарядкой?!

Внезапный интерес командира был понятен Ивану: физзарядка возможна лишь в условиях постоянного дислоцирования. А это значит...

— Что-то охраняют, — сказал Симаков. — Иди отдохай, я понаблюдаю.

Уснул Иван сразу и увидел сон. Будто плывет он по морю один-одинешенек. Ноги сводит от холода, и он усиленно молотит ими, чтобы не схватила судорога. Никого вокруг, он один в волнах, он и тоска собачья. Оказывается, не одно и то же — на людях погибать или так вот, в одиночку. Не в тщеславии дело, — какое уж тщеславие на краю? — а в сознании, что понапрасну смерть. Все думалось: если уж помирать, то не как-нибудь, а чтобы враг охнул. Да вот не получается...

Он и проснулся, сам не зная от чего, — то ли от тоски, то ли от холода, ломавшего ноги. Пошевелил ступнями, чтобы разогнать кровь, и опять хотел уснуть, но тут сверху прошелестел камень, за ним другой, что означало общую побудку. Вскочил, подергался всем телом, страшивая озноб. И Гладышев с Мостовым разом поднялись.

Еще два камня, один за другим, скатились сверху, что означало: какого черта копаетесь?! Относилось это прежде всего к Гладышеву, как второму командиру, и Козлов

с Мостовым только недовольно поглядели вверх, куда, карабаясь от куста к кусту, тотчас устремился младший лейтенант. Вершины деревьев качались под сильным ветром, над ними низко неслись лохматые тучи.

Выждав чуток, Козлов направился следом за Гладышевым. Сверху оглянулся: Мостовой стоял на месте, выдерживая дистанцию.

Командиров Иван увидел на полпути к тому НП, на котором он встречал рассвет. По лицам понял: что-то серьезное. И еще прежде, чем узнал причину беспокойства, услышал отдаленный лай. Хуже ничего не могло быть. От человека можно затаиться: в двух шагах пройдет, не заметит. Собака учует. Уходить? Но похоже, уже поздно и уходить: лай где-то близко.

Скоро в редколесье они увидели собаку — здоровенную, длинноногую, породистую. Увидели и человека, к счастью, одного-единственного. Это был немец, похоже даже, что офицер, поскольку в фуражке. На груди у него поверх плащ-палатки висел автомат, а в руках была какая-то странно маленькая и тоненькая винтовка.

— Это же охотничье ружье! — догадался Симаков. И выругался: — Охотник, мать его!..

Некоторое время все молчали, пораженные невиданным: на войне, в прифронтовой полосе, человек спокойно отправляется на охоту с ружьем и собакой.

Первым опомнился Гладышев.

— Стрельба на охоте — обычное дело, лай собаки — тоже...

— Ежели из ружья, — сразу понял его Симаков. — Значит, надо не дать охотнику выпустить очередь из автомата.

— Точно, — обрадовался Иван. — Из ружья пускай палит, а автомат всполошит этих физкультурников...

Все посмотрели на него с укоризной: разведчикам ли разжевывать очевидное?

— Значит, так, — сказал Симаков. И повернулся к сидевшему поодаль Мостовому. — Снимай телогрейку...

Не раз Иван ходил с лейтенантом Симаковым и про себя называл его «гением разведки». Но чтобы так рассчитывать!.. Все вышло по его. Собака, учуяв на тропе Сапкину телогрейку, залилась лаем. Охотник, обрадованный близостью добычи, заспешил и не заметил тросика, натянутого поперек тропы, зацепился и грохнулся.

Подняться ему помогали уже разведчики. Собака, кинувшаяся было к хозяину, теперь лежала в кустах с раз-

битым черепом. Сашка Мостовой мог и лошадь уложить прикладом, не то что собаку.

Пленный оказался фельдфебелем. Он сидел связанный, прислоненный спиной к дереву и вроде бы совсем не испуганно, а с любопытством оглядывал разведчиков. Гладышев спросил его что-то по-немецки, и тот долго и сердито отвечал, и по мере того как он говорил, лицо у Гладышева вытягивалось, становилось по-мальчишески растерянным.

— Чего? — не выдержал Симаков.

— Ну, типчик, — засмеялся Гладышев. — Господа, говорит, вы зря, говорит, со мной так обращаетесь. Я, говорит, все расскажу.

— Ну!..

— Говорит, что нестроевик и никогда не стрелял в людей. Фельдшер он тут, медик, в общем. Служит в роте охраны. Дома у него жена и две дочери, симпатичные, говорит, школьницы...

— На кой черт его биография. Где он тут служит?

Гладышев снова спросил, и снова пленный долго и обстоятельно отвечал.

— Склад тут у них, — понизив голос, сказал Гладышев. — Проволока в два ряда. Недавно сделали. По ночам боеприпасы возят, накапливают... Может, задержимся, а, командир? Все равно, какой склад.

— Не все равно. Приказ есть приказ. А это возьмем на заметку, пускай пока повозят.

И замолчал. И все молчали, думая об одном и том же. Все понимали: надо уходить. «Охотника» хватятся, начнут искать. Но не с ним же уходить. И оставить нельзя — ни живым, ни мертвым. Встанут на след, загоняют по горам. Ладно бы, не впервой уходить от преследователей. Но уходить-то надо не куда-нибудь, а в указанный квадрат. И быть там к следующему утру. Разведчик умеет красться лисой и петлять зайцем. Но сейчас они долго петлять не могли.

— Вот какой обрыв, — сообразил Иван. — Сорвался, и все тут.

У командира загорелись глаза.

— Молодец, давай!

— Я?!

Вырвалось это у него невольно, и он сам удивился своему испугу. Сколько бывало всякого. В бою убивал — так само собой. А то, как за «языком» ходили, врывались в землянки, ножами пластали спящих. Как иначе? Не

скажешь: господа, мол, мы возьмем только одного из вас и уйдем... А тут нашло. Потому, может, что пленный смотрел без испуга и сам готов был помочь? Или потому, что был он медиком, почти гражданским человеком?

— Давай я, — зло сказал Мостовой. — Они моих не жалели.

Он подошел к пленному, и тот отшатнулся, забалаболов просительно.

— Догоняй, будешь замыкающим, — сказал командир и, не оглядываясь, пошел в заросли дубняка, густевшие по склону.

Через несколько минут сзади послышался короткий вскрик. Ветер шумел над лесом, и вскрик этот вполне можно было принять за скрип сросшихся деревьев или стон птицы, жалующейся на непогоду.

Иван шел следом за командиром так же неслышно, стараясь не наступать на ветки, не маячить в прогалинах. Но мысли — мыслям не прикажешь, — словно оправдываясь, все крутились вокруг глупого «охотника». Все думалось, как бы действовал он сам на месте Мостового. Сначала бы оглушил и лишь затем сголокнул с обрыва. Сбросил бы и собаку, и ружье. Пускай думают, что сам разбился. Не поверят? Сначала-то поверят. А потом? Потом они будут уже далеко.

* * *

— Извините, товарищ политрук, я вашу рыбу-то махнул.

— Как это «махнул»?

— Ну, врезал.

— Что значит «врезал»?

— Съел, в общем.

— Один?

— Один. — Рогов замаялся, покосился на шофера, и Преловский понял: вдвоем старались.

— Ну вы и жраты!

— Какое будет приказание?

— Какое приказание?

— Ну, что, в общем?

— Что «что»?

— Так ведь рыбу-то съел.

— Ну и на здоровье...

Рыба была и в самом деле большая — килограмма на четыре. Жирная, хорошо прокопченная. Рыбу эту — без

головы, не понять какая, — Преловский выменял вчера у знакомого капитан-лейтенанта из морского штаба за бутылку водки, рассчитывая устроить в отделении небольшой праздник. Но сегодня чего-то расчувствовался и угостил Шарановича. Тот тоже, видать, расчувствовавшись, повел с ним такой разговор, от которого до сих пор было тошно на душе. Тогда Преловский ушел, выругав Шарановича и запретив вести с ним такие разговоры. А когда уходил, увидел прикомандированного разведчика и спросил, ел ли он сегодня. Тот ответил, что еще ничего не ел, и тогда Преловский сказал ему про рыбу. И вот...

А разговор с Шарановичем вышел препаказнейший. Преловский рассказал ему о путеводителе, отобранном у пленного, в котором Крым объявлялся исконно германской землей. Шаранович слушал, хитро улыбаясь, а потом вдруг выдал: на Крым, де, особые права имеют евреи. И всерьез начал обосновывать: Крым еще до захвата его Византией был провинцией Хазарского каганата. После разгрома каганата Святославом в десятом веке хазарские иудеи продолжали жить в Крыму, и в Италии, например, вплоть до XVI века, Крым называли Хазарией...

«Есть же Еврейская автономная область, — сказал ему Преловский. — Русские отдали под нее лучшие земли на Амуре».

Шаранович вроде бы даже рассердился на такое непонимание.

«Эта земля, — кричал он, — эта, за которую мы сейчас проливаем кровь, должна быть заселена евреями! До войны хлопотал, чтобы Еврейская автономия была тут, в Крыму. Не вышло. Пока не вышло. После войны посмотрим».

«Но тут Татарская автономная область».

«Татар выгнать. Они же все предатели».

«Ну, не все», — возразил Преловский.

«А сколько с немцами?!»

Пришлось согласиться, что много.

«Вот, — обрадовался Шаранович. — Отличный повод. Средиземноморье, срединные земли... Евреи разбросаны по всему миру. Везде наши глаза и уши, везде мы невидимые хозяева. Но нужен центр. Им будет Средиземноморье, его восточная часть. Отсюда мы станем руководить миром. А Крым будет провинцией. Нецелухая провинция, а?»

«Провинция чего? — еще не заводясь, спросил Преловский. — Великого Израиля? Но ведь это сионизм».

«Сионизм», — спокойно подтвердил Шаранович.

«Ты же комсомолец».

«Ну и что? Одежду носят по погоде».

«Комсомол — одежда? Значит, его можно скинуть, когда понадобится? — Он еще не ужасался разговору, еще думал, что это какая-то игра в перевоплощения, вроде той, что у них в «хитром отделе» была обычной. Как проникнуть в психологию противника, не попытавшись поставить себя на его место? — Не-ет, — протянул он. — Существуют неизменные интересы...»

«Чьи?»

«Интересы народа».

«Какого народа? Советского? Нет такого и никогда не было. Есть разные народы. Все они — толпа, стадо. А мы принадлежим к народу избранному, призванному руководить миром».

«То же самое говорят о себе немцы».

«Немцы созданы для того, чтобы ими повелевать. Они прямолинейны, как черепахи, и так же глупы. Можно ли представить немца, получившего советский орден? А мы получаем ордена, и от нас не убывает. Мы служим всему и ничему, потому что у нас своя цель».

«Какая цель?»

«Еврейская нация обладает особой миссией. Наш народ имеет волю стать господином Вселенной».

«Да? А что же другие?»

«Только одна сверхнация есть свет и цель человеческого рода, другие созданы, чтобы служить лестницей, по которой мы будем подниматься на вершину».

«Забавно. Неужели сам придумал?»

«Это сказал Ахад Гаам».

«Кто такой?»

«Э, да ты, кроме сочинений товарища Сталина, ничего, видать, не читаешь».

Так и заявил, вконец разозлив.

«Вот что, — сказал Преловский. — Будем считать, что ты ничего не говорил, а я ничего не слышал. Если не выбросишь из головы эти бредни, будешь рассказывать их начальнику, так и знай...»

Такой вот вышел с Шарановичем разговор, посеявший в душе Преловского смуту. О таком полагалось бы доложить по команде. Да ведь мальчишка, наслушался

дребедени и теперь сам не понимает, что мелет. Доложить — всю жизнь человеку искалечить.

Часа полтора Преловский бродил по лесу, промочил ноги. Так и не успокоился. Спасибо этому прожорливому разведчику, немного развлек его своей наивной готовностью принять наказание за съеденную рыбу.

— Значит, сыт и на кухне заглядываться не будешь, — сказал он ему. — Пойдешь со мной.

— Завсегда рад. Не коси, кума, глаза на кухню, с ноги не собьешься.

Преловскому подумалось, что балагурит разведчик больше от смущения, и он почувствовал к нему даже симпатию. Ему нравились люди, способные смущаться.

— Покажешь окопы. Дорогу знаешь? Или связного просить?

— Так ведь... все дороги наши.

— Тогда ладно.

Он полез в кузов машины, чтобы переобуться. Шаранович спал, вытянувшись на узкой лавке, хмурился во сне. Разувшись и намотав на ноги сухие портянки, Преловский откинулся спиной к стенке и задумался. Беспокойство, охватившее его после разговора с Шарановичем, не проходило.

«Что за нечистая сила мучает людей? — думал он. — Ладно фашисты, агрессору нужен повод. Мы лучшие, и все тут. А раз так, то будем грабить и убивать. Да что немцы — румыны вон тоже пыжаты: мы, дескать, от римлян и даков, междуречье Днестра и Днепра; дескать, румынская земля на том основании, что один из запорожских гетманов был молдаванином — Ион Подкоава, которого казаки запросто звали Иваном Подковой, а один из просветителей — молдаванин Петре Мовила, что значит — Петр Могила.

Боже, а если бы русские так-то?! Сколько русских-то по свету раскидано?!»

Преловский думал о том, что национализм не является сам собой. Там, где национализм, ищи, кому он нужен. А мы, что мы знали до войны о национализме? О русском шовинизме — пожалуйста. Всякое слово о русском национальном достоинстве ругали шовинизмом. Только теперь, откатившись до Москвы, до Харькова, до Севастополя, опомнились: без извечной стойкости русского народа на что надеяться?

А кому нужен татарский национализм? Да тем же «мурзакам». Проглядели до войны тот факт, что среди

крымских татар стойки были пережитки родовых отношений. А «мурзак» — глава рода и самый богатый в округе человек.

И влияние панисламистских идей тоже недооценили. А они были живы и сводились ни много ни мало к тому, чтобы создать из тюркоязычных народов нашей страны самостоятельную буржуазную республику. Мы забыли, что после русско-турецкой войны 1877—1878 годов тысячи крымских татар переселились в Турцию, и связи эмигрантов с Крымом не были порваны.

А немецкая пропаганда все это учла. Ворвавшись в Крым, немцы объявили себя покровителями ислама. Это, вероятно, и совратило многих людей, связанных круговой порукой родовых отношений, увидевших в союзнике близкой по вере Турции — фашистской Германии — защитника своих интересов. Потому немцам удалось сколотить из крымских татар особые вооруженные отряды для борьбы против партизан...

Преловский поймал себя на мысли, что думает он о чем угодно национализме, только не о еврейском. Что это — инстинкт самозащиты? Неужели прав Шаранович, и изначально, данное от рождения, — превыше всего? Но ведь это значит согласиться с нацистами.

История человечества учит другому. Христианство — самая интернациональная идеология — так широко распространилась потому, что была понятна всем народам. А националистический иудаизм так и остался идеологией касты...

Не хотелось ему соглашаться с Шарановичем, не хотелось и спорить с ним. Он вздохнул, натянул сапоги и прыгнул в слякотный, истоптанный снег возле машины...

Разведчик Рогов, должно быть, и впрямь все тут хорошо знал: уверенно провел леском, потом обвращком напрямиком до хода сообщения, глубокого, прыгаться не надо. Зоревое утро этого дня, обещавшее непогоду, не обмануло: ветер гнал набрякшие тучи, время от времени сыпавшие дождем и снегом. Погода была самая что ни на есть нелетная, и Преловский не оглядывался на небо. Но и артиллерия в этот день помалкивала, и вообще было до удивления тихо на передовой.

А когда добрались до траншеи, вдруг загудели в тылу минометные разрывы. Бойцы, спавшие в неглубоких подбрустверных нишах, даже не пошевелились. Преловский не утерпел, высунулся поглядеть. И увидел в поле две маленькие фигурки — женщины. Они исчезли, ког-

да неподалеку вскинулись белые клубки минных разрывов, потом опять появились и опять упали с первыми же разрывами. Действовали женщины по всем правилам, видно, не впервые бегали под минами, но Преловский затаил дыхание.

— Пропали бабенки, — сказал кто-то за его спиной.

Женщины были явно городские, приодетые — в длинных довоенных пальто и демаскирующих цветастых платках.

Из разных мест коленчатой траншеи им кричали:

— Назад!

— Куда черт вас?!

— Левей берите! Там ход!..

Женщины не слышали. Так они с разбегу и рухнули в окоп, прямо на руки, услужливо подставленные бойцами. И тут Преловский разглядел, что это совсем молодые девчущки, почти школьницы. И портфель был у одной, обычный довоенный школьный портфель.

— Куда вы, девоньки?

— А мы к вам.

— Зачем вы тут нужны? — зло крикнул Преловский, пострадавший за них.

Кто-то засопел за его спиной, и Преловский, оглянувшись, увидел сбитую на ватылок ушанку и узкие после сна глаза. Боец радостно и удивленно улыбнулся.

— Как же не нужны? Бабы, да не нужны?!

— Мы из сберкасы, — задорно выкрикнула та, что была с портфелем.

— Фу-ты, ну-ты! Кто куды, а я в сберкасу.

— Правда из сберкасы.

Она задергала портфель, торопясь открыть его,хватила бумагу, мгновение подержала, оглядываясь, не зная, кому отдать, и протянула Преловскому. В бумаге значилось, что гражданки Подковальникова и Балакай представляют собой подвижную сберегательную кассу и направляются в воинские части для мобилизации денежных средств непосредственно от вкладчиков.

— Вам же выдают денежное содержание, — торопливо заговорила она. — А вы его не тратите. Тратить-то некуда. А денежных знаков в городе мало. Давайте мы ваши деньги оформим на сберкнижку, и у вас они будут целее, и денежные знаки в банке появятся.

— Завещать можно, — подсказала ее подруга. И смугилась: здесь, на передовой, это было не отвлеченной фразой.

— Ничего, девоньки, мы привыкшие, — успокоил ее Рогов. И вопросительно глянул на Преловского: вот с кем, мол, надо беседы-то беседовать, а не с паршивыми немецкими солдатами. Пригласить их в машину да поговорить по душам...

Именно так понял Преловский разведчика, и собрался ответить, сам еще не зная, что именно. Но тут подбежал по траншее подтянутый, не по-окопному аккуратный младший лейтенант, затоптался перед девчонками, заговорил радостно:

— Звонили о вас, предупреждали... Только не так надо было... А если бы, не дай бог... Пойдемте, сначала пожушаем...

Преловский засмеялся, покивал Рогову — вот, мол, видишь, не про нас девоньки — и неожиданно для самого себя вздохнул.

— Ладно, пошли в штаб батальона.

Комбат, до землянки которого они вскоре добрались, спал, раскинувшись на низком топчане. У стола, сколоченного из снарядных ящиков, под фонарем «Летучая мышь» сидел дежурный, младший лейтенант, как две капли воды похожий на того, что увел девушек, — верный признак недавнего очередного выпуска курсов младших лейтенантов, — а напротив него читал толстую расстрепанную книгу знакомый Преловскому старший лейтенант, начальник штаба батальона.

— В роты?! Да вы что?! — изумился он. — Только ночью.

— А мы не из робких, — заикнулся было Преловский.

— Вы-то, может, и нет, да мы побаиваемся. Ротный знаешь что скажет, если ты к нему сейчас заявишься? Если, конечно, доберешься. Знаешь? Ну и хорошо, а то ругаться не хочется. Никакого движения днем, чтобы не демаскировать.

— Но мне надо посмотреть местность.

— Посмотреть — это пожалуйста. С НП весь передний край виден.

В сопровождении младшего лейтенанта они прошли по траншее, потом проползли по канаве к груде кирпича, оставшейся от какого-то строения, спрыгнули в окоп и, пройдя по темному подземному коридору, оказались в просторном подвале. В узкую щель окна-бойницы сочился тусклый свет.

Наблюдатель, сидевший у стереотрубы, не вскочил навстречу начальнику, только повернул на миг голову и, снова уставившись в окуляр, стал докладывать обо всем увиденном.

— Отойди, дай человеку поглядеть, — сказал старший лейтенант, не дослушав доклада.

Преловский прижался надбровьем к теплой резинке у окуляра и забыл обо всем. Перед ним был лунный ландшафт нейтралки. Не раз видевший подобные картины, Преловский без труда разобрался в пестроте недвижимых пятен. Светлая полоса, протянувшаяся по кромке оврага, — это, несомненно, свежий участок немецкой траншеи: набросанная на бруствер земля еще не обмокла, не растеклась. Белое снежное пятно у большого камня, вполне возможно, — отдельный окоп или даже НП, чью маскировку под снежный намет стараются сохранить в неприкосновенности... Он знал, что мог и ошибиться в своих выводах, — чтобы знать все в точности, нужно непрерывное и длительное наблюдение, — но Преловскому хотелось верить в свою наблюдательность, и он верил.

— Что-нибудь понял? — спросил старший лейтенант.

— Все понял.

Наблюдатель хмыкнул и, решительно отодвинув Преловского, снова прильнул к стереотрубе.

— Тут целый день глядишь, — неопределенно сказал он.

Неподалеку ударил взрыв, с потолка потекла струйка песка, запахло пылью. Еще два взрыва прогремели совсем близко, и опять наступила тишина.

— Не нравится им наша куча кирпичей, — спокойно разъяснил старший лейтенант. — Каждый день пугают, а мы не уходим. Да и где найдешь такое удобство?

— А если попадут?

— Перекрытие ничего, надежное.

— А где тут боевое охранение? — спросил Преловский.

Наблюдатель опять хмыкнул, а старший лейтенант насмешливо покачал головой.

— А говоришь, все понял. Ты слушай людей-то. Я сам место покажу, где твой рупора ставить. Ночью-то, ежели тихо, далеко слышать. В тылу, в поле ставь да и говори, сколько хочешь.

Теперь засмеялся Преловский. Такие советы он слышал каждый раз, как приезжал на передовую. Все знали: каждая передача кончается артналетом. А где артна-

лет, там жертвы. Вот и гонят спецпропагандистов подальше от окопов.

— Не получится. Будем говорить из окопов боевого охранения.

Старший лейтенант решительно замотал головой.

— Немцы там — доплюнуть можно.

— Тогда откуда-нибудь с нейтралки.

— Разминировать?!

— Не везде же мины...

— А из «секрета», — подсказал наблюдатель. — Вчера их окоп минами крестили, а сегодня там нет никого.

— Разве оттуда? — задумался старший лейтенант. — Ночью-то не страшно.

Он показал Преловскому в стереотрубу невзрачный бугорок с хилыми кустиками поверху, показал и неглубокую борозду, по которой можно туда добраться. Все это Преловского мало беспокоило, знал: проводят и прикроют. Дел-то на полчаса. Если, конечно, дадут говорить, не начнут после каждого слова глушить минами. Тогда придется пережидать...

Остаток дня они спали в кузове машины. Преловский и Шаранович, который вроде бы и не просыпался, — на топчанчиках, Степан Рогов — на полу.

Собрались еще засветло. В сумерках, когда дальние, занятые немцами, холмы утонули во мгле, они протащили жестяные рупора по знакомому ходу сообщения. Начальник штаба батальона выделил в прикрытие еще двух бойцов и, когда тьма совсем залила нейтралку, перенесли свое громкоговорящее имущество в указанный окоп. Он был тесен: Преловский с Шарановичем вдвоем еле в нем поместились. Ну да в этом не было никакой беды, поскольку рупора устанавливались в стороне, метрах в тридцати, справа и слева, а Рогов с двумя бойцами залегли впереди.

Все было спокойно. Время от времени вскидывались ракеты, коротко взлаивали пулеметы, изредка, то там то тут, сухо стучали выплотовочные выстрелы — обычная перекличка переднего края. Преловский посмотрел на часы: светящиеся стрелки показывали половину десятого. Он сунул часы в карман шинели и взялся за микрофон, для проверки постучал по нему. Бум, бум! — отозвались жестяные рупора.

— Ахтунг, ахтунг! — сказал он и прислушался. И вся передовая, казалось, прислушалась — ни ракеты, ни вы-

стрела, — мертвая тишина и непроглядная тьма, какая бывает только в такие вот безлунные сырые ночи.

Он передал микрофон Шарановичу и тот сразу, без какой-либо паузы, четким и ясным дикторским голосом, в котором были уверенность, даже, казалось Преловскому, высокомерная назидательность, голосом, которому завидовали все в отделении, начал перечислять цифры огромных потерь немцев под Москвой.

— Только за три недели конца ноября и начала декабря, до начала решительного наступления советских армий, немецкие войска потеряли под Москвой до полутора тысяч танков, до тысячи орудий и минометов, пять с половиной тысяч автомашин, восемьдесят пять тысяч солдат и офицеров только убитыми...

Близкий разрыв мины оглушил. Вразброс, то далеко, то близко, взорвались еще несколько мин, зачастили пулеметы, угольками заскользили во тьме трассирующие пули.

— Не нравится, — со спокойной брезгливостью сказал Шаранович. И, уловив паузу, крикнул в микрофон: — Немецкие солдаты! Хорошо ли вы нас слышите? Если да, то дайте трассу вверх.

Это не было предусмотрено передачей, но это было интересно: откликнутся ли? Несколько трасс косо скользнули к тучам. Но одновременно усилился огонь, пули вжикали над бруствером, смачно хлестали мокрую землю.

Когда стрельба поутихла, Шаранович постучал пальцем по микрофону. Услышав знакомое «бум, бум!», опять быстро заговорил. Теперь он перечислял потери немцев под Москвой во время советского наступления, говорил об освобожденных городах и селах, о сотнях километров снежных дорог, усеянных разбитой техникой, трупами убитых и замерзших немецких солдат...

Все повторилось. Передовая затихла, слушала, потом стали рваться мины, к ним добавились тяжелые удары артиллерийских снарядов. Затем запрыгали огненные вспышки разрывов в глубине немецкой обороны, — открыла ответный огонь наша артиллерия. Казалось, оживла вся передовая. Стенки окна мелко подрагивали, сверху летели камни, сыпался черный, перемешанный с землей, снег.

— Ничего-о! — со странной злой радостью кричал Шаранович, притиснувшись к Преловскому на дне окопа. — Нас не убьешь. Стреляй не стреляй — будет вели-

кий Израиль! Мы возьмем свое! Все будут у нас слугами, все!..

Преловский отталкивал его и не мог оттолкнуть: то ли окоп был слишком тесен, то ли Шаранович слишком тяжел.

И вдруг стало легко. В первый миг Преловский подумал, что Шаранович зачем-то поднялся в рост. Он начал разгибаться, чтобы посмотреть, что случилось, но какая-то сила внезапно выдернула его из окопа.

Последнее, что он увидел, была ярко высвеченная ракетам, хорошо знакомая фигура разведчика Рогова, почему-то летящая над землей, и целый сноп трасс, упирающихся ему в грудь.

Затем кроваво вспыхнуло перед глазами, и упала тьма. Опоминаясь на мгновения, он понимал, что его несут — частые толчки болью отдавались во всем теле, — слышалась немецкая речь, чувствовался запах пыли, мокрых шинелей, дешевого немецкого солдатского одеколona. Хотелось кричать, но рот был забит, и воздуха для крика не хватало. Дернулся, пытаюсь освободиться, но снова всплеснулся огонь перед глазами, и все провалилось во тьму, в бесчувствие.

* * *

На передовой, чем крошечнее тьма, тем лучше. Ракеты там позволяют ориентироваться, а когда они гаснут, тьма и вовсе схлопывается — иди хоть в рост. Снова ракета, снова огляделся — и так через всю нейтралку, изученную за дни наблюдений до последнего камня. А здесь, в глубоком немецком тылу, ни ракет, ни знакомых ориентиров, хоть руки вперед вытягивай и щупай ногой землю, как слепец, чтобы не разбить лоб о дерево или не свалиться с обрыва.

Как ни спешили разведчики, а все же пришлось остановиться. Хорошо еще, за день удалось отмахать изрядно, иначе бы не осталось и надежд выйти в указанный квадрат к сроку. А теперь надежда была. Во втором часу ночи войдет луна, и хоть не видна она будет за тучами, а все подсветит.

— Волка ноги кормят, — сказал Иван, заваливаясь на спину, чтобы дать ногам отдых. И выругался. Поговорка эта привязалась еще вчера и, как ни гнал ее от себя, не уходила. И прежде, бывало, привяжется какая фраза или

кушет песенный, никакими силами не вышибить из башки.

— Чего лаешься? — спросил Мостовой.

— Да привязалась...

— Ты о бабах сейчас не думай. Они и издали размягчают.

— Да я не о бабах.

— А о чем же? — искренне удивился Мостовой. По нему выходило, что, кроме как о бабах, здоровому мужику ни о чем другом думать не полагается.

— Отстань.

— Тогда давай дрыхай, пока лейтенант добрый. Поднимет ведь, не задумается.

— Из-за собаки, наверно.

— Что?

— Про волка-то вертится. Из-за собаки, говорю. Собаку, видать, жалко.

— Чокнутый ты, Козел. Спи давай.

Но Ивану почему-то не спалось. Пока шли, думал: только бы остановиться. Остановились — захотелось приесть, а там и лечь. Боялся на ходу уснуть, а тут и лежа не спалось. Все вчерашний немец маячил перед глазами. Черт его угораздил идти на охоту. А если бы не пошел, как бы узнали про склад, про то, что копят немцы боеприпасы, а значит, того и гляди, соберутся наступать, обрушат все эти снаряды и бомбы на головы севастопольцев? Как ни прикидывай, а все выходило: хорошо, что немец на охоту пошел. А что убрать его пришлось, ну, считай, не повезло немцу. На войне всегда так: одним везет, другим, стало быть, нет.

Ивану показалось, что он и не спал вовсе, когда командир тронул его за рукав.

— Пора.

Было куда светлее, чем в начале. В такую ночь только и ходить. Накрывшись плащ-палаткой, сверились по компасу, разобрались в карте. И пошли, держа один другого на пределе видимости. Время от времени останавливались, замирали, прислушиваясь, и опять шли. Все светлей становилось: луне за тучами помогал близкий рассвет.

В какой-то момент опять выскочила перед Иваном надоедливая поговорка — «Волка ноги кормят». Мысленно он отмахнулся от нее и забылся, отшагнув в сторону и чуть не упал, зацепившись ногой за тонкое упругое корневище. Присел, пошарил рукой и нацупал... провод.

Через минуту они, все четверо, сбившись в кучу, сидели на земле. Гладышев содрал с провода изоляцию, вынул из вещмешка телефонную трубку, подсоединился и замер, прислушиваясь. И все замерли в ожидании.

— Ну, чего? — не выдержал Симаков.

— Ругаются.

— Кто?

— А черт их, телефонистов, знает. Выясняют отношения.

— Ты слушай, слушай.

Все знали, чего ждет командир: склад был где-то близко, авось в болтовне телефонистов проклюнется весточка о нем.

— Точно! — округлил глаза Гладышев. — Склад на проводе.

Это была невероятная удача, редкая на войне.

— Может, какой другой склад?

— Не другой. Про бананы говорят, про повозки с бананами. Ну, дураки! Какие в Крыму бананы, да еще повозками? Ты их видел когда-нибудь?

Иван подумал, что бананов он не только в Крыму, но и вообще нигде и никогда не видел, только разве на картинках. Какие в России бананы? Потому наши командиры обычно называют для скрытности бомбы да снаряды «огурцами». Хотя и огурцов тоже, даже и соленых, никто в Севастополе давно уж не видал.

— В какой стороне склад-то?

Все посмотрели на темную нитку провода, справа она уходила в кусты, слева терялась в камнях.

— Может, разделить по двое?

Командир неуверенно покачал головой. Замолчали. Ветер посвистывал голыми ветками высокого кустарника, заполонившего пологий склон. Время от времени откуда-то издали волнами доносился слабый гул, нарастал и опадал, растворялся в шорохах мелколесья.

— Никак машины гудят, — догадался Иван.

— Точно. На подъеме, — обрадовался командир. — Груженые.

Зашевелились, оживились. Мостовой вскочил во весь свой большой рост, заоглядывался, будто можно было что-то разглядеть дальше, чем на два десятка шагов. И командир встал, спрятал карту, закинул планшетку за спину.

— Теперь вот разделимся. Мы с Козловым — к дороге, а вы — по проводу. Через два часа встречаемся здесь.

Поправил на груди автомат, запахнул плащ-палатку, шагнул в прогалину меж кустами и беззвучно растворился во тьме. Иван заспешил следом.

Долго шли. Останавливались, прислушивались и снова шли, торопились. Теперь сомнений не было: гудели, точно, машины. Временами звук истончался, терялся среди других звуков ночи, сливался с гулом дальней артиллерийской пальбы.

А потом всякое гудение пропало. Только что надсадно завывали моторы, вроде бы где-то недалеко, и вдруг стало совсем тихо, только свое хриплое дыхание и слышать.

— Запомнил направление? — спросил командир.

Иван показал рукой в темень.

— И я так думаю. Пойдем по компасу.

Закрывшись плащ-палатками, зажгли спичку, определились.

И опять Иван шел следом за командиром, отстав настолько, чтоб только не потерять еле видный во тьме его силуэт. Командир останавливался, и Иван тоже замирал на месте, усилием воли напрягал слух и зрение.

Густая чернота ночи постепенно словно бы забеливалась туманом — давал о себе знать близкий рассвет, — и Иван все увеличивал дистанцию. И вдруг он совсем потерял командира из виду. Только что меж кустов скользила его тень, и — нет ничего. Опыт разведчика позволял Ивану выделять из ночных шорохов некую ритмичность — шелест шагов, а теперь и этот звук пропал. Иван остановился, вслушиваясь в ночь. Ветер все так же монотонно шелестел голыми ветками, да из дальней дали опять долетал утробный гул — просыпались севастьяпольские рубежи. Равнотю просыпались, ну да это не удивляло — всякое бывало.

Близкое цоканье показалося Ивану таким громким, что он вздрогнул. Заспешил на звук. Командир темной кошкой сидел на корточках, руками ошаривал землю.

— Дорога.

Иван присел рядом, тоже почувал четкий ребристый след автомобильной шины, свежий, еще не оплывший.

— Надо найти этот крутой подъем. Как думаешь, где он — справа, слева?

— По-моему, справа, — сказал Иван.

— И я так думаю.

По дороге идти было легче. Ноги скользили в наезженной колее, и они пошли по обочине. Спокойно пош-

ли, не таясь, только, как и прежде, соблюдая дистанцию. Далеко уже было видно, шагов за сто, — если с какого немецкого поста и заметят открыто идущих по дороге людей, то едва ли что заподозрят, — ночью-то, как известно, все кошки серы.

Когда услышали шум моторов, затаились в придорожных кустах. Колонна была небольшая — восемь тупорылых грузовиков с кузовами, обтянутыми брезентом. Одна за другой машины проползли мимо и завыли на близком крутом подъеме. Ясно было, что склад там, куда идут тяжело груженные машины.

«А может, везут со склада?» — на миг усомнился Симаков и покачал головой. Немецкого наступления в ближайшие дни, похоже, не предвиделось, а в штабе говорили, что немцы копят боеприпасы. Значит, везут на склад. И подумал о Гладышеве с Мостовым, озабоченных поисками того же склада. Куда увел их провод? Далеко ли?

А Гладышев с Мостовым в эту минуту были совсем рядом: провод привел их к той же дороге, только выше подъема. Провод то и дело терялся в прошлогодней траве, в камнях и кустах. Пришлось взять его в руку и так идти, скользя ладонью по мокрой холодной оплетке.

— Рискованно так-то, — сказал Мостовой. — Вдруг немцы?

— Авось не разберут. Связисты тут же ходят.

— А если окликнут?

— Ругаться по-немецки умею. Отвечу.

Сзади загудели на подъеме машины, но Гладышев не выпустил провод, только махнул Мостовому рукой, чтобы шел стороной, кустами.

Никто его не окликнул: шоферам было не до бесед с одиноким солдатом.

Еще через четверть часа проскочили два мотоцикла с колясками. Эти заскользили в грязи, заорали, чтоб шел помогать. Гладышев крикнул по-немецки, что сейчас подойдет, и оторвался от провода, помедлил, давая возможность Мостовому разобраться в обстановке. Срезать мотоциклистов ничего не стоило, но это поставило бы под угрозу выполнение задачи. Стрельба всполошила бы немцев, и незаметно подобраться к складу, а тем более проникнуть на него, едва ли бы удалось.

К счастью, мотоциклисты сами выскочили из грязи и умчались, зачавив дорогу бензиновой гарью.

Навстречу, громыхая, проскочили порожняком четыре грузовика. И опять сзади загудели тяжело груженные машины. Сомнений уже не оставалось: склад там, впереди. Но Гладышев все шел по проводу, памятуя истину: не предположения требуются от разведчика, а точные сведения. Светало, и идти так вот, в открытую, становилось опасно. Но он все шел, сдерживая себя, не оглядываясь на проскакивающие мимо машины, стараясь походить на ленивого, заспанного телефониста, проверяющего линию. Единственное, чего он всерьез опасался, — встречи с немецкими связистами, так же вот идущими по линии.

Неожиданно провод отвернул от дороги в лес, скользнул вверх, на ветки деревьев, затем на песты и вывел на открытое место. Вправо и влево тянулась полоса вырубленного леса и кустарника. За ней — колючий проволочный забор, вышки с часовыми, а еще дальше — темные массы, заваленные ветками, — штабеля ящиков...

Было уже совсем светло, когда они, все четверо, собрались вместе. Нашли глубокую яму, влезли раскисшими сапогами в снежную мокрядь. Сбившись в кучу, подвели первые удачные итоги. Капризная баба — фортуна пока что не отворачивалась: первая задача — найти склад боеприпасов — выполнена без потерь, без приключений, какие могли бы насторожить немцев. Но была вторая задача: взорвать склад. Посожалели, что нет миномета: хлопбытнуть бы минами через проволоку, и все дела. Посожалели, что нет рации: вызвать бы огонь дальнобойных береговых батарей, — может, достали бы.

— От пустых мечтаний, — сказал командир, — только животы болят. Два часа отдыхать. Потом пойдем к складу. По двое. Будем вести наблюдение.

И опять было тяжелое забытие. Снова Ивана несла, затягивала морская глыба, и он рвался к поверхности, не мог дыхнуть. Говорят, есть счастливые люди, спят без сновидений. Ивану не везло: всегда он куда-то бежал, торопился или плыл, выбиваясь из сил, как теперь. И всегда пробуждение было тяжелым, хоть и счастливым: спасса. Воспоминания о сне скоро уходили, растворялись, а сонная тягомотина оставалась, душила предчувствиями.

После этого короткого сна, пока они с лейтенантом Симаковым опять переползали да перебежали от куста к кусту, от дерева к дереву, не покидало Ивана тяжелое ощущение, будто кто-то непрерывно следит за ним, вы-

целивает. Прошло это только к полудню, когда они лежали в кустах, наблюдая за плагбаумом у проема в колючей проволоке, где двое часовых пропускали мимо себя надсадно гудящие машины. Днем за забором собак не было видно, но часовые на вышках сидели и днем, держались от холода в открытых на все четыре стороны продуваемых будочках.

М-да, легко было генералу говорить: по возможности взорвать. Где она, эта возможность? Можно было, конечно, уйти — кто осудит? Да и карта с разведанными тоже кое-чего стоит. Но Иван знал: не уйдут они. Не такой лейтенант Симаков, чтобы уйти, не попытавшись проникнуть на территорию склада.

Так ничего и не придумал Иван и всю дорогу, пока они, уже в сумерках, отползали в глубь леса да опять перебегали от куста к кусту, все ругал себя за тугодумие. Одна была надежда, что у командира вызрел какой-нибудь план.

Но и командир оказался не сообразительнее — только руками развел, когда Иван спросил об этом.

Часа два сидели они в знакомой яме — месте сбора, — ждали Гладышева с Мостовым. Переговорили, перевспоминали все, что каждый видел. Достали запас — хлеб да банку тушенки, похватали без аппетита, запили из снежной лужи и снова принялись фантазировать, придумывать всякое — как добраться до ящиков со снарядами. Доползли бы — затаиваться умели, на то разведчики, — если бы не собаки.

— А проволоч-то не видно, — сказал Иван. — Ну, к которым собак привязывают.

— Гладышев слышал же лай. Обязательно должны быть собаки. Немцы не дураки.

— Бывали и дураки.

— Бывали, — согласился Симаков. И выругался: — Черт возьми! Самого главного не знаем точно.

— Узнаем. Пойдем ночью к складу, услышим лай. Или не пойдем?

— Как же не идти?

Иван хотел напомнить, что приказа непременно взорвать склад, по сути, не было, а так, пожелание, но промолчал. Подумал о том, что все эти снаряды да бомбы приготовлены на головы братвы, что сидит сейчас в сырых окопах, на дома Севастополя, на женщин и детей. Хоть бы и вовсе не было приказа, а если есть пусть крохотная возможность, надо взрывать.

Совсем они продрогли в своих промокших телогрейках да ватных штанах. Некогда белые маскхалаты превратились в пятнистую рванину, но это было даже и лучше: чистого снега мало, а среди снежных ошметков да луж, да камней в пятнистом незаметнее.

Ночь наваливалась совсем темная, непроглядная, и они начали беспокоиться: не заплутали бы ребята. Но Гладышев с Мостовым каким-то чутьем вышли точненько к яме, запаленные от спешки, рухнули на землю, и, еще не отдышавшись, оба разом заговорили. Скоро Мостовой сообразил, что не он должен докладывать, и замолк, отвалился навзничь, будто заснул. А Гладышев все говорил, захлебываясь словами. И выходило из его рассказа, что они с Мостовым оказались поглазастее, точно установили, что собак-таки нет, что в темноте часовые с вышек слезают, поскольку ничего вокруг не видать. Проектора есть, но их скорее всего не включают, боятся почных налетов севастиопольской авиации. Зато часовых вокруг склада понатыкано через каждые полста метров, а то и чаще, в пределах видимости.

Симакова доклад обрадовал, он вскочил, затоптался на месте. Но тут же опять присел, начал излагать план:

— Значит, так: отдохнем немного, и айда, ребятки. Опять по двое. Подрезаем проволоку. Сумеет незаметно, ставим мины с часовым механизмом. Кого обнаружат, принимают бой, отвлекают немцев на себя. Другие — вперед броском, бросают бутылки с горючкой в штабеля, все что есть...

Хорошо расписал командир, как в сказке. А что другое придумаешь? Нахраном верней — проверено...

Спали, не спали — маялись. И пошли. Ветер, как нарочно, начал спадать, шаги в лесу далеко слышно. Потому издали пришлось красться, каждую минуту замирая сердцем: не дай бог, под ногой хрустнет.

Не хрустнуло, что было даже удивительно в такой темени. И не чавкнуло ни разу под ногами, под локтями, под животом, когда подходили, а потом подползали к проволоке. И проволоку подрезали без шума. И уж думалось: в рубашках родились. Штабеля ящиков чернели впереди сплошной громадой, вскочить бы и бегом к ним. Да часовой, вот он, рядом, хлюпает сапогами, пимыгает простуженным носом, время от времени что-то бормочет, разговаривает сам с собой. И другой часовой недалеко, не видно его, а слышно — кашляет. Вскочи — срежут на бегу.

Где-то далеко гавкнула собака, и они замерли, пасторожились. Симаков, лежавший впереди, медленно подтянул ноги, готовясь вскочить. Если собака учует, очередь по ней — и рывком к штабелям. И ни на что никакого внимания. Часовой, солдаты, сколько их ни будь, — забота Ивана Козлова, лежавшего сейчас у самой проволоки. Такой план. На случай, если охрана с собакой. А пока не обнаружен, лежи камнем, ползи, подбирайся ближе.

Собака еще гавкнула, спокойно, просто так, для порядка. Но уже слышно было: кто-то идет. Смене не время. Значит, проверяющий? Скорее всего проверяющий, может, даже и офицер, если с собакой.

Симаков почти перестал дышать, только все вел автоматом, чтобы не упустить момент, когда собака кинется к нему. Но видно, весь он так пропитался запахами лесной мокряди, что собака издали не учуяла, а с поводка, чтобы побегала, ее не спускали. Подходившие, их было двое, что-то сказали часовому и прошли дальше, туда, где были Гладышев с Мостовым.

Когда они отошли, Симакову удалось проскользнуть еще на несколько метров.

И вдруг там, в стороне, часто забрехала собака, коротко треснул автомат, наш, ППП, зачастил другой автомат, ему ответили сразу несколько «шмайсеров». И все вокруг внезапно засветилось: откуда-то ударили лучи ярких фонарей. И с вышки, с ближайшей вышки, которая была совсем рядом, шагах в сорока, начал бить пулемет.

Что недосмотрели, ведя днем наблюдение, что недоучли, раздумывать было некогда. Оттолкнувшись от мокрой земли ногами и руками, Симаков бросил себя вперед. Краем глаза увидел, как откинулся навзничь ближайший часовой, срезанный очередью Ивана Козлова. Штабеля ящиков терялись во тьме, и ему казалось, что надо только успеть нырнуть в эту тьму. Но луч фонаря заскользил за ним, осветил затянутые масксетью ящики. Смачно, словно кнутом, хлестнули над головой пули. А он все бежал, и казалось ему, что бежит слишком долго. Автомат бился на груди, мешал. Он бы и бросил автомат, да руки заняты, в правой граната, в левой — бутылка с горючей смесью.

Ему показалось, что подвернулась нога. Упал, кувырнулся через голову, заскользил на боку. И вдруг с ужасом ощутил, что бутылки в руке нет. И в этот момент погас фонарь. Ясно было, от чего погас: Иван попал точно, погасил. Секундой бы позже погасить, найти бы

бутылку. Симаков крутнулся, скользнул ладонью по грязи, по мокрому снегу — бутылки не было. Тогда он вскочил, широко размахнувшись швырнул гранату, затем другую, что все время тяжелела в кармане, и побежал назад. Громыхнул сзади взрыв, затем другой, и он, уже добежав до забора и проскользнув под проволокой, вдруг понял, что это взорвались его гранаты, взорвались, отскочив от ящиков или не долетев до них, что детонация, на которую рассчитывал, не произошло, иначе, находясь так близко от ящиков со снарядами, он уже ничего бы не слышал.

Луч другого фонаря метнулся в эту сторону, и Симаков увидел проползавшего под проволокой Ивана.

— Куда?! Давай ты!.. — закричал он. И осекся. Там, во тьме, где были штабеля ящиков, замельтешили вспышки автоматных очередей, и один за другим начали выбегать на свет солдаты.

— Уходим!

Он вскочил и резко качнулся, так резануло бедро.

— Ранен?! — испуганно вскрикнул Иван.

Симаков не ответил. Только сейчас понял, что не остушился тогда, не поскользнулся. Все глубже припадая на левую ногу, он бежал и думал, что так далеко ему на одной ноге не ускакать. Иван подхватил под руку, но и с такой опорой знал — не уйти. А сзади трещали «шмайсеры», пули смачно били по стволам деревьев, резали ветки. Лес стонал, лес плакал, и Симакову тоже хотелось плакать от злости на себя, от обиды, от беспомощности.

И вдруг он вспомнил о карте, лежавшей в планшетке, о карте, на которой было помечено все, что удалось разведать. В том числе и этот, оставшийся не взорванным, склад.

— Стой! Карта!

— Какая карта?

— Беги! Я задержу.

— Вместе уйдем.

— Не уйдем. Уходи ты! Спасай карту.

— Я не могу...

— Это приказ!

Обеими руками он схватил Ивана за отвороты телогрейки, приближал вплотную лицо, черное, неузнаваемое.

— Пойми, карта!.. Что мы, зря уродовались?!

Иван не бежал, шел по ночному лесу, прислушивался. Сзади в сплошном перехлесте «шмайсеров» слышался

треск коротких расчетливых очередей ППШ. А он шел, словно не надо было спешить, словно все опасное позади.

* * *

Паники не было. Того самого состояния, когда все в тебе сжимается в крохотную ледышку, замораживающую кишки, дыхание, волю, когда твоя самость вдруг вырастает до вселенских размеров и бросает, неведомо куда и зачем.

Не дай бог, паника. Один только раз, на второй неделе войны, когда немецкие танки неожиданно прорвались к штабу, Преловский испытал это. Никому не рассказывал, стыдился даже вспоминать, но забыть не мог.

Паники не было, это он знал точно, только тоска. Жаль было не себя, а мать, жену, друзей, оставшихся в Москве. Боже, какой нестерпимой бывает тоска!..

Он понял, что тонет, и замахал руками, торопясь выплыть. Волна хлестнула в лицо. Он облизал губы и подумал, что море так же солоно, как и слезы. А там была еще волна и еще. Боже, как же их много! Он перевернулся на спину, чтобы отдохнуть. Как когда-то, плавая в этом море в другую, солнечную пору.

И еще волна хлестко ударила в лицо, и он очнулся. Увидел над собой серое небо и подумал, что тот случай, когда чуть не утонул, что-то слишком часто начал вспоминаться ему, даже сниться.

В сером пятне неба над ним появилось грязное мятое ведро, опрокинулось, и новый поток воды ударил в лицо.

— Очнулся, — сказал кто-то по-немецки.

И вдруг, мгновенной вспышкой, картина: будто летящая по воздуху знакомая фигура человека и снап трасс, упирающийся ему в грудь. Преловский дернулся и в один миг все вспомнил, все понял.

— Доложи гаушману. Оба в порядке.

Пустое ведро громынуло о землю возле самого лица Преловского. Солдат в пилотке, натянутой на уши, удалился, скользя ботинками по грязи. Другой солдат, в точности похожий на первого, постоял над Преловским, присматриваясь так и этак. Потом поглядел куда-то в сторону и тоже ушел.

Кто-то застонал там, куда смотрел немец, и Преловский резко приподнялся, чтобы оглянуться. Голову, шею, всю левую сторону тела резануло так, что он опять едва

не потерял сознание. Полежал, глядя в серое, без просвета, небо, не в силах понять, куда же он ранен, потом шевельнул руками, ногами — все вроде бы двигалось. Решили оглушили. Когда берут «языка», а «язык» сопротивляется, то его, ясное дело, бьют по голове, чтобы успокоить. Знал это. Но что знание? Чужая боль не болит...

Снова стон за спиной. Теперь он обернулся осторожно и увидел сидевшего у стены человека, странно и страшно истерзанного. Один рукав у его шинели был оторван, да и вся шинель, разодранная по спине на две половины, скомканная, облепленная грязью, больше походила на ком грязи, брошенного на этого человека. Он сидел, опустив голову между колен. Обессиленно висевшие руки его методически взлетали и падали на землю, и тогда из-под черной шапки грязи на голове человека, которую только и видел перед собой Преловский, вырывался стон. Что-то было знакомое в этом человеке, в этом стоне, а что именно, не мог понять.

Все так же осторожно, чтобы опять не схватила боль, он повел глазами налево и направо, увидел промокшие глинобитные стены с безрамными проемами окон. С четвертой стороны вился провал, за которым, неподалеку, виднелись низкорослые деревья с голыми узловатыми ветками. Неподалеку сидел на ящике немец с автоматом на груди и непрерывно зевал.

«Бежать! Придушить немца! — Внезапная мысль обожгла надеждой и миг остудила. — Как придушить, когда не умеет?.. Ничего не умеет, только говорить...»

Теперь и ему тоже захотелось застонать. Он посмотрел на человека, сидевшего у стены, и узнал Шарановича. Ужаснулся было, но вдруг подумал, что и сам, наверное, выглядит не лучше. Почему-то не об ужасе своего положения все думалось ему, даже не о боли, а о внешнем виде.

Шаранович долго, словно не узнавая, глядел на него и вдруг вскинул руки и прошипел, косясь на часового:

— Не говори...

— Что? — Преловский с трудом перевалился к стене. — О чем ты?

— Не говори, что мы... евреи.

— Как же обманешь?

— Снажу — белорус. Фамилия-то белорусская.

— У меня польская, да разве не видать?

— У тебя видать, а я-то, я-то!..

— А если велят штаны снять?

— Скажу — магометанин.

— Белорус — и магометанин?

— Всю жизнь вру. Может, и тут выкручусь.

— А меня расстреляют, — спокойно, будто не о себе, сказал Преловский.

— А я выкручусь, выкручусь. Я должен жить. Я нужен...

Часовой вскочил, и они замолчали. Из-за стены вышел офицер в плотно застегнутой плащ-накидке — не понять, кто по званию, но видно, что не полевик: слишком чист. Постоял над пленными.

— Попались, певцы, — сказал беззлобно.

— Соловьи, — хихикнул часовой. Зевать он перестал, теперь ему было интересно. Этот факт тоже отметил про себя Преловский, как будто он что-нибудь значил.

Офицер обернулся, и часовой вытянулся перед ним. И еще два солдата, как раз в этот момент вышедшие из-за стены, замерли на месте.

— Нет, не соловьи. — Теперь в его голосе была брезгливость. — Галки с помойки. Галдят, а о чем, сами не понимают. Им все кажется, что, если хозяйничают на помойке, значит, всюду хозяева. А мы приходим, и они врассынную. Потому что мы подлинные хозяева, мы, а не они. И никто не ровня нам. Фюрер сказал: немцы выше всех наций мира, ни одна не может быть сравнима с нами, потому что наши вожделения и наш идеал отличаются от вожделений и идеалов всего мира. Потому что мы — иные.

Он говорил медленно, с выражением, явно любуясь собой и явно рассчитывая на успех у слушателей. И своих солдат, и пленных, которые, знал, понимают его.

— Поражение под Москвой? Вдумайтесь, какое же это поражение, если оно под Москвой. Для Германии, для немецкой армии то, что случилось под Москвой, — укус комара. Все predetermined, все будет так, как мы захотим. Фюрер сказал: «Если окажется, что тот или иной народ в своей борьбе потерпел поражение, это значит, что он был слишком легковесен и недостоин сохраниться, как целое на земле». Фюрер сказал: «Вечно справедливое провидение заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности и способности бороться за продолжение своего существования». Мы, немцы, призваны руководить миром, и потому все земли, на которых пролита немецкая кровь, будут принадлежать нам.

Что-то знакомое было в словах офицера, что-то очень похожее слышал Преловский совсем недавно, но где слышал, никак не мог вспомнить: в голове гудело, мысли разбегались, не могли сосредоточиться.

— Встать! — неожиданно заорал офицер.

Шаранович вскопчил первый. Преловский замешкался: ноги не слушались, подгибались. Подошел солдат, рывком поднял, сильно ударил головой о стену. Голова закружилась, и Преловский, побоявшись упасть, ухватился за Шарановича. Тот отстранился, и это не осталось незамеченным. Офицер хмыкнул, а солдаты, стоявшие неподалеку, запереговаривались шепотом.

— Юде? — опять крикнул офицер, ткнув пальцем в сторону Преловского.

Тот молчал. Что говорить, когда все на лице написано? Да и противно врать и лебезить перед ублюдком с головой, набитой цитатами из расистских откровений фюрера.

— Юде! — Офицер, не оборачиваясь, махнул рукой часовому. — В овраг его. Да подальше, чтоб не воняло.

...Вот и все! Тропа была скользкая, ноги разъезжались, и он боялся упасть, чтобы солдат, шагавший сзади, не подумал, что он бросился бежать, и не нажал на спуск. Хотя не все ли равно, где умирать, там или тут? Но до оврага надо еще дойти, и эти последние шаги почему-то были Преловскому очень дороги. Не раз слышал, что перед смертью и минута вечностью кажется. Еще слышал, будто в последний миг жизнь проходит перед мысленным взором и будто вспоминаются все родные и близкие. Сейчас очень хотелось ему явственно представить себе родных и близких, но ничего не представлялось. В голове было пусто, перед глазами скользили голые кусты, снежные пятна меж ними, блеклые лужи на исхоженной тропе. Было тоскливо и одиноко от того, что ничего не представлялось. Все покинули его в последнюю минуту, никто не вспоминался.

Шаг, еще шаг. Мучительно хотелось обернуться, но он боялся наткнуться взглядом на огненный всплеск очереди. Как страшно это ежесекундное охищение смерти! На передовой тоже все время ждешь: вот поймает пуля снайпера, вот накроет мина. Но нет там обезволивающего страха.

«Что ж ты, что ж ты, умри, как подобает», — билась мысль. Он выпрямился, выпростал шею, глубоко осевшую в воротник шпанделя, заставил себя посмотреть по сторо-

нам. Вон уже и овраг близко, светлеет каменной осыпью. Справа и слева низкорослые кусты, а там, ближе к оврагу, кусты выше, почти лес, только что редкий, сквозной, спрятаться некуда.

«Что ж, так и пойдешь до оврага? — Показалось, что кто-то другой произнес эту фразу, не сам он, про себя, мысленно. — Погибать — так хоть по-человечески».

Он загадал: дойдет до того куста и бросится вправо, нет — влево, нет — лучше вправо, там лес ближе...

«Что лес, на первом шаге автомат срежет... Ну и пускай, не идти же бараном. Надо надеяться, иначе не решиться. Ноги и так, будто деревянные...»

Шаг, еще шаг. Вот сейчас... Преловский напрягся, приготовился. И тут треснула очередь. Короткая, всего в три патрона.

Он знал, как бьют пули. Было тогда, в июле, будто палкой по боку. А тут ни ударов, ни боли — ничего. В воздух, что ли, стрелял?

Преловский обернулся. Солдат, конвоировавший его, стоял на месте, высоко задрал голову, словно рассматривал что-то там, в вышине. Потом он и совсем откинулся назад и стал падать, прямой, как столб.

Бежать! Ведь он же как раз хотел бежать! И ему уже казалось, что бежит к лесу, про который загадал. Но он все стоял, не мог заставить себя шевельнуть ногами. И вдруг окатила горячая волна, и он побежал. Но все казалось ему, что бежит слишком медленно, что ноги не слушаются. Широко размахивал руками, но это мало помогало: было, как во сне, когда торопишься, задыхаешься и — ни с места.

Справа и слева замелькали деревья, и только тут, в лесу, он ощутил себя. Все в нем — в руках, в ногах, во всем теле — билось ликованием: жив, живой. Спасенный! И он бежал, перепрыгивая через кусты и ямы, спотыкался, падал лицом в снег, в мокрую прошлогоднюю траву, вскакивал и опять бежал, задыхаясь, захлебываясь воздухом, становящимся все более сухим и колким.

Снова упал и тут понял, что уже не встанет. Сердце, казалось, готово было проломить грудную клетку, рвалось наружу. «Беги! — беззвучно кричал он сам себе. И утваривал себя: — Немного... Отдышаться...»

Близко треснула ветка: кто-то домылся напрямую, догонял.

Снова он вскочил и побежал, хватая ртом воздух, который застревал в горле, не доходил до легких. И снова упал, зашнувшись о коряжину, засучил ногами, торопясь подняться, и не мог подняться. Хотелось плакать, кричать в голос...

Тяжелый топот все ближе. Вот уж и дыхание слышать, хриплое, запаленное. Кто-то упал рядом. И выматерился. По-русски. Все замерло в нем, прислушалось. Неужели по-русски? О, как это сладостно — по-русски!

— Ну, ты и бегаешь. Спортсмен, что ли?

— Н-нет.

— Еще догнал.

— Ты... кто?

— Потом разберемся. Вставай.

Перевернувшись, Преловский встал на корточки.

— Вставай. Уходить надо.

С трудом он подвинулся и только тут разглядел стоявшего перед ним человека. Встрепанный, небритый, все на нем мокрое, комканное — шапка, телогрейка, ватные брюки, лохмотья маскхалата, — и только автомат, немецкий «шмайсер», новенький, необтертый, блестит вороненым стволом, затворной коробкой. И еще глаза увидел Преловский. Было в этих глазах, в складках лица, в усах вроде бы даже знакомое что-то, будто давным-давно встречались они и так же вот, в упор, смотрели друг на друга.

— Пошли, дыши чаще, не давай сердцу захлебнуться.

Обнявшись, они затрусили по лесу, и человек все говорил, редко выталкивая слова:

— Гляжу... ведет... Ну, гад!.. Выцелил... А ты бежать...

— Ты... кто? — так же с передышками спросил Преловский.

— Разведчик.

— Я... где-то видел...

— И я узнал.

— Узнал?

Преловский снова рухнул на землю: колотье в груди стало невыносимым. Казалось, вот сейчас, сию минуту, грудь разорвется и все, что есть внутри, вырвется.

— Узнал. Ты дыши, дыши, не говори пока. Приезжали передачу передавать, немцев агитировать. Гранатами надо агитировать, вот что скажу, словом разве пройдешь?

— Пронимает... иногда, — выдохнул Преловский.

— Ты молчи, дыши знай... Там-то не узнал. Одно только: раз немец под автоматом ведет, значит, свой. А когда догнал, мать честная!..

— Расстреливать... вел...

— Да уж ясно, не на обед в столовую. — И засмеялся, закашлялся простуженно. — Ты отдыхивайся, набирайся сил-то. Самое-то впереди.

— Вдвоем не страшно.

— Один пойдешь.

— А ты? — В него снова вползал страх, будто холод, снизу, с ног.

— У меня дело. Ты вот, нако вот. — Изогнулся, скинул вещмешок, порылся в нем, достал банку консервов и сухой искрошенный ломоть хлеба. Ударами ножа вскрыл банку, протянул Преловскому.

Голод пришел как-то странно, вдруг. То и не вспоминалось о еде вовсе, а то аж живот вскинулся к горлу. Преловский кромсал ножом упругую мясную тушенку, почти не жуя, глотал куски. И спохватился:

— А ты?

— Мне с пустым брюхом сподручнее. Ты вот что. — Он снова сунул руку в вещмешок, вынул истертую планшетку. — Возьмешь, доставишь. Кровь из носа, умри, а доставь. Тут, на карте, все указано. Скажешь: группа лейтенанта Симакова задание не выполнила. Хотя вот что: если услышишь взрыв...

— Какой взрыв?

— Поймешь, ни с чем не спутаешь. Если услышишь, значит, выполнено.

Преловский смотрел на него почти со страхом: чего хочет этот человек с такими большими, почти безумными глазами? Какие могут быть задания — в одиночку? Вернется — кто осудит? Даже и наградят: командира спас, политрука, его, Преловского. На коленях будет стоять перед начальником политотдела армии, а выпросит награду.

— Как тебя зовут?

— Иваном. А что?

— Как что? А фамилия?

— Ну, Козлов. Обыкновенная фамилия.

— Нам надо вместе. Как я один через фронт?

— Перейдешь. Главное — держись. Ракета засветит — гляди, замечай, погаснет — вперед. Чуть что — затаись, умри. Немец пройдет — не дыши, хоть на голову наступит.

— А ты куда? — почти жалобно выговорил Преловский.

— А я туда, — махнул он рукой на восток. — Я им зар-разам!..

Преловский протянул ему банку и недоеденный хлеб.

— Тебе тоже нужно.

Тот взял, ковырнул два раза ножом упругую, как резина, массу и вернул банку.

— В горло не лезет.

Помолчали. Один перекладывал в вещмешке бутылки, завернутые в мокрые запасные портянки, другой через силу выскребал банку — ему теперь тоже в горло не лезло, хоть брюхо и требовало — давай. Оба напряженно слушали, не начнется ли стрельба в той стороне, откуда они бежали, а значит, и погоня. Но было тихо: автоматную очередь немцы, похоже, приняли за свою — расстреливать же вел, — а невернувшегося солдата еще не хватились. Или же лес глушил звуки. Ветер однотонно шумел в ветвях, холодный, временами сеющий то дождем, то снежной крупой. За лесом, полого спускавшимся по склону, расстилалось хмарное пространство, дальше темнели горы, низкие тучи цеплялись за вершины, и казалось, что там, в лесных гривах, занимаются пожары.

— Пора. А то дождемся, — сказал Иван и встал, помог политруку подняться. — Пора тебе, иди.

— А ты?

— Я погожу.

Решив, что разведчик собирается, спасая его, отвлечь преследователей, Преловский запротестовал:

— Вместе. Только вместе. Опасно задерживаться.

— Ничо, мы таковские, — усмехнулся Иван.

— Что?!

— Иди, иди, не задерживайся. У меня свое дело.

Долго стоял он, прислонившись плечом к кривому изломанному ветрами стволу горного дубка, смотрел, как мелькает, удаляется темное пятно. Уходил политрук быстро, сновисто, припадая к камням и деревьям, не выпячиваясь в прогалины. Это Ивана успокоило, и он, как только потерял политрука из виду, закинул вещмешок за спину, подергал автомат — надежно ли? — и зашагал в другую сторону. Он торопился: до темноты надо было успеть выйти в намеченное место и затаиться там.

Место это было возле дороги, где она, круто поворачивая, взбиралась на склон. Уже в сумерках Иван нашел куст погуще и залег. Тепло, накопленное при ходьбе, быстро выходило, и он все шевелил пальцами, чтобы не прозевать момент, когда они начнут неметь. Тогда, хочешь не хочешь, придется встать и что-то делать, чтобы разогреться, потому что с онемевшими руками все равно, как без рук. Но потом он почему-то сам собою согрелся, даже и жарко стало. В груди с каждым вздохом булькало. Он понимал, что простужен донельзя, но не очень тревожился: до утра сил хватит, а там... все пройдет. Одно пугало: вдруг этой ночью машин не будет? До следующей ночи уж не дождаться.

Машины загудели лишь под утро, когда на фоне светлеющего неба уже можно было разглядеть, что там, в кузовах. Машины надсадно выли на подъеме, явно тяжело груженные, но в кузовах просматривались фигуры солдат — по двое в каждом кузове. Иван рассудил так: солдаты для разгрузки — значит, будут еще машины.

Другая колонна загудела вскоре, тоже тяжело груженная, но без солдат: сопровождавшие сидели в кабинках. Дождавшись, когда последняя машина поравнялась с ним, Иван выскользнул из-за куста, метнулся к машине, уцепился за задний борт и, подтянувшись, перевалился в кузов. Ударился боком об острый угол, ощутил толстые планки снарядных ящиков и, удовлетворенный, повалился на них.

Он лежал под брезентом, держа в одной руке гранату, в другой — бутылку с горючей смесью. Думал: если машина остановится у ворот и часовой полезет в кузов, сразу ударит бутылкой об угол и сунет гранату поглубже между ящиками. И будь, что будет.

Но часовой в кузов не заглянул. Машина только приостановилась в воротах и стала заворачивать куда-то влево. Иван осторожно выглянул, увидел, что машина задом подъезжает к высокому штабелю ящиков. Возле них стояли четверо солдат, дожидались разгрузки.

Все. Теперь оставалось только ждать, когда солдаты откинут борт. Но борт не открывался, солдаты гундосили рядом, возле самого уха, то ли разговаривали, то ли ругались. А в нем все ту же натягивалось что-то, будто сам он был взведенным взрывателем, и приходилось изо всех сил сдерживать себя. В голове стучало так, будто кто-то часто, с отяжкой, бил по ней молотком.

Как ни ждал, а вздрогнул, когда загрохотал борт. Прежде чем он отвалился, Иван перебросил через борт гранату. Снаружи заорали. Но тут под кузовом грохнуло. Иван вскочил в рост, одну за другой швырнул бутылки в глубину штабеля снарядных ящиков, перехватив автомат, ударил по бегущим к нему фигурам. Спрыгнув на землю, еще дал очередь по машине, по бензобаку...

Отдаленный, ни на что не похожий гром прокатился над истерзанной землей, метнулся эхом от гор. Неподалеку загудосили немецкие голоса, взметнулись сразу несколько ракет, и Преловский вжался в грязь. «Ни с чем не спутаешь», — вспомнились слова. Теперь он понял, куда пошел Иван, и похолодел, ужаснулся за него. И заплакал беззвучно, сам не понимая, что плачет, думая, что это вода от луж, от дождя. Будто въяве вырисовалось перед ним лицо Ивана — широкий раскид бровей, широкий нос, широкие усы. И глаза вспомнил, суженные и как-то слишком спокойные для того, что творилось вокруг. А что творилось вокруг? Были волны, крики, отдаленные выстрелы. Да это ж там было, в море, когда тонул. Те же усы, те же глаза. Как он мог забыть? И тот, погибший из-за него, разведчик Степан говорил: Ваня Козлова поговорка — «мы таковские». Как мог забыть?!

Хотелось вскочить и бежать напрямую, ни на что не обращая внимания. Удерживала мысль о планшетке. Тонкая кожаная папочка с картой внутри была его спасательным кругом, не давала расслабиться. Шинель, когда падал, задралась к самому лицу, и теперь он в горечи грыз через сукно какой-то камень, естественно круглый и гладкий, похожий на морскую гальку.

И вдруг как ударило: часы! Вспомнил, как тогда, перед передачей, сунул их в карман, вспомнил, как ошаривали его чужие руки, выворачивали карманы. Неужто уцелели? Забыв, что тут, под носом у немцев, не следует шевелиться, он подсунул под себя руку, нащупал карман, а там другой, потайной, вынул часы. Они шли, светящиеся стрелки показывали половину пятого.

«Эх, Иван!» — вдохнул он и снова почувствовал, как потекло по щекам.

Что-то случилось с ним в эту минуту: голова прояснилась, всякая боязнь прошла. И если несколько минут назад со страхом думал, как дойти, то теперь был уверен: дойдет! И как погасли ракеты, встал и пошел напрямую,

не думая ни о пулях, ни о минах, натканных сплошь в эту землю.

И вдруг провалился куда-то, сильно ударившись о твердое боком, головой...

Сознание ныряло — то тяжело выплывало на поверхность, и тогда он слышал голоса, то проваливалось во тьму, в небытие. Чувствовал, что его куда-то несут, но не так, как прошлой ночью, несут, совсем иначе.

— Это же политрук из политотдела, я знаю его...

«Кто это сказал? Кому сказал?..»

Сознание возвращалось так же, рывками. Когда отвалила муть от глаз, он разглядел, что уже совсем светло и лежит он на чьей-то шинели — тепло снизу, — и рядом сидит на камне боец в телогрейке, форсисто расстегнутой на груди. В вырезе — полоски тельняшки.

Преловский схватился за бок: планшетка была на месте.

— Чего дергаешься? — спросил боец.

— Где я?

— Да тута, где же еще. Пошли докладывать о тебе. Спрашивать пошли, куда девать: в госпиталь али к особистам.

— В штаб надо.

— В штаб так в штаб. Чего тебя носит по нейтралке?

Свалился на меня, как боров.

— Извини.

Боец удивленно посмотрел на него, улыбнулся:

— Ничо, перетерпим, мы таковские.

— Что ты сказал?

— Ничего не сказал, — испугался боец. — Матюкнулся разве, так чего такого? Вон как двинул сапожищем-то, бухнулся, не разбираясь.

— Ты сказал: «мы таковские».

— Ну?

— Ты давно в обороне?

— А чего? Третий месяц.

— На корабле сюда?

— А то как?

— Тонул?

— Ну.

— Меня не помнишь?

Боец наклонился. Широкие брови, усы, все, как тогда. Или забыл? Все на одно лицо.

— Не, не помню.

— А, ладно. На вот, держи.

Он выпростал руку, вынул часы.

— Чего, трофей? Ну, спасибо! Другой раз пойдешь, можешь опять на меня бухаться, я согласный...

Снова дождь пошел. Или это слезы на щеках? Преловский смотрел, как по-детски радуется боец, рассматривая часы, и думал о себе, как о ком-то постороннем. Вот, дескать, слаб стал мужик, совсем сдал, чуть что — слезы. А может, это не так уж и дурно — переживать да сопереживать? Может, человеческое в человеке как раз этим и проявляется?..

Думал и никак не мог определить свое отношение к этому невесть откуда взявшемуся в нем новому качеству.

ИЛЯ РЯСНОЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСИЯ

Повесть

Большинство документов Субботин привык печатать на машинке сам. В первое время, исписывая листы своим неразборчивым почерком, он тут же относил их машинистке, а та постоянно жаловалась, что ничего не может разобрать. Кончилось тем, что через полгода работы ему чуть не сняли голову, когда из народного суда вернулось на дополнительное расследование дело о хищениях из военторга. Машинистка, перепечатывая длинное обвинительное заключение, в котором была уйма эпизодов, один из них пропустила, а в другом кое-что перепутала. Субботин же из-за нехватки времени заключение как следует не прочитал и отослал дело в суд. После этого конфуза он разорился на двести рублей — купил красивую, почти плоскую югославскую пишущую машинку и сам строчил на ней теперь с изрядной скоростью. Во всяком случае, быстрее, чем машинистка.

Субботин снял со шкафа машинку и поставил на стол. Потом вынул из стола тетрадь с планом по группе дел. Итак, что у него на сегодня? По аварии в десять будут люди, нужно их допросить. По Ваничеву нужно разослать постановления о розыске в места, где он может появиться. Личность вредная. Командир роты с первых дней чувствовал, что сей необразцовый солдат что-нибудь да учудит, и вот пожалуйста—сбежал. Субботин знал эту категорию преступников прекрасно. Разгильдяи, потрясающе безответственные, они думают лишь о своих сиюминутных интересах и желаниях, чаще всего до безобразия примитивных. Поведение их обычно строится по следующей схеме: в голову ударяет мысль, например, пойти выпить или съездить поинтимничать с дамой сердца. О последствиях и дум никаких не возникает, дальше настоящего момента разум их проникнуть не в состоянии. Уходят они из части, не думая ни о чем, потом понимают, чем все это может кончиться, боятся возвращаться, и самоволка перерастает в дезертирство.

Субботин начал листать дело. Дознаватель недавно побывал на родине Ваничева и привез новые адреса: родственники в Крыму, девушка в Волгограде. За последний месяц дезертир успел побывать у своего приятеля, недавно уволенного из части в запас. Наплел ему, что приехал с единственной целью повидать лучшего друга, попросил взаймы двести рублей якобы для возвращения в часть. Заодно, правда, стянул и паспорт. Чтобы дезертир что-то брал, таких случаев сколько угодно, но вот чтобы отдал обратно—такого Субботин еще не встречал. Теперь Ваничев с паспортом своего приятеля разъезжает по городам, прописывается в гостиницах и совершает там кражи. На его счету уже четыре. Теперь работники милиции со всех концов Союза приезжают к сердобольному приятелю Ваничева, требуют признаться в кражах, поскольку по документам проживал в гостиницах он, а бедный парнишка только и успевае объяснять, что в как.

Субботин смахнул тряпкой пыль со стола, положил сырава от себя пачку бумаги. Он любил порядок. На столе у следователя должны лежать бумага и набор ручек. Ничего лишнего.

Он зарядил бумагу в машинку и начал печатать.

«Старший следователь военной прокуратуры капитан юстиции Субботин, рассмотрев материалы уголовного дела...»

Стук машинки наполнял кабинет и эхом отзывался в пустых, пока еще безмолвных коридорах. Кабинет у Субботина был небольшой. Два новых стола друг против друга, на тумбочке по левую руку два телефона — городской (разбитый и склеенный изолентой) и синий аппарат без диска — для внутренней связи. В углу полированный шкаф с юридической литературой на полках. В ящиках шкафа хранится следственный портфель и криминалистическая аппаратура, снятая с передвижной кримлаборатории. Кабинет Субботину пока приходилось делить с другим следователем — лейтенантом Лазаревым. Скоро отремонтируют соседний кабинет, и лейтенант перейдет туда. Впрочем, его и так не видно. Два месяца назад он появился здесь после окончания военного института и никак не может войти в ритм работы: носится по гарнизону, нередко выполняет ненужные следственные действия и часто переделывает сделанное. Состояние для начинающего следователя естественное. Субботину тоже в первое время приходилось несладко. Хотелось все бросить, но потом вошел в колею.

Пальцы его бегали по клавишам машинки:

«Принимая во внимание, что Ваничев может находиться...»

Привычка приходить на работу на полчаса раньше у Субботина давно. В это время никто не мешает, и можно сосредоточиться на отписывании бумаг. Через несколько минут начнется шум, появятся свидетели, жалобники, в прокуратуре вновь повиснет атмосфера легкого сумасшествия, которая так отличает подобные организации.

Печатал он быстро, и через несколько минут первое постановление было готово. Начал вставлять новый лист, но как раз в этот момент в дверь вежливо постучали. В кабинет вошел Быков — помощник прокурора. У него привычка вежливо стучать в двери, даже в те, куда можно заходить и без стука. Быков — парень добродушный, симпатичный, с обезоруживающей белозубой улыбкой. Благодаря ей проблемы, для решения которых Субботину приходится помяться, у помощника прокурора решаются сами собой.

— Приветствую вас, мистер Пуаро, — сказал Быков.

Пуаро — так он прозвал старшего следователя после того, как тот раскрыл приостановленное два года назад дело о хищении наркотиков из гарнизонного госпиталя.

— Привет, — отозвался Субботин.

— Трудисься?

— Угу, — угрюмо буркнул старший следователь. Он хотел поработать, а когда приходит Быков, это заканчивается спором на философские и морально-этические темы.

— Это разве работа? — улыбнулся Быков. — Хочешь по-настоящему поработать?

— Мечтаю! — Субботин почувствовал, что помощник прокурора сейчас преподнесет какую-то неприятную новость.

— Тогда бери ПКЛ*, следственный портфель и ежай совершенствовать свой профессиональный уровень.

— Это ты насчет чего?

— Да так, ничего особенного. Мне только что позволили домой — в дивизии кража из военторга. Быстро съездишь, быстро раскроешь — и никаких проблем.

«Вот это действительно сюрприз», — с раздражением подумал Субботин.

— Ты что, предлагаешь мне одному туда ехать? — спросил он. Прокурор и заместитель были на совещании в округе, и за начальство остался Быков.

— Так и быть, — участливо сказал Быков, — составлю тебе компанию.

— Тогда давай машину к парадному подъезду. Лучше «уазик». Чего нам на этой мыльнице ПКЛке трястись?

ПКЛ создана на базе грузовой машины ГАЗ-66. По идее ее кузов должен быть заполнен криминалистической аппаратурой, но для сохранности хранится таковая в запертых шкафах в прокуратуре. Для боевых действий ПКЛ — вещь полезная. Пули ее, говорят, не берут. В мирное же время ее используют больше для перевозки арестованных и для различных выездов. Бензин она поглощает с поразительным «аппетитом», так что выделенного лимита постоянно не хватает. Кроме того, на таком бронепоезде рулить по узким улочкам города неудобно и даже небезопасно.

— «Уазик» сломался, — сообщил Быков.

Ничего удивительного в этом не было. Прокурорский «уазик» постоянно ломается в самый неподходящий момент.

— Уж если везет, то во всем, — сказал Субботин. — Где эксперта возьмем?

* ПКЛ — передвижная криминалистическая лаборатория. (Прим. авт.).

— Попробуем в милиции. — Быков уселся на стул и стал накручивать диск телефона. По закону подлости эксперт оказался на выезде.

— Придется самому с порошками возиться. — Субботин открыл дверцу шкафа и вытащил следственный портфель.

— Я же говорю, — поддел Быков. — Это хорошая возможность для тебя повысить свой профессиональный уровень.

— Веселишься? Тебе хорошо — покрутишься час на месте происшествия и отчалишь. Что, я тебя не знаю, что ли? А мне потом недели две с раскрытием возиться.

ПКЛка стояла во дворе. В кабине мирно дремал шофер Коля. Сколько Субботин его знал, тот всегда в свободные минуты с упорством отсыпался.

— Подъем! — гаркнул Быков и повернулся к старшему следователю: — Ну что, кому в кабине сидеть?

В кабине место только для одного пассажира, значит, кому-то сидеть в кузове. Там тряско, душно и жарко. Для сентября погода стояла жаркая и солнечная, так что металл машины изрядно прокалился.

— Если «орел», то я в кабине, — сказал Субботин, вытаскивая из кармана полтинник.

Выпала «решка». Ничего удивительного. Быкову всегда везло. А старшего следователя судьба никогда не баловала своей благосклонностью.

Субботин уселся в кузове на жестком, неудобном сиденье. Машина надрывно взвыла и, покачиваясь, выехала со двора. Через маленькие прямоугольные окошки Субботин глядел на мелькающие дома и фонарные столбы. Отсюда город казался совершенно незнакомым.

Дивизия располагалась в городке-спутнике, километрах в двадцати от областного центра. Пятьдесят тысяч населения работало в основном на шинном заводе. А на окраине раскинулся военный городок.

С пол часа ШСМ, изредка подывая сиреной, пробиравалась по узким улицам, затем, оставив позади микро-районы, вырвалась на шоссе. Еще через полчаса остановилась перед КПП. Послышался скрип открываемых ворот, и машина въехала в военный городок.

Коля открыл дверь. Субботин, сомлевший от духоты, спрыгнул на землю. Остановилась машина у магазинчика, который, судя по всему, и был обворован. У входа их встречала целая делегация — начальник штаба дивизии, начальник политотдела, офицеры. Мрачные все были,

как тучи перед дождем. И их можно понять — за такое ЧП по головке не погладят. Так уж повелось — если что случилось, достается всем без разбора.

— Что у вас? — спросил Быков.

— Да вот, — как-то растерянно сказал начальник штаба дивизии полковник Сидоренко. — Какие-то негодяи военторг обворовали.

Субботин встречался с Сидоренко не раз, и всегда тот оставлял впечатление исключительно порядочного, добросовестного офицера. То, что в дивизии в целом порядок, сошла на нет дедовщина, еще два года назад захлестнувшая подразделения, во многом его заслуга.

— Кто кражу обнаружил? — спросил Субботин.

— Я обнаружила. — К ним подошла стоявшая неподалеку женщина лет тридцати в элегантном сером костюме. — Я здесь заведующая.

Глаза у нее были покрасневшие, по всему видно, что происшедшее она принимала близко к сердцу. Субботину стало ее жалко.

— Расскажите поподробнее.

— Пришла я утром, печать, замок на месте. Вскрыла помещение, зашла, а внутри все перевернуто, разбросано. Я быстро все прибрала и к командованию.

Жалость к заведующей у Субботина моментально исчезла. И за каким лешим ее попесло порядок наводить? Теперь уже никаких следов не найдешь.

— Кто охранял магазин? — спросил он резко.

— Никто, — пожала плечами женщина. — Раньше караул был, но потом его сняли.

— Сигнализация?

— Была, — начала оправдываться женщина, и было видно, что она готова вновь расплакаться. — Но там что-то поломалось, и уже месяца три она не работает.

— А вы везучие, — обернулся Субботин к начальнику штаба.

— Почему? — удивился тот.

— Ваш магазин уже сто раз спокойно обворовать могли и даже на кирпичи разобрать.

— Кто ж мог подумать?

— Знаете, товарищ капитан, — встрял начальник политотдела. — у меня такое чувство, что сделали это гражданские. Наши солдаты на такое пойти не могли. Мы их не так воспитываем.

— Если б все поступали так, как воспитывают! Нужны понятые,

— Сделано. Иванцов, Разубаев, сюда! — крикнул Сидоренко двум стоящим в отдалении солдатам.

Субботин махнул им рукой и направился к магазину. Он располагался между жилыми домами и казармами. Городок был очень чистый и уютный. Еще три года назад здесь и асфальта не было, и походил он больше на эвакуационный пункт времен второй мировой войны. Но потом приехала комиссия из министерства, надавали всем по шапке, и на благоустройство были брошены все силы. Построили детский сад, новый жилой дом, отремонтировали старые, положили асфальт. Как в сказке! Когда очень нужно — в Министерстве обороны все делается быстро. Городок приобрел совершенно другой вид. Даже фонтан поставили. Работал он, правда, редко. По «счастливой случайности», начинал бить как раз тогда, когда ожидалась комиссия.

Магазин представлял собой застекленную коробку. Субботин сделал несколько снимков его общего вида, потом пошел к дверям. Следов взлома не было.

Когда Субботин начал работать, он умел отключаться от всего, не относящегося к делу, от посторонних мыслей, эмоций. Сейчас первоочередная задача состояла в том, чтобы выяснить, что же произошло. При расследовании подобных краж проверяются две основные версии — или имела место настоящая, без дураков, кража, или была инсценировка с целью сокрытия недостатков или нарушений. За время работы у Субботина было два случая инсценировок. Один прапорщик очень горячо уверял, что ночью к его складу подогнали машину и вывезли тридцать пять ящиков тушенки. Даже показал, где эти ящики стояли. В ходе следственного эксперимента ему ясно продемонстрировали, что в указанном месте могло стоять максимум десять ящиков, после чего обманщик признался, что тушенку съел частично сам, а остальное загнал по случаю. Второй раз примерно в таком же магазине по расположению металлических опилок эксперты установили, что пилили замок не снаружи, а изнутри.

Вдоволь нафотографировавшись, Субботин вместе с Быковым, заведующей и понятыми зашли внутрь. Порядок был идеальный. Заведующая постаралась! Слева от входа тянулись прилавки с конфетами, соками, банками икры минтая. Далее — промтовары для военных (поконы, пуговицы и т. п.), гражданские костюмы, проигрыватели и даже два велосипеда и мотороллер.

— Эта дверь куда ведет? — показал Субботин на проход за прилавком.

— Там помещение. Мы его как склад используем.

Субботин толкнул дверь. За ней оказалась небольшая комнатуха, заваленная пустыми пластмассовыми ящиками, коробками.

Заведующая показала на окно:

— Здесь они и пролезли.

Форточка была распахнута. Окно закрывала железная сетка, но кусок ее на уровне форточки с трех сторон был обрезан и отогнут, так что вполне можно было пролезть.

— Хотя навряд ли, — тут же усомнилась в своем предположении заведующая. — Здесь только карлик может пролезть.

— Или ребенок, — добавил Субботин.

Он решил осмотреть окно снаружи. Выходило оно на асфальтовую площадку, за которой начиналась высохшая трава. До двухметрового бетонного забора, окаймлявшего весь городок, было метров двадцать. На бетоне виднелись черные полосы — такие остаются от подошв солдатских сапог.

У стены магазинчика были навалены пустые деревянные ящики. Судя по тому, как они были разбросаны, можно было предположить, что преступники становились на них, чтобы перерезать сетку, однако никаких следов здесь не оказалось. Поставив ящики один на другой, Субботин встал на них и через лупу начал рассматривать сетку и форточку. Ненадежная опора все время раскачивалась, и он боялся свалиться. По форме обрезанных краев проволоки, составляющих сетку, можно понять, что поработали кусачками.

— Пинцет и пробирку дай, — попросил он Быкова.

Пинцетом следователь осторожно взял шерстинку синего цвета, зацепившуюся за край проволоки, и положил в пробирку. Затем, спрыгнув вниз, достал из следственного портфеля магнитную кисточку и коробочку с порошком. На стекле отпечатки пальцев хорошо берет красный порошок с красивым названием «Рубин».

Субботин опять взобрался на ящики и, балансируя на них, умудрился сунуть магнитную кисть в коробочку, и порошок налип на нее, образовав нечто, похожее на бороду. Проведя ею по стеклу, он увидел, как на поверхности выступил напыляемый узор. Похоже, след пригоден для идентификации. Теперь бы найти того, кто этот отпечаток оставил.

Закончив осмотр места проникновения, все возвратились в магазин.

— Теперь попытайтесь вспомнить, где был беспорядок и что пропало, — попросил Субботин заведующую.

— Тут конфеты, трюфеля московские, разбросаны были. Только вчера получили. Даже продавать не начали. — Заведующая пошла вдоль прилавка. — Здесь пропало две банки ананасового компота, два блока сигарет «Ту» и блок «Родопи». Вот тут они и лежали. — Она нагнулась к ящичку, который стоял под прилавком.

— Не трогать! — крикнул Субботин, присел и попробовал снять с картона отпечатки пальцев. Но не получилось.

— Приемник «Радиотехника», кассетный магнитофон «Ладога», — перечисляла заведующая. — Новые солдатские ботинки. По-моему, здесь лежали ботинки сорок второго размера. Гражданский костюм сорок восьмого размера. Кроссовки. Занавески.

— Это еще зачем? — подозрительно спросил Быков.

— Скорее всего, чтобы складывать похищенное. В руках столько вещей не унести, — предположил Субботин.

— Все! — закончила заведующая.

— Где у вас тут свет включается?

— Вон выключатель, — показала пальцем заведующая. — Только ночью тут и так светло. Прямо под окнами мы на ночь лампочку оставляем включенную.

— И можно разглядеть размер костюма или ботинок?

— Да.

— Значит, можно предположить, какой размер обуви у вора, а также, что один из преступников был солдат. Сейчас демобилизация, и дембелям нужны новые ботинки, форма, гражданская одежда, — сказал Субботин и вновь обратился к заведующей: — Посмотрите внимательно, может, еще что пропало.

— Ой! — воскликнула та, схватившись за лоб. — Деньги!!

Она бросилась в подсобное помещение, справа там была дверь, за ней — тесная комната, заставленная ящичками. В самом углу стоял большой несгораемый шкаф. Женщина потянулась к дверце.

— Не трогайте! — заорал Субботин. — Что у вас за страсть все брать руками? Что тут было?

— Выручка за пять дней. Мы ее по вечерам должны сдавать, но не всегда получается. Тут сейчас три тысячи семьсот шестнадцать рублей,

Отпечатков пальцев на несгораемом шкафу выявить не удалось. Были какие-то пятна, совершенно не пригодные для исследования.

— У кого ключ?

— Да оп на ключ на запирается. Замок сломан.

— У вас все сломано, — раздраженно воскликнул Субботин. — Сигнализации нет, охраны нет! Деньги в банк не сдаете. Ничего, я с вашим начальником военторга поговорю. Достанется всем на орехи.

Он повернул ручку и потянул тяжелую дверцу шкафа на себя. Как и следовало ожидать, внутри были счета, бухгалтерские толстые книги. А вот денег не было...

На совещании в кабинете начальника штаба дивизии народу собралось немало — командиры частей, дознаватели. Сейчас нужно было определить, кто чем должен заниматься. Субботин обдумывал положение. Всего не досчитались в магазине денег и материальных ценностей на сумму около пяти тысяч рублей. Конечно, не миллион, но преступление все равно опасное. Надо искать. Работы предвидится немало, и это удручало старшего следователя. Не то чтобы он был лентяй, по, пока он возится с этой кражей, остальные дела будут стоять. Законный двухмесячный срок следствия ни по одному делу, слава богу, пока не горит, но призовые месячные сроки, за которые с таким упорством бьются прокуроры всех уровней, похоже, накрываются. Портятся показатели, отчетность выглядит хуже. Да и дел этих самых на руках более чем достаточно. Кроме дезертира Ваничева тут и рядовой Сергеев, свернувший челюсть своему сослуживцу за отлынивание от работы. Оба хороши, надо еще посмотреть, направлять дело в суд или прекращать. А вот двоих драчунов из зенитного дивизиона, заставлявших за себя работать молодых и бывших их самым нещадным образом, только в суд. Еще на руках неприятное дело с многими неясностями: перевернулся бронетранспортер, один солдат скончался. А главное, что все запланированные следственные действия срываются. Ладно, выдюжим, решил Субботин, не впервой. Сейчас главное — заставить работать командиров и дознавателей. Один он не справится. Быков же, как и ожидалось, под предлогом того, что не может оставить прокуратуру на произвол судьбы, поскольку остался за шефа, махнул ручкой и уехал.

— Итак преступление совершено. Преступника надо искать. Для этого нужна ваша помощь, — начал Субботин.

Говорил он всегда сидя. Когда стоишь как на часах, получается не деловое обсуждение, а доклад. Говорил он твердо, хорошо поставленным голосом. Немало времени понадобилось, пока научился говорить так, чтобы тебя слушали, перестал мямлить, преодолел застенчивость. Настоящий следователь обязан уметь заставить себя слушать.

— Первое, — продолжил он. — Из солдат и сержантов необходимо создать поисковые группы. В городке и вокруг него они осматривают ямы, люки, свежевзрытую землю. Особое внимание — подвалам, котельным, трубам. Может, найдется похищенное. Второе. Командирам досмотреть личные вещи, тумбочки. Деньги, если в больших количествах, сигареты, одежда, схожая с краденной — обо всем этом должны докладывать мне. Третье. Дознавателям опросить внутренний наряд, караульных, дежурных. Выяснить, кто и когда выходил из казарм ночью на улицу, кто не ночевал в казарме, был в самовольной отлучке.

— Нет у нас самовольщиков, — возразил Сидоренко.

— Это вам так кажется, что нет. К сожалению, командиры не всегда в курсе того, что у них творится под боком. Это я не в упрек, а так, наблюдения из личного опыта.

Началось обсуждение, детальная проработка мероприятий. Военной прокуратуре легче, чем милиции. Для войсковой части нераскрытое преступление — случай из ряда вон выходящий, поэтому все заинтересованы в раскрытии и все стараются оказывать посильную помощь. Да и организовать, к примеру, прочесывание территории легче. Все-таки армия, дисциплина.

Обсуждение заняло больше времени, чем предполагалось. Наконец удалось составить более-менее полный план, разобраться, кто чем должен заниматься.

Когда присутствующие начали расходиться, Субботин вздохнул с облегчением. Самая занудная часть работы по розыску — первоначальный инструктаж и разработка плана мероприятий — завершена. Теперь он знал — механизм запущен, и вскоре начнет поступать информация. Возникнут первые версии, подозреваемые, затем они будут отсекаются и возникать новые. Обычная работа.

— Ох, и раздадут нам на орехи! — посетовал Сидоренко. — А мне как «повезло», что я за комдива сейчас. Все шишки на меня посыпятся.

— Да уж, — кивнул Субботин. — Особенно за такую организацию охраны магазина достанется.

— Сергей Иванович, честно скажу, я понятия не имел, что там такой бардак. Хоть бы кто мне сказал, что сигнализация не работает. Да что теперь говорить! Что еще от меня требуется?

— Кабинет нужен, где я работать смогу.

Сидоренко отодвинул ящик стола и вынул ключ.

— Четырнадцатая комната. Там наш комсомольский лидер окопался. Но он сейчас в отпуске. Если машина нужна, я распорядюсь, чтобы дежурный по части тебе в любой момент комдивовский «уазик» предоставил. Ты ж меня знаешь, я прокуратуру уважаю.

— Учтем на будущее, — засмеялся Субботин. — Час времени уже, пойду пообедаю.

Офицерская столовая располагалась напротив штаба. Кормили здесь неплохо. Субботин, набрав на поднос еды, уселся за столик в углу. Он здорово проголодался. Утром, убегая на работу, съел бутерброд с сыром, и все. Несколько последних дней он пытался сбросить лишний вес, отчего все время находился в полуголодном состоянии. Но сейчас почувствовал, что, если хорошо не поест, работать с полной отдачей не сможет. Ученые говорят, что легкий голод возбуждающе действует на мозг и повышает производительность труда. Субботин по себе знал, что это неправда. Легкий голод заставляет вместо работы думать о еде и больше ни на чем сосредоточиться не можешь.

В прохладном зале столовой было очень чисто. На столах, покрытых белыми скатертями, стояли вазочки с салфетками. Степа была расписана маслом: довольно бездарно изображена березовая роща. Народу немного: у окна раздачи человека четыре — прапорщики и офицеры в промасленных комбинезонах, столики в большинстве своем свободны. Лишь за несколькими сидели посетители. Тут все друг друга знали, здоровались, перекидывались замечаниями. Субботин же чувствовал себя чужим, как городской житель, приехавший в деревню.

Когда он расправлялся с антрекотом, внезапно почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он всегда чувствовал, когда на него смотрят. Поднял глаза и увидел молодую полноватую девушку, буквально впившуюся

в него глазами. Лицо простоватое, сиреневое платье — девушка как девушка. Но этот взгляд. Субботин прекрасно знал, что не относится к числу мужчин, на которых женщины смотрят широко раскрытыми глазами.

Девушка отвела взгляд и, покраснев, уставилась в стенку.

Субботин встал, отнес посуду и отправился в штаб. Кабинет секретаря комитета комсомола дивизии был маленький, едва вмещавший полированный стол, тумбочку и четыре стула. Остальное свободное пространство было завалено ватманскими листами, стенгазетами. На стене — образцы боевых листков, графики выполнения соцобязательств. На тумбочке — подшивка «Красной звезды» и полевой телефон.

За работу. Решил начать с допроса заведующей магазином. По телефону вызвал дежурного по штабу и послал его за свидетельницей. Потом вытащил записную книжку, чтобы еще раз прикинуть, что у него имеется по делу. У Субботина была давняя привычка любые версии, мысли, идеи, вопросы аккуратно записывать в столбик. Это сильно помогает. Нередко бывает, когда в начале расследования высказана верная идея, но потом она забывается, должным образом не отрабатывается и путь к истине получается гораздо длиннее. Поэтому старший следователь фиксировал даже самые, казалось бы, абсурдные мелочи.

Что ясно на нынешний момент? Воров как минимум двое, притом один из них ребенок. Взрослый человек не смог бы пролезть через такую дырку в сетке. А ребенок один не смог бы удержаться на ящиках, перерезать проволоку, пробраться в помещение, да еще утащить столько вещей. Воры, скорее всего, знали о деньгах, оставленных в сейфе. Ведь чтобы их забрать, нужно проникнуть в темную комнату, найти там сейф, да ещё быть в курсе того, что замок не работает. Значит, информация получили от кого-то из продавцов или от тех, кто направлялся в магазин для помощи. Солдаты нередко привлекаются для таких работ. Или?.. Да что гадать? Нужны данные о всех, кто был связан с этим магазином.

Заведующая появилась минут через десять. Она волновалась, задела подшивку газет, которая упала со стуком на пол. Наконец женщина уселась на стул. На вопросы она сперва отвечала односложно, нервно теребя пуговицу костюма, потом успокоилась, разговорилась.

Субботин успел навести о ней кое-какие справки. Людмила Ивановна Закрутная, тридцати четырех лет от роду, жена замполита полка. Закончила торговый техникум, имеет двоих детей. Судя по всему, никаких порочащих связей нет, любовников тоже, живет скромно, ни в каких сомнительных делах не замешана. В военном городке обо всех все знают и подчас не против перемыть косточки соседям. Но о Закрутной ничего плохого никто не говорил. Скорее всего, она виновата только в недосмотре, что и дало преступникам возможность проникнуть в магазин, да еще поживиться такой суммой денег.

Записав анкетные данные допрашиваемой, перечислив в протоколе украденные вещи, обстоятельства обнаружения кражи и некоторые другие важные для следствия моменты, на что ушло минут сорок, Субботин откинулся на спинку стула и перевел дух. Теперь пора переходить к основной части программы.

— Людмила Ивановна, вы кого-нибудь подозреваете? Заведующая смущенно смотрела в пол.

— Кого я могу подозревать?

— Преступник прекрасно ориентировался в магазине и знал, где хранятся деньги. Вы не могли кому-нибудь об этом рассказать?

— Что вы! Как можно? Я лучше с голоду умру, чем красть стану! — На лице Закрутной появилось испуганное выражение.

С ней Субботину все было ясно. Источником сведений для преступников она быть не могла. Есть психологические законы, такие же неизбежные, как, к примеру, закон всемирного тяготения. И насколько Субботин в них разбирался, эта женщина по самой своей сути не могла быть замешана в этом преступлении и сейчас говорила правду.

— Что вы можете сказать о ваших сотрудниках?

— Кроме меня работают еще Люба и Ирина Николаевна.

— Расскажите о них подробнее.

— Ирина Николаевна — жена офицера.. Ей сорок восемь лет. У нас впуск есть. Сейчас дочка привезла его, так бабушка на него надышаться не может. Уж она-то исключается.

— А Люба?

— Не замужем, живет в городе. Работает у нас полгода.

— А что вы еще о ней можете сказать?

— Нормальная девчушка. Претензий к ней особых нет. Вспыльчивая только. С покупателями конфликты бывают.

— А личная жизнь?

— Что вы имеете в виду? — насторожилась заведующая. — Я же сказала, она не замужем.

— Это вовсе не означает, что у нее нет личной жизни.

Заведующая опять нервно затеребила пуговицу от костюма. Наконец выдавила:

— Я не знаю.

— Людмила Ивановна, мне казалось, что мы с вами нашли общий язык, а вы меня обманываете. Это некрасиво.

— Ну зачем я вам сплетни пересказывать буду? — устало произнесла заведующая.

— Сплетни тоже иногда содержат долю истины. А нам как раз этой доли и не хватает.

— Она не могла этого сделать.

— Могла — не могла. Мы сейчас не это решаем.

— Да есть у нее один. Не знаю, как и сказать...

— Он вам, похоже, не очень по душе.

— Не очень. Я его пару раз и видела, когда он к Любе заходил. И что она в нем нашла? А тут еще эта история.

— Какая история? — заинтересовался следователь.

— У нас мясо и масло отпускается военнослужащим и членам их семей по талонам. А Любочка повадилась этого типа кормить. Столько продуктов она ему перетаскала, сколько съесть невозможно. Спекулировал он, наверное. Когда это вскрылось, Любочку чуть с работы не выгнали. Жалко ее стало, уговорила начальство оставить с испытательным сроком.

— И как зовут ее кавалера?

— Осипом, кажется. Вы у нее лучше узнайте.

— Распийнитесь в протоколе и позовите ее.

Когда заведующая ушла, Субботин подумал, что все необходимые факты обычно лежат на поверхности. Нужно уметь только взять их и разложить по полочкам.

Любочка появилась через четверть часа. Субботин не особенно удивился, когда увидел, что это та самая девчонка, которая рассматривала его в столовой. Похоже, ему везло и сразу удалось ухватить удачу за хвост. Такие подарки бывают нечасто. Обычно приходится повозиться.

— Присаживайтесь, Любовь... Извините, как по ба-
тюшке?

— Михайловна, — ответила девушка. — Но можно без
отчества.

— Значит, Михайловна...

Девушка была напугана. И скрыть этот испуг у нее
не получалось, как она ни хотела. Те же настороженные,
встревоженные глаза, которые она пыталась отвести и
тем выдавала себя еще больше. Тот же румянец.

Старший следователь приценивался, как бы лучше
начать допрос. С каких-то утверждений или обвинений
нельзя — слишком мало пока известно. Можно понасть
впросак. Но девушка что-то знает, и нужно это «что-то»
у нее выудить. Легче всего довести ее страх до предела,
и тогда, если она завязана в краже, сама все расскажет
или замкнется. Такое тоже бывает.

— Поведайте, Любовь Михайловна, куда это вы
коробку с маслом и колбасой дели? — Субботин сосредото-
ченно начал листать бумаги. Пусть поволнуется, ре-
шит, что у него что-то есть в руках.

— Какой колбасой? — Глаза Любы стали еще испу-
ганнее.

— Не помните? Три месяца назад чуть ли не целая
партия колбасы и масла налево ушла.

— Ну вы скажете — партия, — снякла Любочка, —
всего-то килограммов двадцать. И какое это отношение
к краже имеет?

— Никакого. Просто хочу уяснить, какие у вас тут
порядки, разобраться во всех безобразиях.

— Ну уж вы скажете — безобразия! Виновата я, так
ведь меня наказали.

— Кому вы это все продали?

— Да так, знакомому одному.

— Фамилия, имя, отчество?

— Осип Утягин.

— За сколько?

— За свою цену.

— Где передали продукты?

— Сюда он заехал.

— И вы ему сказали, сколько это стоит?

Вопросы были совершенно случайные, наобум. Но их
надо задавать в максимальном темпе. Есть такой такти-
ческий прием. В одном случае из пяти при хорошем ис-
полнении срабатывает.

— Сказала.

— Он вам все деньги отдал?

— Все.

— Вы внесли их в кассу?

— Внесла.

— Все деньги внесли?

— Все.

— Он знал, что вы деньги внесли?

— Знал.

— И что в сейфе выручка за неделю — знал?

— Знал.

— Вот и хорошо! Сразу все выяснилось.

Любочка опарашенно посмотрела на него:

— То есть я не то хотела...

— Почему же — не то? Рассказывайте-ка все по порядку.

Любочка заплакала, вынула платок и начала вытирать слезы.

— Ничего я ему не говорила.

— Только что вы другое сказали. Как же было на самом деле? Да говорите, Любочка, не стесняйтесь. Смотрите, сколько у меня бумаги исписано. — Субботин ткнул в пачку листов. — Неужели думаете, в них ничего нет?

— Но это, — всхлипнула она, — это невероятно, чтобы он смог...

— Это мы потом выясним. Ваше дело все рассказывать.

— Рассказать, рассказать. А что говорить-то? Ну, сказала я ему, что у нас выручка скопилась. Вот и все!

— И что в банк ее не сдали?

— Да.

— И что денег там куча?

— Ага, — всхлипнула Любочка.

— И что сейф не закрывается?

— И что сейф не... — утвердительно кивнула она, но загнулась.

«Второй раз прошло», — с удовлетворением отметил Субботин.

— А что было потом?

— Господи! — взорвалась Люба. — За что мне такое наказание? С Витькой Лапшиным они у меня дома сидели. Витька как про деньги услышал, так дар речи потерял, а потом говорит: «Осип, смотри, под ногами деньги валяются, и никому дела нет». А Осип... — Она снова всхлипнула.

— Что — Осип?

— Говорит, неплохо бы подобрать. Не мусор. Деньги все же...

В горотдел Субботин отправился на «уазике» командира дивизии. Городской отдел внутренних дел располагался в самом центре. Разросшийся в тридцатые годы вокруг шинного завода город состоял в основном из желтых двух-трехэтажных домиков, украшенных ненавязчивыми лепными узорами, и современных пятиэтажек. И те и другие выглядели уныло и заброшенно. Напротив чистенького здания райкома возвышался утесом грязно-зеленый, из стекла и бетона девятиэтажный корпус научно-исследовательского института. Бог знает по чьей воле он вырос здесь. Обычно подобные бастионы науки воздвигаются в больших городах. Правда, до областного центра всего двадцать минут езды, и лет через десять он, наверное, поглотит этот город.

Здание горотдела стояло через квартал от НИИ. «Уазик» остановился на площадке около синей милицеской «Волги» с гербом на передней дверце. Здание ГОВД совершенно не подходило для такой организации. Облицованное голубым кафелем, вид оно имело несколько несерьезный. Даже внушительная вывеска не придавала ему должной солидности.

На первом этаже, за стеклянной перегородкой, па которой значилось «Дежурная часть», сидели капитан и два сержанта. У них Субботин узнал, как найти начальника. На втором этаже он отыскивал нужный кабинет, посылал.

Половину стены длинного кабинета занимала карта города с непонятными значками и отметками. Т-образный стол, мягкие стулья, селектор — все как у многих других начальников ОВД, которых Субботину пришлось повидать по долгу службы.

В кресле сидел сухощавый седой подполковник. На его кителе светился синей эмалью университетский ромбик и тускло поблескивал бронзовый значок «Отличник милиции». В правой руке он держал сигарету, а левой прижимал к уху телефонную трубку.

— Да, — говорил он в микрофон. — Ну, а что я могу поделывать? Это не мое дело. — Он кивнул Субботину и показал глазами на стул, потом язвительно произнес в трубку: — Ах, воспитывать милиция должна! У вас це-

лый трудовой коллектив, он и должен заботиться, чтобы его члены не попадали в вытрезвитель. Я понимаю, что премии горят. Но сделать ничего не могу. Все, до свидания. У меня люди.

Подполковник бросил трубку на рычаг.

— Замучили! Как в прошлом году ввели Указ по пьянству, каждый день эти звонки — нельзя ли бумагу не направлять на работу? Вы из военной прокуратуры?

— Оттуда.

— Ну, у вас жизнь полегче.

— Не сказал бы.

— Все равно, — махнул рукой подполковник. — Солдаты у вас люди положительные, воспитанные.

— Не всегда, — покачал головой Субботин.

— Все равно не сравнить с нашими. Знаете, сколько у нас условников с обязательным привлечением к труду. «Химики». Половина завода — они. Смотри, что вытворяют... — Начальник ГОВД ткнул пальцем в лежащую перед ним сводку, и в его голосе послышалась неприкрытая злость. Видно, и впрямь натерпелся. — Кражи за последнюю неделю, два изнасилования, менее тяжкие телесные повреждения. Спецкомендатура с ними не справляется — все на наши плечи ложится.

— Да, народ интересный, — улыбнулся Субботин. — Я с ними несколько раз сталкивался.

— А я каждый день. Ну да ладно. Как я понял, вы к нам из-за кражи в военторге?

— Да.

— Что я вам могу сказать? Люди работают. Если что выясним — сообщим.

— Мы сами кое-что выяснили. Предполагаем, что кражу совершил один гражданский.

— Так, так. — Подполковник забарабанил пальцами по столу. Ему, в отличие от начальника политотдела дивизии, было выгоднее, если б кражу совершил военный. Кража госимущества в крупных размерах с проникновением — тяжкое преступление, для отчетности ничего хорошего.

Рост преступности меньше всего зависит от милиции. Все это понимают, и все равно существует традиция, по которой за количество преступлений несут персональную ответственность прокурор и начальник милиции.

— Я сейчас вызову нашего сотрудника, — сказал подполковник. — Он занимается этой кражей. Помощь, которая от нас требуется, мы окажем.

Начальник отдела нажал кнопку на селекторе:

— Рагозин, зайди ко мне.

Вскоре в кабинет вошел крепко сбитый, лет тридцати мужчина. На нем был вытуженный, ладно сидевший костюм. Лицо открытое, глаза живые, с легкой иронией. «Видимо, в этом году отпуск успел отгулять», — решил Субботин, обратив внимание на коричневый загар.

— Вот товарищ из военной прокуратуры, — представил подполковник. — А это капитан Рагозин, старший оперуполномоченный розыска. Так что действуйте.

В коридоре Субботин протянул оперативнику руку:

— Сергей.

— Николай. — Оперативник крепко пожал руку. — Пойдем в мой кабинет, там обговорим детали.

В большом кабинете на первом этаже стояли три стола. За одним из них сидел молодой парень. Пиджак его висел на стуле, а на спине перекрестились ремни от кобуры. Он яростно стучал на пишущей машинке.

— Здравствуйте, — поздоровался Субботин.

— Он, когда работает, ничего не слышит, — сказал Рагозин и указал на стул: — Садись. Давай делиться информацией.

— Значит, так, — начал Субботин. — Мы выяснили, что ухажер продавщицы магазина, фамилия его Утягин, знал, что в незапертом сейфе хранится почти четыре тысячи рублей. В разговоре он упоминал, что это целое богатство, которое неплохо было бы прибрать к рукам.

— Как его имя?

— Осип.

Рагозин просиял:

— Мой старый знакомый! Как в розыск пришел, так он третьим был, кого я выловил. Многое забывается, но первая тройка помнится долго.

— Счастливое воспоминание, — усмехнулся следователь.

— Хорошего мало, когда свою жизнь меряешь подобными моментами.

— За что ты его тогда посадил?

— Почти за то же. Приспособился с завода шины таскать. Грузит он их в машину с забора, тут я и появляюсь. Происходит историческая встреча. Тип неприятный. Пьяный — дурной, трезвый — злой. Зачем он вашей продавщице понадобился?

— Любовь зла. И как мы его крутить будем?

— Сначала обыск. Найдем краденое — сразу все на свои места встанет. Не найдем — все равно, думаю, расколоть его сможем. Главное — неожиданность.

— А потом нам выволочку дадут за незаконный обыск.

— У тебя же показания есть, что он знал про деньги и глаз на них положил. И личность сомнительная. Думаю, оснований для обыска достаточно.

— Я тоже так думаю. Но сейчас, сам знаешь, время какое

— А что ты предлагаешь?

— Поехали. На месте сориентируемся. — Субботин поднялся со стула.

Рагозин открыл сейф, достал пистолет, сунул его в кобуру под мышкой.

— Идем.

В машине Рагозин завистливо сказал:

— Богато живете. На машинах разъезжаете.

— Редко. Чаще на автобусе. Вперед, — велел Субботин шоферу, и тот медленно начал выруливать со стоянки.

— На работе Утягина уже нет, смена закончилась. Едем к нему домой.

Машина плавно катилась по асфальту. Субботин и Рагозин разговорились. Оказывается, они закончили один университет, только Субботин на год раньше. Рагозин поработал следователем, но не понравилось — много писанины. Перешел в уголовный розыск. В этом году возвращается в родной город, где ему предложили место в областном управлении.

Наконец машина выбралась на самую окраину. Город хоть и небольшой, но растянутый, поэтому ехали минут пятнадцать. Свернули во двор обшарпанного четырехэтажного дома.

— У тебя оружие есть? — неожиданно спросил оперативник.

— Откуда? — удивился Субботин. — Да и зачем?

— Такие визиты иногда плохо заканчиваются. Года три назад к одному дебоширу в квартиру захожу, а тот в невменяемом состоянии и очень моему приходу обрадовался. «У, — орет, — живой мент! Ну что живой — мы сейчас исправим!» — И за топор. От первого удара я увернулся. Гляжу, он то ли наркотиков, то ли другой какой дряни накушался, глаза стеклянные, и опять на меня прет. Тут я ему пулю и всадил. Хорошо хоть, толь-

ко ранил. Потом разборы долгие были — почему я предупредительный выстрел не сделал? А он меня за это время на две половинки расколоть успел бы. Разобрались в итоге, но, пока суд да дело, на полгода звание задержали. Я это к чему — от такой рвани что угодно ожидать можно.

— Будем надеяться на лучшее.

Они вошли в подъезд. Изнутри дом тоже был обшарпан. Около квартиры, где проживал Утягин, на стене виднелась большая, исполненная красной краской надпись: «Осип — козел». Так как ее никто и не стер, можно было сделать вывод, что Утягину или было глубоко наплевать на все, или же он был согласен с данным письменным заявлением.

— Отдельная квартира? — спросил Субботин, оставиваясь у двери.

— Коммуналка, — пояснил оперативник, нажимая на звонок.

Открыла дверь дама невероятных размеров. Проход она заслонила собою полностью. Из-за ее массивных плеч испуганно выглядывал чахоточного вида мужичонка лет сорока.

— Вам чего? — пробасила женщина.

— Нам бы Утягина повидать, — вежливо сказал оперативник.

— Это зачем он армии понадобился? На сборы, что ли? Вон моего мужика, — она мотнула головой назад, — забрали недавно, так вернулся голодный и простуженный.

— Мы по другому делу.

— Если по делу, вам его долго ждать придется. Записал он, — удовлетворенно сообщила женщина. — Соседашка у нас выпить не дурак.

— А когда вы его в последний раз видели?

— Вчера как с этим лысым ушел, так больше и не появлялся.

Женщина оказалась разговорчивой.

— А кто такой лысый?

— Как же его? — задумалась женщина. — А, Витька Лапшин.

Сердце у Субботина екнуло. Все сходится. Ведь это Утягину и Лапшину рассказывала Любочка про сейф.

— Значит, не ночевал сосед дома? — еще раз уточнил Рагозин.

— Нет. Я на больничном сижу. Болею, — уточнила

женщина. Субботин с сомнением посмотрел на ее цветущее лицо. — И точно знаю — со вчерашнего дня дома не был.

— Спасибо.

— Чего передать ему?

— Благодарю — ничего.

В машине Рагозин сообщил:

— Лапшин — тоже мой старый знакомый. Судился за пьяный дебош. Жить спокойно не может, и время от времени концерты дает. Поехали, дружок, прямо, — обратился он к шоферу.

— Думаешь, он в нашей краже замешан?

— Он как напьется, становится неуправляемым, и тогда его можно брать на любое преступление.

Машина возвратилась в центр и вскоре, по указанию оперативника, въехала в заросший деревьями двор. Рагозин вышел из машины и потянулся, разминая мышцы.

— Сейчас будешь наблюдать встречу старых друзей, — усмехнулся он и направился к подъезду.

Дом был чистенький, двухэтажный, с архитектурным излеществом — лепным снопом пшеницы над подъездом. Поднялись на второй этаж. Субботин ожидал и здесь увидеть надпись типа «Лапшин — баран», но стены были достаточно чисты. Из-за двери квартиры доносился шум и вопли. Звонков тут, видимо, не признавали, пришлось стучаться. Открыл им средних лет мужчина, пропитой, в майке и мятых штанах. Пьянка, видимо, еще не вошла в заключительную стадию, потому что он относительно крепко держался на ногах.

— О, Советская Армия! — расплылся он в улыбке, глядя на военного следователя. — Заходи. Мы наших защитников всегда уважим.

— Утягин и Лапшин здесь? — спросил Рагозин.

— Здесь, — икнул мужик. — Где же еще им, родненьким, быть?

— Угрозыск, — Рагозин продемонстрировал удостоверение и прошел в квартиру, Субботин — вслед за ним.

— И угрозыску уважим, — донесся сзади голос. Видимо, по широте души мужчина в майке готов был уважить всему свету.

Комната была просторная. Клубами вился табачный дым. Из мебели присутствовали стол, железная кровать и несколько стульев. В углу стоял большой допотопный приемник, который орал голосом Боярского что-то про динозавров.

За столом расположились трое. Один сладко похрапывал, уронив лицо на заваленный объедками стол. На залитой вином грязной скатерти стояли две пустые и одна полная бутылки дешевого красного вина, лежала горсть конфет.

«Трюфеля, — прикинул Субботин. — Не из магазина ли?»

Не обращая внимания на дремлющего собутыльника, за столом сидели еще двое пьянчуг — один тощий, прыщавый, лет тридцати, с пьяно-слезливым выражением на лице; второй — лысый, лицо злое, руки изрисованные татуировками.

— Привет, граждане! Не ждали? — ослепительно улыбаясь, воскликнул Рагозин.

Худой, это был Утягин, поднял мутные глаза.

— О, опер. Тебя здесь не хватало.

— Сволочь, — мрачно уточнил Лысый. Как Субботин понял, это был Лапшин.

— Что сволочь — это верно, — зашептал Утягин, — но не надо так, не надо... Услышит — обидится.

— На «сволочь» не обидится. Он такой и есть.

Рагозин решил поставить точку в обсуждении его личных достоинств.

— Собирайтесь, поговорить надо.

Лапшин, опираясь на стол, медленно встал.

— Не наговорились? За что ты меня тогда в зону запер? — В его глазах теперь пылала злоба и остервенение на грани безумия. — За что ваши псы мне руки вертели? — распаяясь еще громче, закричал он. — За что?

«Начинается». — Субботин почувствовал, что сейчас что-то будет. И действительно, Лапшин схватил со стола бутылку и швырнул ее в Рагозина. Реакция у капитана милиции была отменная. Он увернулся, и бутылка гранатой разорвалась за его спиной, оставив на обоях безобразное темное пятно. Лапшин рванулся вперед, но Рагозин резким ударом с правой в челюсть сбил его с ног.

— Убью! — заорал истошно хулиган, пытаясь подняться с пола. Оперативник схватил его за руку и резко крутанул.

Спавший до этого собутыльник приподнял голову и, окинув непонимающим взглядом «поле битвы», вновь уткнулся в объедки.

— Уважить надо, — растерянно прохрипел из коридора прохожца, открывавший дверь.

— Уважим, — кивнул Рагозин, таща упиравшегося Лапшина к выходу.

— Вы тоже с нами, — сказал Субботин Утягину, который послушно встал и направился вслед.

Оперативник тащил брыкающегося Лапшина, повизгивающего: «Все равно убью!».

— Ну, Витек, это тебе даром не пройдет, — зло пропестал Рагозин.

В машину Лапшин лезть не желал, упирался, как баран, которого гонят в загон, растопырил широко ноги. Это напоминало русскую сказку про то, как баба Яга пыталась засунуть мальчика Иванушку в печь, но не могла, потому что тот вел себя примерно так же. Наконец оперативнику удалось перехватить хулигана поудобнее и одним резким движением кинуть на сиденье. Утягин, как и положено законопослушному гражданину, залез в машину сам.

Где-то час понадобился, чтобы в горотделе привести двух друзей в более менее человеческий вид. Наконец они протрезвели настолько, что с ними можно было разговаривать. Решили начать с Утягина.

Эйфорическая улыбка исчезла с лица Осипа, и он, съездившись на стуле, кидал недобрые взгляды на следователя и оперативника. Можно было только гадать, какие мысли бродят в его голове, но что невеселые — это точно. Сама комната — грязные стены, три расшатанных стула, решетки на окнах — не располагала к веселью.

— Я следователь военной прокуратуры, — представился Субботин.

— А я в армии уже десять лет как отслужил, — вызывающе бросил Утягин.

— Это неважно. У меня к вам единственный вопрос. Где вы были вчера ночью?

Утягин хихикнул, потом зло выпалил:

— Это вы лучше нашу родную милицию спросите.

— Пока я вас спрашиваю.

— Вот здесь! — заорал вдруг Утягин. — В этом самом коровнике я и почевал!

— Это как?

— А вот так. Около одиннадцати вечера вчера схлестнулись мы с «химиками». Тут ваши ангелы подлетели, взяли. Пока то да се — до шести утра и просидели тут... Вот такие дела.

Субботин прекрасно знал, что при расследовании любого неочевидного преступления всегда возникают не-

сколько линий, версий. Кажется, всё — нашел что нужно, но версия лопаается как мыльный пузырь, и приходится начинать все сначала.

Время было уже позднее. Субботин дозвонился до дома и сказал жене, что сегодня не приедет. Переночевал в офицерском общежитии. Моментально провалился в тяжелый сон на солдатской кровати.

Утром — снова за работу. В помощники ему дали молоденького лейтенанта-дознавателя. В восемь часов тот уже ждал в штабе. Старший следователь отпер кабинет.

— Заходи, — сказал он, кидая папку на стол.

Лейтенант вошел в кабинет. Раздался стук. Это он задел злосчастную подшивку «Красной звезды».

— Оттащи ты ее в дежурку, — сказал Субботин. — Постоянно все ее роняют.

Лейтенант взял под мышку увесистую подшивку и вышел. Субботин же углубился в бумаги, представленные командирами. Длинный список тех, кто мог совершить преступление. Тут и наряд, и караул — те, кто имел возможность ночью незаметно выйти на улицу; тут и просто лица, склонные к правонарушениям. Пусть дознаватели самым тщательным образом проверяют их алиби. Здесь нужен самый ответственный подход, потому что нередко доверять заявлениям типа: «Я всю ночь спал в казарме» — нельзя. Даже алиби, которое, на первый взгляд, кажется железобетонным, подчас рассыпается в прах. Объем работы был немаленький. Для себя Субботин оставил отработку наиболее перспективных версий. Сейчас главное — проверить людей, которые выполняли те или иные работы в магазине. Им могло быть известно и о деньгах, и о планировке склада...

— Какие еще будут приказания? — спросил лейтенант, вернувшийся из дежурки.

— погоди. — Субботин написал на листе бумаги несколько фамилий и протянул дознавателю: — Представька мне этих людей. По порядку, как в списке.

— Сейчас организуем.

Ждать долго не пришлось. Через несколько минут в кабинет четким шагом вошел невысокий, в отутюженном, вычищенном обмундировании подтянутый солдат. На его щеках играл здоровый румянец.

— Товарищ капитан, — звонким голосом доложил он, — рядовой Лагус по вашему приказанию прибыл.

«Выучка неплохая, — отметил про себя Субботин, — уставная. Смотреть приятно».

Лагус на вопросы отвечал охотно и четко, но старший следователь чувствовал, что он скован и ожидает подвоха. Сначала свидетель все больше ограничивался словами «так точно», «никак нет», но вскоре разговорился. Субботин узнал, что живет он с сестрой, матерью и отцом в Воронеже. Все его ждут из армии, и вот скоро он вернется домой. О доме говорил с особым удовольствием. Наконец, решив, что атмосфера взаимного доверия установилась, следователь перешел к делу и задал вопрос в лоб:

— Что вы знаете о краже?

— Знаю, что военторг обворовали. — Лагус насторожился.

— Вы когда-нибудь работали там?

— Да, работал, — неохотно кивнул свидетель.

— А что так невесело отвечаешь?

— Да что, думаете, не понимаю, зачем вы эти вопросы задаете? Значит, подозреваете.

— Так уж и подозреваю. Просто поговорить с вами решил. Может, чем поможете.

— Чем? Не крал я. Не так меня воспитывали.

— Какую работу вы выполняли?

— Ящики в склад таскал.

— Это такая комната, — поинтересовался Субботин, — где всё этими самыми ящиками заставлено?

— Да.

— И окно там, да?

— Верно.

— И сейф не закрывается? — непринужденно продолжил Субботин.

— Да, — автоматически ответил Лагус.

— Значит, не закрывается. И откуда вы это знаете?

Лагус прикусил губу — понял, что сказал что-то не то. Потом возразил:

— Так это вся часть знает. Я об этом еще до того, как ящики таскал, слышал.

— Давно?

— Не помню. Месяца два назад. Может, больше.

— От кого?

— Не помню! — затравленно воскликнул Лагус.

— Точно два месяца назад слышали?

— Или больше, — заколебался Лагус.

— Между прочим, сейф сломался за два дня до того, как вас туда направили работать.

Лагус сглотнул воздух, не в силах что-то сказать. «Интересно, — подумал Субботин. — Как он будет выкручиваться?»

— Может, и позже узнал, — пожал плечами Лагус.

— Только не надо, молодой человек. Не надо! Специально же я вас переспросил о времени, когда вы слышали о сейфе. Вы что ответили?

Следователю захотелось похлопать Лагуса отечески по спине и сказать: «Ну что, попался».

— Ну, ладно, — дрожащим голосом произнес допрашиваемый, — расскажу вам все, как было.

Румянец на его щеках стал ярко-красным, цвета снежного яблока.

— Работали мы в этом несчастном магазине с Казьминым и остались на пару минут в складе одни. А у Казьмина руки такие — за все ухватиться должен. Вот он в сейф и вцепился, ручку подергал и говорит: «Дураки, у них же замок сломан. А сами здесь, наверное, кучу денег хранят».

— Казьмин — ваш приятель?

— Да не особенно. Он больше с Артамоновым общается. Кстати, тот вчера как раз в карауле был.

— Но я вижу, вы тоже Казьмина неплохо знаете.

— Иногда словечком перекинемся.

— С деньгами у него в последнее время проблемы были?

Лагус отвел глаза. Видно было, что говорить ему не охота, а врать боится.

— Н-не знаю, — неуверенно произнес он.

— Врать не советую, — жестко сказал Субботин. — Это может для вас плохо кончиться.

Лагус набрал воздуха, потом запнулся, наконец выдал:

— Все равно узнаете. Мне ребята рассказывали, что у Казьмина знакомые в городе имеются, у которых он или занял деньги, или проиграл им. А отдавать нечем.

«Ну, вот и ясно все, — подумал следователь. — Все стало на свои места». Он заполнил протокол допроса и положил перед Лагусом.

— Распишитесь внизу, — протянул ручку и добавил: — Сами понимаете, о нашем разговоре распространяться не стоит.

Лагус вздохнул и принялся внимательно изучать текст. Потом расписался, встал, козырнул.

— Разрешите идти?

— Разрешаю.

Когда Лагус был у двери, Субботин сказал:

— Подождите, ещё один вопрос.

— Слушаю. — Солдат обернулся и принял строевую стойку.

— Как вы сами-то считаете, Казьмин мог совершить это преступление?

Лицо Лагуса перекошилось, будто ему только что вырвали зуб.

— Ну, говорите.

— Я думаю... — Лагус запнулся, — я думаю, мог.

Оставшись один, Субботин взял чистый лист бумаги. Привычка письменно фиксировать все версии и мысли нередко помогала. Написал «Казьмин — преступник» и жирно подчеркнул. Если он совершил кражу, для этого должен был ночью выйти из казармы, встретиться с сообщником и иметь достаточно времени для совершения преступления. Выйти из казармы иначе как мимо дневального нельзя — тот же обязан никого не выпускать ночью. Конечно, это правило не всегда соблюдается — солдат не будет силой держать своего сослуживца. Начнутся обиды, конфликты, можно и по физиономии получить. Поэтому Казьмина никто останавливать бы не стал и выйти из казармы он мог свободно. Субботин написал на листке: «Дневальные или сослуживцы должны были видеть, как Казьмин выходил ночью».

Субботин поднял телефонную трубку и позвонил дежурному по полку. Велел ему найти наряд, дежуривший позавчера ночью в третьем батальоне. Через полчаса этот самый наряд в полном составе предстал перед следователем.

Начать Субботин решил о дежурного — здорового сержанта-украинца с добрыми, честными глазами. Разговор получился следующий.

— Кто и во сколько стоял у тумбочки?

— Я и Лебезин — с одиннадцати до часу. Утабаев с Вахрушиным — с часу до пяти. Затем снова мы.

— Во сколько вас проверял дежурный по полку?

— Да где-то около часу.

— После этого наряд был у тумбочки?

— Ручаюсь. У нас с этим строго. Ротный шкуру снимет, если что.

— Так уж и шкуру. Ночью никто из казармы не выходил?

— Никто.

— Я вас прошу еще раз подумать, прежде чем ответить на вопрос. Это большая ответственность.

— Никто ночью не выходил. Мимо меня не прой-
дешь.

Сержант говорил так убежденно, что Субботин ему почти поверил. С остальными разговор получился примерно такой же — стоял всю ночь как штык, сторожа спальное помещение и комнату для хранения оружия, никто не входил и не выходил, службу несли с полной отдачей. Все же под конец следователь понял — что-то здесь не то. Напряжение в ребятах чувствовалось, какая-то настороженность. Если врут, то причин может быть две: или они действительно выпустили ночью из помещения кого-нибудь (скорее всего — Казьмина), а теперь не хотят в этом признаться (а может, не хотят наговаривать на товарища), или наряд просто-напросто спал.

Субботин решил прощупать Казьмина, составить мнение о подозреваемом номер один. Лучше не вызывать его в штаб, а самому сходить в парк для хранения техники, где сейчас работают солдаты. Интересовала первая реакция человека при виде следователя прокуратуры. Если есть что за душой, то вряд ли сможет страх свой скрыть.

Для начала Субботин вызвал командира первой роты. Есть смысл сначала расспросить, что он думает о своем подчиненном. Ротный подошел через несколько минут. Высокий капитан, с большими, сильными руками, уверенным голосом. Субботин решил, что солдаты должны его уважать.

— Хочу вас о Казьмине расспросить. Что о нем сказать можете?

— Разгильдяй. Перед призывом в армию мопед украл. Дело прекратили — мол, армия исправит. Здесь самоволка была, на гауптвахте сидел. Потом у товарищей своих начал по мелочам вещи подворовывать: зубную пасту, шапку. На этом не остановился — тридцать рублей украл. Поймали за руку, и тут же — больше не буду, простите. Поверили, простили, решили дело в суд не передавать. В последнее время притих. Хочет показать, что исправился.

— Мог он забраться в магазин военторга?

— Этот мог запросто... У него в городе какие-то темные знакомства.

— Даже так?! — удивился Субботин.

— Говорят, в общежитии женщину какую-то себе завел. Наверняка даже в самоволки к ней бегаёт, но доказательств у меня нет.

— Пойдемте на вашего «злодея» посмотрим.

Они вышли из здания штаба. Около входа солдат с повязкой на рукаве усердно мел метлой асфальт.

Парк для хранения техники располагался на окраине городка. По дороге слово за слово Субботин разговорился с ротным. Следователь любил такие беседы, поскольку они позволяли разобраться во многих армейских проблемах и лучше ориентироваться в ситуациях.

— Как насчет дедовщины у вас? Мугузят солдатики друг друга? — спросил Субботин.

— У меня в роте — нет. Я как на должность заступил, сразу сказал — кто молодого хоть пальцем тронет, тот мой личный враг. И землячества нет. Эти явления — самое ненавистное для меня, что в армии есть. Ведь родители посылают детей здоровых, с неизломанной психикой отдать долг Родине. А что с ними уркаганы эти казарменные подчас делают? Всегда я эту сволочь, которая, чтобы превосходство свое над другими показать, людей мучает, давить буду нещадно. — Ротный сжал увесистый кулак.

— Но ведь порой дедовщина для офицера — вещь необходимая, — сказал Субботин. — Что я, не знаю, как командир оценивается? Если в казарме все сияет — значит, ты хороший. А как порядок хороший легче всего навести. Мигнул дедам, те молодых заставили ночь напролет стены и полы тереть, и цель достигнута.

— Времена все-таки меняются. Да и чтобы такими вещами кто-нибудь из офицеров занимался — это нужно совесть совсем потерять. Я что скажу: если офицер — сильный мужик, то у него и порядок, и никто никому морду не бьет. Да и вообще, скажу я вам, характер нужен. Сделать солдата из пацана, который до армии, кроме своего Хава Металла, ничего не знал и знать не хотел, — дело непростое. А сделать нормального человека из урки, который до армии под суд идти собирался, — дело вообще невозможное. Их можно только в рамках держать. Казмин тому показательный пример.

Путь в парк лежал через двухэтажное стеклянное здание, где располагались КПП и различные технические службы. За высоким бетонным забором в несколько ря-

дов или алюминиевые ангары. Из некоторых были выведены боевые машины, которые солдаты приводили в порядок после недавно закончившихся учений.

— Вон там, — показал ротный рукой.

Хранилище роты оказалось напротив хранилища техники инженерно-саперного подразделения. Оттуда выкатили сложенную гусеничную машину, состоящую из нагромождения каких-то штанг, непонятных приспособлений. Субботин не раз видел такие механизмы, и ему всегда хотелось спросить, что же это такое. Однако не хотелось демонстрировать свое незнание.

В полумраке внутри ангара в два ряда стояли боевые машины пехоты.

— БМП-1? — поинтересовался Субботин.

— Других не держим, — ответил ротный.

Следовательно закончил университет и в боевой технике разбирался не очень хорошо. Но ее вид всегда притягивал его. Было в этих машинах что-то грозное, сильное и вместе с тем изящное.

Один из солдат бил по гусенице кувалдой, выколачивая застрявшие между траками камни, другой возился внутри. От машины к машине ходили два лейтенанта в комбинезонах. Руки у них были в масле. Работа кипела, как на хорошем заводе.

— Вон наш Казьмин. — Ротный кивнул на замызганного солдата с кислой и злой физиономией, который неторопливо крутил гайку.

Субботина внезапно охватила неприязнь к этому человеку. Он хорошо изучил такой тип людей. Самовлюбленные, эгоистичные, они вполне искренне считают, что весь мир должен быть им обязан только за то, что они появились на свет. Таково было первое впечатление. А оно обычно самое верное и следователя никогда не обманывало.

— Рядовой Казьмин, подойдите! — скомандовал ротный.

Солдат поднял глаза и неприязненно взглянул на командира. Потом встал, подошел, представился по уставу. Движения вялые, выражение лица такое, будто делает командиру роты огромное одолжение. Потом безразлично взглянул на Субботина. Тот за годы работы убедился, что юридические эмблемы большинство солдат не знает. «А вы не медик?» — такой вопрос задают иногда даже офицеры. Но это и хорошо, что в большинстве подразделений юристы — редкие гости. Побольше бы таких

частей. Взять стройбаты — там юридические эмблемы за версту чувят.

— Вот, Казьмин, с вами хочет побеседовать следователь из прокуратуры, — сказал ротный и, не сдержавшись, добавил: — Доигрались! А я между прочим вас предупреждал.

Субботин увидел, как кровь отхлынула от лица солдата, а взгляд заметался.

— Пойдемте со мной, поговорим, — сказал Субботин и обернулся к командиру роты: — Буду признателен, если вы тоже со мной пойдете.

В присутствии командира беседовать легче. Он знает все достоинства и недостатки своего подчиненного, может при случае что-нибудь подсказать.

Когда все расселись в комсомольском кабинете в штабе, Субботин обратился к ротному:

— Поведайте, как этот солдат у вас служит.

Ротный начал подробно, с пространными отступлениями обрисовывать личность Казьмина, начав с мелких нарушений и закончив самоволкой и кражей.

— Да, молодой человек, — покачал головой Субботин. — Биография у вас хоть и короткая, но уже богатая.

— Какая есть, — огрызнулся Казьмин.

— Вы в магазине работали военоторговском?

— Нет, не работал.

— У меня другие сведения.

— Ну, работал.

— А в сейф зачем лазили?

— Кто сказал? — насторожился Казьмин.

— Значит, о том, что сейф не закрывается, вы знали.

— Ничего я не знал и сейчас не знаю, — раздраженно отрезал Казьмин. — Товарищ капитан, мне еще до армии дело пытались пришить. Милиция, знаете ли, людям не верит. И вы не верите.

«Ты себе и сам не веришь», — захотелось сказать Субботину, но он сдержался.

— О том, что мы вам не верим, говорить еще рано, — только и сказал он.

— А вам, чем раньше, тем лучше. Что я, не знаю, что ли? У вас план, сроки, а на живого человека вам наплевать! Неправильно я излагаю? — победно, будто утверждая глубокую истину, воскликнул Казьмин.

— Неправильно, — устало ответил Субботин. Ему меньше всего хотелось сейчас обсуждать с Казьминым

философско-правовые вопросы. — Денег-то как, хватает вам на жизнь?

— Не жалуемся.

— Да? И с каких же накоплений собираетесь с долгами расплачиваться?

Это был настоящий удар. У допрашиваемого даже дыхание перехватило.

— Есть старое, затасканное, но очень верное изречение, — продолжил, помолчав, следователь. — Все тайное становится явным. Рассказывайте-ка лучше все сами и не заставляйте прижимать себя фактами. Дороже будет.

Тут Казьмин сорвался:

— Что я вам сделал?! Всю жизнь мне не верят! И чем я людям дорогу перебежал, что грызут они меня и грызут?

— Чем? — спросил Субботин. — Не надо, наверное, красть, совершать неблагоприятные поступки.

Казьмин сник. Субботин подумал: «Самое интересное заключается в том, что он на самом деле чувствует себя обиженным людской черствостью».

— Ну что, будете говорить?

— Нет!

— Дело ваше. Я вам дам еще время подумать.

— Товарищ следователь, — подал голос ротный. — А на гауптвахту его можно посадить?

— За что? — удивился Субботин.

— Крайне халатно относится к выполнению служебных обязанностей. У меня на него рапорта старшины имеются.

— Я больной, — неуверенно возразил Казьмин. — Нога...

— Вы справку из санчасти по поводу вашей ноги видели?

— Может, врач ошибается, — буркнул Казьмин.

— Не может. Вас и в госпиталь на консультацию возили. Здоровы вы. Эта болезнь шлангитом в народе зовется.

— Что ж, раз есть основания, — согласился Субботин, — тогда сажайте на гауптвахту. Препятствовать не буду.

Это подвернулось очень кстати. Оснований для задержания Казьмина в качестве подозреваемого пока не хватало, а находясь на свободе, он мог помешать расследованию...

Когда за работой следователя наблюдают со стороны, кажется, что он ничего особенного не делает: вопрос задал, ему ответили, на бумагу записал, дал расписаться — и весь труд. На самом деле за этими вопросами и ответами кроется сильное нервное напряжение. Оно не оставляет следователя ни днем ни ночью, мысли только и заняты сроками следствия, арестантскими делами, экспертизами. Поэтому, как правило, следователями долго не работают. Четыре, ну, пять лет от силы, а потом ищут люди работу полегче. Напряжение и усталость — вот постоянные спутники следственных работников.

К середине дня Субботин почувствовал себя измотанным. Когда преступление не раскрыто, плюс ко всему давит неопределенность, сознание, что, может, ты трастишь время зря, идешь не по той дороге, которая вновь заведет тебя в тупик.

Субботин встал, сделал несколько взмахов руками, вздохнул поглубже, присел пару раз. Голова несколько просветлела. Можно переходить к следующему вопросу. На очереди Артамонов — приятель Казьмина. Про него говорил Лагус. Ночью этот самый Артамонов стоял в карауле.

— Войдите! — крикнул Субботин, садясь на стул.

Вошел длинный, коротко остриженный солдат в очках, представился и уселся напротив следователя. Его тонкие, как у музыканта, пальцы нервно теребили пилотку.

«Кто же ты такой, Артамонов?» — думал Субботин. Командиры о нем отзываются хорошо. Из тех людей, говорят, которые в лесу пять копеек найдут и ходят спрашивают, кто потерял. Вместе с тем человеческая душа — загадка. Иногда люди вытворяют такие вещи, которые от них никто и ожидать не мог. Субботин прекрасно помнил компанию, которую он отправил в дисбат пару лет назад. Их было двое: один тупой восемнадцатилетний оболтус, другой — двадцатичетырехлетний студент, окончил два курса института, имел жену и ребенка. Так этот студент втягивается в совершенно дурацкую авантюру и, как овечка, идет за человеком, слабее его и умственно, и физически. Под предводительством оболтуса они угоняют автомашину, чтобы снять с нее магнитофон и запчасти. А во время следствия, находясь под наблюдением командования, угоняют еще одну машину. Зачем это нужно было солидному двадцатичетырехлетнему парню? Почему его, как барана на привязи, повели на преступ-

ление? Загадка. Вот и с Артамоновым что получается? Его ност — идеальное место, чтобы принять участие в краже. Возможно, он в ней и участвовал, и тогда возникает еще один ребус для психологов — что могло честного парня толкнуть на преступление? Но это пока предположение. Могло быть и так, что воры обокрали магазин и остались незамеченными, тогда караульный ни при чем.

Артамонов чувствовал себя на допросе неуютно. Субботин видел, что ему хочется что-то сказать, но не решается.

— Как вы несли последний раз службу в карауле?

— Как всегда. Все по уставу, как и положено. У меня всегда как положено. Иначе не бывает. — Артамонов говорил быстро, сбиваясь, нагромождая ненужные слова. Видимо, хотел выиграть немного времени и сориентироваться. — Заступили, как обычно, а потом...

— Подождите, я вас не об этом спрашиваю. Вы Казьмина знаете?

— Знаю, — Артамонов потупился, чтобы не смотреть на следователя.

— Близо знаете?

— Он мой друг.

— Кому он должен был деньги?

— Никому, — быстро ответил Артамонов.

«Врет, — отметил Субботин. — Иначе сказал бы — не знаю».

— Артамонов, я думаю, мне не составит труда уличить вас во лжи.

— Должен, — вздохнул солдат. — В городе деньги кому-то ли в шашки, то ли в карты проиграл.

— Значит, вы стояли ночью на посту и стойко несли службу? — перешел следователь к следующему вопросу.

— Да.

— И Казьмина не видели?

— Нет, — поморщился Артамонов.

— А если подумать?

Солдат долго и сосредоточенно молчал, наконец посмотрел прямо в глаза следователю:

— Ну вот вы. Чтобы вы на моем месте делали, если б вам нужно было донести на друга.

— Трудно сказать, — пожал Субботин плечами. — У меня таких друзей не было.

— А у меня есть! — с досадой воскликнул Артамонов. — И он мой настоящий друг.

— Бряд ли вы ему поможете молчанием. Я не утверждаю, что он виновен. Чтобы разобраться, нужны факты. Полная картина. Тогда легче будет установить истину. Может, то, что вы мне скажете, на самом деле сыграет в его пользу. Иногда кажется, что факт уличает человека, но в сопоставлении с другими выясняется, что полностью оправдывает.

— Да я всего ничего и видел. Стоял в два часа ночи на посту, вижу — идет Серега. Я его хотел окликнуть, но передумал. Он к магазину пошел, завернул за угол, и больше я его не видел, — угрюмо изложил события позапрошлой ночи Артамонов. — Жалко Серегу. Он парень не злой. Просто сам не знает, что делает. Несет его черт вперед, и тогда запирай ворота.

Закончив с Артамоновым и отпустив его, Субботин поглядел на часы. Четыре. Допросы и организационные вопросы занимают много времени. Не успел оглянуться, а день прошел. В целом следователь был доволен. Начав с нуля, он теперь обладал более менее четким построением из фактов. Так бывает всегда, слово за слово, улика за уликой, эпизод за эпизодом — и вот ты уже с головой погружаешься в чужую, незнакомую жизнь, о которой еще недавно ничего не знал. Следователь, как и актер или писатель, за одну свою жизнь проживает множество жизней и судеб.

Субботин вынул листок, на котором с утра записывал версии. Напротив слов «наряд врет» поставил плюс. Вызвал вновь сержанта с добрыми глазами, который так искренне убеждал, что мимо него муха не пролетела. Припертый к стене фактами, сержант начал жаловаться на жизнь и на Утабаева, которого как ни учи, все равно проспит. Вот и в ту ночь поставили его к тумбочке дневального, а он тут же отключился. Наряд в результате чуть не пропустил подъем. Хорошо еще, сержант вовремя проснулся, а то уже сидели бы все на гауптвахте.

«Вот стервецы, — подумал Субботин. — На всю ночь комнату для хранения оружия, да и казарму без присмотра оставили». По идее есть статья в уголовном кодексе о нарушении правил несения внутренней службы. Но в ней командиру дано право ограничиться дисциплинарным взысканием, что, скорее всего, и будет сделано в данном случае.

Утабаев был страшно напуган и лепетал что-то vro-

де: «По-русски совсем не понимаю». Тут все ясно. Казьмин ночью беспрепятственно мог не только уходить из казармы, но еще при желании вытащить и все имущество роты.

Теперь у Субботина хватало данных для более серьезного разговора с Казьминым. Возможно, тот опять ничего не скажет, но это нестрашно. Преступление он совершил не один. Был у него помощник, притом, теперь ясно, что мальчишка, школьник. Позвонил Быков дежурному по части и передал — эксперты дали предварительное заключение, что волокно, обнаруженное на проволоке сетки, — от школьной формы.

Доставили Казьмина уже с гаунтвахты. За то недолгое время, прошедшее после первой с ним встречи, его внешний вид претерпел серьезные изменения. Беднягу уже успели обрить наголо, так что выглядел он жалко и растерянно.

— Вы, пожалуйста, подождите в коридоре, — сказал Субботин двухметровому солдату-конвоиру с автоматом за спиной. Тот вышел.

Казьмин мрачно глядел на Субботина. Видно было, что он хочет ринуться в бой, начал доказывать свою правоту, а значит, неправоту других. Но следователь молчал, изучающе рассматривая допрашиваемого. Был бы Казьмин простой парень, влетевший по дури в неприятную историю, поговорили бы по душам, объяснил бы ему Субботин все начистоту и о перспективах дела, и о том, что не выкрутится, и о том, что признание не только в книгах и кино смягчает ответственность. Но этому человеку везде чудятся подвохи и обманы. О психологическом контакте тут говорить трудно. Значит, нужно работать в жестком стиле.

Вдоволь насмотревшись на Казьмина, Субботин достал из своего портфеля кусок стекла, баночку из-под гуталина. Казьмин заворожено глядел на эти предметы. С равнодушным выражением на лице следователь вытаскивал маленький резиновый валик, открыл баночку из-под гуталина, где была черная типографская краска, капнул ее на стекло и начал долго и нудно раскатывать.

В глазах Казьмина появилось неприкрытое беспокойство. Он не понимал, что происходит, и неизвестность действовала на него удручающе.

Закончив раскатывать краску по стеклу, от чего поверхность стала черной, Субботин без всяких эмоций негромко произнес:

— Руки.

— Что — руки? — не понял Казьмин.

— Руки на стол.

По детективам Казьмин знал, что эти слова не сулят ничего хорошего, и положил грязные, в мазуте, руки на полированную крышку стола.

Субботин встал, взял его за указательный палец, прижал к стеклу, нанеся тем самым слой краски на кожу, а затем откатал на лежащий на столе бланк для дактилоотпечатков. Техника, конечно, примитивная — стекло, залик, но другой нет.

Через несколько минут процедура была закончена, и на бланке появились черные отпечатки десяти пальцев, а также ладоней. Теперь экспертиза установит, касался ли Казьмин форточки.

— А для чего это? — спросил обескураженно солдат.

— Для экспертизы, — не вдаваясь в подробности, коротко пояснил следователь.

Казьмин вытащил из кармана носовой платок и начал стирать с пальцев краску.

— Не трудитесь. Это очень хорошая краска. Тут без мыла и немзы не обойтись.

Казьмин спрятал испачканный платок в карман.

— Итак, вернемся к нашим баранам. Еще раз скажите-ка мне, где вы были вчера вечером?

— Спал в казарме.

— Крепко спали?

— Я всегда крепко сплю.

— И ночью на улицу не выходили?

— У нас наряд у выхода стоит. Через них не пройдешь. Да вы их спросите.

— Уже спросили. Спал наряд.

— Я спал в казарме, — твердо повторил Казьмин.

— А вы, случайно, не лунатик? — поинтересовался Субботин.

— Случайно не лунатик.

— Это плохо.

— Почему?

— Вы говорите, что спали, а во сне ходят только лунатики. Значит, вы врете, поскольку ночью вас у магазина видел Артамонов. Можете с протоколом ознакомиться.

Казьмина будто поленом по голове стукнули. Он даже пригнулся.

— Да, да, видел. Около двух ночи.

— Не может быть!

— Еще как может. Теперь скажите, кому вы деньги проиграли?

Казьмин сглотнул. Возражать сил не было. В его глазах появилась какая-то обреченность. Субботину стало его жалко. Всегда в самый неподходящий момент, когда нужно было додавливать «клиента», делать последний шаг, появлялась эта самая жалость. Сочувствие. По характеру Субботин — человек очень мягкий. Никогда в нем не было каменной твердости, позволяющей карать, выносить приговоры. Поэтому он никогда не смог бы стать судьей. Это сострадание мешало бы объективности.

— Что вы от меня хотите? — наконец спросил Казьмин.

— Правды, — устало вздохнул Субботин. — Ничего больше я не хочу.

— Не брал я ваш магазин! Не брал!

Субботин ничего не сказал.

— Хорошо, — взял себя в руки Казьмин. — Можете меня посадить. Ваше право. Но не за магазин. Ночью я гулять выходил. У Клавки был.

— Что?

— У Клавки. Ночью я как раз к ней пробирался. Сразу не сказал, потому что боялся — за самоволку посадите. У меня одна уже недавно была. Теперь как раз на статью нагулял.

— Мало убедительно.

— А вы у нее спросите. У подруг по общежитию...

Субботин предпочитал никогда не ходить по квартирам или общежитиям в одиночку. Могут быть любые провокации и конфликты, после которых придется доказывать, что ты не верблюд. Но времени для вызова Клавдии в милицию не было — при раскрытии преступления важен каждый час и любая зацепка должна отрабатываться как можно быстрее. Так что Субботин отыскал в общественном пункте охраны порядка участкового — огромного, как Жаботинский, усатого старшего лейтенанта милиции, и вместе они направились в общежитие.

Оно находилось на окраине города. Пятиэтажное здание с развеселой музыкой, гремящей из окон, с давно не крашенными стенами в потеках. Общежитие было женское, а потому являлось центром бурных страстей. Участковый поведал, что неподалеку живут «химики» и время от времени похаживают к здешним барышням.

При входе сидела бдительная старушка, с подозрением разглядывающая всех проходящих. Не обращая внимания на то, что посетители в форме, что пришли по делу, она начала выспрашивать, что, да куда, да зачем, пока участковый не взорвался.

— Кончайте комедию! — сказал он и под кудахтанье проверяльщицы прошел в холл. Субботин устремился за ним.

— Вот кукушка! Сколько раз меня видела, прекрасно знает, кто я такой, а все равно — стойко охраняет свой пост, — прокомментировал происшедшее участковый. — Думаешь, если б пьянь какая лезла, она не пропустила бы? Пропустила бы как миленькая, потому что на грубость может нарваться. А мы люди мирные, на нас и власть можно показать.

Лестница располагалась в конце длинного коридора, завешенного почему-то плакатами по гражданской обороне. Вдруг участковый сказал:

— А вот эти охраны не боятся.

Две девчонки втаскивали в окно громадного детину.

— Не уроните, девочки? — осведомился участковый.

— Не бойтесь, — хмыкнула одна, — вытянем.

— Своя ноша не тянет, — заржал взобравшийся на подоконник детина, но, увидев участкового, сник.

— Сам, альпинист, уйдешь или проводить?

— Сам, о чем речь. — Парень чмокнул девушку в щеку и пошел к выходу.

Из комнат слышалась музыка, визги, беззлобная матерщина. Жизнь в общаге кипела.

— Весело тут, — сказал Субботин.

— Очень, — кивнул участковый. — Каждый день или скандал, или мордобой. Рыцари наших прекрасных дам поделить не могут и турниры устраивают. Так что ваш солдатик подходящее место для времяпрепровождения нашел.

На четвертом этаже отыскивали четыреста одиннадцатую комнату. Участковый постучался.

— Заходи, коль свой, — пророкотал из-за двери мужской голос.

— Участковый уполномоченный капитан Бибилов, — представился милиционер, козырнув.

В микроскопической комнатенке с трудом умещались две кровати, шкаф, стол и два стула. На столе — бутылка вина и сковородка с жареной картошкой. За столом — двое неопрятного вида парней и две девушки. При слове

«участковый» парни засуетились. «Химики», — подумал Субботин. Присутствие их здесь в это время — нарушение режима.

— Ну, мы того, девочки, — пробормотал один, вставая и с тоской оглядываясь на сковородку с картошкой. — Мы пошли, да?

Он начал пробираться к выходу, пытаясь обогнуть участкового.

— Эти вам не нужны? — спросил милиционер.

— Нет, пускай идут.

«Эти» моментально исчезли.

— Кто из вас Клава Завадская? — спросил Субботин.

— Я, — ответила дородная, спелая деваха, завернутой в черный, с изображениями змей и драконов халат. Она изучающе посмотрела на следователя.

— А вы кто? — обратился Субботин к худой девушке в серой юбке и голубой кофточке. В ее глазах было что-то жалобное, как у дворняжки. Этаким заморыш.

— Соседка, — ответила она.

— Вы нам тоже понадобятся. Будьте где-нибудь поблизости.

Девчонка согласно закивала и выскользнула из комнаты.

— Я из военной прокуратуры, — представился Субботин, садясь за стол и брезгливо отодвигая законченную сковородку.

Клавдия усмехнулась и вызывающе покачала головой. Субботин вытащил из портфеля бланк протокола допроса.

— Я должен допросить вас в качестве свидетеля.

— Чегой-то? — презрительно протянула Клавдия. — Нечего мне с военной прокуратурой делить. Не хочу я допрашиваться.

— Не понял, — переспросил Субботин. — Вы что, отказываетесь давать показания?

— А чего понимать-то? Не буду я ничего говорить. Не хочется чегой-то.

Клава томно потянулась и демонстративно отвернулась к окну, всем видом давая понять, что участковый и следователь здесь лишние.

— Это уже интересно, — усмехнулся Субботин. Нахалов он на своем веку перевидел немало и даже не разозлился. — Придется прочитать небольшую лекцию. Давать показания не ваше право, а ваша обязанность. По уголовному кодексу за отказ, уклонение от дачи пока-

заний или за дачу заведомо ложных показаний вы можете быть привлечены к уголовной ответственности. Правда, много за это не дают. Не больше года лишения свободы.

Субботин говорил холодно. За время следственной работы он научился говорить так, что у нахалов отпадало желание нахальничать.

— Если вы не хотите говорить со мной здесь, придется пройти в милицию. Или добровольно, или приводом. Это тоже предусмотрено законом.

Услышав про уголовную ответственность, Завадская изменила позу, глаза забегали.

— За чегой-то отвечать? Какой еще привод? — забеспокоилась она. Поняла, что хамством не взять, и засуетилась.

— Вобщем, так — не хотите говорить, пойдете с нами.

— Ну чегой-то сразу идти. Какие там вопросы?

— Вы Казьмина знаете?

— Еще бы мне его не знать, — злорадно усмехнулась Клава. — Он мой, как это называется, любовник.

«Какая бесстыжая девка», — отметил про себя Субботин.

— А что он сотворил? Вообще-то с него станется. Нет у него ни соображения, ни воображения, ни совести.

Субботин оценил это утверждение. Интересный тип взаимоотношений — и Казьмин, и Клава оба недовольны всем, а заодно и друг другом, но есть в них взаимная тяга, и заставляет их непонятная сила держаться вместе. Но при этом не упустят случая облить друг друга грязью.

— Что вы о нем так плохо отзываетесь?

— А вот так, — неопределенно пожала плечами Клава.

— Значит, деньги он так и не отдал? — с сочувствием спросил Субботин.

— Нет, — хмуро кивнула Клава, но тут же встрепенулась: — Какие деньги?

— Которые Казьмин проиграл этому, как его... — Субботин неопределенно прищелкнул пальцами, будто пытаясь вспомнить имя.

— Митяю, — кивнула Клава. — Проговорился-таки, подлец. Меня теперь склонять будут, что «химики» с солдатами в моей комнате в карты играют.

— Да уж, — подтвердил Субботин. Пусть подумает над тем, что делает. — Это содержанием притонов называется.

— Я, что ль, их сюда затаскивала? — взвизгнула Клавя. — Самы слетались! А я не виновата!

— Вчера тоже играли?

— Нет, вчера без этого обошлось.

— Во сколько Казьмин пришел?

— В полтретьего. До половины шестого здесь и пробыл...

Фары «уазика» безуспешно пытались разогнать туман. Погода начинала портиться, повеяло сыростью. Стало как-то зябко. Улицы города, кажущиеся чужими и нереальными в этой дымке, как кадры сюрреалистического фильма проплывали за стеклами кабины.

«Нужно завтра надевать плащ», — решил Субботин. Он с грустью подумал, что лето, похоже, окончательно сдало свои позиции. Скоро опадут с деревьев листья, потом пойдет снег. Зима. Холодно. А зиму и холод он не любил.

Субботин мысленно подвел итог еще одному дню работы. Очередная версия разлетелась в пух и прах. Соседи Клавя подтвердили, что солдат провел ночь в общежитии. Похоже, они говорили правду. Уж очень логичные, последовательные были показания. Артамонов видел Казьмина в два часа ночи. На это заявление можно положиться, потому что солдат на посту прекрасно знает, сколько времени прошло после заступления на пост и когда, наконец, ему сменяться. В общежитие самовольщик пришел в полтретьего. Время девчонки тоже запомнили хорошо. От военного городка до общежития двадцать минут ходьбы. Ушел из общежития в полночь утра, едва хватало времени, чтобы добраться в часть до подъема. Так что времени обокрасть магазин у него не было.

Машина завернула в поросший деревьями двор и остановилась у подъезда десятиэтажного дома.

— Заедешь за мной завтра, в восемь, — сказал Субботин шоферу-солдату, выходя из машины.

Следователь поемотрел на окна своей квартиры. Полпервого ночи, а Лена не спит. Скорее всего, читает сборник фантастики, который по знакомству достала недавно.

То, что жена у Субботина — кандидат наук, это исключение из правил. Военным положено иметь жен учительниц, врачей, но не математиков.

Он поднялся на седьмой этаж. Шел пешком, усвоив, что люди, пользующиеся лифтами, гораздо больше страдают сердечно-сосудистыми заболеваниями. Дверь открыла Лена.

— Привет! Долго же тебя не было. — Она чмокнула его в щеку. Тоненькая, коротко стриженная, в потертых джинсах и старой рубаше с заплатами на рукавах, которые таскала дома, она казалась девчонкой.

— Чем ты тут без меня занимаешься?

— Читаю Каттнера. Гениальный писатель. Ужин на сковороде. Отбивные.

Субботин увидел на журнальном столике рядом с диваном чашку с горячим кофе.

— Дурная привычка глотать на ночь наркотик.

— У тебя нет логики. Какой смысл пить кофе днем, когда и так спать не хочется. Кофе надо пить вечером, когда спяются глаза. Иди ешь.

— В столовой ужинал, — Субботин снял пиджак, уселся в кресло. — Как Санька поживает?

— Хорошо. Сегодня пытался съесть зубную пасту.

— Ты дала?

Лена воспитывала трехлетнего сына по новой методике, которая гласит, что до определенного возраста детям надо позволять делать все. Тогда они вырастают без дурацких комплексов.

— Нет, не дала. А ты знаешь, что он мне в ответ заявил? Посмотрел на меня так серьезно, а потом говорит: «Не дашь, так я сейчас как закапризничаю». А как твои дела?

— Продвигаются, но туго. — Субботин взял с журнального столика чашку с кофе и отхлебнул. — Вчера мне чуть не раскроили голову бутылкой из-под красного вина. Сегодня я ворвался в женское общежитие.

— Молодец! Ты наверняка там всех покорил.

— Стар я уже, чтобы кого-то покорять.

Сказал это для смеха, но вдруг почувствовал себя действительно старым и уставшим. Эта чертова усталость наваливалась на него все чаще в последнее время. Семь лет следственной работы. За это время подрабобтались и нервы, и сердце все чаще покалывает. Семь лет, бесконечная вереница свидетелей и обвиняемых, злодеев и жертв, семь лет копания в человеческих пороках.

Вспомнил, как пришел на эту работу. Как и все молодые, горел желанием изменить что-то, исправить мир. Борьбаться со злом. И считал это своим предназначением. Ведь всегда был в душе романтиком. И остался им, хоть эта работа и перемалывает романтиков. И всегда имел какие-то несовременные понятия о долге. Благодаря этому и загремел в Афганистан. Вызвали, сказали — нужно. Козырнул, собрал вещи и поехал.

Три афганских года слились в памяти в единое темное пятно. Теперь, вспоминая об этом, иногда не мог поверить, что все это происходило с ним, что это его судьба. Будто вспоминал многосерийный детективный фильм. Но это был не фильм. Это были настоящие горные дороги, настоящий свист пуль, настоящие артобстрелы. И была ПКЛка, кузов которой был разнесен из ручного гранатомета (спасло тогда его и водителя то, что сзади шел бронетранспортер). Был и вертолет, закладывающий виражи в противоракетном маневре. И было тупое равнодушие, пришедшее на место страху первых недель пребывания в той проклятой богом стране.

Субботин не часто задумывался над тем, что ждет впереди. Только в такие часы, когда наваливалась усталость и хотелось пожалеть самого себя, когда лезли мысли о своей жизни, переводимой на воров, насильников, убийц, о том, что в мире много прекрасных вещей, прекрасных людей, что он заслуживает лучшей доли. Это состояние быстро проходило. Субботин прекрасно знал, что он делает нужное дело, что кто-то должен помогать попавшим в беду, защищать людей, разгребать грязь. Не всем удается прожить жизнь в белых перчатках. Кроме того, он любил свою работу. Что-то в этом есть противоестественное. Но эта работа затягивала, затягивал азарт борьбы, затягивала постоянная гонка, участником которой являешься. И без этой работы ему будет тоскливо. Но вот чертова усталость наваливалась чем дальше, тем чаще. Субботин со страхом думал о том, что, похоже, он подходит к пределу, который физики называют усталость металла. Придет момент, когда нужно будет менять работу. «Усталость металла...»

— Лен, как ты относишься к тому, чтобы сменить мне работу и пойти в нотариальную контору? — улыбнулся Субботин.

— Положительно. Тебе дадут парик и мантию.

— Парики и мантии у судей.

— Неважно. Жаль только, что ты этого не сделаешь. Ты же фанатик. Ты не мыслишь себе другой жизни. Фанатик...

Допросы, допросы, допросы... Пачки исписанных листов, уставшая, онемевшая рука, слова, слова, слова... К вечеру язык еле ворочается, начинаешь путать слова. Ведь на допросе говорит нередко в основном один следователь. Приходится убеждать людей, наводить психологический контакт, детально выспрашивать, что и как, заставлять вспоминать то, что давно забыто и чему не придавалось значения.

Рабочий день начался у Субботина все с тех же допросов. Помимо него работали и трое дознавателей, командиры. Информация накапливалась, проверялись и отпадали версии, удалось установить непричастность к краже многих людей. Работа шла. Главное в ней — дотошность. Проверить все. Тогда рано или поздно наткнешься на то, что ищешь.

Сам Субботин отработывал наиболее вероятную версию — преступление совершил кто-то из солдат, увольняющихся в запас. Когда следователь допрашивал одного из них, вошел ротный, командир Казьмина. Поздоровался и попросил переговорить с глазу на глаз. Субботин спросил очередного дембеля и спросил ротного.

— Что у вас случилось?

— Тут такое дело. — Капитан вытащил из полевой сумки маленький радиоприемник.

— Где вы его нашли? — Субботин подался вперед. Приемник был, похоже, краденный из магазина.

— Осматривал боевые машины. Там и обнаружил. В машине Казьмина.

— Черт возьми! — воскликнул следователь.

Ну и ну! Опять Казьмин. Значит, все-таки он в магазине пошуровал. А эти дамы общественного пользования врут. Хотя вряд ли. Очень уж убедительно говорили. Правда, он мог сам и не красть, а навести на магазин того же самого Митяя, которому проиграл деньги. Эта версия сейчас проверяется. Позвонил с утра Рагозину, тот сказал, что займется.

— Жалко, что вы стерли отпечатки пальцев.

Капитан виновато развел руками.

— Ладно, черт с ними. — Субботину пришла в голову интересная мысль. — Вы часто проверяете машины?

— Слежу, конечно. Чинить помогаю. Время от времени просматриваю их.

— Так, так, — Субботин был уверен, что мысль важная. — И кто знал, что в воскресенье вы будете смотреть машины?

— Да все знали. Перед строем объявлял.

— Вы говорили солдатам, что Казьмина подозревают в краже?

— Нет. Говорил, что он на гауптвахте, за неисполнительность.

Топорно сработано. Дураком надо быть, чтобы надеяться, что на такую наживку клюнут. Подкинули этот приемник. Как преступник почувствовал, что запахло жареным, решил переложить свою вину на другого. Арестован был Казьмин в четыре часа. Приемник подбросили, видимо, чуть позднее.

— Кто вечером в парке работал?

— Никто. В субботу после обеда мы обслуживаем технику, парко-хозяйственный день. Перед ужином закончили.

У следователя возник план.

— Кто-нибудь знает, что вы приемник нашли?

— Нет.

— Нужно выяснить, кто заходил в бокс, когда там никого не было. Но сделать это надо незаметно. Придумайте что-нибудь. Что узнаете — сообщите мне.

— Сделаем, — ротный встал. — А вы что об этом думаете?

— Пока ничего.

Когда ротный ушел, Субботин вывел на бумаге: «Преступник знал, что Казьмина подозревают в краже». Да, скорее всего, знал и полагал, что машину его будут осматривать с особой тщательностью. Но для всех Казьмин направлен на гауптвахту за нарушение дисциплины. Кто же знал, что он подозревается в краже?

Ротный пришел через час. Он рассказал, что переговорил с сержантом, который после ухода роты охранял бокс, пока командир не онечатает его. Сержант зашел за чем-то в ангар соседней роты, отсутствовал минуты три. Когда вернулся, заметил, что из дверей выходит Лагус. Тот самый Лагус, чистенький, румяный, как с картинки, солдат, кто первым подкинул мысль о Казьмине.

— Тебе чего надо? — спросил сержант.

— Я думал, командир здесь, — невпопад кинул Лагус и ушел.

Теперь все становилось на свои места. Для уверенности Субботин решил провести эксперимент...

— Да, проходите, — сказал Субботин.

Лагус был такой же румяный, в выглаженной форме и угодливо смотрел на следователя. Субботин же сейчас примерно представлял себе, кто перед ним. Ему казалось, что верно разгадал его сущность. В конце концов, несмотря на то, что все личности индивидуальны, есть у них общие черты, позволяющие причислять их к определенному типу. Классифицировать, как какой-нибудь биологический вид. Лагус относился к подвиду «хомо суперагоистус». Из тех, кто предпочитает жить, не перегружая свой мозг вопросами о том, как их поступки соотносятся с интересами окружающих. Я хочу — вот краеугольный камень, фундамент, на котором строится все их поведение. Хотеть можно по-разному. Один ломится, как медведь, напролом, ни на секунду не задумываясь о последствиях (типичная психология дезертиров и самовольщиков). Такие кончают быстро и плохо. Другой боится обжечься и загоняет свою «хочу» поглубже, потому что прекрасно понимает — далеко не все желания осуществляются. Третий же реализует свое «хочу», расчетливо обдумав все, в том числе пути отступления. Эти — самые опасные. Тот же Лагус. Хочет одного — жить как можно спокойнее и как можно красивее. С первых дней службы у него сработал защитный механизм — глядеть в рот начальству, козырять по любому поводу, всячески демонстрировать свою преданность. При этом хитрость и беспринципность удивительные. Ведь только секунду и подумал, прежде чем начать все валить на Казьмина. Если б ума немного побольше, далеко бы пошел.

— Уточнить некоторые детали хочу, — сказал следователь, — Согласны?

— Так точно! — звонко отчеканил Лагус.

«Никак нет», «так точно» — образцовый солдат. Ох, Лагус, Лагус, плохо ты кончишь...

— У нас есть подозрение, — начал Субботин и сделал паузу, глядя, как забегали глаза Лагуса, — что кражу совершил ваш знакомый Казьмин,

Лагус расслабился. Доволен-то как! Субботин понял — ловушка срабатывает.

— Я вам в прошлую встречу говорил, что он может совершить кражу, — покачал головой Лагус. — Но, товарищ следователь, я потом долго думал. Я Казьмина не так чтобы хорошо знаю, но такое, — на его лице появилось почти искреннее возмущение, — такое он совершить не мог. Не верю.

«Пытается продемонстрировать, — подумал Субботин, — что переживает за товарища. Тогда преподнесенный им компромат будет выглядеть убедительнее. Мол, не по своему желанию на товарища наговариваю. Следователь сам хитростью да угрозами выдал».

— Сегодня в БМП, где Казьмин механик-водитель, нашли краденый приемник. Так что все ниточки к нему тянутся, — сказал Субботин.

Лагус закусил губу, чтобы не дать лицу расплыться в довольной улыбке. Но сдержаться было трудно, и от тщетных усилий лицо перекосила гримаса. Он быстро овладел собой и удрученно покачал головой.

— Да, товарищ капитан, кто бы мог подумать.

— У вас в казарме кубрик с Казьминым один. А вы ночью вставали. Что, не ожидали? — усмехнулся Субботин. — Всё знаем. Вы у нас тоже на подозрении были. Видел, видел кое-кто, как вы ночью бродили по спальному помещению.

Теперь Лагус попал в трудное положение. Если скажет, что спал, не может быть уверен, что нет противоположных данных. Тогда у следователя появится убеждение, что он врёт. Возникнут неприятные вопросы. Вместе с тем, если подтвердит, что не спал и вставал с кровати, получит возможность еще один гол заколотить в ворота Казьмина.

— Было, — кивнул Лагус, — вставал я. Воротничок в бытовку ходил подшивать. В последнее время я вообще плохо силю. Все об увольнении в запас думаю. Месяц остался.

— Да, — участливо сказал Субботин. — Скоро будете гражданским человеком. Что собираетесь после увольнения делать?

— Я, товарищ капитан, еще не решил. Хочу в институт поступить. Может, даже в юридический. — Ехидная искорка мелькнула в его глазах.

Издавается, решил Субботин. На юридический, это же надо. Нет, такие люди ищут, где попроще. На юридиче-

ский же конкурс огромный, готовиться нужно сильно. Лагус пойдет туда, где полегче и можно урвать кусок пожирнее. Например, в торговлю, где дефицит рядом. Хотя ума бы ему побольше да настырности, может, и пробился бы на юрфак. Не дай бог, и следователем бы стал. Вот тогда добра не жди. Это были бы злоупотребления, взятки и прочие безобразия. Бывает, что такие типы просачиваются в правоохранительные органы, дискредитируют всю систему, наносят и ей, и людям, с которыми им приходится работать, огромный вред. Эх, если бы индикатор изобрести, чтобы их выявлять.

— На юридический — это похвально. — Субботин сделал вид, что верит всему. — Только надо работать. Нужны твердые знания.

— Я еще окончательно не решил, — скромно потупился Лагус.

— Ладно, вернемся к теме. Значит, вы не спали, — перешел к делу Субботин. Лирическое отступление было необходимо, чтобы показать, как он доверяет допрашиваемому. — Казьмин из казармы той ночью выходил?

— Что ж поделаешь? — горестно вздохнул Лагус. — Если он вором оказался, то я все расскажу. Выходил.

— Когда?

— Часа в два ночи. При этом озирался. Мне это еще тогда странным показалось.

Субботин заполнил протокол, где подробно все записал: и про подворотничок, и про то, как Казьмин воровски озирался.

— Ну, хорошо, идите.

Козырнув, Лагус четким шагом вышел из кабинета. Конечно, можно было бы сейчас продолжить его крутить, однако есть несколько «но». Лагус может упереться, и тогда расследование усложнится. Главное, что Субботин знал, кто совершил преступление. Теперь нужно установить — с кем?..

— Ну что, Вардашвили, давайте все подробно, — предложил Субботин.

Усатый сержант-грузин вызывал в нем симпатию. Плотный, по-деревенски крепко сбитый, с добродушным лицом. Рядом сидел дознаватель — старший лейтенант, который и привел его сюда.

— Товарищ капитан, и рассказывать-то нечего. Он спросил — я сказал.

— По порядку, пожалуйста.

Вардашвили удивлялся проявленному к нему вниманию и не мог понять, отчего все так засуетились.

— Вечером, дня четыре тому назад, иду по городку к моему другу. Вижу, на заборе сидит этот. Он сказал — я ответил.

— Кто сказал, что ответил?

— Мальчик лет десяти на заборе повис и зовет меня: «Дядь, помогите».

— Как выглядит?

— Худой, веснушки. И рыжий, почти красный. Как огонь, — добавил Вардашвили приподнято, как произносят кавказские тосты.

— Что ему надо было?

— Попросил солдата позвать. Сам не мог, его офицеры гнали.

— Вы позвали?

— Нет, он не из нашей части, а где служит, парнишка не сказал.

— Как фамилия солдата?

Вардашвили огорченно вздохнул. Было заметно, что он и рад помочь следствию, но не может.

— Четыре дня прошло. Не помню уже.

— Попытайтесь.

— Странное имя. То ли Лаврусь, то ли Гугусь.

— Лагус?

— Точно! — обрадованно воскликнул Вардашвили.

Еще один фактик, который придется Лагусу объяснять. А мальчишку нужно найти...

Субботин вошел в кабинет Рагозина. Тот сидел за столом, заваленным бумагами. И у уголовного розыска писанины хватает. Парень с кобурой, как и в прошлый визит, остервенеле стучал на пишущей машинке.

— Он с позавчерашнего дня все печатает? — шепотом осведомился следователь.

— Ну да, — кивнул Рагозин. — Работает человек.

У Рагозина настроение было приподнятое. Только что он выпроводил полоумную тетку, которая уже три года терроризировала отдел. Она утверждала, что сосед неоднократно посредством телепатии пытался ее изнасиловать. Рагозин стучал себя в грудь и обещал разобраться в данном безобразном факте.

— Какие же это меры ты будешь предпринимать? — осведомился Субботин.

— Никаких. Но месяца три она приходит не будет.

— Содержательная у вас жизнь.
— Это еще ничего. Бывает и почище.
— У меня к тебе дело. Мы тут кое-что выяснили по той краже. Нужна твоя помощь.

— И кто совершил — ваши или наши?

— Один точно наш.

Рагозин облегченно вздохнул. Значит, дело подсудственно военной прокуратуре. Если идет следствие по группе хоть в десять человек, но один из них военнослужащий — дело ведет военная прокуратура.

Субботин объяснил оперативнику ситуацию.

— Ты, насколько я понимаю, — отозвался тот, — предлагаешь обшарить все городские школы в поисках рыжего мальчишки?

— Да. Думаю, это не так трудно. Приметы знаем.

— Союз рыжих, — засмеялся Рагозин. — Как у Копан-Дойля.

— Есть еще вариант. Мы отпускаем подозреваемого в увольнение, а ваши ребята проследят за ним. Его наверняка потянет посмотреть на краденые вещи, а заодно свидеться с соучастниками. Думаю, помимо мальчишки завязан еще кто-то.

Рагозин задумался, потом сказал:

— Мне вариант с увольнением больше нравится.

— Теряем время. Чтобы не вызвать подозрений, мы сможем отпустить его только в субботу. Сегодня же понедельник.

— Ладно, помогу. Начинаем прямо сейчас. Нужно успеть до конца занятий...

Это была третья по счету школа. Часы показывали без пяти час, когда следователь и оперативник вошли в ее вестибюль. Школа как школа. Из двух корпусов, панельная, со спортзалом. Стандарт. Субботин всегда считал, что тинсовая школа еще хуже, чем типовая дом. Унылые коробки отбивают у детей способность ценить красоту, гордость за свою единственную, непохожую на других школу.

Помещение было наполнено гомоном детских голосов. Группа первоклашек, как стадо перепуганных джейранов, пронеслась мимо двух серьезных дядей, едва не сбив их с ног. Очкастый десятиклассник, надо думать — отличник, вдумчиво переписывал расписание. Трое мальчишек лет девяти дразнили двух гордо и степенно идущих и старающихся не замечать их одноклассниц. Наконец один не выдержал и дернул толстухку, раза в два здоровее

его, за косу, после чего получил такой удар портфелем, что сразу заскулил.

Остановив мальчишку постарше, Субботин спросил: — Где учительская?

Мальчишка ткнул шариковой ручкой, которую задумчиво грыз перед этим, в сторону двери.

— Вон кабинет завуча.

В этот момент зазвенел звонок, и детвора бросилась по классам. Через минуту воцарилась тишина.

В небольшом чистеньком кабинете за столом сидела похожая на сушеную рыбу неопределенного возраста женщина в огромных, в пол-лица, очках.

— Разрешите? — спросил Субботин.

Женщина была занята переписыванием каких-то бумаг и неприязненно посмотрела на него.

— Извините, я занята.

Она, видимо, приняла их за родителей. У представителей любых профессий, когда они находятся на рабочем месте, часто проскальзывает высокомерное отношение к посетителям, просителям и вообще всяким там, которые отрывают от работы. Они чувствуют себя уверенно в родной обстановке, обладают какими-то полномочиями, а тут приходят с просьбами. Ну как не злиться?

— Уголовный розыск, — сказал Рагозин.

Женщина натянуто, официально улыбнулась:

— Что вам угодно?

— Нам нужно разузнать, есть среди учеников-мальчиков рыжие, — сказал Субботин. — Возраст — от десяти до одиннадцати лет.

В глазах завуча появились живые искорки. Стало заметно, что она все-таки не обучающий робот, а человек, способный на чувства. И чувствами этими были легкая брезгливость, легкое удивление и легкое презрение.

— А зачем вам это?

— Мы расследуем кражу.

— Среди наших учащих, — поучительно, ровным голосом, прямо как на собрании, изрекла завуч, — таких, кто совершил кражу, быть не может.

Господи, опять набивший оскомину стереотип: куда угодно, только не в наш огород. Рефлекс администратора любого уровня правдами и неправдами доказать, что ЧП произошло не в его вотчине.

— И все-таки, есть у вас такие? — спросил Субботин и описал приметы.

— Есть у нас похожий. Иванихин, из третьего «В». Сейчас занятия, но через сорок минут я провожу вас к его учительнице. Подождите пока в учительской.

Учительская располагалась на втором этаже. Субботину пришло в голову, что эти помещения — переходный люк, шлюз между личной жизнью учителя и его работой. Поэтому здесь перемешались официальность — полки с методичками, портреты великих на стене — с какой-то частичкой домашнего тепла — аквариум на столе, ваза с цветами, скатерть с пестрым узором. Неизвестное растение тянуло свои длиннющие ветви-щупальца вдоль стены. На столике рассыпью лежали журналы. Усевшись в кресло, Субботин взял последний номер «Семьи и школы» и стал листать. Попробовал вчитаться, но сосредоточиться не удалось. Его волновали сейчас совершенно другие вопросы.

После звонка пришла завуч. Как и обещала, отвела их в класс.

— Нина, — сухо сказала она учительнице, — тут к вам товарищи из уголовного розыска.

Нина не была похожа на сушеную рыбу. Молоденькая, высокая, волосы темные, длинные. И глаза живые, с интересом на мир глядящие.

Субботин увидел, что завуч собирается остаться и принять деятельное участие в разговоре. Он поспешил упредить ее желание:

— Спасибо! Вы нам больше не нужны.

Завуч поджала губы, но «поле боя» оставила. Субботин уселся на стул около учительского стола, Рагозин расположился на первой парте и обратился к учительнице:

— Вы тоже присаживайтесь. Наверное, первый раз в жизни сажу на первой парте. В школе преимущественно на галерке время проводил.

Учительница села и вежливо улыбнулась.

— Меня интересует, — сказал Субботин, — кто у вас в классе рыжий?

— Сережа Иванихин, — ответила она не задумываясь.

— Что вы можете сказать о нем?

— Так, ничего особенного.

Учительница сидела за своим столом как на уроке: спина прямая, тонкие руки на столе. Нетрудно понять, что человек это очень дисциплинированный и аккуратный.

— Живет он с двадцатилетним братом. Родители несколько месяцев назад уехали на Север. Теперь старший брат воспитанием Сережиным занимается. Наставник не из лучших.

— А какой Сережа по характеру?

— Мальчишка как мальчишка. Впечатлительный, обидчивый. Его одноклассники дразнят немного за то, что он рыжий.

«Рыжих всегда дразнят, — подумал Субботин, — детства людей почему-то раздражает, когда внешне или внутренне кто-то не похож на них. Так что рыжим жить не легко».

— Вы не видели, он когда-нибудь менялся с ребятами значками армейскими, гильзами?

Субботин исходил из того, что у мальчишек страсть к обмену. Сережа же, если он был знаком с солдатом, должен обладать огромным богатством в виде эмблем, петлиц и прочих безделушек. Солидный обменный фонд.

— Да, я видела однажды, как он у Брагина марки на значок военный выменивал. На нем звездочка изображена.

Уже лучше. Субботин встал, прошелся по комнате. Что теперь делать? Он попытался прикинуть, с какой стороны взяться за мальчика, и тут увидел то, что искал. Он подошел к дальней парте, нагнулся и поднял бумажку.

Учительница, увидев это, покраснела и виновато пояснила:

— Мы после уроков убираем. Сейчас набросали мусор.

Субботин разгладил фантик. От московских трюфелей. В городе, как он знал, московских конфет не бывает. Значит, из военторга.

— За этой партией кто сидит? — спросил он.

— Витя Ханин.

— Вы не могли бы его найти?

Учительница открыла дверь в коридор, и в класс вошел гул школьной перемены, напоминающий раскаты штурма. Вскоре Нина привела толстого, чисто одетого, в крахмаленной белой рубашке мальчишку. Надежда чьей-то семьи, предмет неустанной заботы. Глаза у Вити были хитроватые.

— Это от твоих конфет фантик? — спросил Субботин.

— Да, — с достоинством изрек мальчишка.

— А кто тебе их дал?

— Серега Иванихин.

Субботин отпустил Витю. Дверь за ним захлопнулась, но через секунду приоткрылась, и малюсенькая девчужка пролепетала:

— Можно, Нина Георгиевна?

Субботин понял, что перемена кончается.

— Подождите, не заходите пока, — сказала учительница.

У дверей шум нарастал. Прозвенел звонок.

— Нина Георгиевна, сколько у вас еще уроков? — спросил Субботин. Сережу нужно допрашивать в присутствии педагога.

— Один.

— Вот что. У нас есть предположение, что Сережа участвовал в краже и, скорее всего, без его брата тут не обошлось.

Учительница с ужасом посмотрела на него.

— Я думаю, ничего не произойдет, если вы отпустите класс пораньше. Дело у нас безотлагательное.

Учительница согласилась. Она вышла, что-то сказала детям, и по радостным возгласам хлынувшей в класс за портфелями толпы было понятно, что отмена последнего урока ребят не огорчила. Через несколько минут в классе остались четверо: Нина Георгиевна, Субботин, Рагозин и огненно-рыжий Иванихин, худющий, с испачканными чернилами руками. Мальчишка стоял весь красный, заложив руки за спину, глаза его уперлись в пол.

— Ну, Сережа, — обратился к нему Субботин, — рассказывай, что насчет магазина знаешь. Вещи дома?

Сережа кивнул. Он был перепуган и расстроен.

— Ты не волнуйся, — успокоительным тоном произнес Субботин. — Расскажи, как все было.

... Часа через два Субботин закончил долгий, подробнейший допрос Сережи. Сначала тот не мог сказать ни слова, лишь кивал, но потом, общими усилиями, удалось растормозить его. И следователю, и учительнице пришлось потрудиться.

Дальше события развивались стремительно. Заехав за старшим братом Иванихиным на завод, Субботин и Рагозин вытащили его, обалдевшего и перепуганного, из-за станка и повезли на квартиру. Найти похищенные вещи большого труда не составило. Старший Иванихин не стал запираться даже для приличия. Он сразу попросил бумагу и написал заявление прокурору, из которого следо-

вало, что главный злодей в этом деле Лагус, который угрозами и угрозами сбил несчастного дурачка, честного до сей поры Иванихина, с пути истинного. Сам же Иванихин, находясь под гнетом совершенного преступления, днями и ночами думал, как бы лучше сдать властям, и наконец, чуть ли не сам пришел в военную прокуратуру...

— Добрый день, добрый день, — приветливо кивнул Субботин. — Вот вы нам опять понадобились. Хочу еще несколько вопросов задать. Как вы к этому относитесь?

— Нормально! — бодро воскликнул Лагус.

— Присаживайтесь. — Субботин указал на стул.

Настроение у него было приподнятое. Дело раскрыто. Осталось поставить точки над «и» и до конца разобраться с Лагусом.

— Ну как, не передумали на юридический поступать?

— Нет пока, — скромно потупился Лагус. — Хотя вы меня где-то убедили, что работа хорошая. Я решил с низов начать, — развивал он свою мысль. — Если уж идти в правоохранительные органы, то сначала в милицию постовым. Заочно на юридический факультет. А там уж карьеру делать можно.

«Хорошо, — подумал Субботин. — Даже не краснеет. Почувствовал себя в безопасности, решил немного над следователем поизголяться».

— Но это все планы. А сейчас скажите, что вам еще о краже известно?

— Больше добавить нечего, — прямо и твердо взглянул на следователя Лагус. — А что случилось?

— Ничего особенного. Преступление в целом раскрыто. Большая роль в его расследовании принадлежит вам, — медленно говорил Субботин, тщетно пытаясь взглянуть хотя бы следы угрызений совести в сидящем напротив человеке. — Вы нам очень помогли, — продолжил он, подумав про себя, что, не подбрось Лагус приемник, пришлось бы еще повозиться. Помощь явная. Только на суде не зачтется.

— Всегда готов, — не моргнув глазом, бодро, как на линейке в школе, воскликнул Лагус. — Но знаете, — вдруг с сожалением сказал он, — жалко и непонятно все это. Живешь в одной казарме с человеком, из одного котла ешь, а он...

Субботин не удивился бы, если бы из глаз Лагуса в этот момент потекли слезы. Артист!

— Да, действительно. Часто живешь бок о бок с человеком и не предполагаешь, каков он на самом деле. Чужая душа — потемки. Впрочем, при известном усилии их можно рассеять.

Лагус уловил в голосе следователя новые нотки, насторожился, но все так же угодливо закивал.

— Давайте поговорим немного на этические темы, — предложил Субботин. — Как вы к этому относитесь?

— Нормально.

— Знаете, сейчас слово «мораль» стали произносить немного с презрением. Моралист — это скучный человек, который лезет ко всем с несовременными истинами и требует от людей жить не так, как им нравится, а как по душе ему самому. Так?

— Так, — кивнул Лагус, непонимающе глядя на следователя.

— Все же я убежден, если понятие «мораль» очистить от всего наносного, от примесей ханжества, станет совершенно ясно, что она — мораль, основа нормального существования любого общества. Людей, которые соблюдают неукоснительно ее нормы, можно только уважать. Вы согласны со мной?

— Так точно! — воскликнул Лагус. Он уже предчувствовал недоброе, но держал себя в руках. — Подлецом быть выгодно, но неприлично.

«Понимает», — отметил про себя Субботин.

— А теперь скажите мне, как бы вы назвали человека, который совершил преступление и сделал все, чтобы к ответственности привлекли его товарища?

— Подлецом, — сдавленно произнес Лагус.

— Да, — согласился Субботин. — Это самокритично. Зачем Сережу-то было в это дело замешивать?

Лицо Лагуса перекопилось, румяные щеки побелели, кожа приобрела восковой оттенок.

— Можно бумагу? — дрожащим голосом произнес он. — Я эту, как ее там, явку с повинной, напишу...

Через три недели Субботин листал пухлое дело. Все расставлено на свои места. Подробно расписано все, начиная от того, кто где стоял во время кражи, и кончая тем, что думал. За это время осень окончательно вошла

в свои права, подул промозглый ветер, зарядили противные дожди.

Работа следователя после ознакомления обвиняемого с делом и выступления с информацией перед личным составом заканчивалась. Осталось допечатать обвинительное заключение, передать на утверждение прокурору и затем — в суд.

Субботин потер виски, положил пальцы на клавиши пишущей машинки. Опять допоздна задержался, уже и транспорт не ходит. Но, когда сдаешь дело в суд, бессонная ночь — это как правило. Он собрался, и пальцы его вновь забегали по клавишам. На листе будто по волшебству пополз текст:

«Обвинительное заключение по уголовному делу в отношении...»

Баку, 1988 год

АЛЕКСАНДР ПЛОТНИКОВ

ПРОФИ

Киноповесть

Летний день на исходе. На улицах сгущаются сумерки, загораются фонари, вспыхивает реклама. Возле кинотеатра оживленная толчея горожан. Из раскрытых окон ресторанов и кафе вырывается музыка, на тяжелых портьерах — танец теней.

Природа в вечерней дреме. Ветер лениво раскачивает ветви деревьев. На горизонте, там, где заканчивается поле тугих колосьев ржи, багровеет закат.

По изрытой гусеницами трассе танкодрома, словно пробивая путь желтым светом фар сквозь пыль и сизый дым, движутся боевые машины пехоты. Они, одна за другой, минуют колейный мост и приближаются к очередному препятствию — «минному полю».

Недалеко от металлических стоек и флажков, которые обозначают взрывные устройства, стоит младший сержант. Он приставил ко лбу руку и, озабоченно хмурия брови,

следит, как лавирует между отметок головная машина. Время от времени младший сержант сплевывает забившуюся в рот полигонную пыль.

Движение по «минному полю» начинает очередная боевая машина. Она наезжает на одну из стоек, поднимает гусеницами флажок. Комья земли веером летят от БМП в сторону младшего сержанта. Он отскакивает, грозит вслед машине кулаком, затем устремляется к телефонному аппарату, пристроенному на валуне, и начинает крутить ручку.

...Участковый пункт управления. В ритме обычной учебно-боевой работы лейтенанты — командиры взводов, сержанты — инструкторы по вождению, солдат-телефонист возле коммутатора. За пультом управления командир мотострелковой роты капитан Вадим Стрельцов. Он напряженно всматривается сквозь стекло туда, где пылят и мигают слабые огни БМП его подразделения. Это тридцатилетний человек с правильными чертами лица, на котором выделяется тяжелый волевой подбородок. Короткая стрижка подчеркивает его мощную шею и покатые плечи.

Зуммерит встроенный в пульт телефонный аппарат. Стрельцов берет трубку и говорит в микрофон:

— Я — «Первый». ...У «33» наезды? Сколько?

Выслушав абонента, он переспрашивает и делает пометки в журнале.

* * *

...Вадим Стрельцов идет по ночной улице. Вокруг ни души. Офицерскую сумку он снял с плеча, намотал ее ремень на руку, и она покачивается в такт его шагам. Стучит он устало, настроение у него далеко не радужное.

Стрельцов поднимается на крыльцо обшарпанного двухэтажного дома, резко и широко распахивает дверь, и она, захлопываясь за ним, сверкает вывеской — «ГОСТИНИЦА КЭЧ МО СССР».

* * *

Вадим на пороге комнатки, которую здесь снимает. Вспыхивает свет от настольной лампы. Белокурая женщина в домашнем халате спешно прикрывает лампу газетой. Это жена Стрельцова — Валентина. У нее нежный овал лица, по-детски припухлые губы и вздернутый но-

сик. Поясок, который Валентина привычно затягивает на боку, выдает фигуру-мечту многих представительниц слабого пола.

Валентина улыбается, глядя на мужа. Вадим предстал перед ней в довольно смешном виде. Входя в жилище, он снял сапоги, намотал портянки на голенища, теперь, в галифе и босой, держит сапоги в руках. Полевую сумку, когда разувался, он повесил на шею. Шаг — и Вадим влетел в мокрое белье, что развешено на веревках, натянутых вдоль комнаты. Он, словно медведь, топчется на месте, освобождаясь из плена мокрых простыней, полотенец, и ворчит:

— Ну, мать, нашла ты место, где развесить.

В угол летят сапоги, сумка, снаряжение. Лицо его остается надушенным.

— Есть будешь? — ласково спрашивает Валя, а сама уже проворно достает из солдатской тумбочки тарелку, ложку, а из-под подушки на кровати небольшую кастрюльку.

Вадим не отвечает ей, засовывает руки в карманы и расхаживает между веревок, сосредоточенно о чем-то думает. Теперь видна вся обстановка их комнатухи: шкаф, стол, выкрашенная половой краской тумбочка, две кровати (на одной из них спит, разметавшись во сне, мальчишка лет шести-семи), три стула и в углу пирамида из ящичков.

— На занятиях что-то случилось?

— Там все в порядке. — Стрельцов отстраняет жену и продолжает мерить комнату шагами. — Надоело все, — говорит он раздраженно. — Жизнь вот эта на ящичках надоела. Бесквартирье и нищета! Увольняться надо. Начать, пока силы есть, все сначала. А, мать?

Валя обнимает мужа за шею и прижимается щекой к его груди. Как бы там ни было, а когда он рядом, ей хорошо, покойно и уютно.

* * *

В кабинете командира полка идет крутой разговор. Подполковник горячится.

— Вы понимаете, Вадим Николаевич, что вас ждет впереди? — говорит он Стрельцову. Отходит к столу, резко разворачивается. — Вы же ничего, ничего, кроме как управлять БМП, стрелять и учить этому солдат, не умеете!..

— Научусь, — твердо возражает капитан, — еще не поздно.

Он стоит посредине кабинета на бордовом ковре, руки держит по швам, но не чувствует неловкость в разговоре с начальником.

— Вадим, — в голосе подполковника звучит дружелюбие, — вспомни наш батальон. Где нас только судьба не испытывала! Дорогу от Термеза, Саланг, Кандагар, Баграм, Джелалабад — все прошли. Теперь живи да служи. Ты же боевой офицер, в почете здесь.

— Я решил, Сергей Петрович, — упрямо твердит Стрельцов.

— У вас нет квартиры. Где собираетесь жить? — Подполковник опять горячится, размахивает руками. — И выслуги-то у тебя всего десять лет, о пенсии и речи быть не может.

— Не надо мне ничего, — говорит Вадим. — Всю службу по частным халунам скитаюсь до по Качевским гостиницам. Так что привычный, а хуже не будет. Еще пятнадцать лет «пахать» по двенадцать часов в сутки и гроши за это получать? Хватит! Идет сокращение армии, вот меня и увольняйте. Специальность моя не дефицитная, замена найдется. Таких, как я, дураков еще немало.

— Капитан Стрельцов! — повышает голос Сергей Петрович. — Вы офицер! Постыдитесь таких слов. — И уже спокойно и устало добавляет: — Да тебя, Вадим, и не уволят. Пришлют документы обратно.

— А вы меня по служебному несоответствию увольняйте. Ну, не дискредитацию же воинского звания мне зарабатывать, товарищ подполковник! — Теперь Стрельцов смотрит на командира дерзко, с вызовом и повышает голос: — Я все равно уйду!

— Стрельцов! Не забывайте! — вскипает командир полка. Но справляется со своими чувствами. — Идите, Стрельцов. И подумайте хорошенько еще раз.

— Я подумал. — Он энергично поворачивается, щелкает каблуками и выходит из кабинета.

Подполковник осуждающе и вместе с тем озабоченно смотрит ему вслед, качает головой.

* * *

Вадим Стрельцов одет по-спортивному: на нем кроссовки, джинсы, футболка. Он стоит возле доски объявлений и записывает на клочке бумаги телефоны организа-

ций, которые рекламируют те или иные вакантные места.

— «Требуется инженер-механик...» Подходяще. Попробуем...

На его предплечье болтается авоська с двумя пакетами молока и свертками.

* * *

В тот день он звонил во многие организации, побывал в некоторых конторах и заводоуправлениях. Устроиться на работу оказалось делом не простым. Специалисты нужны повсюду, но высококвалифицированные и с солидным стажем. Руководители и кадровики, прочитав в его документах — «уволен по несоответствию должности», подозрительно смотрели на Вадима и говорили одно и то же: «Рады бы, но...»

* * *

Вадим Стрельцов бредет по улицам города. В задумчивости перебрасывает авоську через плечо и шагает дальше, не видя людей. Воздух вокруг неожиданно сотрясает солдатская песня:

— «...Не плачь, девчо-о-онка, пройдут дожди! Солдат верне-е-ется, ты только жди!».

По улице идет рота. По всему видно, что солдаты шествуют из бани: раскрасневшиеся довольные лица, под мышками свертки в вафельных полотенцах со штемпелями. Роту ведет бравый прапорщик. В паузе между словами песни он зычно отдает команду: «Рот-та!» Подразделение переходит с походного шага на строевой. Раз, два, три! — звонко хлещут подошвы сапог по мостовой. И песня с еще большей силой сотрясает воздух.

Вадим долго смотрит вслед солдатскому строю.

* * *

У стойки бара в ресторане сумрачно, плавают облака табачного дыма, громкий говор подвыпивших посетителей. Авоська с двумя пакетами молока и свертками стоит в углу. Вадим тянет через соломинку коктейль из тонконового фужера. Другой, уже пустой, стоит перед ним.

Наконец, он справляется с содержимым, отставляет фужер в сторону и вяло машет рукой бармену: мол, повтори. С другого конца стойки за Вадимом с интересом наблюдает, попыхивая сигаретой, молодой человек лет двадцати пяти. Лицо его ничем не примечательно, волосы цвета соломы старательно зачесаны назад; парень высок и широкоплеч. На нем спортивные брюки, кроссовки и легкая рубашка с подвернутыми короткими рукавами, отчего еще заметнее развитые бицепсы.

Он встает и идет в зал, из которого доносится музыка, звон посуды и гомон развлекающихся гостей.

* * *

Стол в углу зала, отгороженный от других декоративной перегородкой. Он обильно заставлен снедью, и за ним довольно многочисленная компания. В центре — мужчина лет сорока, в великолепном кремовом костюме и галстукe типа «бабочка», с холеным лицом и дорогой укладкой пепельной гривы. С обеих сторон к нему прилипли две девицы в откровенно декольтированных нарядах. Правая рука его путешествует от колена и выше одной из них, левую он просунул из-за спины под мышку другой и тискает ее грудь. Девицы похохатывают, что-то наговаривают, будто мурлычат, и по-кошачьи ластятся. Здесь же остролицый и худой молодой человек в сафари откинулся на спинку стула и смотрит стеклянными глазами в одну точку. Гороподобный парень спешно уничтожает цыпленка, жадно посматривая на близстоящие блюда. Молодящаяся особа в дорогом платье, увешанном драгоценностями, смакует содержимое рюмки и неотрывно наблюдает за мужчиной, забавляющимся картами. Молодые люди в легких рубашках с подвернутыми рукавами и старательно зачесанными, крашенными под цвет соломы, волосами.

Именно к этому столу подходит парень, вошедший в зал из бара. Он оказывается возле вальжного мужчины в кремовом костюме, склоняется и нашептывает ему на ухо:

— Шеф, там интересный экземпляр. Шайба — во! — разводит он в стороны руками. — Лакает пойло Эдика и вроде на последние «бабки».

— И что за мысль зашевелилась в твоём черепе? — под смех девиц надменно говорит «шеф», не поворачивая головы.

— Нам же нужен приятель, — заискивающе скалится парень.

— Пощупай его. Возьми Валеру и Сержа, — показывает мужчина на молодых людей, сидящих в конце стола.

Парень распрямляется и едва заметным движением головы дает им знак выйти. Те встают и следуют за ним через зал.

Один из парней протискивается к стойке и становится рядом с Вадимом. Щелкает двумя пальцами и, получив фужер с коктейлем, будто случайно опрокидывает его содержимое на Вадима.

— Что ты делаешь? — Стрельцов отталкивает парня и осматривает залитые джинсы и футболку.

— Чё пихаешься, фраер?! — Парень резко толкает Вадима в плечо.

Стрельцов слетает со стула, балансирует на ногах. Устоять ему не удается. Крепкий удар в челюсть отбрасывает его к стенке. Он встряхивает головой и в следующее мгновение с легким пружинистым подскоком, как боксер на ринге, принимает боевую стойку.

Рассмотрев противника, Стрельцов наносит удар правой рукой от пояса вперед сверху — вниз. Тот обрушивается на Вадима ответный удар. Мелькают руки, ноги, тела, озлобленные лица дерущихся. Одни из клиентов бармена Эдика устремляются к выходу, другие — прижимаются к стенке. Визжат две женщины, оказавшиеся рядом.

Неожиданно для Стрельцова в драку ввязывается второй, соломенногривый парень. Он подскакивает к Вадиму сзади и бьет его в бок. Стрельцов охает, чуть приседает от боли и в тот же момент пропускает серию ударов. Это отключает ощущение боли. Он отскакивает в сторону, делает «вёртушку» и наносит напавшему на него сзади парню удар ногой в лицо. Тот мешком летит к стойке, «собирает» стулья, снолзает с них и замирает в неестественной позе.

Стрельцов снова обрушивает удары на первого своего обидчика. Из-за стойки к дерущимся подбирается бармен Эдик. Но Стрельцов теперь настороже и замечает это. Как только бармен оказывается на досягаемом расстоянии, Вадим делает выпад в его сторону и наносит удар ребром ладони в живот. Эдик сгибается. Стрельцов отпрыгивает, хватая бармена одной рукой за шиворот, а другой за складку на штанине ниже ягодицы и, приподняв от пола, бросает Эдика обратно за стойку. Бармен

врезается головой в деревянную стенку, на которой расставлено множество бутылок и банок с иностранными этикетками, и медленно сползает по ней вниз. Вся эта заграничная тара водопадом обрушивается на него.

Вадим набрасывается на своего главного противника, начинает теснить его. Парень, который все это затеял, устремляется через зал за декоративную перегородку. Он опять возле мужчины в кремовом костюме, склоняется к нему:

— Шеф, Валера лежит, Серж сейчас ляжет. Что делать?

У шефа удивленно ползет вверх бровь. Но он, не поворачивая головы, спрашивает:

— А что Эдик?

— Эдик разбил своей башкой собственную коллекцию... Шеф, сейчас менты нарисуются...

— Вот и спаси этого драчуна от советской милиции. Заодно узнай, кто он?

Парень кидается исполнять приказание, но мужчина в кремовом костюме, оттолкнув одну из девиц, ловко ловит его за штанину. Тот замирает, а затем услужливо склоняется к шефу.

— Попаси его. Слышишь меня, Вова?

— Понял. Сделаю, — скороговоркой отвечает тот и бежит через зал к бару.

А там Серж в горячке вытащил нож. Вова неожиданно для Сержа подскакивает к нему, бьет ногой по руке с ножом и наотмашь рукой по лицу. Нож летит в сторону, а Серж ударяется затылком об стену и с грохотом падает.

— Давай, мужик, за мной! — кричит Вова Стрельцову и тянет его за руку в зал. — Сейчас менты будут здесь, заметут.

Вадим упирается, настороженно осматривает помещение бара, не верит еще тому, что все кончилось.

— Да иди же ты! — тянет его за собой Вова.

У входа в ресторан появляется милиция. Стрельцов вырывается от своего неожиданного «союзника», подхватывает с пола авоську и только тогда идет за ним.

Вова идет через зал к служебному выходу, оглядывается несколько раз на Стрельцова и машет ему рукой — мол, иди за мной. Вдруг он останавливается возле одного из столов, за которым сидят изящная блондинка и породный мужчина, берет с их стола бутылку коньяка и сгребает из тарелки ветчину.

— Пардо-он, мадам!

Вова вталкивает Стрельцова в дверь служебного выхода и исчезает за ней сам. Дородный мужчина за столиком ошалело смотрит на захлопнувшуюся дверь.

* * *

По улице ночного города бредут, пьяно полуобнявшись, Стрельцов и его «спаситель». Время от времени они останавливаются и попеременно отпивают из бутылки. Вова хитрит и старается влить больше коньяка Вадиму. При этом он, как пьяный, заплетающимся языком говорит:

— Вадим, на, закуси, это вкусно, — и сует Стрельцову ветчину.

Затем они бредут дальше. Слышны обрывки фраз: «...Понимаешь, Володя, не берут... Не подхожу я им, видите ли... Вот суки! боевого офицера не уважают... Вадик, давай выпьем... За тебя...»

Вот и гостиница КЭЧ. Когда после многократных прощальных обниманий Стрельцов скрывается за дверь, Вова закуривает сигарету и, пуская тонкой струйкой дым, с презрительной ухмылкой осматривает обшарпанное здание.

* * *

Утро. Яркие солнечные лучи заливают комнатушку Стрельцовых. Вадим, распластавшись, спит в одежде на одной из кроватей. Вот он просыпается, переворачивается на спину и мутным, непонимающим взглядом осматривает свою комнату. Все здесь по-прежнему: обшарпанный шкаф, выкрашенная половой краской солдатская тумбочка... На другой кровати, на краешке, примостилась Валентина и штопает носок мужа. Вся она какая-то поникшая, низко склонила голову над своим занятием и времянами вскрипывает. За столом сидит сынишка Андрейка и увлеченно рисует, высунув при этом кончик языка. Вадим, наконец, начинает понимать что к чему, приподнимается, морщась от головной боли, и глухо говорит:

— Ты это... Прости меня, мать...

— Ага, — кивает Валя и приговаривает, — ага, ты поспи еще. Потом все...

— Ничего, Валь, наладятся наши дела...

— Я так же думаю, Вадик. Только вот администра-

торша говорит, чтобы выселялись отсюда. — Валентина опять всхлипывает.

— Ничего, ничего, Валя. Образуется все, — успокаивает жену Вадим.

— Пац, а когда мы пойдем в тир? — встревает в их разговор Андрейка. — Ты обещал!

— А, действительно, сынок, почему бы нам с тобой не пойти в парк и не пострелять, — говорит Вадим, поднимаясь с кровати, и виновато смотрит на жену.

* * *

Городской парк культуры и отдыха. Крутится «Чертово колесо», гремит музыка. Визг и детский смех, где работают аттракционы. Горожане, веселые и беззаботные, прогуливаются по аллеям. Возле стрелкового тира толпа зевак. Слышны восхищенные возгласы: «Ну, дает парень!», «Вот это, да!», «Если на приз стрелять начнет, обанкротит их...» Стрельцов в это время прицеливается и нажимает на спусковой крючок. Очередная фигурка от попадания в нее пульки перевортывается.

— Опять есть! — кричит кто-то из наблюдающих.

А Вадим разворачивается теперь спиной к зайцам и медведям, вскидывает винтовку на плечо и с помощью зеркала наводит ствол на одну из целей. Щелчок выстрела — и на стенде крутится ветряная мельница. Недалеке от стрелкового тира стоит, прислонившись к дереву и скрестив на груди руки, вчерашний ресторанный знакомый Стрельцова. Он с любопытством смотрит на происходящее. Однако, как только Вадим поворачивается лицом в его сторону, тот скрывается за деревом.

— А сейчас на приз, — говорит Стрельцов служителю тира и протягивает рубль.

— На приз! На приз! — восторженно кричит Андрейка и еще выше забирается локтями на стойку.

— Нет уж, нет, — отмахивается от него служитель. — Нет у меня призов...

Люди вокруг смеются: «Струсил!», «Давай ставь мишень!», «Без штанов с таким стрелком останется!» Вадим тоже задорно и раскатисто смеется.

— Ну, ладно, — говорит он служителю, — давайте нам десять пулек. Орел мой стрелять будет.

Стрельцов упирается коленом в стойку, сажает верхом на свое бедро Андрейку и объясняет сыну, как нужно прицеливаться из винтовки.

Андрейка стреляет по фигуркам и при явной, но деликатной помощи отца несколько раз попадает в цель. В эти мгновения он ликует, тормошит Стрельцова:

— Пап, пап, смотри: попал!

Вадим и Андрейка идут по парку культуры и отдыха. Мальчишка улетает эскимо, увлеченно рассказывает:

— ...Петька забрал у Катьки велосипед. Я ему сказал: «Отдай!»

— Ну, и что? Отдал? — поддерживает разговор Стрельцов.

— Не-е, никак не отдает. А Катька плачет.

— А ты что?

— Я ему тогда дал.

— А Петька что?

— Заревел...

— Ты того, друг, не увлекайся. Поменьше откусывай, а то заболеешь.

— Не-е, не заболею, — мотает головой Андрейка.

За ними тенью, прячась за прохожими, следует «званкомый» Вадима Стрельцова.

* * *

Вадим Стрельцов появляется в вестибюле гостиницы КЭЧ. В руках у него сумка. Видимо, в поисках работы он заходил еще и в магазин, выполняя поручения жены. Он измотан бесполезными хождениями по организациям.

— Вадим, — окликает его дежурная по гостинице, пожилая и седая женщина в старомодных очках. — Вадим, вам письмо.

Стрельцов ставит на пол одну сумку, берет безразлично конверт, снова подхватывает свою поклажу и говорит в окошечко дежурной:

— Спасибо, Марья Николаевна.

Мария Николаевна с беспокойством — все они тут дети для нее, жалеет она их — смотрит вслед Стрельцову через сползшие на кончик носа очки.

Вадим удрученно бредет по коридору в свою комнатушку. За ним устремляется администратор, молодящаяся и накрашенная особа. Она шумит:

— Товарищ Стрельцов. Товарищ Стрельцов!

Вадим останавливается и с тоскливым вздохом поворачивается к ней. А она демонстративно громко выговаривает ему:

— Товарищ Стрельцов, вы уже не военнотрудовой и обязаны освободить служебную жилплощадь. Мне командировочных расселять некуда. Я уже говорила об этом вашей жене...

Вадим вдруг преображается: дерзость и злость на его лице. Неожиданно он поднимает руки и опирается о стену так, что администратор гостиницы оказывается между двумя сумками. Он педит сквозь зубы:

— Я уйду скоро, уйду. Но ты не тронь меня, не тро-о-нь! А мою жену тем более.

Так же резко Вадим отталкивается от стены и заходит в свою комнату. Накрашенная особа некоторое время испуганно вращает округлившимися глазами, потом взвизгивает:

— Я буду жаловаться!

* * *

Стрельцов у себя дома. Валентина хлопочет возле сумок, достает из них продукты и, посмеиваясь, рассказывает Вадиму, как отводила Андрейку в детский сад.

— Представляешь, бредет за мной, сонный такой, то вдруг остановится и землю носком ковыряет. Я его спрашиваю: «Что с тобой?» А он мне говорит...

Стрельцов присел к столу, устало облокотился на него. Словно издали доносится до него голос Валентины:

— ...А он мне говорит: «Скорей бы зима». А я ему: «Ой, холодно ведь будет». А он: «Вот и хорошо. Я бы ползал снежку и заболел. Тогда бы ты не тащила меня в садик, а в кровать положила и сказки рассказывала...»

Вадим вспоминает про письмо, берет его со стола и вскрывает. Он пробегает глазами текст и перебивает Валентину:

— Подожди. Послушай, что здесь написано. «Уважаемый товарищ Стрельцов! — читает он вслух. — Просим Вас зайти в горуправление объектами культурно-бытового назначения к начальнику снабжения тов. Н. И. Смоляникову по поводу Вашего трудоустройства. Начальник управления А. И. Калистратов. Телефон...»

Валентина так и осталась на том месте, где Вадим оборвал ее рассказ о сынишке, только по-бабьи вскинула руки к лицу, прикрыв слегка пальцами губы. Вадим и Валентина смотрят друг на друга. В их глазах — неожиданная радость, надежда и в то же время недоумение.

— Я не обращался в это горуправление, — прерывает эту паузу Стрельцов. — А может, и обращался, да забыл?

— А ты сходи туда, Вадик, сходи. Может, удача там.

* * *

Вадим Стрельцов в кабинете, довольно вместительном, отделанном со вкусом, что называется под дуб, где на стеллажах множество книг в ярких обложках и расставлены заграничные безделушки. Он расположился у стола и беседует с хозяином этих апартаментов, который сидит так, что видна больше его спина. Однако, по дорогой укладке пепельных волос, в нем угадывается знакомая персона. У него приятный баритон, и говорит он неторопливо, словно придает особое значение каждому слову.

— Возможно, мы ошибаемся. Идем не по тому пути в этом благородном, как я считаю, деле. Эксперимент есть эксперимент...

Мужчина разводит руками, и теперь видно его лицо. Это тот самый вальяжный человек, которого называли «шеф» в весьма сомнительной компании, в ресторане. Только сейчас на нем не кремовый костюм, а деловой, черный. И нет легкомысленной «бабочки», а вместо нее строгий галстук с изящной бриллиантовой булавкой.

— Этот эксперимент очень нужен нам, инициативной группе ученых, для подтверждения разработанной концепции воспитания трудных молодых людей с неустойчивой психикой, из неблагополучных семей, склонных к нарушениям правопорядка, в том числе и ранее судимых. Суть теории. Мы считаем, что мужские занятия способствуют изменению характера молодого человека, переориентируют его наклонности...

Вадим внимательно и настороженно слушает философиствующего хозяина кабинета, который, кажется, увлекся и теперь расхаживает по ковровой дорожке.

— ...В частности, — продолжает мужчина с бриллиантовой булавкой на галстуке, — мужскими занятиями мы считаем военную подготовку. А стало быть, нуждаемся в таких людях, как вы, Вадим Николаевич. Вы — профессиональный военный, и вряд ли вас интересует теоретическая часть этого дела. Так что приступим к той части беседы, которая для вас будет более занимательной. Инициативная группа ученых предлагает вам провести курс военной подготовки с нашим контингентом,

— Как вы представляете себе этот курс? — вяло спрашивает Стрельцов.

— Занятия по огневой подготовке с использованием стрелкового оружия — пистолетов, автоматов, гранатометов. Все всерьез и по-настоящему. Занятия по тактике ведения боя на пересеченной местности и в населенном пункте. Занятия по физической подготовке с изучением приемов рукопашного боя. Эти и еще ряд предметов входят в трехмесячный курс обучения. В случае согласия, вы получите программу обучения, утвержденную советом инициативной группы.

— Вы представляете, что такое тактическая подготовка? — с ухмылкой говорит Стрельцов. Ему явно не нравится этот гражданин вместе с его сомнительной идеей. — Для того чтобы ее организовать с вашим «конtingентом», нужно хотя бы гектаров пяток землицы, куда бы не забрели, случаем, грибки или колхозные коровы. Надеюсь, вы не здесь, в управлении объектами культурно-бытового назначения, собираетесь проводить подобные занятия?

— Кажется, я кое-что упустил, — будто не замечая интонации в голосе Вадима, продолжает хозяин кабинета. — Вас, видимо, смущает, что я здесь, в этой организации. Это временное явление. Не сошелся, знаете ли, во взглядах с руководством НИИ, где я раньше работал. Однако в жизни ведь так: что-то теряешь, а что-то находишь. Сейчас у меня больше времени для занятий научной работой. А теперь по поводу гектаров, как вы сказали, землицы. Есть такая. Совету нашей инициативной группы удалось получить в пользование полигон, ранее принадлежавший одной из воинских частей. Часть расформировали в связи с сокращением Вооруженных Сил. Территория, как записано в соответствующем документе, предназначена для проведения эксперимента. Хвала и слава народным депутатам за то, что такое стало возможным. Да, кстати, ваца армейская зарплата? Сколько?

— Ну, я был комроты, капитан... Триста на руки.

— Не густо, Вадим Николаевич, не густо... Мы предлагаем вам девяносто рублей в месяц. И еще вопросик: как у вас с жильем?

— Живу в гарнизонной гостинице.

— Состав семьи?

— Я, жена и сын.

— Не обещаю вам вот сейчас, сразу, трехкомнатную квартиру в престижном районе города. Но недельки че-

рез две-три разговор по этому поводу состоится. Вам предоставят аванс для того, чтобы вы смогли уплатить первый взнос за кооперативную квартиру, и, предполагая, что сразу такую и займете. При добросовестной работе фирма гарантирует скидку за жилье процентов этак на восемьдесят. Устраивают вас наши предложения?

Все, черт побери, все сейчас в руках Стрельцова. Скажи «Да!», и есть квартира, которую так долго-долго ждал. Деньги! Ведь их так не хватает. Счастье «в шалаше» Стрельцов познал сполна.

— Гарантии всему, что вы обещаете?!

— После того как вы поставите подпись на бланке договора, аванс в пятьсот рублей и оформленные в исполкоме документы на кооперативную квартиру.

* * *

Дикий мужской хохот. Конопатый, белобрый парень пытается завязать шнурок без помощи рук на форменном ботинке. Владелец этой обуви, худощавый мужчина лет тридцати, надменно отставил ногу и с ехидной растяжкой губ посматривает на того, что копошится внизу. Конопатый берет один конец шнурка зубами, затем другой и пытается сделать из них петлю. Толпа вокруг визжит от восторга.

— От-ставить!

Грубо расталкивая собравшихся, в круг входит Вадим Стрельцов. На нем полевая форма ВДВ. Он грозным взглядом скользит по лицам собравшихся.

— Ржа в картишки проигрался, начальник, — кивает на конопатого здоровенный парень лет двадцати, вместо улыбки на лице которого получается оскал из-за шрама, что тянется от верхней губы к уху. — Вот и рассчитывается теперь.

Внешний вид всех остальных, оказавшихся здесь, под стать этому здоровяку — настороженные, звероватые лица. Из-под расстегнутых у многих на груди полевых курток выглядывают всевозможные татуировки. С первого взгляда видно, что жизнь этих мужиков потаскала изрядно.

— Карты, — требует Стрельцов. Он согнул в локте руку и ждет, когда на его ладони окажется колода.

Человек со шрамом заговорщицки подмигивает конопатому Рже. Тот под смех толпы юродствует:

— Пожалуйста, начальник! Возьми, может, согдится в минуты отдыха. Интересное, скажу тебе, занятие в одиночестве. — И смастерив умелым движением пальцев из колоды карт небольшой веер, кладет ее на широкую ладонь Стрельцова. Мужики хохочут.

Вадим бросает небрежный взгляд на порнографические картинки, слегка подкидывает их на ладони и со злой иронией говорит:

— Кажется, шестая. Подташнивает от ваших «подарочков». У вас что? Фабрика?

— Сколько хочешь рисуем, начальник! — кричит кто-то из толпы.

— Я просил вас не называть меня «начальником». — В голосе Стрельцова звенят металлические нотки, вся эта сцена начинает ему порядком надоедать.

«Контингент» все равно не успокаивается. К Стрельцову подсакивает худой, щербатый парень и, жестикулируя, явно рассчитывая на успех, потому, что все время, почти после каждого слова оглядывается, шенелявит.

— Сто, насальник? Тя, мозет, «спец» звать? А? А мозет, «профессор?» А? Не-е, длинно. Лусе — «профи». А? Тосьно, «профи»!

— Хватит! — вдруг раздается пз-за спин, образовавших круг. Это похоже на рык крупного, сильного зверя.

На только что смеявшихся лицах даже и улыбок не остается. Все, как по команде, поворачивают головы на этот звук. А по возникшему проходу к Стрельцову уже идет высокий парень. Он широкий в плечах, камуфляжная летняя куртка, заправленная в брюки такой же расцветки, обтягивает его спортивный торс. И без того развитые, жилистые руки парня, при закатанных рукавах кажутся огромными. У него короткая стрижка — совершенно седой ежик волос. У Стрельцова такое ощущение, будто этот человек смотрит на него одним глазом, или умышленно демонстрирует свой красивый профиль, повернув голову чуть вправо. Но он приближается, и Вадим замечает, что правая сторона его лица обезображена сильнейшим ожогом.

Парень останавливается в нескольких шагах от Стрельцова. Они изучающе смотрят друг на друга. Вадиму в какую-то секунду кажется, что он где-то уже встречался с этим человеком — очень запоминающийся, выразительно красивый он в профиль. Однако все его мысли сейчас поглощает одно: слово этого седого здесь значит больше,

чем его, Стрельцова. И он настороженно следит за каждым движением парня.

— Шумят мужики, — с усмешкой бросает, кивая на парней, Седой. — Застоялись, как кони. Не обижайся. Делай свое дело.

Стененно поворачивается и идет прочь. Стрельцов смотрит ему вслед, а потом резко командует:

— Становись!

Толпа повинуется, приходит в движение. Несколько минут тому назад эти мужики, похоже, были неуправляемыми, а сейчас суетятся, стараются побыстрее занять место в строю.

— Равняйся! На первый — второй — рассчитайся!

* * *

Полоса препятствий. «Перевоспитуемые» один за другим преодолевают «Лабиринт». Они потные и пропыленные. Из глоток вырывается натужное дыхание.

Паренек лет восемнадцати, в черной робе, ползет под проволочное ограждение. За ним следом под проволоку ныряет Шепелявый. Он довольно быстро двигает локтями и коленками и скоро нагоняет своего «товарища», который усердствуя, избивает ботинками песок перед его лицом. Шепелявый чертыхается, слишком высоко поднимает зад, цепляется брюками за колючку, пытается освободиться. Стрельцов шагает через проволоку, приподнимает его за штанину и отцепляет. Тот устремляется вперед и грозит парнишке в черной робе:

— Сейчас я тебя достану!

Подопечные Стрельцова прыгают в окоп, бросают в цель учебные гранаты, скачут через ров с водой, гуськом перебираются через препятствия по бревну. Некоторые из них не удерживают равновесия и падают в яму. Вылезают они оттуда, перепачканные глиной, и снова карабкаются на бревно.

Возле фасада разрушенного здания — заминка: те, что бежали первыми, не сумели миновать это препятствие с первого броска и теперь мешают это сделать другим. Кто-то пытается подсадить к оконному проему.

К «фасаду» подходит Стрельцов. Он рукой отстраняет толкающихся здесь, освобождая таким образом дорожку к препятствию, затем отходит от «здания» на несколько шагов и бежит к нему легко, пружинисто, «накатывая» скорость. У основания деревянного строения он де-

лает рывок и взбегает по вертикальной стенке до того уровня, что голова и плечи его заслоняют часть оконного проема. Тут он вскидывает руки и цепляется за доску, имитирующую подоконник. В следующую секунду Вадим ставит ногу в упор, пружинит на ней и исчезает за фасадом. Вскоре его фигура мелькает в другом окне «здания». С прежней легкостью спускается он по разрушенной лестнице и прыгает на землю.

— Молоток! — выкрикивают из толпы учеников.

— Цирковой номер «А ля Профи»!

Стрельцов будто не замечает их, снова подходит к основанию препятствия и говорит:

— Это упражнение можно выполнять и по-другому. Показываю.

Он подпрыгивает, цепляется за доску-подоконник, зависает на секунду-две и рывком, как на турнике, делает выход на обе руки. В следующее мгновение Вадим ставит ногу в упор и встает во весь рост в оконном проеме. Теперь Стрельцов смотрит на задравшие головы учеников сверху вниз. В поле зрения Вадима попадает Седой, как всегда усмехающийся, с хитринкой в неповрежденном глазе.

* * *

Вдоль поляны расставлены столы. За каждым из них по двое учеников Стрельцова. По команде Вадима: «К разборке оружия приступить!» — они раскладывают детали автоматов, а по сигналу: «К сборке оружия приступить!» — собирают АК-74. Стрельцов прохаживается возле столов, наблюдает за действиями обучающихся. Время от времени он оглаживает у какого-либо места тренировки и делает замечания, оказывает помощь.

За одним столом вспыхивает ссора. Парень со шрамом на щеке орет на коренастого, широколицего соседа:

— Цыган, ты зачем, козел, мою шукувину залапил? Гови сюда!

— Я тебе за «козла» пасть порву, сволочь! — кидается на него Цыган.

Стрельцов подскакивает к ним, дергает за плечо парня со шрамом и отталкивает в грудь Цыгана. Они от неожиданности затихают, а Вадим, воспользовавшись эгим, ровным голосом, как ни в чем не бывало, говорит:

— Не стоит ссоры. И кстати, — тут он забирает из рук Цыгана деталь от автомата соседа и бросает ее на

стол, — эта штукавина называется «возвратная пружина». Части оружия нужно раскладывать в правую сторону каждому, тогда не будете путаться.

Стрельцов отходит от этого стола, а Цыган злобно ворчит: «Я тебе этого, Резаный, не забуду!» «Заткнись!» — огрызается тот. И тут же окликает Вадима:

— Эй, Профи! Чего ты заладил: разбирать — собрать. Что, без такой драчиловки из этой пушки стрельнуть нельзя?

— Хорошо, думаю, нельзя, — отвечает Стрельцов, продолжая размеренно шагать вдоль столов. — Руки к оружию должны привыкнуть, автоматизм движений должен появиться.

— Ха! Я, может, лучше тебя из нее шарахну, — не понимает Резаный. — Ха! Знакомая игрушка. Давай на спор, Профи!

Большинство завершили сборку автоматов и теперь с любопытством ожидают исхода этой перепалки. Одни из них облокотились при этом на столы, другие в качестве опоры держат оружие в руках. Стрельцов скользит по ним взглядом, опять видит ухмыляющегося Седого и, резко повернувшись к Резаному, с придыханием говорит:

— Острых ощущений захотелось? Изволь!

Стрельцов расстегивает офицерскую полевую сумку и вытаскивает из нее сигнальную ракету.

— Когда дойдешь вон до того бугра, — Вадим указывает рукой на возвышенность, виднеющуюся километрах в двух-трех, — дернешь за эту веревочку, и начнем! Каждому по двадцать боевых патронов. После ракеты можно открывать огонь и двигаться навстречу противнику. Крестики-нолики подбьем в старом окопе, он посередине между высотой, на которую ты выйдешь, и вот этим местом, где я стою. Если будет, кому это сделать.

Стрельцов идет к столу, за которым стоит Резаный с отвисшей челюстью. Стрельцов на ходу бросает Резаному сигнальную ракету. Тот ловит ее, приходит в себя и, прищурив глаза, словно целится в Вадима:

— Ну, что ж, давай попробуем судьбу.

— На! — Стрельцов выгребает из накладных карманов куртки и брюк боевые патроны и кладет на стол перед Резаным. — На, считай!

— Раз, два, три... — отсчитывает тот.

Вадим внезапно накрывает ладонью руку Резаного, Их крепко сбитые фигуры нависли над столом. Они испуганно смотрят друг другу в глаза. Резаный не выдержи-

вает тяжелого взгляда Стрельцова, тянет свою руку к себе.

— Я даю тебе фору: можешь взять напарника, — глухо произносит Вадим.

— Напарника, говоришь, — кривит губы Резаный и, не поворачивая головы, кричит: — Крыса!

К нему подбегает прилизанный, остролицый парень.

— Со мной пойдешь!

Крыса подходит к Вадиму, сгребает патроны, на его физиономии хитрая улыбка.

— Может, не надо? — слышит Вадим чей-то нерешительный голос.

— Пусть побалуются, — звучит следом голос Седого.

Стрельцов поворачивается на голос, снова видит хитрый глаз и ухмылку этого человека.

— Все на «вышку», — отдает команду Вадим и посылывает «контингенту» на участковый пункт управления.

Все бредут туда, куда указал Стрельцов. Мимо проходит Седой:

— Не пугай народ. На «вышку» прокурор отправляет.

Стрельцов сидит на сложенном из кирпича столбике, некогда обозначавшем исходный рубеж, снаряжает магазин и время от времени поглядывает, как шагает по полю Резаный и семенит за ним Крыса. «Контингент» уже на участковом пункте управления, прилип к стеклам. Когда Резаный и Крыса превращаются в черные точки, Вадим встает, передергивает затвор, ставит автомат на предохранитель, берет его за ствольную коробку правой руки и так стоит, всматриваясь в даль.

От бугра, где должны сейчас быть Резаный и Крыса, взлетает белая ракета. Яркий шар брызгает снопами искр, шуршит и зависает над полем. Впереди Стрельцова, метрах в тридцати, взвиваются султанчики пыли вперемешку с комьями земли. Следом тишину нарушают повизгивание пуль и треск автоматной очереди. Новые султанчики взрывают землю значительно ближе к Стрельцову. Теперь автоматные очереди звучат почти беспрестанно, но они короче первых — Резаный и Крыса, видно, схватились и начали экономить патроны. Несколько пуль впиваются в грунт недалеко от места, где по-прежнему во весь рост стоит Стрельцов.

Вадим вдруг срывается с места и стремительно пробегает дистанцию в 50—60 метров, внезапно останавливается и совершает мощный прыжок в сторону. Приземля-

ется он на автомат, который ухватил в воздухе свободной рукой за цевье, делает кувырок через голову и откатывается в сторону. Над ним взвывают пули и буравят землю в том месте, где он делал толчок для прыжка. Вадим вскакивает и мчится по полю. Так он достигает старого окопа, прыгает в него и прижимается спиной к черным от времени, солнца и непогоды бревнам. Прикрыв глаза, он отдыхает несколько секунд. На его лице грязевые потеки, ко лбу прилипла мокрая прядь волос.

Пригнувшись, Вадим бежит по окопу. Из травы, метрах в десяти от бруствера, торчат головы Резаного и Крысы.

— Ты оттуда, а я вон оттуда, — указывает Резаный. — Прочешем эту яму.

Как две змеи, они расползаются в разные стороны. Стрельцов настороженно прислушивается к тому, что делается наверху. Вот он улавливает звук, который все усиливается. Возле бруствера — Резаный. Он натужно сопит, крутит головой. Наконец решается и лезет в окоп. Стрельцов ловит его за воротник куртки и рывком сдергивает вниз. Тот кричит, врезается лбом в дно и захихает. Вадим выбрасывает из окопа автоматы и выбирается сам.

Пригнувшись, по автомату в каждой руке, он бежит вдоль окопа. Вдруг замирает, опустившись на одно колено. Слышатся шаги, прерывистое дыхание. Стрельцов кладет оружие на траву и подползает к краю окопа. Как только Крыса подходит к этому месту, Вадим запускает руку в окоп и ловит своего противника за ухо. Тот от такой неожиданности даже не вскрикивает, а, морщась от боли, лезет наверх, куда тянет его Вадим. Стрельцов забирает у него автомат и отталкивает от себя.

Крыса, перепуганный и бледный, смотрит округлившимися глазами на Стрельцова. Вадим поднимает автомат и наставляет ствол на Крысу.

— Ты зачем, Профи? — лепечет Крыса пересохшими губами. На лбу его выступает испарина. — Не надо, не надо! — приговаривает он и пятится. И вдруг дико кричит: — А-а-а!

Вадим нажимает на спусковой крючок. Из ствола в направлении Крысы вырывается снап огня, тархтит длинная очередь.

Вадим закидывает автомат на плечо, склоняется за двумя другими. Крыса стоит на полусогнутых ногах, словно окаменевший. Он приходит в себя, осматривает вначале руки, ноги, живот, потом начинает их ощупывать.

Стрельцов нагрузился уже оружием и наблюдает за ним.

— Пошли, «герой», — говорит он Крысе. — Холостыми я в тебя палил... — Вадим поворачивается и идет в сторону участкового пункта управления.

Крыса хватается за живот и стрелой мчится за куст. Там он копошится, видно только его озабоченное лицо, но и оно в следующее мгновение исчезает.

* * *

Стрельцов подходит к участковому пункту управления. Два автомата у него на одном плече, третий — на другом. «Контингент» скатывается по крутой лестнице участкового пункта управления, высыпает навстречу Вадиму и замирает в отдалении, разглядывая его, словно в первый раз, во все глаза. Вдруг мужчина, у которого Ржа завязывал шнурок на ботинке, делает нерешительный шаг вперед и, вытянув лицо, почти шепотом спрашивает:

— Чё, Профи? Кончил их? Да?

— Сейчас придут, — невозмутимо отвечает Стрельцов.

Он подходит к бочке, что стоит возле участкового пункта управления, дсверху наполненной дождевой водой, за край которой зацеплен проржавевший ковш. Вадим берет его, черпает воду и приподнимает. Желтоватая, затхлая вода струится из множества дыр. Стрельцов начинает расстегивать куртку. Он поворачивается к только что спрашивающему, протягивает ему ковш:

— На, полей.

Тот семенит к нему, услужливо берет за ковш. Вадим с удовольствием подставляет спину под прохладную струю воды, плещется, покряхтывает, фыркает и приговаривает:

— Давай-давай, не жалеЙ!

Все остальные наблюдают за этой сценой. Одни — с восторгом, другие — со страхом, третьи — с ненавистью.

Появляются Резаный и Крыса. Их одежда заляпана грязью, лица в потеках. У Резаного на лбу ссадина, а у Крысы одно ухо неестественно пунцовое и припухшее.

* * *

Мелькает множество серых от пыли ботинок, слышатся топот и хриплое дыхание. «Контингент» совершает марш-бросок. За плечами у каждого увесистый вещевой

мешок и железная болванка с прилаженной к ней веревкой, вроде как автомат. Стрельцов легко и свободно бежит впереди строя. Вдруг он резко сворачивает в сторону, машет бегущим впереди рукой: мол, давай дальше. И останавливается. Вадим замечает, как от строя отделилась фигура и скрылась за кустом. Стрельцов устремляется туда.

Шепелявый укрылся, как ему кажется, и отсыпает из мешка песок. Вадим останавливается возле него. Шепелявый не замечает Стрельцова, пыхтит, утирает со лба пот и ополовинивает поклажу.

— Насыпай обратно, — произносит строго Вадим.

Шепелявый некоторое время оторопело смотрит на него, потом ерет:

— Посел ты... Достал! Меня так в зоне не рвали! — Он вскакивает на ноги, весь трясется и продолжает орать: — Сам тащи этот мешок и железяку эту хренову! А я не хосю, не хосю! Вот те! — С этими словами он перекрестывает предплечья и показывает эту фигуру Стрельцову. Вадим коротким ударом в челюсть опрокидывает его на землю. Шепелявый ползает по траве, горстями заталкивает песок в мешок и слезливым голосом выговаривает:

— Тя сто, этому в армии усили? Бугай!

Строй тем временем удалился от этого места на несколько сотен метров. Клубы пыли стелются за бегущими людьми. Стрельцов подгоняет Шепелявого тумаками. Тот огрызается, но бежит и скоро они сливаются с серыми спинами топавших человекороботов.

* * *

Комната, канцелярские столы с разбросанными на них бумагами, стеклянные шкафы с папками на полках. Слышны томные вздохи, сладострастные мычания. На диване — молодящаяся особа и мужчина, который забавлялся картами, известные по встрече в ресторане.

Неожиданно открывается дверь. На пороге тот человек, которого называют «шеф». Увидев эту сцену, он спешно закрывает за собой дверь и шипит, как разъяренный гусь.

— Валет! Рыжая! Совсем снятели. Хоть бы пору закрыли!

Те вскакивают, прихоращиваются. Рыжая игриво говорит:

— Фу, какой ты, Крез, злой и грубый.

— Заткнись! — перебивает ее шеф. — И не Крез, а Николай Иванович Смоляников. Заруби это себе на носу и помни, когда переступаешь порог этой конторы. Зайди ко мне!

— Он выходит из комнаты. Рыжая целует в щеку Валета и щебечет:

— Не печалься, дорогой, я скоро приду.

* * *

Рыжая в кабинете Николая Ивановича. Она сидит в кресле, высоко закинув ногу на ногу, курит длинную сигарету и, смакуя, время от времени запрокидывает голову, пускает в потолок струйку табачного дыма. На ее коленях — перламутровая сумочка.

— Мне нужна трехкомнатная хата в приличном районе, — говорит Крез. Он сидит за столом, откинувшись на спинку кресла, барабанит пальцами по столешнице. — И уж, конечно, не с видом из окон на помойку.

— Государственная или кооперативная? — рассматривая, как стелется дым от сигареты, спрашивает Рыжая.

— Кооперативная.

— Да, так лучше. С государственной сейчас много хлопот, — А деньги?

— Перед тобой, — показывает Крез на конверт, что лежит у него на столе.

Рыжая прячет конверт в сумочку, не любопытствуя, что в нем. Крез протягивает ей плотный лист бумаги с машинописным текстом, на котором наклеена фотография.

— Оформишь на этого парня.

Рыжая рассматривает фото.

— А он, видно, ничего мужик, этот Стрельцов.

— Но ты его, думаю, не заинтересуешь! — перегнувшись через стол, с издевкой бросает Крез.

* * *

Возле гостиницы КЭЧ — крытый брезентом грузовик. Входная дверь в это прибежище бездомных и командировочных военных открыта настежь и подперта кирпичом. Груачики таскают ящики, коробки и закидывают их в кузов. Появляется Стрельцов с тюком в руках, за ним важно шествует Андрейка и несет небольшую коробочку. Вадим вталкивает в брезентовую утробу свою ношу, от-

правляет туда же «груз» сына, идет к распахнутым дверям гостиницы. Андрейка вприпрыжку бежит за ним.

Грузчики тащат шкаф и, переругиваясь, достигают вестибюля, где, наблюдая за происходящим, стоит, поджав губы и скрестив на груди руки, администраторша. Один из профессиональных тяжеловесов, рослый и рукастый парень в засаленном кефи, раздевает ее глазами. Он, заглядевшись, спотыкается о ковровую дорожку и выпускает из рук шкаф. Товарищи его липаются опоры с одной стороны, пытаются удержать груз в прежнем положении и отчаянно костерят парня.

* * *

Комната Стрельцовых. Здесь хлопочет Валентина, укладывая вещи. Ей помогает Мария Николаевна — смеющаяся дежурная по гостинице.

— Так все спешно, — причитает Валя. — Вечером сказал, что переезжаем, а с утра уже вон машина приехала.

— Голому собраться — только подпоясаться, — говорит Вадим, появившийся на пороге. Он слышал слова жены, и ее заботы кажутся ему несерьезными. Он веселый и, похоже, горд тем, что так скоро получил квартиру.

— И то правда, — подхватывает Мария Николаевна. — На-ка вот, Вадим. Неси давай, — подает она ему еще один узел.

— И тебе, Андрейка, работа есть. — С этими словами она вручает мальчику сверток и легонько подталкивает его к двери.

* * *

Парень в кефи все-таки выбрал подходящий момент: прижал администраторшу к стенке, тискает ее и что-то нашептывает на ухо. Она слегка, больше для вида, сопротивляется, отталкивает его. Грузчики идут по коридору, оглядываются на них, похохатывают. Парень, наконец, оставляет администраторшу и идет вслед за товарищами.

— Хулиган какой! — вскрикивает она, но совсем не сердито и озирается по сторонам.

* * *

Вечер, новая квартира Стрельцовых. Вадим и Валентина стоят обнявшись на просторном балконе, перед ним

как на ладони раскинулся городской ландшафт. За их спиной Андрейка затеял игру с мячом. Время от времени он выкрикивает: «Я — Марadona, я — Марadona!» — и носится по ярко освещенным комнатам, холлу. Мебель Стрельцовых — все те же две кровати, стол, обшарпанный шкаф... — уже расставлена, но комнаты кажутся пустыми. Вадим и Валя повернулись на выкрики сынишки, смотрят на него и счастливо смеются.

* * *

Грохот выстрела. Шелестит трассер. Вспышка разрыва на склоне зеленого холма. Следом — душераздирающий вопль: «А-а-а...» Конопатый Ржа зажал ладонями уши, орет и крутится волчком на одном месте. На траве — брошенный им гранатомет. Невдалеке — «контингент».

Стрельцов подходит к Рже, берет его за рукав и крепко встряхивает. Ржа перестает орать и смотрит на Вадима круглыми от испуга глазами.

— Я же объяснил, — говорит Стрельцов, — что до того, как нажать на спусковой крючок, надо открыть рот, так меньше давления на перепонки.

— Где не надо, там пасть умеете открывать, — это он обращается уже к своим «ученикам». — Показываю, как нужно производить выстрел.

Стрельцов поднимает с земли гранатомет, встает на одно колено и, вскинув «трубу» на плечо, изготавливается к ведению огня. Он замер на несколько секунд в этом положении, рот его полуоткрыт. Гремит выстрел. Трассер с шелестом рассекает воздух. Вспышка на зеленом склоне холма — и от мишени в разные стороны летит щепка. Вадим встает с колена, идет к «контингенту».

— Кто выполняет упражнение следующим? — спрашивает Вадим.

Обучающиеся с опаской поглядывают на гранатомет. Из толпы выходит Седой.

— Давай, Профи, — говорит он и протягивает руку за гранатометом. — Я попробую.

Седой споро выходит на рубеж открытия огня, привычно изготавливается к стрельбе. Выстрел — и граната в щепу разносит мишень на холме. Седой идет к наблюдающим за его действиями, как всегда, чуть развернув голову, словно демонстрируя свой красивый профиль. Вадим не сводит с него глаз.

Валентина Стрельцова в большой светлой кухне. Она тихонечко напевает модную эстрадную песенку и шинкует овощи. На плите дымятся кастрюли. Валя выглядит мило, по-домашнему, на ней легкий ситцевый халатик, белокурые волосы подобраны цветастой косыenkой.

Неожиданно раздается трель электрического звонка. Валентина открывает входную дверь. На пороге гороподобный парень (мы его уже видели в ресторане, жадно пожирающим пышенка, в кругу странной компании).

— Здравствуйте, здравствуйте, — быстро говорит он. — Вот вы какая, Валентина Стрельцова. Рад, очень рад с вами познакомиться. — Не переставая сыпать словами, толстяк теснит Валу вовнутрь квартиры. — А я — директор торговой базы. Маленькой такой, но торговой. Зовут меня Кирилл Семенович Ченов. Лизонька моя — это жена — Кирюшей меня называет. — Тут он тоненько хихикает. — Мы к вам заехали по просьбе Вадима Николаевича. Мебель привезли и еще кое-что из мелочей.

— Но я об этом ничего не знаю. Муж мне ничего не говорил...

— Он, наверное, забыл, — перебивает ее толстяк. — А может быть, хотел сделать вам сюрприз. Позвольте-ка пройти к окошечку.

Гороподобный втискивается в кухню, останавливается по пути к окну и, прикрыв в блаженстве глаза, тянет носом воздух:

— Божественные запахи!

Толстяк открывает окно и кричит вниз мужчине, который стоит возле автомобиля-фургона:

— Эй! Давай все сюда, все сюда!

И отходит от окна, снова останавливается посередине кухни, втягивает носом воздух:

— Замечательно! Божественно!

— Может быть, налить вам тарелочку щей? — предлагает Валентина. — Они у меня уже готовы...

— С удовольствием, с большим удовольствием отведаю ваших щей. — Парень быстренько усаживается за стол, потирает в нетерпении руки, жадно следит за Валентиной.

На пороге квартиры Стрельцовых появляются грузчики с первой ношей. Потом они заходят еще и еще... И все несут и несут какие-то ящики, коробки. Валя смотрит на происходящее, будто посторонняя, не хозяйка.

* * *

Облизываясь, толстяк встает из-за стола, подходит к плите, снимает с кастрюли крышку и заглядывает в нее. Некоторое время он стоит в нерешительности, затем возвращается к столу, берет тарелку и наполняет ее до краев. Мурлыча себе под нос, аккуратно несет тарелку к столу. На пороге кухни появляется Валентина. Толстяк, усаживаясь за стол, говорит:

— Вы покомандуйте там, покомандуйте, — машет он рукой в направлении компат. — Все вам соберут, все расставят, как захотите.

С этими словами он снова принимается за щи.

* * *

Директор торговой базы и грузчики давно ушли, а Валя все ходит по квартире и рассматривает спальный гарнитур, жилую комнату, детскую мебель. Неужели это не сон? Она наклоняется над одной из коробок, вскрывает ее, вытаскивает суповую тарелку из сервиза «Мадонна». В других коробках — посуда, богатые люстры... Валентина присаживается на краешек кресла и задумывается.

Стрельцова входит в кухню, которая преобразилась до неузнаваемости. Сверкает полировка кухонного гарнитура, поблескивает новенький холодильник, радует глаз обтянутый яркой материей уголок. Она осматривает все это, затем подходит к плите и заглядывает в кастрюлю. Щей как не бывало.

* * *

Полигон. Подонечные Стрельцова тренируются в ведении огня из гранатомета. На рубеж открытия огня они выходят по двое. Первый номер производит выстрел из гранатомета, второй, прикрывая его, обстреливает в это время мишени из автомата. Вадим наблюдает за их действиями, указывает на ошибки, поясняет, как добиться результативности в ведении огня. Однако делает он это рассеянно, все время задумываясь о чем-то. Иногда он смотрит в сторону Седого. Память воспроизводит одну картину за другой. Вот Седой идет навстречу к нему сквозь толпу «контингента», чуть развернув свою красивую голову. А вот он преодолевает препятствие — «фа-

сад» разрушенного здания, движения его пластичны и сильны, обмундирование распирают тренированные мышцы.

Седой сидит отдельно от обучающихся на пожелтелой траве, обхватив колени большими жилистыми руками, перебирает губами соломинку и наблюдает за тренировкой. И новая картина всплывает в памяти Вадима.

* * *

...Сильный поток воздуха разметал песок, уложил заросли верблюжьей колючки. Рокот двигателя, Разбуженное горное плато накрывает тень винтокрылой боевой машины. Вертолет зависает метрах в пяти-шести над землей. Невдалеке еще два таких же, в камуфляже для горной местности.

Из утробы вертолетов выпрыгивают мотострелки, прыгуче рассыпаются по плато, занимают оборону. «Вертушку» покидает старший лейтенант. Приземлившись, он бежит к валуну, за которым укрылся солдат с радиостанцией.

— Связь есть? — кричит сквозь шум моторов офицер радисту, достигнув укрытия. Это — Вадим Стрельцов. Он возбужден, настороженно осматривает местность.

Солдат мотает головой — мол, нету связи — и продолжает вызывать корреспондента: «Зефир», «Зефир». Я — «Комета»...» Стрельцов отыскивает глазами вертолеты, Боевые машины уже уходят. Летчик показывает на пальцах — «О'кей!». Выброска прошла удачно.

Стрельцов убеждается, наконец, что здесь нет опасности для его людей, и поднимает красный флажок. Следом звучат команды младших командиров, с раскаленной земли поднимаются мотострелки и идут к валуну, где расположился их ротный.

Вадим в нетерпении топчется возле радиста. Солдат монотонно и непрерывно вызывает далекого «Зефира».

— Давай, давай, Егоров! — поторапливает его Стрельцов. — Время поджигает.

Мотострелки — их чуть больше двадцати человек — расположились вокруг и тоже с надеждой смотрят на радиста. На каждом из них — каска, бронежилет, под сумки с гранатами, вещевые мешки. Все вооружены автоматами; а двое еще и ручными пулеметами. Судя по суровым, обветренным, загорелым дочерна лицам и другим —

ошпаренным солнцем, с облупившимися носами, — здесь и старые служаки, и новички.

— Есть, товарищ старший лейтенант! — радостно вскрикивает Егоров и, скинув головные телефоны, протягивает их Стрельцову.

— «Зефир», «Зефир». Я — «Комета», — начинает вызывать Вадим. — Прием.

— «Комета», «Комета». Я — «Зефир», — сквозь шум и треск прорывается голос. — Доложите обстановку, местонахождение. Прием.

— Все в норме. «Птицы» улетели. Нахожусь в квадрате 17-15.

— Действовать согласно задаче, — снова прорывается сквозь помехи голос комбата.

Вадим возвращает головные телефоны радисту и командует:

— Приготовиться к движению! Выходим через пять минут.

И тут же, совсем с другой интонацией в голосе, обращается к солдатам:

— Мужики, километрах в пятнадцати отсюда душманы жгут нашу колонну. Поторопимся!

Мотострелки бегут по горной тропе, с обеих сторон высятся каменные громадины. Стрельцов замыкает строй, взгляд его скользит по крутым склонам, по бегущим. Он замечает, как один из сержантов отбирает у молодого солдата автомат, вскидывает себе на плечо и продолжает бег, увлекая за собой новичка. Обгоняя колонну, Вадим еще раз подмечает, что поклажа молодых перекочевала на плечи его «старичков».

Стрельцов догоняет рослого сержанта, что возглавляет строй, и некоторое время бежит с ним рядом, искоса поглядывая на своего помощника, — тот невозмутим, дышит ровно, словно и не нагрузка для него этот маршбросок по горам. Мотострелки взбираются по круче, затем быстрее скатываются по склону и снова берут подъем...

— Прохоров! — окликает Вадим рослого сержанта. — Давай в замыкание. Я сам здесь...

Сержант отступает в сторону, сбавляет темп бега, мимо него проносятся мотострелки. Стрельцов, возглавив строй, значительно увеличил скорость марша. До бегущих все отчетливее доносятся автоматные очереди, взрывы.

Мотострелки достигают подножия невысокой горной гряды. Судя по усилившимся звукам выстрелов, место боя совсем рядом. Вадим переходит на шаг и поднимает руку. Солдаты останавливаются, а сержанты подбегают к Стрельцову. И командир подразделения, и его подчиненные, потные, пропыленные, натруженно дышат. Но нет для отдыха и минуты.

— Рубеж — гребень. В цепь! За мной! — командует Вадим.

Мотострелки залегли на гребне горной гряды, изготовились к бою. Выше они видят жуткую картину: на узкой, зажатой скалами дороге пылают автомобили, среди машин расхаживают люди в черных, белых и полосатых халатах, постреливают по кузовам, кабинам; и только в голове разгромленной колонны, возле чадающей боевой машины пехоты, идет ожесточенный бой.

— Раненых добивают, сволочи! — свистящим пеном говорит подползший к Вадиму сержант Прохоров.

Стрельцов и сам все видит. И он уже сориентировался, наметил, что будет делать сейчас там, на дороге.

— К бою! — кричит Вадим.

Мотострелки, ведя огонь из автоматов, скатываются с гребня горной гряды. Душманы, не ожидавшие нападения, ведут беспорядочную стрельбу, сбегают с дороги и лезут на противоположный склон. Там они становятся хорошо различимыми мишенями. Вот один из них вскрикивает, взмахивает руками и падает на камни. Еще один. И еще...

— Забрать убитых и раненых. Продовольствие уничтожить, боеприпасы взорвать! — отдает новые команды Стрельцов. — Все сжечь!

Душманы, ведущие бой на дороге, разделились на две группы: одна ведет огонь по укrywшимся за БМП бойцам, другая встречает автоматными очередями приближающихся мотострелков. Несколько солдат во главе с сержантом Прохоровым бьют короткими очередями и шаг за шагом приближаются к душманам.

Завязывается рукопашная схватка. Сержант оказывается в самой гуще боя. На него разом бросаются три боевика. Одному из них удается выбить у Прохорова автомат, которым он размахивал, как дубиной, два других сбивают его с ног. Сержант разбрасывает их, вскакивает, в руке у него финка, и он наносит ею удар в живот ближайшему противнику. С остальными расправляется Стрельцов.

Схватка закончилась и возле боевой машины пехоты — там стихли выстрелы и крики, на дороге застыли в неестественных позах тела врагов. Навстречу мотострелкам идут возбужденные боем, в разорванной одежде, с кровоподтеками и ссадинами на лицах пятеро солдат.

— Кто старший? — обращается к ним Стрельцов.

— Я! Сержант Климов, — выходит вперед и докладывает один из них.

Сержант высокого роста, сложен по-спортивному, при закатанных рукавах руки его кажутся огромными. У него короткая стрижка — совершенно седой ежик волос и выразительно красивые черты лица.

— А где старший колонны, офицеры? — спрашивает Вадим.

— Старшим был майор Пивоваров, — отвечает Климов. — Говорят, его сразу автоматной очередью срезали, как только на засаду нарвались. А наш капитан — мы из охранения — в БМП. Как мина рванула, тоже сразу напал, там и остался. Я сейчас, — вдруг встрепнулся сержант, — я сейчас достану его...

Климов так стремительно развернулся, так быстро добежал до боевой машины, что Стрельцов ничего не успел сделать, чтобы остановить сержанта. А тот уже запрыгнул на броню.

Взрыв мощной силы сотрясает воздух. Мотострелки падают на землю, прикрывают руками головы. «Боекомплект подорвался», — только и успел подумать Вадим, прижимаясь к каменистому грунту.

Пылает развороченная взрывом БМП. В нескольких метрах от нее лежит лицом вниз, беспомощно раскинув свои большие руки, сержант Климов, а огонь пожирает на нем одежду. Стрельцов вскакивает, подбегает к сержанту, рывком переворачивает на спину и наваливается всем телом, пытаясь закрыть доступ воздуха к пламени. На помощь Вадиму бегут его подчиненные. Вместе с ними Стрельцов снова переворачивает сержанта лицом вниз и сбивает рукой тлеющие останки одежды. Старший лейтенант кладет, но уже аккуратно, Климова на спину. Солдаты по мере сил и возможности помогают ему. Вадим приподнимает голову сержанта и от неожиданности отстраняется — правая часть лица парня обезображена сильнейшим ожогом. Сержант издает стон и открывает глаза.

Большая группа душманов спускается с гор и на ходу ведет огонь из автоматов и винтовок. Боевики, загнанные туда внезапной атакой мотострелков Стрельцова, видно, получили поддержку и теперь решили уничтожить советское подразделение. Вадим, укрывшись за капотом одной из машин, оценивает обстановку: взгляд его скользит по гряде, с которой спустились его подчиненные, по лицам мотострелков, по телам раненых и убитых, что принесли сюда по его приказу солдаты. Подниматься сейчас по склону с таким грузом — смерть. Вадим берет у одного из рядовых ручной пулемет и отдает команду:

— Забрать убитых и раненых! Прохоров, веди людей по дороге до поворота, а за ним — резко вверх на грядку. И той же тропой до площадки. Егоров, минут через пятнадцать вызывай вертолеты! Давай, Прохоров, вперед!

Стрельцов, не обращая больше внимания на подчиненных, пристраивается возле колеса автомобиля. Прохоров понимает намерение командира и пытается возразить:

— Товарищ старший лейтенант...

— Выполняй приказ, Прохоров, — чуть не рычит на него Вадим.

Мотострелки взваливают на себя тела товарищей, бегут по дороге к скале. Сержант Прохоров — замыкающий. Он все время оглядывается и отыскивает глазами командира, потом скрывается из виду.

Вадим ведет прицельный огонь из пулемета, не дает душманам выйти на дорогу. Как только боевики поднимаются, раздается короткая очередь. Халаты и чалмы исчезают за камнями, а Стрельцов переползает от переднего моста к заднему и снова нажимает на спусковой крючок.

Наступающие все же продвигаются вперед, пули все чаще и чаще повизгивают возле Стрельцова, взбивают вокруг него султанчики пыли. Мотострелков уже не видно на дороге. Вадим смотрит на часы, по его расчетам подчиненные должны совершить подъем и быть за гребнем горной гряды.

Стрельцов рывком поднимается с земли и стремительно пробегает метров двадцать — тридцать, падает, откатывается в сторону и замирает на мгновение. Там, где он только что был, пули крошат камень. Так, бросками и обманными движениями, Вадим достигает поворота и

скрывается за скалой. Душманы теперь на дороге, человек десять с гикавьем бегут за Стрельцовым.

За поворотом Вадим неожиданно сталкивается с сержантом Прохоровым. Тут же еще трое солдат из числа «стариков» его подразделения. Сержант виновато улыбается и говорит:

— Наши уже за бугром, по троде топают. Егоров с комбатом связался, передал все, что вы наказали. А мы так, на всякий случай, спуститься сюда решили.

Вадим, прислонившись спиной к скале, отдыхает, успокаивает дыхание, сбившееся в сумасшедшем беге.

— Уши бы тебе надрать, Прохоров, — ворчит он, когда младший командир заканчивает доклад. Но в душе Вадим благодарен своим парням за заботу, несмотря на то что совершили они этот поступок вопреки его приказу.

Доносятся топанье ног, крики преследователей. Стрельцов отталкивается спиной от скалы и прикладывает к губам палец. Некоторое время он прислушивается к нарастающему шуму, потом изготавливает к бою автомат и показывает Прохорову на пальцах: два раза — за поворот. Сержант без дополнительных пояснений понимает, что речь идет о гранатах, и расстегивает подсумки.

Прохоров вырывается из-за скалы на дорогу, бросает в толпу душманов одну за другой гранаты и молниеносно укрывается за выступом. Гремят взрывы, а вслед за ними раздаются вопли.

Еще эхо гуляет по горам и клубится пыль и пороховой дым, а Стрельцов, шагнув из-за поворота, уже поливает свинцом оставшихся в живых боевиков.

— А, мать вашу! — вырывается крик из его оскаленного рта.

И он бьет, бьет неистово из автомата по скачущим, кувыркающимся на зажатой раскаленным камнем дороге чалмам и халатам. Сержант и солдаты становятся рядом с ним и тоже открывают огонь.

* * *

Три винтокрылые боевые машины чуть касаются шасси выгоревшего плато и подрагивают округлыми мощными телами, отчего кажется, что они приплясывают в нетерпении поскорее взмыть в небеса с этого богом забытого места. Мотострелки загружают в вертолеты раненых и завернутых в плащ-палатки мертвых своих товарищей.

На тропе, что змейкой сползает на плато с гор, появляются Стрельцов, Прохоров и трое солдат. Лица метострелков светлеют. Но не более того — здесь научились скрывать как горестные, так и радостные чувства.

...Вертолеты в воздухе. В одном из них Вадим Стрельцов. Он примостился на снарядном ящике и провожает усталым, отрешенным взглядом проплывающие за иллюминатором горы. Рядом с ним лежит обожженный сержант Климов. Кто-то из солдат на скорую руку наложил ему бинты. Вадим склоняется над ним и смачивает мокрой тряпичей губы сержанта. Климов шепчет:

— Старлей, не забудь... Я — Климов... Сергей... Из Смоленска... Мать там у меня...

* * *

Полигон. «Контингент» продолжает тренировку в ведении огня из гранатомета. Стрельцов отыскивает глазами Седого. Тот по-прежнему сидит на траве и перебирает губами соломинку. Вадим решительно направляется к нему. Седой замечает это, поднимается и идет навстречу. В нескольких метрах друг от друга они останавливаются.

— Здравствуй, Климов... Сергей, — взволнованно говорит Вадим.

— Здравствуй, старлей, — отвечает Седой, голос его слегка дрожит.

— Капитан, — поправляет его Стрельцов, — капитан запаса.

Вадим делает шаг к Седому, но тот останавливает его:

— Не здесь, старлей. Все потом. При случае.

Он поворачивается и уходит.

* * *

По загородному шоссе движется черная «Волга». За рулем Николай Иванович Смоляников, он же «шеф» и Крез. Рядом с ним, на переднем сиденье, развалился худосочный молодой человек из известной нам по ресторану компании.

— Ты, Петенька, — говорит Смоляников, — становишься невыносимым. Твой «товар» очень нужен нам. Кстати, ты за это, Петенька, получаешь немалые деньги...

— Я, кажется, еще ни разу не подвел, — огрызается попутчик Смоляникова.

— Пока нет. Но ведь твоя голова постоянно занята марафетом. Ну что ты нашел в этой дряни?

— Дать попробовать? — ёрничает Петенька.

— Я слишком люблю себя и поэтому никогда не стану травиться наркотиками, — парирует Крез. И тут же продолжает прерванную Петенькой мысль: — А последний твой «товар» действительно хорош — мальчики, которых ты поставил, — как на подбор. Сейчас с ними занимается один служивый... Бывший, конечно. Думаю, из них будет толк.

«Волга» сворачивает с шоссе на проселочную дорогу, на удивление гладкую. Вокруг высится ухоженный лес.

— Но, Петенька, ты все больше меня беспокоишь. Люди с таким пороком в конце концов попадают на крючок товарищам из уголовного розыска. Не дай бог, но, если такое с тобой случится, ты потеряешь место в советской торговле. Ведь подумать только, каким большим человеком ты стал в ювелирторге!

— Пугаешь? — зло и настороженно спрашивает Петенька.

— Нет. Пре-ду-преж-даю, — тянет Крез.

«Волга» выезжает на просторную площадку, по периметру которой тянется аккуратно подрезанный изумрудный кустарник. Дорога здесь обрывается. Смоляников глушит двигатель, выходит из машины, без труда отыскивает тропинку и углубляется в лес. Петенька достает из кармана портсигар и изящную табакерку. Дрожащими руками он отсыпает содержимое табакерки в ладонь, туда же выбивает из папиросы табак и, стянув с мундштука бумагу, насыпает смесь в увеличившуюся полость, затем откидывается на спинку сиденья, прикуривает и, блаженно улыбаясь, затягивается дымом.

* * *

Крез возле металлической двери в высоченном бетонном заборе. Он отыскивает кнопку электрического звонка и нажимает на нее три раза. Щелкает задвижка, дверь со скрипом открывается. Смоляников шагает через порог и осматривается. Перед ним раскинулся чудо-сад с песнопением птиц, многочисленными цветниками, дубовой рощицей, посадками голубой ели, прудиком с белыми и черными лебедями и нескончаемыми тенистыми аллеями, присыпанными красным гравием.

Словно из-под земли, возле Креза вырастают двое мужчин спортивной наружности, в одинаковых серых элегантных костюмах, синих рубашках и светлых галстуках.

— Руки! — Это команда «гостю».

Смоляников поднимает руки. Один мужчина стоит в стороне, другой ловко обыскивает Креза.

— По аллее, вперед! — звучит очередная команда.

Крез делает несколько шагов по аллее и оглядывается. Железная дверь уже на засове, а мужчин, которые только что обыскивали его, как не было. Метров через пятьдесят Смоляников выходит к двухэтажному особняку, поднимается по ступенькам. В прихожей перед ним опять вырастают двое, в одинаковых серых элегантных костюмах. Один из них бесцеремонно берет Смоляникова за рукав и швыряет его так, что тот начинает балансировать, пытаясь удержать равновесие.

— Руки на стену, ноги на ширину плеч! — командует он. — Стоять!

Обыск сейчас производится более тщательно. Проворные и привычные к такой работе руки ощупывают Креза с головы до пят, не пропуская даже воротничок рубашки.

— По лестнице, второй этаж, прямо! — звучит очередная команда.

Он поднимается наверх, толкает дубовую дверь и оказывается, судя по всему, в приемной. Навстречу ему идет спортивного телосложения человек в таком же сером костюме. Он останавливается в нескольких шагах, ощупывает Креза придирчивым взглядом и, убедившись, что посетитель этой «обители» не представляет опасности, наконец, произносит:

— Вас ждут. Ваше время — две минуты.

С этими словами «спортсмен» подходит к резной двери, распахивает ее, пропускает Креза.

Смоляников на пороге огромного кабинета, обставленного в стиле «ретро». Освещение в нем такое, что Крез, застывший у входа, оказывается как бы в перекрестии прожекторов, а хозяин кабинета, вальяжно расположившийся в глубоком кресле, — в тени, и лишь поблескивают его лысина, стекла очков и депутатский значок на лацкане пиджака. Не поприветствовав посетителя и не предлагая ему сесть, человек из тени спрашивает:

— Как идет подготовка группы?

— Инструктора подобрали хорошего...

— Случайно... Случайно подобрали, насколько мне известно, — перебивает Смоляникова хозяин кабинета. — Несмотря на то, что вам неоднократно советовали приглядеться к офицерам, уволенным в запас, в связи с сокращением армии. И в особенности — к имеющим боевой опыт в Афганистане. Продолжайте.

— Занятия идут интенсивно. Народ старается.

— К концу лета эти парни потребуются. В середине августа мы хотели бы посмотреть, на что они пригодны. Справитесь?

— Будет сделано, — заверяет Крез. — Как скажете, так и организуем смотрины...

— Аванс получите у секретаря, — завершает беседу человек в глубоком кресле. — Свободны.

Смоляников открывает дверь, но потом оборачивается и спрашивает:

— Зачем вы меня подвергаете такой проверке? Этот досмотр, обыск...

— Я проверяю так всех, — невозмутимо отвечает человек в очках. — Кому не нравится, могут у меня не работать...

Смоляников понимающе кивает и выходит. В приемной мужчина с непроницаемым лицом вручает ему средней величины кейс.

Крез беспрепятственно минует лестницу, прихожую, аллею. За ним захлопывается железная дверь, лязгает засов.

Он подходит к машине, которую оставил на лесной стоянке. Страх перед людьми, ему недоступными, и одновременно ненависть к ним уже прошли, он опять прежний — сильный, самоуверенный и обладающий немалой властью. Открывает дверку автомобиля и заглядывает в кузов. Там развалился на сиденье и усталился в одну точку Петенька.

— Готов, — зло кривит губы Крез и усаживается за руль. — Доиграешься ты у меня.

— Не пугай. И вообще, не учи меня жить, — дерзко отвечает Петенька. — К тому же, я свое дело знаю. Лучше покажи, что в сумке.

От удивления, что Петенька посмел такое сказать, бровь у Смоляникова ползет вверх, а в следующее мгновение он резко разворачивается к своему попутчику. Но тут Крез видит обкуренную физиономию Петеньки и ему становится понятным исток смелости. Он многозначительно хмыкает и бросает на колени Петеньки кейс.

Петенька открывает крышку кейса. Его жадные, дрожащие руки наркомана ощупывают стопки сторублевки.

— Э-э, ты куда? — чего-то испугавшись, заволновался Петенька.

— Не вздрагивай, — ухмыляется Смоляников, понимая, что так всполошило Петеньку. — Ты мне еще нужен. Но несколько советов я тебе сегодня дал. А сейчас мы заскочим на полигон, посмотрим, как там дела идут. Да, кстати, чуть не забыл: приготовь мне несколько безделушек — ярких и модных. Жемчуг, бриллиант, ну, что-нибудь этакое. Надо прибраться к рукам одну даму...

* * *

Вадим Стрельцов в знакомом нам уже кабинете командира полка. Однако на этот раз он сидит, облокотившись на спинку стула, и, судя по всему, в тревожном ожидании. Сергей Петрович рассказывает по кабинету, вложив руки за спину. Наконец, командир останавливается, вскидывает голову и говорит:

— Вадим, то, что ты рассказал даже в голове не укладывается. Но ясно одно: влип ты, как кур во щи. И на твоём месте, я бы обратился в милицию.

— Это исключено, Сергей Петрович. Думаю, что они не дадут мне и ногу на ступеньку горотдела милиции поставить. Следят, наверняка. А потом, что я скажу там? Надо выяснить, кому и для чего потребовались обученные головорезы...

— А вот в героя-разведчика я бы тебе и вовсе играть не советовал.

— Да при чем здесь герой! Судя по всему, я и сам оказался за чертой закона.

— Ну, ты не здесь покрикивай. Хотя бы потому, что если я об этом не доложу, куда следует, то стану твоим сообщником.

— Простите, Сергей Петрович. Мне все нужно взвесить и подумать.

— Вот взвешивай и думай. Только побыстрее. Ну, а если что... По крайней мере, дорогу сюда знаешь.

* * *

Валентина Стрельцова направляется тенистым двориком к двухэтажному чистенькому зданию. Вот она поднимается по ступенькам, задерживает взгляд на вывес-

ке: «1-я городская поликлиника». Одета Валя просто, но со вкусом — на ней легкая блузка с отделкой «ришелье», юбка в стиле «сафари». Она решительно открывает дверь.

Валя в кабинете главврача, пожилого и рыхлого мужчины в накрахмаленном халате. Он говорит вяло, явно показывая недовольство тем, что его беспокоят.

— Я понимаю ваше желание устроиться к нам на работу. Но у нас очень высокие требования к специалистам, оттого и надбавки довольно высокие получает медперсонал поликлиники. А у вас, милочка, совсем небольшой стаж работы. Ясно, что не ваша в этом вина — жили в гарнизонах... А сейчас где работает ваш муж?

— В одной организации, я точно не знаю, вроде как ДОСААФ, — отвечает Валя.

— А нам нужно точно знать, — опять тянет слова главврач. — Наши больные — люди серьезные. Ну, да ладно, оставьте свой телефон, мы рассмотрим ваш вопрос...

* * *

Полигон. Смоляников и Петенька сидят на поляне в плетеных креслах и наблюдают, как «контингент» под руководством Стрельцова отрабатывает прием рукопашного боя. Обучающиеся построены в «коробку», разбиты на необходимые для безопасности интервалы и дистанцию. В руках у них саперные лопатки. Стрельцов считает: «Раз!» Ученики делают шаг вперед и заводят саперные лопатки за спину. «Два!» С дикими криками «контингент» обрушивает удар саперной лопаткой по предполагаемому противнику. «Три!» На этот счет группа пружинистым подскоком принимает исходное положение. Упражнение повторяется. Еще раз, еще... Куртки на подопечных Стрельцова темнеют, их лица покрываются бисеринками пота. Крики становятся все более хриплыми и похожими на звериные.

Вадим показывает новый прием владения саперной лопаткой: шаг левой — оружие рукопашного боя у левого плеча; другой шаг — горизонтальный удар по предполагаемому противнику. И снова тренировка на счет сопровождается дикими выкриками.

Обучаемые сменяют саперные лопатки на длинные ножи. Занятие продолжается в таком темпе и по аналогичной методике.

— Впечатляюще, — разморившись на солнышке, лениво ворочает языком Смоляников. — Подобное я видел на показательных выступлениях десантников в городском парке культуры и отдыха. Это радует.

* * *

Вместительный обеденный зал бывшей солдатской столовой. Столики, накрытые белоснежными скатертями, сервированы на четырех человек. На каждом — вазочки с полевыми цветами. Здесь прохладно, тихо и уютно.

Топанье множества ног, громкоголосый говор. И кажется, что волна этих звуков распахивает двери столовой. В обеденный зал вваливается «контингент», с громом и звоном рассаживается за столами. Кто-то стучит вилкой по тарелке, его примеру последовали другие. В зале появляются официантки, разносят по столам первые блюда. Одну из них, совсем молоденькую, стройную, уставившийся на нее парень спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Юлька, робко отвечает она.

Парень скалится, блаженно потягивается и осматривает Юльку с головы до ног. Эта сцена привлекает внимание «контингента». Шепелявый тоже тянет шею и, не переставая жевать, вытирает перепачканные борщом губы красм белоснежной скатерти.

* * *

В отдельной комнате обедают Крез, Петенька, Седой и Стрельцов. Вадим хмурится, слушая философствующего, как всегда при встрече с ним, Смоляникова.

— Словом, истинные мужские занятия для объекта наших исследований — не только накачивание мышц. В процессе учебы у людей сложной судьбы идет ломка характеров, формируется новое мышление. И скоро ряды демократических сил пополнились достойными сыновьями страны, вставшей на путь перестройки...

Или от этих слов, или по случайности, Стрельцов поперхнулся и зашелся кашлем. Седой хитрым своим глазом смотрит на Вадима.

Взяв себя в руки, Вадим спрашивает:

— Почему среди ваших людей многие из среднеазиатских республик?

— У них там плохо с работой, — отвечает Смоляников и тут же переводит разговор на другую тему. — Как поживает ваше, Вадим Николаевич, семейство? Жена трудится или предпочитает быть домохозяйкой?

— Трудоустраивается, — отвечает Вадим. — Но пока безрезультатно.

— А кто она по специальности и куда желает пойти работать?

— Она медицинская сестра. Пробует устроиться в поликлинику 4-го управления Минздрава. Это недалеко от дома, удобно.

— По-моему, таких поликлиник сейчас нет? Вы не ошибаетесь?

— Есть. Вывеску сменили, а предназначение прежнее.

— Интересно. Но что же за преграда на ее пути?

— Похоже, главврач крутит. И сдается мне, что насторожили его последние строки моей биографии, — усмехается Вадим. — Благонадежность — основной критерий при приеме на работу в такие учреждения. Каждого проверяют комитетчики.

...Крез, Петенька, Седой и Стрельцов выходят из столовой и направляются к «Волге».

— Вадим Николаевич, занимайтесь своими делами, не провожайте нас, — говорит Смоляников. — И не беспокойтесь, мы обязательно поможем трудоустроиться вашей жене. До свидания.

Крез сует руку Стрельцову и оборачивается к Седому:

— А вы уж проводите нас, пожалуйста.

— Как он? — спрашивает Смоляников Седого, как только от них отходит Стрельцов.

— Нормально. Он же «афганец», пашет на совесть. Мужики ему кликуху дали — «Профи».

— Профи?! — произносит Смоляников, будто жует, пробует на вкус это слово. — Неплохо. А ты набирайся от него всего помаленьку. Может быть, тебе придется его заменить.

С этими словами Крез садится в автомобиль, и «Волга» срывается с места.

* * *

Главврач 1-й городской поликлиники в своем кабинете. Склонившись над столом, он что-то пишет. Звонит телефон. Главврач снимает трубку.

— Да! Я вас слушаю, — говорит раздраженно.

— К вам на днях приходила женщина — Валентина Стрельцова, — звучит глухой голос. — Она хотела устроиться на работу в вашу поликлинику. Почему вы не приняли ее?

— У меня нет вакантных мест, — отвечает хозяин кабинета, но тут же, спохватившись, начинает выговаривать невидимому собеседнику: — А кто вы такой, черт побери? Почему я должен перед вами отчитываться?

— Уймитесь, папаша! — гудит трубка. — У вас есть машина. Белая «пятерка». И она стоит во дворе поликлиники. Подойдите к окну, но трубку не кладите.

Главврач выглядывает в окно. К его белоснежному автомобилю направляются трое парней с железными прутьями в руках.

— Что, что они собираются делать?! — кричит в трубку главврач.

— Сейчас увидите, — отвечает обладатель глухого голоса.

Парни кидаются на «пятерку» и начинают с остервенением бить прутьями по капоту, по стеклам. «Обработав» таким образом автомобиль, они разбегаются в разные стороны.

— В следующий раз, если не будете благоразумным, ваша «пятерка» сгорит. Вы слышите меня?

Главврач потерял, кажется, дар речи, лицо его вытянулось и побледнело, рот полукругит. Наконец он начинает соображать, о чем его спрашивают, и отрешенно отвечает:

— Да... слышу...

— В автосервисе знают номер вашей машины, за шесть сотен сделают ее новенькой вне очереди. А завтра утром позвоните Стрельцовой и решите ее вопрос. До свидания.

— До свидания, — прежним отрешенным голосом говорит главврач и долго еще держит телефонную трубку в руке, прислушиваясь настороженно к коротким, отрывистым гудкам.

* * *

Багровый диск солнца, раскрасив перистые облака в яркие неземные тона, опускается за горизонт. Ветер гоняет по пустынному полигону обрывки бумаги, поднимает пыль. Бывшая солдатская казарма. Спальное помещение. Двухъярусные койки стоят вкривь и вкось. Вид-

еется несколько пригодных прикроватных тумбочек. Здесь отдыхает «контингент» после «ратного» дня. Одни из учеников Стрельцова спят, завалившись на кровати в одежде. Другие сгрудились возле бильярдного стола, установленного посередине спального помещения, и наблюдают за партией, сопровождая удары кия соперников возгласами и фривольными комментариями. Третьи азартно играют в карты. Заводилы здесь — Резаный и Крыса. Неподалеку — другая компания, там распивают водку. Слышен звон стаканов. Среди выпивох — Цыган. В самом дальнем углу казармы, подложив под спину подушки, полулежит на койке Седой. В руках у него гитара. Он перебирает струны и протяжно поет:

... У беды глаза зеленые.

С фотографии глядят...

Один из игроков в карты, кивая в сторону Седого и ища поддержки у сотоварищей, ухмыляясь, говорит:

— Опять завыл...

— А ты пойдй скажи ему, чтоб заткнулся, — подначивает его другой игрок.

— Да это я так, в шутку. Пусть поет, если ему охота, — сразу идет тот напоптяную.

Седой допел песню, гитара лежит рядом, а он, кажется, уснул. Партия в бильярд продолжается; игра в карты становится все азартнее; компания, распивающая водку, все больше хмелеет.

* * *

Стрельцов в своем временном жилище. Это небольшая комната, которую ранее, судя по обстановке, занимал во время наездов на полигон командир воинской части. На одной стене висит пожелтевшая карта Советского Союза, на другой — тоже выдавшая виды политическая карта мира. Здесь же бывшие в употреблении и оставленные за ненадобностью массивный канцелярский стол, книжный шкаф, набитый политической литературой, кожаный диван, журнальный столик, кресло и несколько стульев. Вадим иной раз, когда затягиваются занятия на полигоне, ночует в этой комнате. Сейчас он, заложив руки за спину, рассказывает по ней и сосредоточенно о чем-то размышляет.

Вадим подходит к окну и распахивает створки. Перед ним — территория военного городка, строения, виднеется

и полигон. Стрельцов замечает парня — одного из своих «учеников», который лежит невдалеке на траве, задрав ногу на ногу, и мечтательно смотрит в небо.

— Эй! — кричит Стрельцов.

Парень приподнимается и озирается по сторонам.

— Эй! — снова зовет его Вадим. — Подойди сюда!

Парень неохотно поднимается, но подходит к окну.

— Чего надо?

— Позови Седого.

— Хе-хе, — усмехается парень. — Может, ты сам к нему сходишь? Это же Седой! Я в такие игры не играю...

— Позови, я тебе сказал! — строже повторяет Вадим.

— Как знаешь, — пожимает плечами парень и направляется к казарме.

Войдя в спальное помещение, он направляется в угол, где отдыхает Седой. Остановившись на всякий случай подальше от этого непонятного, злого и сильного человека, парень потихонечку трясет спящего.

— Чего надо? — вскидывается Седой.

— Там, это... Тебя Профи зовет. — Парень отступает еще на несколько шагов.

Климов некоторое время сидит неподвижно и, не мигая смотрит на парня. Тот под его взглядом переминается с ноги на ногу. Седой медленно начинает подниматься с кровати, а парень забегает за двухъярусную секцию коек и оттуда испуганно и скороговоркой говорит:

— Я ему говорю: «Сам иди», а он гавкает: «Зови!»

Седой, не обращая на него внимания, идет к выходу, из казармы.

* * *

Временное жилище Стрельцова. Входит Седой. Молча они разглядывают друг друга.

— Я знал, что ты все равно меня узнаешь, — первым заговорил Седой. — Афганистан в памяти крепко сидит.

— Садись, Климов, — предлагает Стрельцов. — Расскажи.

— Что тебе рассказать? — Седой усаживается в кресло и нервно закуривает,

— Все.

— Ты не поц, а я не на исповеди. — Седой пускает кольца дыма в потолок.

— И все-таки я хочу, чтобы ты рассказал,

Климов колеблется, потом, жадно затянувшись, глухо говорит:

— Из госпиталя домой поехал. Мать, конечно, признала и приняла. Плакала только часто. А подружка моя — в сторону. Я зла на нее не держу, она красивая — как же ей жить с такой обезьяной? — Тут у Седого как-то по-особому дрогнула неповрежденная часть лица. Он справляется с собой и продолжает: — Потосковал вначале, порыдала моя душа. Потом пошел работать на завод, я же механик классный. А там... Бардак, одним словом. Начальство собой занимается — дачи строит, приворовывает, в депутаты себя выдвигает. И рабочий люд тоже собой занимается — растаскивает все, что плохо лежит, бормотуху гекалитрами хлещет. Ну, начал я вступать в эти дела. Знаешь, как в песне поется: «Что-то с совестью моей стало...»

— С памятью, — поправляет Вадим.

— А-а, — отмахивается Климов. — В песне этак, а в жизни — так! Ребятам из цеха это понравилось, кучковаться возле меня начали, вроде как судья я для них в заводских делах. И тут сунулся ко мне, как на грех, один мастер. Что ты, говорит, лезешь везде, нос куда не надо суешь. Смотри, мол, и так богом обиженный. Тут я ему и звезданул. Он сотрясением мозга отделался, а я два года схлопотал... В зоне меня окружили «заботой», научили, чему надо и чему не надо. А срок закончился — адресочками снабдили, напутствие дали. И стал я рэкетиром. Знаешь, что это такое?

— Примерно, — глухо произносит Стрельцов.

— В одном городишке мы года два контролировали все кооперативы. Много не брали — «штуку» в месяц. И, пожалуйста, товарищи кооператоры, насыщайте рынок товарами повышенного спроса! На одном засыпались. Председатель ментам пожаловался. И дали мне путевку в «дом отдыха» сроком на пять лет. Там от соседки письмо получил... Написала старушка, что мать моя померла. Вот так... Срок я не дотянул, дал при случае деру. И вот — здесь. Под твоим чутким руководством совершенствую навыки в военном деле.

Оба долго молчат. Затянувшуюся паузу нарушает Стрельцов:

— Слушай, Климов. Скажи, для чего этому сброду огневая подготовка, тактика и рукопашный бой? Я давно уже понял, что Смоляников несет околесицу, подсовыва-

ет глузую, по сути, теорию о перевоспитании трудным делом, чтобы я ухватился за нее и ни во что не вникал.

— Вот и не вникай. — Седой поднимается с кресла и идет к двери. — Захотел хорошо жить — так живи!

* * *

В это время в казарме Резаный играет в карты с коленастым парнем.

— Что ставишь? — спрашивает он, перетасовывая карты.

— А чё хочешь? — отвечает партнер.

— Давай... Профи, — предлагает Резаный. — Надоел он мне.

— Профи так Профи.

Резаному не повезло, он проигрывает.

* * *

Климов идет по аллее к казарме. Вдруг он замечает Резаного, который, перебегая от дерева к дереву и озираясь по сторонам, приближается к домику, где остановился Стрельцов. Климов скрывается в глухом кустарнике и оттуда наблюдает за Резаным. А тот уже возле крыльца. Щелчок пружины, и в его руке взблескивает лезвие ножа. Седой подкрадывается к Резаному и, как только тот ставит ногу на ступеньку, набрасывается на него.

Климов держит Резаного за кисть руки, в которой нож, и наносит ему серию ударов ребром ладони по шее, ребрам, животу. Резаный бросает нож. Седой отскакивает от него, но тут же сбивает с ног коротким хлестким ударом в челюсть. Резаный ползает в пыли, сплевывает кровь и хрипит:

— Ты чё, Седой? Не надо, не надо...

— Убью, гаденыш! — рычит Седой и бьет его ногой в лицо.

Резаный переворачивается на спину и затихает.

На шум из домика выходит Стрельцов.

— Ты поосторожнее здесь, — говорит ему Климов. — Это тебе не мотострелковая рота.

* * *

Просторная комната, в которой разместились женщины-официантки. На открытых настежь окнах ветерок тербит белые накрахмаленные занавески, стол заброшен

цветастой скатеркой, койки аккуратно заправлены грубошерстными солдатскими одеялами, пол застелен ковровыми дорожками, а под угол огромного зеркала шифоньера подоткнут букетик полевых цветов. Из динамика портативного магнитофона, что стоит на подоконнике, вырывается песня: «Мы встретимся снова...»

У женщин совсем домашний вид — они в легких халатиках, а некоторые и в бигуди. Каждая занята собой. Одна из них сидит на кровати и делает маникюр, другая крутится возле зеркала, третья тоже расположилась на кровати и, повелевая, читает журнал... А вот и та, которую, как мы знаем, зовут Юля. Она гладит на гладильной доске фартук.

Приближаются тяжелые шаги и глухие голоса. Желщины настораживаются, прислушиваются. Дверь открывается, и в комнату вваливается пьяный «контингент» во главе с Цыганом.

— Здрасьте, бабоньки! — в пьяной радости кричит Цыган.

Икнув, он направляется к той женщине, что недавно читала журнал. Она пятится от него, забегает за стол. Цыган пытается поймать ее. Его собутыльники кидаются к другим женщинам-официанткам. Комната в миг преобразается — скатерть оказывается по полу, дорожки сбиты... Идет возня, слышатся вскрики и визг.

Юля забила в угол. К ней подступает тот парень, который приставал в обеденном зале.

— Не подходи! — замахивается на него Юлька утюгом. — Тресну сейчас! Не подходи, говорю тебе!

Парень ухмыляется, тянет к ней руки. Он делает еще шаг — Юлькино «оружие» летит ему в лоб. Парень хватается за голову, из-под пальцев сочится кровь. Юлька стрелой мчится к окну и, оборвав занавески, выскакивает во двор.

— У-у, стерва! — несется ей вслед. — Лови ее, лови!

Она бежит по полю по высокой густой траве, достигает леса, оглядывается, но, убедившись, что погони нет, все равно не останавливается. Она долго петляет между деревьев, прыгает через кочки и ложбинки, прикрывая лицо от хлестких веток, ломится сквозь кустарник.

В изодранном халатике, вся в ссадинах и грязевых подтеках, Юлька бродит по посветлевшему под утро лесу. Она приближается к поляне и совсем было выходит на нее, но тут спешно приседает, прячется за куст. На поляне, возле дотлевающего костра, сидят трое из числа

«контингента». Юлька зверьком выглядывает из-за куста, прислушивается к разговору:

— Долго еще мы здесь гнуса кормить будем?

— Сколько надо, столько и будем.

— Кому надо? Мне или тебе?.. Рвануть бы отсюда!

— Крез тебе рванет! Из-под земли достанет.

— До-ста-нет. Вот дождусь, когда он на полигон придет, и дерну вон за ту ручку. А? Бах-тарарах — и все к чертям собачьим! Всех в небеса отправлю. А?!

— Сиди уж... «Бах-тарарах». Денег нету, ксивы* тоже. Куда пойдешь? А потом — не Крез, так другие достанут. Он ведь для нас пахан, а над ним еще свора. Как пить, достанут.

— А, гнус проклятый! — отбивается от мошкары тот, что грозился. — Пошел-ка я в яму. Может, там посилю.

Парень встает, идет к березе, одиноко стоящей на поляне, и ловко опрокидывает ее. Там, где должно быть корневище дерева, оказывается люк. Он спускается, судя по всему, по ступенькам под землю.

* * *

Утро. Зал для приема пищи бывшей солдатской столовой. Официантки сервируют столы. Здесь же и Юлька. Как обычно, с шумом на завтрак приходит «контингент». Тот парень, которого вчера Юлька ударила утюгом, явился сюда с перебинтованной головой. Расталкивая своих сотоварищей, он рвется в зал. Увидев Юльку, кидается на нее. Схватив официантку за рукав, парень хлещет ее по щекам и в злобе орет:

— Ах ты, стерва! Ах ты, паскуда! Ты сейчас у меня попляшешь! — С этими словами он заламывает ей руки за спину и валит на один из столов лицом вниз.

Юлька извивается, пинается и кричит:

— Отпусти, гад! Я убью тебя! Убью! Только попробуй тронь!

Однако вырваться ей не по силам. Парень свободной рукой рвет на ней платье, задирает подол. «Контингент», будто ничего особенного и не происходит, рассаживается за столы, как в театральные кресла, предвкушая занятную сцену.

В зал входит Стрельцов. Он устремляется на помощь к Юльке. Вадим отбрасывает от нее парня и тут же па-

* Ксива — паспорт. (Прим. авт.).

посит ему удар в голову. Парень плюхается на пол, но в следующее мгновение вскакивает и пытается нанести Стрельцову ответный удар. Вадим уклоняется от него, захватывает руку парня и резко бросает его опять на пол. Тот охает и затихает.

Юлька, растрепанная и в разорванном платье, стоит прижавшись к стене. Вдруг она хватается со стола нож и бросается к парню. Вадим успевает поймать ее и отбирает нож. У Юльки — истерика. Она бьется в руках Стрельцова, кричит и порывается к своему обидчику. Вадим подхватывает ее на руки и несет к выходу из зала. Юлька еще сильнее кричит, болтает ногами и пытается поцарапать Стрельцова.

— Верх Профи, — звучит чей-то голос из сидящих в зале. — И баба, значит, его.

Все принимаются за пищу, не обращая внимания на избитого Стрельцовым парня, который все еще лежит на полу.

* * *

Комната, в которой временно разместились женщины-официантки. Сюда и вносит Стрельцов брыкающуюся Юльку, пытается уложить ее на кровать.

— Полежи, успокойся... Да успокойся, тебе говорю! Стрельцов, придерживая Юльку одной рукой, другой дотягивается до графина и наливает в стакан воду.

— На, попей. Успокойся. И не бойся меня.

Зубы Юльки выбивают звонкую дробь. Она все же делает несколько глотков, откидывается на подушку и воет:

— У-у, гад, пристал! Убью его! Всех вас убью! Рвану ручку — и все вверх взлетите. Ха-ха-ха! — заходится она в истерическом смехе. — Всех до одного — в воздух. Вон туда, — тычет она пальцем в потолок, — к боженьке, отправлю!

— Не мели чепуху, — строго говорит ей Вадим. — Совсем крыша поехала? Какую еще ручку?

— Знаю какую! И где она, знаю!

Вадим крепко встряхивает ее. Юлька испуганно смотрит на него и затихает. Некоторое время она неподвижно лежит, затем садится на кровати, обхватывает колени, и наконец, Вадим видит ее осмысленный взгляд. Стрельцов пересаживается от нее к столу.

— А ты-то кто такой? — устало спрашивает Юлька. — Похлеще их, видно, раз тебя в отдельной комнате обслуживают.

— Я — Вадим... Стрельцов. А эти меня прозвали Профи. Я у них вроде как инструктор. А тебя как зовут?

— Юлька.

— А сюда-то как попала?

— Денег много пообещали... — Она всхлипывает и утыкается лицом в свои колени.

* * *

Вечер. Новая квартира Стрельцовых. Валентина — на кухне, занята приготовлением ужина. Но вот она смотрит на часы — 17.00 — и, спешно оставив все дела, начинает куда-то собираться. Раздается трель электрического звонка. Валентина открывает дверь. На пороге — Смоляников. В одной руке у него цветы, в другой — кейс.

— Здравствуйте, — галантно раскланивается он. — Именно такой я и представлял жену Вадима Николаевича. Позвольте войти? Моя фамилия Смоляников. А зовут меня Николаем Ивановичем. Я один из руководителей организации, в которой работает ваш муж.

— Валентина, — представляется она в свою очередь. И тут же обеспокоенно спрашивает: — Что-нибудь с Вадимом?

— Нет-нет. Просто решил зайти посмотреть, как вы устроились. Это мой долг. У вас все благополучно?

— Да, благодарю вас. Вы проходите в комнаты, что же мы у порога стоим, — спохватывается Валя.

— Неплохо, неплохо, — резюмирует Смоляников, осмотрев комнаты. — Вы знаете, для человека, который посвящает себя без остатка труду — я имею в виду вашего мужа, — обстановка в доме, уют, тепло играют огромную роль и стимулируют. Ах, экий я неловкий! Это — вам. — Крез протягивает Вале букет цветов.

— Спасибо, — принимает цветы Валя. — Желаете кофе?

— С удовольствием выпью чашечку.

— Присаживайтесь, пожалуйста, где вам будет удобно. А я сейчас приготовлю кофе. — И Валя уходит.

Смоляников усаживается в кресло к журнальному столику, открывает кейс и выставляет бутылку марочного коньяка. В комнату входит Валентина, в руках у нее поднос, на котором кофейный сервиз.

— Вы уж меня извините за это, — показывает Крез на бутылку. — Я подумал, что ничего такого нет в том, если мы с вами немного выпьем за знакомство.

— Ну что ж, в этом, действительно, ничего дурного, если только немного, — отзывается Валя.

На журнальном столике появляются еще и две рюмки.

* * *

Вечер. Полигон. Вадим Стрельцов выходит из домика, который иногда служит ему временным жилищем. На нем модная дорогая пара. Вадим направляется к перламутровой «девятке» и садится за руль. «Жигули» мчатся к выезду с территории военного городка, арендованного инициативной группой «ученых» для проведения «эксперимента». Вскоре «девятка» движется по шоссе в направлении города.

А Смоляников и Валя тем временем беседуют за кофе. Она посматривает украдкой на часы. Это замечает Смоляников.

— Вы куда-то спешите?

— К сожалению, да. Сына пора забирать из детского сада.

— Ну, это святое дело. В вашем распоряжении моя машина.

— Да это рядом совсем. Не стоит вас беспокоить, — говорит Валя, радуясь тому, что Николай Иванович сразу понял ее заботу.

— А это вам, — протягивает он Вале изящную коробочку.

— Что это? — спрашивает Валентина, открывая коробочку. — Ой! Какая прелесть! Это кольцо?

— Да. Оно будет к лицу вам. Так что примите от меня этот скромный подарок.

— Я бы так не назвала такой подарок. Не очень-то разбираюсь в драгоценных камнях, но, думаю, вещь эта стоит дорого... Господи, я даже и не знаю, как надо вести себя в таких случаях...

— И знать не нужно. Возьмите, носите и будьте счастливы.

* * *

Стрельцов подъезжает на автомобиле к дому, ставит свою новенькую «девятку» на стоянку, входит в подъезд. Дверь ему открывает Валентина. Увидев его, она радостно восклицает:

— Ух ты-ы! Папка наш приехал!
Вадим входит в квартиру, целует жену. Откуда-то из-за Валентины выскакивает Андрейка и бросается к отцу.

— Папка приехал! — кричит он.

Стрельцов поднимает сына на руки и идет в комнаты. Он сразу замечает и сервированный журнальный столик, и коньяк, и цветы, и изящную коробочку.

— У нас были гости?

— Да. Начальник твой приходил. Смоляников Николай Иванович. Представляешь, я уже за Андрейкой собиралась, а тут он приходит. Зашел, говорит, посмотреть, как устроились. Ну, что делать? Предложила кофе. А он этот коньяк вытащил. Сижу, разговариваю с ним, а сама как на иголках...

— А это что? — Вадим берет коробочку и открывает ее.

— Подарок мне сделал...

— Это бриллианты, Валя, — еще больше хмурится Вадим. — И стоит это кольцо тысяч десять, как минимум.

— Ой, Вадик! Что же делать?! Я ведь и подумала: дорого, наверно. Но посчитала, что отказываться от подарка неудобно... Но если бы знала...

— Ладно! Не причитай, разберемся. — Вадим кладет коробочку в карман пиджака.

Потом он достает фужер, наполняет его до краев «гостевым» коньяком и выпивает до дна. Валя смотрит на мужа широко открытыми глазами.

— Вот что, Валя, — говорит он ей. — Лето на исходе, а парень наш в городской духоте мается. Отвези-ка ты его к матери.

— Андрейка, — ласково обращается Стрельцов к сыну. — К бабушке в деревню хочешь?

— Хочу! Хочу! — прыгает от радости Андрейка.

— Но ведь я только устроилась на работу, — пытается возразить Валя. — Кто же меня отпустит?

— Отпустят. Возьмешь отпуск без содержания. Так что собирайся, и дня через три — в путь.

* * *

Перрон железнодорожного вокзала. Стрельцов провожает Валентину и Андрейку. Он вносит их вещи в вагон, устраивает семью, прощается.

— Вадим, ты мне в последнее время что-то не нравишься, — говорит обеспокоенно Валя. — Какой-то озабоченный и хмурый.

— Так, временные трудности, — отводит в сторону глаза Стрельцов. Он целует жену, сына и идет к выходу из вагона.

Поезд трогается. Вадим идет за вагоном, машет Вале и Андрейке рукой. Валя успокаивает вдруг разревевшегося сына. В последний вагон поезда на ходу запрыгивает соломенногривый Вова, давний «знакомый» Вадима Стрельцова. Зашумевшую было на него проводницу он тут же успокаивает сторублевой бумажкой. И вскоре она семит впереди него по вагону, провожая в купе.

* * *

Серые, сердитые тучи низко зависли над полигоном, Моросит дождь. По полю движется цепь «контингента», вооруженная автоматами. У двоих из обучаемых гранатомет. Вокруг наступающих на предполагаемый опорный пункт «противника» гремят взрывпакеты, стелется дым. Достигнув, видимо, установленного рубежа, ученики Стрельцова залегают на набухшей от влаги земле.

— Справа, слева по-одному, — командует Седой. — На рубеж: куст «желтый» — дерево «черное», перебежками... Марш! — За спиной у Седого переносная радиостанция, уши накрывают головные телефоны.

Попеременно — то с правого, то с левого фланга цепи — вскакивают автоматчики, пробегают десять — пятнадцать метров, падают, откатываются в сторону и изгибаются к стрельбе. Цепь выравнивается. И снова с флангов ее срываются атакующие, бегут по полю, перепрыгивая через дымящиеся шашки, не обращая внимания на разрывы.

На участковом пункте управления возле витринных стекол, наблюдая за происходящим на поле, стоят Крез, Петенька, гороподобный Ченов, Рыжая и вертлявый мужчина, который и здесь забавляется картами. Стрельцов сидит за пультом управления и, кажется, безразличным к тому, что там делают его ученики. А компания, что здесь присутствует, наоборот, возбуждена и болеет за подопечных Вадима, как за любимую футбольную команду. Встроенный в пульт динамик воспроизводит команды Седого. Стрельцов включает тумблер и говорит в микрофон:

— На установленном рубеже — стоп. На исходный возвращаться колонной.

Временное жилище Стрельцова. Возле окна установлен перископ, к которому приник человек со сверкающей лысиной. Здесь же еще четверо мужчин. Двое из них, с непроницаемыми лицами, в одинаковых элегантных серых костюмах, застыли у входной двери, а еще двое стоят за спиной наблюдающего за учебным боем. Они отличаются от первых двух не только одеждой, более солидным возрастом и манерами поведения. Один — явно кавказец, а другой — представитель солнечной азии.

— Мне кажется, выучка превосходная, — обращается к ним человек с лысиной. — Посмотрите сами.

Он отходит от перископа, надевает роговые очки, и мы узнаем этого невысокого квадратного субъекта с депутатским значком. Это тот человек, который находился в тени своего кабинета во время беседы с Крезом. Кавказец склоняется к оптике.

— Какие джи-гиты! — тянет он. И тут же восклицает: — Канфетка! Ми давно мечтали иметь таких.

— Вы будете иметь их столько, — говорит «депутат», — сколько захотите. Но... — здесь он делает многозначительную паузу. — Если будете следовать нашим рекомендациям. И требованиям.

— Ай! Слушай, зачем так... — вступает в беседу восточный человек. — Уже много говорили: ты — мне, я — тебе. Почему так нет? А? Деньги взяли, а «дырку» в законе не сделали... Не хорошо! А сейчас опять условие ставишь!

— Все, что обещали — сделаем, — заверяет «депутат».

— С вашей же помощью!

Сквозь оптику видно, как «контингент» преодолевает полосу препятствий. Ученики Стрельцова бесстрашно и ловко бегут по бревну через ров, преодолевают фасад разрушенного «здания», бросают в цель учебные гранаты...

Временное жилище Стрельцова. На пороге стоит Смоляников. За его спиной — спортивные мужчины в серых костюмах. Квадратный человек в роговых очках расположился в единственном здесь кресле. Рядом с ним вальяжно сидят на стульях и посматривают на Креза кавказец и восточный человек.

— Вы оправдали наше доверие и плодотворно использовали летние месяцы, — говорит квадратный человек. — Кстати, сегодня 1 сентября. День знаний.. Знаменательно! И этот ваш... Как его?..

— Стрельцов, — подсказывает Крез.

— Да, Стрельцов хорошо обучил группу. Кстати, сколько вы ему платите?

— Как вы и устанавливали — тысячу двести в месяц, — говорит Крез, но почему-то прячет глаза.

— За такую работу надо платить больше. Положите ему жалованье в две тысячи рублей. Профессионал высокого класса не должен нуждаться ни в чем. И пусть принимает следующую группу. Надеюсь, Ювелир набрал такую?

— Да, люди подобраны, — четко отвечает Смоляников-Крез. — С ними проведена соответствующая работа, на каждого заполнены учетные документы.

— Кто они? Только коротко, в общем.

— В основном амнистированные... Таких большая часть. Но есть и такие, что находятся в розыске...

— Таких набирайте поменьше. И хватит об этом. Там, — продолжает квадратный человек, показывая на объемный портфель, который стоит на столе, — деньги, документы, адреса. Через три дня группа должна быть... — Тут он, засучив ногами, встает из кресла, подходит к карте Советского Союза и тычет пальцем в какой-то населенный пункт: — Вот здесь!

— Будет исполнено, — вытягивается Крез. — Но.. Прощу оставить на полигоне одного из выпускников.

— Кого? Зачем?

— Он значится в нашей картотеке как Седой. Из него может получиться неплохой инструктор.

— Разумно, — одобряет «квадратный».

* * *

На площади южного города беснуется многотысячная толпа. Натиск возбужденных людей с трудом сдерживают работники милиции. В толпе, то в одном месте, то в другом, мелькают физиономии Резаного, Цыгана, Крысы и других учеников Стрельцова. Они тоже что-то кричат. Цыган пробирается в первые ряды атакующих здание и резко взмахивает рукой. В милиционера летит увесистый камень, сбивает с него фуражку. Тот хватается за голову, по его лицу сбегают струйки крови.

Пример Цыгана оказывает свое действие: в сторону защищающих здание со всех сторон полетели камни. Милиционеры шаг за шагом отступают и в конце концов укрываются за витой чугунной оградой. Люди в злобе пытаются раздвинуть прутья, сломать ворота, лезут вверх по ограде.

Крыса вытаскивает из кармана баллончик с газом, швыряет его под ноги толпы и, бойко работая локтями, начинает пробираться подальше от этого места. За его спиной крики: «Газы!», «Газами травят!» В панике люди сбивают слабых с ног, топчут их. Стоит гвалт, визг.

В другом месте площади то же самое проделывает Цыган. Люди с еще большей злобой нападают на металлическую ограду. Из середины толпы гремят выстрелы. На помощь милиции прибывает воинское подразделение. Из машин выпрыгивают солдаты в касках, в бронежилетах, с автоматами в руках.

По ночной улице мчатся «Жигули». В автомобиле бывшие ученики Стрельцова, в их числе Резаный. Город в сполохах пожаров, повсюду битое стекло, несколько раз машина объезжает поваленные столбы линий электропередач. «Жигули» останавливаются возле двухэтажного деревянного дома.

— Этот, что ли? — нерешительно говорит Резаный. — Вроде этот.

Он выходит из машины. В руках у него канистра. Озираясь по сторонам, он проникает во двор и плещет из канистры на угол здания. Резаный прикуривает и бросает спичку. Деревянное строение загорается пламенем.

Резаный бежит к машине. В доме раздаются крики, на крыльцо выскакивают в нижнем белье мужчины, женщины, дети. Один из «контингента» выставляет в боковое окно ствол автомата, гремят три короткие очереди. Слышатся панические вопли и стоны людей. А легковушка уже мчится дальше по ночному городу.

* * *

На территорию бывшего военного городка въезжают два «Икаруса» и останавливаются на площади перед казармой. К ним направляются Стрельцов и Седой.

— Займись людьми вон из той машины, — говорит Стрельцов. — А я этих приму.

Новый «контингент», озираясь по сторонам, медленно выходит из «Икаруса». Вадим терпеливо ожидает их.

В другом автобусе людьми «занимается» Седой. Он вошел в салон и подгоняет вновь прибывших тумачами и пинками.

— Шевелись! — резко толкает Седой одного из них. — На курорт приехал, что ли?

— Становись! — шумит Седой уже возле автобуса. — Куда? Куда встал, баран?

* * *

По разбитой пыльной дороге, что тянется по берегу озера, мчится, подпрыгивая на ухабах, «уазик» с открытым верхом. В кузове машины шесть — семь человек в полувоенной одежде. Все вооружены автоматами. Среди них мы узнаем подопечных Стрельцова.

Автомобиль сворачивает с дороги, на высокой скорости несется по полю, взлетает на холм и останавливается. Внизу — селение. Из труб домов стелется дым. В садах копошатся люди, на улицах играют ребятишки. Вооруженная группа покидает «уазик», разворачивается в цепь и на ходу изготавливается к стрельбе.

Треск автоматных очередей. Трассеры хищными осами влетают в село, вписываются в стены домов, заборы, бьют окна, опрокидывают людей. В панике мечутся сельчане. Но вскоре гремят ответные ружейные выстрелы и из населенного пункта. А группа бежит к машине, которая покатила уже с холма. Налетчики на ходу запрыгивают в «уазик» и снова мчатся полем в направлении к озеру.

На дороге их настигает вертолет. Тень винтокрылой машины накрывает «уазик», на боевиков обрушивается поток воздуха. Они, как по команде, открывают огонь по вертолету. Но и с «вертушки» в ответ заработали автоматы, застучал пулемет. Пули с воем вливаются в грунт перед капотом автомобиля, возле бортов, а затем и настигают агрессивных пассажиров. Одна из очередей прошивает со спины водителя. Он заваливается на руль, и двигатель «уазика» глохнет. Вооруженная группа разбегается. Вертолет снижается, из него выпрыгивают военнослужащие в краповых беретах и начинают преследовать боевиков. Те отходят, ожесточенно отстреливаясь.

* * *

Кабинет Смоляникова. Окно за его спиной в наледи, разрисованное морозом. Николай Иванович, развалиясь,

сидит в кресле за вместительным столом, просматривает иллюстрированный журнал. Звонит телефон.

— Я, вас слушаю, — не отрывая глаз от картинок, говорит Крез. — Да, да... Я слушаю вас...

— Включите телевизор, — требует знакомый раздраженный голос.

Крез встает, спешно исполняет команду. На экране, судя по вещающей женщине в милицейской форме, транслируется передача «По оперативным сводкам МВД СССР».

— ...Кому известно местонахождение скрывшихся с места преступления грабителей,... — Тут на экране появляются фотографии Резаного в фас и профиль, а следом такие же — Крысы, — ...органы внутренних дел просят сообщить по телефону...

Смоляников плюхается в кресло, вытирает платком враз взмокший лоб. А из телефонной трубки звучит еще более раздраженный голос:

— Ну? Видели своих красавчиков? Что молчите? Впрочем, ничего вразумительного я сейчас от вас и не услышу. Но утром я должен знать, почему эти идиоты вместо того, чтобы работать там, куда их послали, оказались здесь и совершили разбойное нападение на сберкассу, в которую, кстати, проникли через пролом после выстрела из гранатомета. Есть жертвы среди работников сберегательной кассы и сотрудников милиции. Теперь угрозыск не отступится и найдет их, даже в том случае, если они зароятся в землю. И КГБ еще подключится... А решение мы будем принимать после вашего доклада.

Звучат короткие гудки. Смоляников некоторое время прислушивается к ним и, наконец, раздраженно бросает телефонную трубку на аппарат. Теперь он напоминает взъерошенную птицу. Он барабанит пальцами по столешнице, по его скулам бегают желваки.

— Найдет, говоришь, угрозыск? — вырывается из него злобное шипение. — Как бы не так!

* * *

Городское кладбище. Сгущаются сумерки. В ворота въезжают один за другим три легковых автомобиля. Из домика выходит сторож с помятым лицом и с удивлением смотрит вслед машинам.

На заснеженной поляне самого дальнего участка кладбища пылает костер. Над ним, на крепкой, в человече-

скую руку, ветви сосны, подвешен за ноги Крыса. Остролицая его физиономия в ссадинах, рот заткнут тряпкой, руки связаны за спиной. Он таращит глаза на подбирающиеся к нему языки пламени, свежевырытую могилу рядом с деревом, извивается и мычит. Невдалеке от костра топчется на снегу Крез, одетый в добротную дубленку. Рядом с ним несколько человек.

— Валет, — почти не открывая рта, зло говорит Смоляников, — твои балбесы сегодня не заработали даже на сигареты. Крыса молчит, Резаного упустили. Ты будешь делать что-нибудь?

— Подбрось-ка сушняка, — тут же приказывает Валет одному из парней.

Тот подхватывает охапку хвороста и бросает в огонь. От костра летят искры, взвивается пламя, еще больше корчится и сильнее мычит Крыса.

— Вова, спроси его, не надумал ли сказать, где Резаный и «бабки» из кассы, — продолжает командовать Валет.

Вова, прикрываясь рукой от жара костра, подходит к Крысе, хватая его за жиденькие волосенки и выдергивает изо рта тряпку.

— Ну? — спрашивает он. — Вспомнил, козел?

— Да! — хрипит Крыса. — Скажу... Хрен с ними, с деньгами... И с Резаным тоже... Убери только огонь... На могу больше...

— Убавь немного огонек, — распоряжается Валет.

— Резаный у Катьки пирует, в Печатном переулке. Деньги там же, на чердаке, в сумке...

— Ты, ты и ты, — тычет пальцем в соломенногривых Валет, — за мной! По коням! Я сейчас, Крез, быстро обернусь.

— Давай, — одобрительно кивает Смоляников и идет к машине.

Он влезает в нее, включает зажигание, заводит двигатель и сидит там, греется. К дверце автомобиля подходит Вова и осторожно стучит костяшками пальцев по стеклу.

— Шеф, а с этим что?

— Пусть еще повисит, — не поворачивая головы, бросает Крез.

Через некоторое время машины возвращаются. Из кузова одной из них выволакивают окровавленного, в разорванной рубашке Резаного и женщину в одной сорочке со связанными руками. Обоих сбивают ногами в снег.

— Взяла вапса, — кричит окровавленные губы Резаный. — Не думал, что быстро найдете... Крыса, сволота, расколосся. Надо было кончить его сразу, не нашли бы...

Женщина настолько перепугана, что только стонет и повизгивает. От машины к ним идет Крез. В нескольких шагах от Резаного он останавливается и говорит:

— Я тебя предупреждал. Я вас всех предупреждал!

С этими словами Смоляников вытаскивает из кармана пистолет. В ночной тишине гремят три выстрела. Крез прячет оружие и направляется к автомобилю.

— А с бабой что делать?! — кричит ему вслед Валет.

— Не ори, — продолжая шагать по заснеженной поляне, спокойным голосом говорит Крез. — Кончай ее, она вас видела.

— Нет, нет, не убивайте! — рыдает женщина. — Я как рыба молчать буду...

Выстрел обрывает ее заверения. Валет сует в карман пистолет и снова спрашивает:

— А Крыса?

— В яму эту падаль, — открывая дверцу машины, отдает распоряжение Крез.

Парни набрасываются на Крысу и тащат его к свежерытой могиле.

— Я же свой, я все сказал, — воет тот и брыкается.

Один из парней бьет его кастетом по голове. Крыса затихает и летит в яму. Вслед за ним туда же сбрасывают тела Резаного и женщины. Парни берутся за лопаты, и вскоре на поляне вырастает холмик. Они устанавливают на нем брошенный за ненадобностью людьми проржавевший памятник. В этот момент появляется сторож.

— Чё? Чё вы тут делаете? А?

— Ых! — тоскливо вздыхает Валет. — Еще один...

— Заткните ему пасть, и поехали, — звучит усталый голос Смоляникова. — Поздно уже. Завтра работы много.

Вова бьет мужичонку ногой в живот. Тот охает и садится на снег. Вова идет мимо него к машине и на ходу, небрежно засовывает в открытый рот сторожа бумажные деньги. Автомобили разворачиваются на поляне и отъезжают.

* * *

Разбрасывая по сторонам талый и грязный снег, мчится черная «Волга». На переднем сиденье, рядом с водителем, — Стрельцов. На заднем — трое из подопечных Ва-

дима. Один из них с любопытством смотрит сквозь стекло и, поблескивая фиксой, весело делится своими наблюдениями:

— Во житуха, мужики, настала! Все митингуют, работу похерили, фарца в открытую тусуется... Фотки с голыми бабами на каждом углу продают. А? Как на диком Западе... А?..

— Тебе-то что от этого, — бурчит другой с мясистым, словно вырубленным топором, лицом широкоплечий парень. — Раньше б дело было, так потрясли бы этих ханыг, А сейчас нельзя. Крез грозитя за это голову оторвать. Мне скучота, а ты веселишья, дурак.

— Скоро нас Профи отпустит... Да, Профи? — заглядывает на Стрельцова худощавый, но, видно, высокий и жилистый парень лет тридцати. — Поживем вволю еще..

Впереди автомобиля образовалась «пробка». Некоторое время «Волга» лавирует между машин, но вскоре прижимается к обочине и останавливается.

— Вон, — ворчит водитель, — опять какая-то толпа горлодеров собралась. Аж на дорогу повылазили.

Вадим прислонился к правой дверце и пытается рассмотреть, что происходит впереди. Вдруг он настораживается и даже подается к лобовому стеклу. Там, в нескольких шагах от «Волги», многочисленная толпа из представителей южной национальности окружила офицера. Кто-то сбил с него фуражку, кто-то уже успел рвануть за отворот шинели, и оторванная пуговица едва держится, болтается на нитке.

— Хватит трепаться, — обрывает своих спутников Стрельцов. — Видите вон того военного? В машину его!

— Зачем он тебе, Профи, сдался? — пытается возразить фиксатый.

— Я неясно что-то сказал? — поворачивается к нему Вадим.

Выражение его лица не обещает ничего хорошего, и трое пассажиров выходят из салона.

Они подходят к беснующимся вокруг офицера, затем, как по команде, врываются в толпу. Разбрасывая людей, первым к военному пробивается парень с мясистым лицом. Он хватается офицера за рукав и рывком вытаскивает его из круга. Люди в толпе шокированы таким поворотом дела и только лишь успевают закрываться от ударов напавших на них.

Парень с мясистым лицом заталкивает совершенно растерявшегося и абсолютно ничего не понимающего в

происходящем офицера в машину и спешит на помощь сотоварищам. А те там, что называется, разошлись. Худощавый дико выкрикивает и изображает перед перепуганной толпой что-то похожее на движения любителей восточных единоборств.

Парень с мясистым лицом бросает в толпу баллончик с газом.

— Всё, хватит! Срываемся!

Бандиты бегут к машине и втискиваются в салон. Люди в панике мечутся по тротуару, слышатся испуганные крики, стоны, визг женщин. Дорога к этому времени стала посвободнее, и «Волга» беспрепятственно уезжает.

Вадим поворачивается к офицеру, и тот восклицает:

— Стрельцов?! Ты?!

Мы узнаем Сергея Петровича, подполковника, командира того полка, из которого Вадим уволился со службы.

— За что они вас? — спрашивает Вадим.

— Черт его знает, — начинает рассказывать возбужденный встречей и случившимся подполковник. — В штаб округа меня вызвали. Ну, вышел оттуда и решил посмотреть город, а тут человек десять окружили: «Убийца! Ты стреляешь в народ!» Минуты не прошло, а вокруг уже толпа. Стою и не знаю, что делать.. А тут эти... Спасибо вам, мужики, выручили...

— Жуй на здоровье, командир, — язвит фиксатый.

В машине устанавливается тишина. Через некоторое время ее парушает Сергей Петрович:

— Вадим... Может быть, заедем куда-нибудь и побеседуем?

— Не сейчас. Но думаю, что очень скоро загляну к вам.

И тут же неожиданно для Сергея Петровича, но пристально глядя ему в глаза, Вадим весело и даже развязно добавляет:

— Возьмем пузырек, посидим... Поговорим о том, кто, что и почему... Годится? Ну, а теперь нам в другую сторону. — И приказывает водителю: — Останови машину.

* * *

Многотысячная толпа заполнила площадь. Люди потрясают кулаками, что-то скандируют. Повсюду плакаты и транспаранты с лозунгами. Оцепление воинов в краповых беретах и десантников. Издали ряды демонстрантов напоминают волны бушующего моря. Но вот они стано-

вятся все меньше, меньше, и, наконец, мы видим их на экране телевизора. У экрана Стрельцов. Без особого интереса он смотрит репортаж. Валя расположилась на софе. Она склонилась над вязанием, но тоже время от времени поднимает глаза от экрана.

— Вадик, — обращается она к мужу, — ты не замечаешь, что в нашем доме стало скучно. Ты все больше молчишь... Может, привезем от мамы Андрейку? Соскучилась я по нему.

— Я тоже, — отвечает Вадим. — Но повременим с этим. Скоро лето, может быть, поедем туда вместе...

Стрельцов вдруг замолчал на полуслове, подался к экрану. В толпе мелькнула физиономия Шепелявого, размахивающего флагом непонятной расцветки. Вадим не отрывается от изображения. Он узнает еще и Цыгана. И еще троих из своих учеников, что-то кричащих вместе со всеми участниками митинга.

Стрельцов резко поднимается с кресла и выключает телевизор. На недоуменный взгляд Валентины отвечает:

— Это уже все надоело.

Он выходит из комнаты. Валентина, так и не дождавшись его, идет на кухню. Вадим сидит, тяжело навалившись на стол и свесив голову. Перед ним почти пустая бутылка коньяка и граненый стакан.

* * *

Полигон. Временное жилище Стрельцова. Вадим расположился возле журнального столика, сервированного по-мужски, на скорую руку, и потягивает из фужера темный густой напиток. На столике ополовиненная бутылка с экзотической этикеткой, под столиком несколько таких же бутылок. В комнате полумрак, но света он не зажигает.

Распахивается дверь. На пороге Смоляников.

— Вадим Николаевич. — Он само радушие. — Здравствуйте, здравствуйте!

— Привет, — небрежно бросает Вадим и демонстративно отпивает из фужера.

— Что с вами происходит, Вадим Николаевич? — продолжает улыбаться Смоляников. — Отсутствие настроения? — Что-то вы занятия уже третий день не проводите? Прошлой осенью, а затем зимой ваши подопечные успешно выдержали экзамены. Но на этот раз я не уверен в их

подготовке... Вы нам сорвете эксперимент. Мы ведь вам доверяем людей со сложной судьбой...

— Хватит вешать мне на уши мучные изделия, — зло усмешается Вадим. — Я давно сообразил, что все это туфта, но не мог понять, для чего этим подонкам военная подготовка. А теперь вот дошло.

Добрая, приветливая улыбка Креза исчезает.

— Вы за это получили все, что смертному и не снилось...

— Уходи! — обрывает Креза Вадим.

Смоляников разворачивается, резко открывает дверь и выходит из комнаты. Дверь, спружинив, с сильным стуком захлопывается за ним так, что сыплется штукатурка. Вадим снова наполняет фужер и пьет.

В комнату Стрельцова врываются человек пять из дружины Валета. Среди них и Вова, самый первый знакомый Стрельцова из этой компании.

Стрельцов отставляет фужер, встает и, словно сам себе, говорит:

— Обстановку оценил. Решение принял. К выполнению задачи приступаю.

В парней летит увесистый стул. Те, что были впереди, отпрыгивают назад и непроизвольно создают в дверях толчею. Вадим бьет ногой в окно, со звоном разлетаются стекла, створки распахиваются. Спружинив на ногах, он ласточкой перелетает через подоконник, приземляется на руки, делает кувырок через голову, вскакивает и скрывается за углом здания. Боевики Валета — на крыльце. Оглядевшись, они бегут вдоль здания.

Из-за угла появляется Стрельцов. Он бьет двух, оказавшихся ближе, третьему наносит удар ногой в грудь, четвертому — ребром ладони по шее. Перед ним — Вова. Вадим прыгает, хватает противника за воротник рубашки, приседает, тянет его своим весом вниз, но внезапно отпускает и бьет локтем в челюсть. Вова мешком опрокидывается на дорожку. Стрельцов, перепрыгивая через распластавшиеся тела, снова скрывается за углом дома.

* * *

Крез мечется на ступеньках казармы и орет на переминающихся перед ним с ноги на ногу парней.

— Найти его! Притащить сюда! Хоть живого, хоть мертвого! Седой! Ну, где он может быть?!

Этой ночью в отлаженном механизме политиканов, использующих в своих целях бандитов, случился сбой. И обитатели центра подготовки боевиков для службы супер-рэкеты, забыв об отдыхе, рыскают по территории в поисках Стрельцова. Вооружившись фонарями, они прочесывают кустарник, врываются в комнаты жилых и служебных зданий, заглядывают под кровати, диваны, в шкафы... Все перевернуто вверх дном. Каждый полчаса гонцы от таких поисковых групп бегают на доклад к Смоляникову. Крез до сих пор не услышал желаемой вести и беснуется в бывшем временном жилище Стрельцова. Здесь же Валет и Петенька, гороподобный Чёнов и Рыжая... Достается от Смоляникова всем, но стуски ругательств больше летят в Валета. Он вздыхает и морщится, но, зная, на что способен в гневе Крез, помалкивает.

Крез, наконец, набирает номер телефона квадратного человека в роговых очках. Страшная история, которую он рассказывает своему патрону, понятна без слов, по жестикации и мимике.

* * *

Временное жилище Стрельцова.

— Возьми своих балбесов и съезди на квартиру Профи, — отдает распоряжение Валету Смоляников. — Может, он там. Если нету, тащи сюда его бабу. Она заорет — сам прибежит.

Валет выловил одного из парней в кустах и приказывает ему:

— Найди еще двоих — и к машине. Поедем на хату к Профи.

Седой, укрывшись за стволом дерева, наблюдает за всем этим. Как только «Жигули» с бандитами выезжают за ворота, он устремляется к бетонному забору, опоясывающему бывший военный городок, ловко преодолевает его и бежит лесом. Сократив таким образом путь, Седой выходит на дорогу, передергивает затвор автомата, вытаскивает из подсумка гранату. Из-за поворота появляется автомобиль. Свет фар слепит Климова, он прикрывается от лучей рукой, но с дороги не сходит.

— Валет, — показывает один из парней на Климова, — Седой чего-то тут.

Валет — он сидит за рулем — притормаживает и высматривается в окно.

— Ты чего, Седой?

Климов подходит вплотную к двери со стороны водителя, бросает в салон гранату и отпрыгивает в заросли кустарника. Гремит взрыв. На дороге пылают останки «Жигулей». Седой, прихрамывая, бежит в лес. Полевая куртка на нем разорвана, лицо в саже, на плече распыляется темное пятно.

К догорающему автомобилю приближаются три черные «Волги». Метров за десять машины останавливаются, пассажиры выскакивают из салонов. Один из них замечает удаляющуюся в лес фигуру, вскидывает пистолет и открывает огонь. В ответ тарыхтит автоматная очередь. Пули взбивают дорожную пыль, свистят над головами спортивных мужчин в серых костюмах и заставляют их валечь на обочине.

* * *

Участковый пункт управления. Здесь, прислонившись спиной к дощатой стенке, сидит Стрельцов. Глаза у него прикрыты, но он настороже и реагирует на каждый звук. Вот он приподнимается, сквозь стекла-витрины осматривает местность. Затем бесшумно спускается по лестнице и, прячась за деревья и кусты, пробирается к зданию, где живут женщины-официантки. Слышатся шаги. Стрельцов вамирает. По аллее, озираясь по сторонам, идет один из «контингента». Вадим кошкой подкрадывается к боевику, из-за спины зажимает ему рот, ребром ладони бьет в бок, ватаскивает обмякшее тело за кусты, забирает автомат, два «рожка» к нему, нож, подсумок с гранатами. Подойдя к дому, он осторожно стучит в окно.

— Кто там? — откликается женский испуганный голос.

— Пусть выйдет Юля. Я — Вадим, — почти шепотом отвечает Стрельцов.

На крыльцо, запахивая на ходу халатик, выходит Юлька. Ничего не различая в темноте, она тихонечко спрашивает:

— Вадим, где ты?

— Иди сюда, — подает голос Стрельцов.

Он берет Юльку за руку и увлекает за собой. Из дома выбегает одна из официанток и бежит по аллее. На встречу ей размашисто шагают спортивные мужчины, вооруженные пистолетами. После погони за Климовым по почному лесу внешний лоск с них слетел, но они решительны и ожесточенны.

— Он там, он там! — показывает им на кусты официантка. — С нашей дурой куда-то побежали...

Спортивные мужчины ломятся сквозь кустарник.

Вадим и Юлька укрылись в участковом пункте управления, сидят на полу плечом к плечу, вытянув ноги и прислонившись спинами к дощатой стене.

— Ты чего им сделал? — шепчет Юлька. — Ищут тебя повсюду, к нам приходили.

— Об этом потом. Ты говорила о какой-то «ручке», с помощью которой можно взорвать все это к чертовой матери...

— Да это же давно было, еще прошлым летом.

— Вспомни, Юля, где ты такую видела?

— Когда по лесу бежала... Поляна там была. Но сейчас, ночью, мне не найти...

— А с рассветом?

— Попробую... А нас тут не найдут?

— Не найдут. Не бойся.

Они долго молчат, не двигаясь с места.

— Вадим, а у тебя жена есть? — спрашивает Юлька.

— Есть.

— Любишь ее?

— Люблю.

— Красивая она, наверное, — вздыхает Юлька. — А дети есть?

— Есть. Сын.

— Счастливый ты...

За стеклами-витринами занимается рассвет.

— Ну, что? — приподнимается с пола Стрельцов. — Рискнем?

Вадим и Юлька бегут по росному полю, потом лесом. Стрельцов заботливо помогает девушке преодолевать валежник, ложбинки... Юлька задыхается в беге, крипло шепчет:

— Загнал ты меня... Сил больше нет...

— Где-то же рядом та поляна.

Вадим и Юлька снова бегут лесом, прыгают по кочкам, пробиваются через кустарник. Халатик на Юльке вымок, облепил ее стройное молодое тело. Она, наконец, останавливается, в изнеможении обвивает ствол дерева и показывает рукой:

— Кажется, вон там... За теми кустами.

Вадим крадется вдоль кустов, отыскивает просвет между ними и замирает. На поляне, возле едва тлеющего костра, сидят трое из числа «контингента». И береза одинокая тут же. Все здесь именно так, как рассказывала ему Юлька. Он дает ей знак, чтобы затаилась, и выскакивает на поляну.

Схватка продолжается недолго. Охранники не успевают даже дотянуться до оружия. Вадим, чтобы не привлечь выстрелами банду Смоляникова, кидает на бегу автомат в траву и вступает в рукопашную схватку. Одного из охранников он укладывает ногой, а двух других хватает за воротники полевых курток, рывком поднимает и сталкивает лбами. Они мотают головами, стоят обмякшие, Стрельцов разворачивает их спина к спине, выдергивает из подсумка гранату, срывает зубами чеку и засовывает «лимонку» между ними.

— Стоять! — предупреждает он их. — Если жить хотите, стоять и не шевелиться.

Охранники так напуганы, что боятся и слово молвить. Вадим идет к березке.

— Не торопись, старлей, — слышит он голос Седого.

Климов стоит на краю поляны, в руках у него автомат, на плече и голове окровавленные бинты.

Вадим спокойно и неторопливо поворачивается к Седому.

— Капитан я, Климов, — с достоинством поправляет он Седого.

— То, что ты задумал, я тебе сделать не позволю. А вот шанс уйти отсюда целым, даю. Минут через десять здесь будет вся свора. И ребята из бывших ментов и кэгебешников тоже рядом рыскают. Они тебя в советский суд не потащат, прямо здесь на растерзание и отдадут. Уходи!

— Нет, Климов. Не уйду. Лучше ты уходи...

— Куда? — ухмыляется Седой. — Куда идти с двумя судимостями и такой рожей? Мне здесь неплохо...

— Седой! — кричит один из охранников. — Вытащи из нас гранату. Мы его сделаем...

— Заткнись! — обрывает его Седой и снова говорит Вадиму: — Последний раз тебе говорю: уходи!

В это время Юлька, подкравшись к Климову, изо всех сил толкает его в спину. Седой теряет опору под ногами. Вадим в несколько прыжков оказывается возле него и бьет ногой по автомату. Описав дугу, тот падает в траву. Климов отпрыгивает и достает ребром ладони по Юльки-

ной груди. Она охает, хватая ртом воздух и оседает в траву.

Вадим и Седой ожесточенно ведут рукопашный бой. Оба теряют силы и все чаще, сцепившись и тяжело дыша, топчутся по поляне.

Вадим, наконец, отталкивает Седого. Тот валится на спину, с трудом поднимается.

— Седой, — кричит опять один из охранников, — вытщи из нас гранату!

— Видишь, я занят, — хрипит Климов, наваливаясь на Стрельцова.

Юлька приходит в себя, стонет, переворачивается на спину, приподнимает голову, встает на четвереньки и ползет в направлении Седого и Стрельцова. Натыкается на автомат. Садится на колени и тащит к себе за ремень оружие.

Седой и Стрельцов пытаются повалить друг друга.

— Уходи, старлей, — шепчет Седой.

— Капитан я, Климов, — с придыханием поправляет его Вадим. — И капитан Стрельцов сегодня искупит... немного свою вину перед людьми и Отечеством.

С этими словами он с силой отталкивает Седого от себя, вырывается из его рук. Они обессиленно покачиваются на ногах, готовятся к очередной схватке.

Стрельцов замечает Юльку. Поднявшись, она держит на изготовку автомат.

— Юлька, не делай этого! — кричит ей Вадим.

Седой поворачивает голову в сторону Юльки. В ее руках бьется автомат, извергая пламя. Климов корчится под прошивающими его тело пулями.

— Юлька! Юль-ка! — кричит в отчаянии Стрельцов. И эхо вторит ему из леса: «Юлька, Юлька, Юлька...»

Юлька, обессиленная, сидит в траве, опустив голову на грудь, и всхлипывает. Автомат лежит у нее на коленях.

Вадим идет к березе. Он опрокидывает деревце и начинает спускаться под землю.

* * *

Стрельцов в бункере. Он присел на топчан и рассматривает инженерное сооружение, от которого тянутся провода. Взгляд его останавливается на ручке с накрученным красным шаром.

В бункер скатывается по ступенькам Юлька. Халат на ней изодран, лицо и оголившееся тело в ссадинах.

— Давай отсюда, — глухим голосом говорит ей Вадим,
— Не-е, — мотает она головой.
— Давай, давай уходи, — приговаривает Вадим, встает и кладет руку на красный шар. — Уходи, ну!
— Не-е, — снова мотает головой Юлька. — Я этим гадам...

Она подходит вплотную к Стрельцову, накрывает его руку своей и вдруг наваливается еще и всем телом.

* * *

Мощный взрыв поднимает в воздух обломки строений бывшего военного городка, выворачивает с корнями деревья. Бушует пламя, уничтожая все окрест. Два охранника падают на землю, граната, что они держали спинами, разрывается...

Из бункера появляется голова Юльки. Она вылезает на поляну, испуганно озираясь, протягивает руку Стрельцову и тянет его наверх. Вокруг полыхает лес, звучат новые взрывы. Огненные султаны взвиваются то в одном, то в другом месте полигона и все ближе приближаются к поляне. Кажется, что они затеяли сумасшедшую пляску вокруг нее.

Вдруг огромный сноп огня вырывается из бункера. Он отбрасывает Юльку и только что выбравшегося наверх Вадима Стрельцова...

**РАТНАЯ
ДЕТОЛИСЬ
РОССИИ**

АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

ПРЕДТЕЧА ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Брошенное жителями украинское селение утонуло в весенней распутице. Со всех сторон его начинал обступать растущий прямо на глазах походный лагерь. С холма смотрели, как королевские гвардейцы торопливо разбивали белеющие мазанки на топливо для костров. Голодные солдаты шарили по куреням в тщетных поисках съестного.

Карл XII, в застегнутом на все пуговицы синем кафтане, сидя посреди походной палатки на барабане, угрюмо смотрел немигающим оком на свои голые ноги. Ботфорты из лосиной кожи, забрызганные по самые раструбы черпоземной грязью, торопливо чистил за входом денщик. За спиной шведского короля, изогнувшись в полупоклоне, осторожно дышал переводчик.

В двух-трех шагах от спугнувшегося Карла XII стоял гетман Иван Степанович Мазепа. В богатом жупане из голубого сукна, подпоясанный цветастым кушаком, за который была заткнута гетманская булава, в красных сафьяновых сапожках на высоких каблуках, он казался вальетной южной птицей среди спартанского убранства военной палатки. Ее владелец образом жизни на войне старался мало чем отличаться от жизни собственных солдат, потомков, как и он, древних викингов. Мазепа терпеливо ожидал продолжения разговора.

А король Швеции безрадостно молчал. Было о чем подумать. Его любимец, генерал Адам Людвиг Левенгаупт, с шестнадцатитысячным корпусом которого связывалось столько надежд, оказался разбитым русскими драгунами новоиспеченного князя Меншикова под какой-то деревней Лесной (Петр I назвал эту победу «матерью Полтавской баталии»), 17 орудий и, самое главное, семь тысяч повозок с боеприпасами, провиантом и фуражом достались победителям.

Идут бесконечные стычки с войсками царя Петра, которого так и не удалось проучить нарвской викторией. А украинские мужики, в верности которых ему уже год клялся Мазепа, во всех местах, где только находилась королевская армия, дружно взялись за вилы. Нападают не только на фуражиров, но и на целые отряды.

О том же думал и Мазепа. Только мысли его были еще более безрадостными. Украинское казачество, не говоря уже о простом люде, отказало изменнику в доверии. Украина осталась верной кровному союзу с Россией. К шведскому королю клятвопреступник смог привести вместо обещанного войска лишь две тысячи человек: сердюков — личную пешую гетманскую гвардию (от слова «сердитый», «злой») и часть казацкой старшины. И все. Да и эти мазепинцы разбегаются тайком, не желая сражаться против своих.

К тому же вездесущий светлейший князь Александр Данилович Меншиков со своими драгунами отвоевал и поручил гетманскую ставку — укрепленный городок Батурин. Именно там хитрец Мазепа собрал для шведской армии огромные запасы продовольствия и огневых припасов...

Решившись, гетман твердо сказал неуравновешенному королю «природных шведов» (так тот именовал солдат своей армии):

— Надо идти зимовать на юг, ваша светлость. К Полтаве.

Карл XII, подняв вихрастую голову, спросил заинтересованно:

— А что даст моей армии Полтава, пан гетман?

Мазепа, чуть подумав, ответил осторожно:

— Царь Петр приказал тамошнему коменданту свести с округи продовольствие, пушки и припасы к ним. Еще в январе. Из Полтавы и до Сечи рукой подать. Верный мне кошевой атаман Гордиенко головой ручается тебе за запорожцев. За Сечью — Крым. Хан, пообещай ему что-нибудь, станет нам союзником в войне с Россией. А за ханом стоит турецкий султан.

Уловив заинтересованность во взгляде воинственного короля Швеции, гетман ответственно добавил:

— Крепость полтавская — земляная. Валы с тыном да ров. Для шведских храбрецов и моих сердюков то не помеха в бою.

На последних словах Мазепа сделал ударение. Низложенный гетман, проклятый православной церковью и

заочно казненный, все еще пытался играть роль самоуправного владыки украинского казачества. Хотя бы на словах.

Король Карл, понимая кивнув, только заметил:

— А найдется ли в твоей Полтаве, друг мой гетман, второй Фермор?

Намек был ясен. Комендант небольшой крепости Веприк к северу от Полтавы Фермор, шотландец на российской службе, сдал в плен шведам еще способный сражаться гарнизон. Капитулировал на условиях сохранения неприкосновенности своей особы, личного имущества и обоза. Такое предательство вызвало бурю возмущения в рядах петровской армии.

Гетман знал о полтавской крепости многое.

— Нет, ваша светлость. Комендантом там стоит русский полковник — Келин Алексей. Сам царь Петр за его дела расположен к сему офицеру.

И, прямо глядя в глаза коронованному покровителю, Иван Степанович клятвенно заверил Карла XII:

— Со взятием Полтавы вся Украина перейдет под вашу высокую руку. Доблестная армия получит там все, в чем сегодня так нуждается. В том клянусь на кресте...

Отказавшись от дальнейшего похода на Москву, шведская армия круто повернула на юг и походным маршем двинулась на недалекую Полтаву. Теперь под ней решалась судьба Северной войны.

Среди первых, кто принес в стан армии России сообщение о намерении шведов «доставать» город Полтаву, оказался казак мураховской сотни Ахтырского полка Федор Животовщинский, бежавший из вражеского плена. Давая «расспросную речь», он сообщил:

«...Сам король и Мазепа хотят идти до Полтавы со всем своим войском».

В начале мая 1709 года вся многочисленная армия Карла XII сосредоточилась вокруг Полтавы на расстоянии двух миль. И блокировала ее.

Овладение крепостью давало королю Швеции несомненные выгоды в войне с Россией. Во-первых, Карл получал более спокойный район для расквартирования своей 32-тысячной армии. Во-вторых, улучшал снабжение ее за счет имевшегося в городе, как утверждал Мазепа, большого количества продовольствия и военного снаряжения. В-третьих, взятие Полтавы давало королю-полководцу обладание линией реки Ворсклы, ведущей к переправе через Днепр в Переволочне.

Тем самым, с одной стороны, облегчалась возможность соединения шведских войск с союзником — польским королем Станиславом Лещинским, усиленным корпусом генерал-майора Крассау (Крассова), хотя тем приходилось весьма туго. Их громили в Речи Посполитой коронный гетман Сенявский, литовский гетман Огинский и русские полки. С другой стороны — обеспечивались коммуникации с запорожцами атамана Гордценко и крымскими татарами, за спиной которых для Петра I зримо стояла Османская империя.

Взятие Полтавы открывало и стратегическую перспективу. Крепость на Ворскле-реке «распечатывала» удобный путь на Харьков и Белгород. И дальше — в глубь России, к Москве.

Все это хорошо понимали король Карл XII, искренне веривший в свою счастливую звезду и свой военный гений, и его ближайший советник бывший гетман Мазепа. Первому не давали покоя военные лавры короля Швеции Густава II Адольфа, правившего в начале XVII века, в Смутное время и оставившего след в истории государства Российского. Второму только победа покровителя давала возможность восстановить былое могущество.

Прекрасно понимали значение Полтавы в Северной войне и Петр I с военачальниками российской армии. Силы же ее только сосредотачивались для предстоящего генерального сражения.

Полтавскую крепость шведам еще предстояло взять. А русским — отстоять...

Она, по всей видимости, не произвела на самоуверенного короля своей мощью большого впечатления. Во время рекогносцировки он и его бывалые генералы увидели сравнительно небольшой город-крепость, расположенный на высоком правом берегу реки Ворсклы при впадении в нее реки Коломака. Два водных потока образовывали при слиянии значительное число рукавов, протекающих в широкой пойменной долине. Она была покрыта непроходимыми болотами, препятствующими сообщению города с левым берегом Ворсклы.

С востока и запада к ограде крепости подходили глубокие и обрывистые овраги. Сама природа, как смогла, обеспечила неприступность городскому поселению украинских казаков.

Вокруг Полтавы не имелось каменных стен, внушительных бастионов и фортгов. Скорее всего, именно такое обстоятельство и породило у Карла XII веру в возмож-

ность скорой и легкой победы. Ведь он в Польше и Саксонии брал крепости, окруженные высокими и широкими стенами, глубокими рвами с многочисленными защитниками. Коронованный полководец самонадеянно считал, что сравнительно небольшой гарнизон «заштатной крепостишки» и подавно не сможет ему противостоять.

Королевские приближенные — генерал-фельдмаршал барон К.-Г. Рейншильд (Рейшильд), канцлер Швеции граф Карл Пипер, генерал-квартирмейстер А. Гилленкрюк более реально представляли мужество и стойкость воинов петровской армии. Они не верили в возможность взятия Полтавы (по крайней мере — с ходу) и пытались отговорить короля от опасной затеи. Но тщетно. Когда граф Пипер решился высказать сомнение относительно перспектив взятия укрепленного города, Карл гордо ответил:

— Если даже господь бог пошлет с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь здесь...

Петр I предвидел (это можно утверждать смело) возможность появления королевского войска именно перед Полтавой. Потому он принял решение укрепить ее гарнизон и дать крепости надежного командира — храброго, толкового, волевого, способного драться с врагом до конца. Выбор царя пал на полковника Алексея Степановича Келина, которого он хорошо знал лично.

Келин получил полковничье звание в 1702 году. Участвовал во многих сражениях Северной войны — отличался при взятии крепостей Нотебург, Ниеншанц, Дерпт и Нарва. Его не раз видели в первых рядах штурмующих колонн. Солдаты любили отважного офицера. Военачальники ценили его командирские способности.

В 1708 году Алексей Келин назначается командиром Тверского пехотного полка, одного из лучших в российской армии. В декабре того же года отправляется в Ахтырку, где его и застал царский указ о новом назначении.

Поставленный комендантом полтавской крепости полковник Келин не медлил. Он принадлежал к числу тех людей, для которых верность воинскому долгу и исполнительность были превыше всего. Указ о назначении давал ему большие права. Но требовал еще больше: в случае шведской осады отстоять Полтаву любой ценой.

17 января 1709 года новый комендант прибывает ускоренным маршем в Полтаву во главе пяти батальонов пехоты. По своей численности они равнялись примерно трем полкам того времени. С первых же дней Келин на-

чинает приготовления крепости к обороне. Алексей Степанович в конце месяца уже знал точно, куда именно направляется неприятельская армия. Ему пришло известие из главной квартиры русской армии.

Александр Данилович Меншиков в письме подробно сообщал об этом Петру I:

«...Которые шведы в наших рядах были, и те сказывали, что неприятель идет к Полтаве». (Имелись в виду пленные, взятые в бою под Опошней.) «...И посланы от нас под неприятеля партии, а что привезут, о том доносить буду...

Александр Меншиков. Ис Колонтаева, генваря 27 дня 1709 году».

Полтава изготовилась к круговой обороне.

В крепостном гарнизоне набралось всего 4182 солдата и офицера. И еще 91 пушкарь. Кроме того, насчитывалось 2600 казаков и вооруженных горожан, горевших желанием защитить родной город от шведов и изменников-мазепинцев.

С прибытием пехотинцев Келина из крепости был выведен Ингерманландский драгунский полк команды Меншикова под началом бригадира Александра Григорьевича Волконского, составлявший прежний полтавский гарнизон. Драгуны — конные солдаты требовались Петру I для действий в открытом поле.

Артиллерию собирали по царскому указу из ближних и дальних мест. Келин проявил здесь расторопность и настойчивость. В крепости к его прибытию имелось всего десять пушек. Уже через несколько дней к ним добавилось еще семь. Кроме того, А. Д. Меншиков отдает личное распоряжение полтавскому сотнику (городскому голове) Ивану Левенцу свезти в город из других мест необходимые военные припасы. В феврале число годных пушек доводится до 19, а к началу осады — до 28. По тем временам это выглядело солидно.

Сохранилась составленная по приказу полковника Келина ведомость о наличии в полтавской крепости в апреле пушек и разных артиллерийских припасов:

«Ведомость артиллерии, что в Полтавской крепости собирается.

Пушек

Фунтовых	3
Полторафунтовых	3
Двухфунтовых бес чети	1
Двухфунтовых	6

Трехфунтовых	2
<u>Да бес калиберов</u>	7
Итого медных	22
Ч ю г у н н ы х	
Полторафунтовых	1
Полутретьяфунтовых	3
Трехфунтовых	1
<u>Да бес калибру</u>	1
Итого чугунных	6
Всего медных и чугунных 28 пушек.	

Припасов:

Пороху пушечного 24 пуда, до 16 мешков без весу.	
Пороху мушкетного	21 пуд 5 фунтов.
Ядр	620.
Дроби железной, мешков без весу 10 да пуд 20 фунтов.	
Картечь	100.
Фитилю	10 пуд 15 фунгов.
Свинцу	41 пуд 15 фунгов.
Серы	20 пуд.
Селитры	90 пудов».

Из ведомости видно, что боеприпасов в крепости имелось явно недостаточно. Особенно велика нужда была в порохе (как и в продовольствии в гарнизонном магазине и в амбарах горожан). Впрочем, никто и не предполагал, что тяжелейшая осада Полтавы затянется на месяцы.

Комендант Келин энергично принялся за совершенствование крепостных сооружений. Полковник понимал толк в фортификационном деле. Ему во всем помогал полтавский сотник. Не покладая рук работали и солдаты, и казаки, и горожане — млад и стар. Алексей Степанович любил повторять: «Сегодня натрудим руки до крови, завтра шведы да изменники помогут своей кровью сии валы да рвы...»

Основание города-крепости Полтава, как поселения восточных славян, затеряно в глубине веков. Полагают, что Полтавщина входила в состав Переяславского княжества, а сама Полтава являлась крайним восточным форпостом Киевской Руси — порубежной крепостью, защищавшей земли русичей от набегов кочевых народов.

К событиям Северной войны в городе насчитывалось всего четыре тысячи жителей. Он являлся центром тор-

говли между югом и севером днепровского Левобережья. Здесь было около 900 строений сельского типа, Спасская церковь, казармы и служебные помещения Полтавского казачьего полка. Его сотни располагались как в самом городе, так и в лежащих поблизости крупных селах.

Городские земляные укрепления были еще старой постройки. Они состояли из высокого земляного вала с деревянной одеждой и крепкого палисада. Впереди вала шел ров. Его, как и вал, основательно подновили. Имелось семь небольших бастионов и пять хорошо защищенных ворот. Неправильное очертание вала, образуемое выступами и бастионами, позволяло вести фланговую оборону. К началу осады крепость сумели подготовить к защите.

Когда прискакавшие в город местные казаки-разведчики сообщили о приближении авангарда шведской армии, полковник Келин собрал в комендантской избе офицеров гарнизона. Отсутствовали лишь те командиры, кто нес дежурство на бастионах и у ворот. Офицеры-пехотинцы, сняв треуголки, молча стояли перед комендантом, ожидая услышать из уст его то, о чем уже знали все защитники Полтавы: шведы близко.

Алексей Степанович оглядел участников военного совета:

— Господа офицеры армии государства Российского! Король шведский Карл, а с ним и бывший гетман малороссийский изменник Мазепа идут на Полтаву, чью крепость мы емеем честь защищать. Идут всей армией.

В избе установилась напряженная тишина. Сбравшиеся затаили дыхание. Келин продолжал:

— Зачитываю вам указ государя нашего Петра Алексеевича полковнику и коменданту Келину за подписанием собственной его царского величества руки...

Царский указ требовал одного: оборонять город-крепость до последнего во славу оружия Российского государства.

«Указ господину коменданту Келину и прочим офицером.

Надлежит вам как во укреплении города, такоже и в провиант трудитца по крайней мере и чтоб провианту было конечно на четыре месяца. Того же смотреть и въ амуниции (а что болше, то лутче). Також, ежели непъриятель будет ваш город атаковать, то, с помощью божиею, боровитца до последнего человека и ни на какой акоръ или договор с непъриятелем никогда не вьсту-

пать под смертною казнию. Також, ежели каменданта убьют, то надлежит первому офицеру камендантом быть и так наследовать и прочим (сколко побитых не будет) одному за другим, чтоб дела тем не остановить. И сей приказ объяви всем офицерам, чтоб ведали, и написаф копию с сего указа и под оным как тебе каменданту, так и прочим всем офицерам надлежит подписатьца, что оне сей указ слышали, и в сим репортом немедленно сюды прислать».

Слушали молча. Закончив читать, полковник Келин сел на лавку, положил царский указ на широкий стол под образами, пододвинул подсвечник с горящими свечами, чернильницу с заранее подготовленными гусиными перьями. Взял одно из них и старательно подписался под документом:

«Полковник Келен сей великого государя указ слышал и подписал своею рукою».

Затем Алексей Степанович встал и, обращаясь к собравшимся, сказал:

— А теперь прошу офицеров гарнизона поставить собственноручные подписи под сим царским указом. Так нам велено сделать, чтоб сердца наши и дух наш имели твердость перед шведом. За тех, кого по службе нет среди нас, пусть подпишутся их батальонные товарищи.

Офицеры, все как один в зеленых пехотных мундирах, со шпагами у пояса, подходили по чину к столу и подписывались под царским указом. Копия этого документа, сохранившаяся до наших дней в бумагах «Кабинета Петра Великого», донесла благодарным потомкам имена участников почти трехмесячной героической защиты осажденной Полтавы:

«Полковник фон Менден сей великого (государя) указ слышал и подписал своею рукою. Подполковник Кунигам сей великого государя указ и подписал своею рукою. Подполковник Озеров сей великого государя указ и подписал своею рукою. Подполковник Гаврила Решев сей великого государя указ слышал и подписал рукою. Маюр Крафорт. Маюр Вольтский. Маюр Лудевиль. Маюр Федор Кровков. Капитан Василей Шиманский. Капитан Василей Мишатин. Капитан Андрей Зубатов. Капитан Петр Тяпкин. Капитан Насакин. Капитан Кирчевский. Порутчик Греченинов. Порутчик Жемчужников вместо порутчика Савелья Волошенина. Порутчик Пустобояров. Порутчик Жемчужников, Порутчик Баскаков

вместо поручика Афанасья Лихачева. Поручик Иван Василевский. Поручик Петр Пересветов. Поручик Расстригин. Поручик Петр Озеров. Поручик Михайла Вячеслав. Поручик Яков Пересветов. Поручик Андрей Урбановский. Поручик Макаров. Поручик Яков Караманов и вместо поручика Ивана Ключарева. Сей великого государя указ подпоручик Елисей Житов слышел и вместо подпоручика Ивана Лихачева подписал своею рукою. Подпоручик Павел Головцын. Подпоручик Андрей Якушев. Подпоручик Андрей Озеров и вместо него подписал Андрей Якушев. Прапорщик Михайло Тяпкин. Прапорщики: Алексей и Василий Озеровы, Иван Левин, Федор Бекетов и вместо их подписал прапорщик Михайло Тяпкин. Подпоручик Павел Головцын. Прапорщик Михайло Тяпкин вместо Ивана Левина. Прапорщик Яков Леонтьев. Прапорщик Иван Тургенев. Прапорщик Семен Коштяжин. Подпоручик Иван Якушкин. Прапорщик Александр Тотынкин. Прапорщики: Кузьма Нечаев, Анисим Космынин, подписал Кузьма Нечаев. Капитан Козьма Маслов. Прапорщик Григорей Кочюков и вместо прапорщика Бориса Челюскина. Прапорщик Борис Алашкин и вместо прапорщика Тимофея Мишина. Прапорщик Ларион Кровков. Прапорщик Федор Мануйлов и вместо прапорщика Акинфея Черникова. Прапорщик Мозалевский и вместо прапорщика Ивана Цурикова. Отъезжант Алексей Петров».

По приказанию полковника Келина комендантский писарь снял копию с подписанного офицерами царского указа и с казаком ее отправили к генералу от кавалерии князю Меншикову. А тот переслал подписной документ Петру I.

Полтавский гарнизон привели в полную боевую готовность. Келин ожидал, что шведы сразу пойдут на штурм крепости. Но те не торопились начать приступ. Неприятельская армия стала разбивать походный лагерь, обустройства.

Карл XII лишь часть своих войск расположил в укрепленном лагере, остальных — в прилегающих селах. К северу от Полтавы (на случай подхода главных сил армии русского царя), в Будищах, был выставлен специальный наблюдательный (наблюдательный) отряд под командованием генерала Росса в составе двух драгунских и двух пехотных полков. Король с Мазепой считали, что обложили земляную крепость крепко и что ее защитники должны бояться одного вида многочисленной шведской

армии. А имеющих в сердце страх сломить в бою не представляло большого труда.

Карл XII довольно скоро понял, что хоть и схожи две крепости — Полтава и Венрик, но коменданты-единоначальники у них разные. Здесь на измену надеяться не приходилось — русские даже на переговоры не шли.

И 1 апреля шведы начали боевые действия против осажденных. В тот день король с Рейншильдом и Мазепой осматривали крепость, объезжая ее бастионы. Сопровождавший их немалый отряд попытался с налета ворваться в крепость или хотя бы взять «языков». Но ни того, ни другого им сделать не удалось. Лихой набег на городские ворота русские пехотинцы и полтавчане отбили без особого труда. Да еще вдогон дали залп из пушек.

2 апреля шведы снова пошли на приступ, уверенные в хвастливом заявлении любимого короля, что московиты и казаки, засевшие в крепости, сдадутся при первом пушечном выстреле. Однако 28 разнокалиберных орудий защитников Полтавы быстро охладили пыл потомков отважных викингов. Ядра и картечь метко разили штурмующих. Тем пришлось только ноги уносить от земляных валов.

3 апреля начался еще более ожесточенный приступ. В атаку пошло 1500 шведов и мазепинских сердюков. И вновь батареи крепостных бастионов, подвергшихся нападению, открыли губительный огонь. Атакующие откатились назад.

Король Карл был из числа упорных и настойчивых полководцев — он решил непрерывно штурмовать Полтаву до победного конца. Неудачи трех первых апрельских дней государь Швеции воспринял как досадную случайность на войне — слишком неравны оказались силы сторон.

4 апреля на штурм под барабанный бой пошли более крупные силы. На этот раз полковник Алексей Келин приготовил для противника малоприятный сюрприз. Не успели бодро шагающие шведские отряды подойти к крепости на расстояние мушкетного выстрела, как ворота распахнулись и навстречу врагу устремились два русских отряда по 700 человек в каждом. Петровские пехотинцы дружно ударили в штыки. Потеряв в ожесточенных рукопашных схватках сотню человек, шведы, отбиваясь, отошли.

5 апреля Карл XII решил лично разобраться: в чем же кроется причина неудач его храбрецов из инфантерии, королевской гвардии, рейтарских и драгунских полков? Он занял удобный наблюдательный пункт — идущие на штурм хорошо видели его. Король своим присутствием на поле боя воодушевлял солдат.

С яростными криками шведы решительно бросились на приступ юго-восточной части крепости. Защитники Полтавы сохраняли спокойствие. Лишь подувистив вражеские отряды поближе, дали залп из пушек и ружей. И, не позволяя противнику опомниться, ударили в штыки. Оставив перед валами крепости 400 человек убитыми и тяжелоранеными, шведы откатились назад, под защиту собственной артиллерии и кавалерии. Обороняющиеся потеряли намного меньше. Комендант полтавской твердыни умел воевать и в открытом поле, и на крепостных бастионах.

...В первой половине апреля шведы еще не раз штурмовали Полтаву, стремясь во что бы то ни стало ворваться в укрепленный город. Но каждый раз его гарнизон и вооруженные жители отбивались от врага. Военачальники королевской армии поняли, что надо менять тактику — иначе удачи не видать.

Поостывший Карл XII стал готовить свою армию и мазепинцев к «правильной» осаде, т. е. по всем правилам военного искусства. Руководство осадными работами он поручил генерал-квартирмейстеру А. Гилленкроку, ставшему впоследствии довольно известным историком, не любившим писать и даже упоминать о Полтаве.

Шведы торопились. К ним все больше поступало сведений об усилении армии России на театре военных действий, о неудачах королевских войск на побережье Балтийского моря. А успешное строительство Петром I флота на воронежских и других верфях отрезвляюще действовало как на крымского хана, так и на его патрона — султана Блистательной Порты. Да к тому же быстро редели ряды мазепинцев — казаки уходили от гетмана-каменника.

Приложив максимум усилий, неприятель окружил крепость сплошным кольцом осадных сооружений. Шведы сумели подвести под земляные стены апроши (траншеи). Все делалось по правилам инженерных осадных работ.

29 апреля королевские войска пошли на генеральный штурм. В тот день им впервые улыбнулась фортуна.

Солдатам удалось взобраться на вал, где закипела рукопашная схватка. Быстро сориентировавшись в критической ситуации, полковник Келин, собрав в контратакующий кулак все, что имел под рукой, решительно ударил по возликовавшим было шведам. Оборонявшимся удалось сбросить их в ров. Очередной, тщательно подготовленный штурм вновь провалился. Потери оказались большими с обеих сторон.

Петр I, назначая комендантом полтавской крепости командира Тверского пехотного полка, не ошибся в выборе. Комендант Алексей Степанович Келин, даже в самые трудные дни почти трехмесячной осады, остался верен правилу: оборона только тогда устойчива, когда она активна. Когда враг не знает передышки и днем, и ночью ждет удара со стороны осажденных.

Истинно петровский офицер за многие годы армейской службы усвоил: любого противника нельзя оглулять, недооценивать. Надо всегда видеть в нем думающего соперника. И для того, чтобы наносить ему ощутимый урон, следует прибегать к любым — большим и малым — военным хитростям, быть по-военному бдительным и дерзким.

Верным оружием в обороне крепости ее комендант считал вылазки. Неутомимый воинский начальник провел их более тридцати! Только за апрель и май, как гласит Дневник военных действий Полтавской битвы, осажденные провели 21 смелую вылазку, стойвших шведам 2488 человек убитыми и 44 человека пленными. Неприятель понес ощутимый урон. Гарнизону и полтавчанам вылазки эти обошлись в 435 человек убитыми, 746 — ранеными; кроме того, противник сумел захватить несколько пленных.

Полковник Келин бросал на вылазки то большой отряд в несколько сот солдат и полтавских казаков, то небольшую, хорошо вооруженную группу добровольцев-смельчаков. Осажденные внезапным ударом опрокидывали вражеские пикеты, врывались со штыками наперевес в шведские траншеи, брали «языков» и уносили шанцевый инструмент, другие трофеи. Пушкари бастионов метким огнем прикрывали отход своих.

Особенно запомнилась шведам (да и не только им) вылазка в ночь на 1 мая. Комендант вновь отправил за ворота сильный отряд, который со всей решительностью атаковал застигнутого врасплох врага. Но шведы, тоже опытные и умелые воины, в ночи мало-помалу опомни-

лись. И на их позициях завязался горячий бой, продолжавшийся до рассвета. Только тогда полтавчане ушли из крепости. Ночной бой обошелся шведам потерями в полутысячу человек. Королевское войнство, еще недавно мечтавшее совершить победный марш до самой Москвы, в очередной раз изумилось воинской выучке, упорству и дерзости русских.

Карл XII и его блистательные генералы были вне себя. Еще бы, доселе неизвестный царский полковник не давал спокойно даже спать им. А ведь они держали в страхе весь европейский север. Король приказал ускорить осадные работы, довести их до конца, чтобы надежно обложить русскую крепость.

Однако 3 мая полтавские батареи с большой меткостью обстреляли работающих шведов. Тем пришлось спешно искать укрытий от свистящих ядер. После огневого налета на вражеские позиции осажденные совершили вылазку, выбив королевских пехотинцев из апрошей. Неприятельская инфантерия не сразу пришла к себе от такого потрясения. Русские же удачно отошли к городским воротам.

Петра I в те дни еще не было во главе действующей русской армии. Ею командовал А. Д. Меншиков, который понимал: Полтаве надо помочь, хотя не все полки подошли к месту боевых действий. Светлейший князь созывает военный совет, который единодушно решает «сильную какую подвести под неприятелем диверсию и оной крепости отдых учинить».

Генерал от кавалерии показал себя действительно правой рукой отсутствующего царя. Он умело создал ударную группировку для скорой «диверсии» против шведов, хотя сил набиралось маловато. В ночь на 7 мая последовал успешный натиск на наблюдательный отряд генерала Росса. Отбивая наступление русских, Карл XII, однако, не увел от Полтавы основную часть своей армии. Король поостерегся.

Смелыми и удачными действиями Меншиков добился отважного результата — большая часть правого берега Ворсклы теперь находилась в руках русских войск. Но освободить Полтаву от блокады не удалось. Осажденные не получили облегчения.

Через местных жителей полковник Келин постоянно сносился с Меншиковым. Отважные курьеры из числа полтавчан с донесениями коменданта разными путями

пробирались через шведские позиции. Местными жителями велась и разведка воинских сил противника.

Меншиков доносил царю: «Мы постоянно чиним здесь неприятелю диверсии» — и просил Петра I побыстрее прибыть под Полтаву, так как ясно виделось, что именно здесь должна произойти решающая баталия двух армий. Тот, зная из регулярных донесений Келина о тяжелом положении гарнизона, распорядился изыскать возможность для его усиления. То была задача не из простых — подать помощь блокированной крепости.

Генерал от кавалерии А. Д. Меншиков, заранее предупредив полтавского коменданта о своих действиях, немедленно провел удачную операцию. В ночь на 15 мая русские войска были подтянуты к самому берегу Ворсклы. О скрытности особой заботы не проявляли. В два часа ночи на одной из береговых позиций загремели пушечные залпы. Они являли собой только одно — артиллерийскую подготовку перед началом наступательных действий. И шведы стали ожидать ночной атаки именно от речной черты. Но их ожидание затянулось до самого утра. Там, где гремели орудийные залпы, русские не пошли вперед.

Совсем на другом участке бригада под командованием полковника Алексея Головина в 1200 штыков поротно, в полном молчании, легко оказалась на противоположном берегу реки. Ее перешли по мосту, который ночью почему-то никем не охранялся. Скорее всего, неприятель и в мыслях не держал возможности перехода через него москвитов.

Русские солдаты и офицеры предусмотрительно были переодеты в трофейное шведское обмундирование. Благо после сражения у Лесной его имелось в избытке. Бригаду в ночи сопровождали местные жители, они без плутаний провели ее по заболоченной местности и кратчайшим путем прямо к крепостным воротам. Там уже ожидали своих.

Темная ночь служила надежным укрытием для смельчаков, которые шли на большой риск. Как ни тщательно избирался маршрут, миновать шведские окопы, разумеется, оказалось делом просто невозможным. Там все зависело от выдержки и самообладания подчиненных бригадного командира.

Головин и его солдаты понимали, что рано или поздно хитрость с переодеванием раскроется и тогда придется пребывать дорогу в крепость через вражеский ла-

герь штыками. Так оно и вышло. Шведы поначалу приняла спокойно идущие роты за своих. И лишь когда русские подошли вплотную к осадным траншеям, прозвучал окрик часового:

— Кто идет?

В ответ идущий впереди полковник Алексей Головин уверенно ответил по-немецки (а германских наемников в армии Карла XII насчитывалось немало), что ведет он команду в апроши для проведения осадных работ. По приказу, разумеется, короля. Часовой поверил, и тревоги не произошло.

Однако когда шведы все же поняли допущенную ошибку, было уже поздно. Русские войны с криком «Братцы! Ура!» ударили в штыки. В окнах стало твориться что-то невообразимое. Большинство людей в осадном лагере так и не успели понять, почему одни шведы колют штыками других шведов. Бригада Головина прорвалась в осажденную Полтаву. За ее спиной осталось лежать около двухсот вражеских солдат и офицеров.

Комендант Келин, встречавший долгожданное подкрепление у городских ворот, выказывал несказанную радость. Впрочем, как и все защитники города. Солдаты бригады Алексея Головина отличались хорошей выучкой и не раз участвовали в боях. Народ был испытанный и закаленный войной. К тому же каждый солдат принес в крепость по мешку пороха. У осажденных тот подходил к концу.

Когда король узнал о смелом прорыве более тысячи русских в окруженную его армией Полтаву, он в присутствии своих генералов сказал:

— Бiju, что мы научили москвитов военному искусству...

Что ж, у лучшей европейской армии того времени можно было научиться многому. Здесь следует заметить следующее — регулярная армия России воевала своим умом, благо традиции боевые у русского воинства имелись богатейшие. Их корни уходили в глубь веков.

В сказанном у походной палатки Карл XII явно преувеличивал собственные заслуги. Не он и его армия закалили петровскую. Ту, впитавшую все лучшее со времен Ледового побоища и Куликовской битвы, сражения на реке Ведроши и боев Смутного времени, обучила сама Северная война, длившаяся уже десятый год. Каждый из которых явился строгим экзаменом на зрелость, «современность» регулярной армии Российского государства.

...Шведы продолжали все так же настойчиво штурмовать крепость. Гарнизон и горожане стойко, героически отбивали все приступы. К середине мая общие потери осажденных достигали уже двух тысяч. Ряды их заметно поредели.

Тем не менее комендант Алексей Келин продолжал осуществлять смелые вылазки, держа шведов в постоянном напряжении, изматывая их. Активность обороняющихся вводила противника в заблуждение относительно численности гарнизона. У осаждавших создавалось впечатление, что в крепости значительно больше войск, чем сообщил гетман Мазепа шведскому королю.

Через местных жителей полтавский комендант продолжал поддерживать надежную связь с главными силами русской армии. Вылазки осажденных стали получать ощутимую поддержку извне. Королевские отряды порой оказывались в положении между молотом и наковальней.

17 мая из крепости вновь произвели вылазку крупными силами. В атаку пошли пехотинцы Тверского полка и казаки. Поддерживаемые огнем батарей, они нанесли ощутимый урон шведам, взяв большие трофеи. В тот день замешательство охватило весь осадный лагерь. И было от чего.

Удачу в том бою с осажденными разделили молодцы-гренадеры из войск генерала Меншикова. Они обрушили на неприятеля со своей стороны неожиданный удар. Самое главное — отвлекающий. Последнее в королевской армии поняли только под вечер, когда русские без потерь особых отошли на свои позиции.

Собственной смекалкой Келин продолжал удивлять не только шведов. Чего только не придумывал он для того, чтобы помешать противнику вести инженерные осадные работы! Однажды, собрав военный совет (на них комендант регулярно обсуждал с офицерами итоги прошедших суток), Алексей Степанович разложил на столе какой-то чертеж и не без гордости сказал:

— Выношу на ваш суд мое изобретение.

Офицеры крепости удивленно переглянулись. Они прекрасно знали храбрость и осмотрительность полковника, его талантливость в пехотном деле. Но об инженерных занятиях полкового начальника, да еще по ночам, никто и не догадывался. А тот, осторожно проведя рукой по чертежу, сказал просто:

— То есть казачий оцеп, незаслуженно забытый нами...

Вскоре на бастионах Полтавы появилась «машина с крюком», наводившая ужас на шведских саперов, пытавшихся заложить под земляные стены крепости бочки с порохом. Оцеп в инженерном отношении не отличался особой сложностью. Он представлял собой большой крюк с системой тросов, папоподобие лебедки, и приспособление для захвата шанцевого инструмента. Изготовленную первой «машину» опробовали. Снятый с предохранителя тяжелый крюк падал с высоты крепостного вала на работающих королевских саперов. Горе тому, на кого он обрушивался. Острые зубья захватов цеплялись за обмундирование, и освободиться от них было очень сложно. Перепуганных шведов поднимали наверх. После пережитого потрясения они охотно делились военными секретами.

Поняв, что крепость приступом малых сил не взять, Карл XII приказал готовить генеральный штурм. Пройдя сапами (траншеями) через ров, шведы устроили подкоп, заложив под крепостной вал несколько бочек с порохом. Но Келин и его бойцы оказались предельно бдительны. Уловка неприятеля оказалась понятна им.

Точно рассчитав место предполагаемой диверсии, комендант приказал прорыть незаметно встречную траншею, что быстро и сделали. В то время когда осажденные вынимали из подкопа бочки с так нужным им порохом, изготовившиеся к атаке шведские полки ожидали взрыва — сигнала к началу штурма...

Осада продолжалась своим чередом — день за днем, неделя за неделей. Король торопился взять Полтаву. Шведы упорно подводили под городские укрепления мины, то и дело шли на штурм вала, ворот и бастионов. Не раз уже отважные скандинавы взбирались к крепостному палисаду. Вновь и вновь королевские трубачи, задржав голову к небу, играли сигнал общей атаки. В королевской армии все — от солдата до генерала — понимали, как важно им взять город, в котором было так много всего, в чем они нуждались. И всякий раз их встречали ядрами, картечью, пулями и штыками.

На самых опасных участках, откуда ни возьмись, появлялся комендант Алексей Келин, уже давно примелькавшийся в глазах неприятеля. Со шпагой в руках, он

увлекал за собой в контратаки пехотинцев, полтавских казаков, горожан-ополченцев. В каждом таком случае штурмовавшие сбрасывались в ров.

Не помог неприятелю и удачный поджог королевскими артиллеристами деревянного палисада. Горожане потушили начавшийся было пожар. Вылазки же осажденных продолжались. Днем, ночью, с рассветом, в вечерних сумерках...

В шведской армии началось роптание: «Русские дерутся как черти. Они как заговоренные. И в крепости их видимо-невидимо...»

Осаждавшие просто не знали, что за первые два месяца гарнизон уменьшился более чем вдвое. Много имелось раненых и больных. Подходили к концу запасы продовольствия. Все меньше оставалось пороха и свинца. Осажденных все чаще стали выручать верный штык, казацкая сабля да дерзость в бою. И неистощимая командирская мудрость гарнизонного коменданта полковника Алексея Степановича Келина, его офицеров.

В те трудные для Полтавы дни государь прибыл к действующим войскам. 4 июня Петр I привел русскую армию к осажденной крепости, встав лагерем у Крутого Берега. Однако переправиться на виду у шведов через разлившуюся от обильных дождей Ворсклу не смогли.

Царь решил ободрить осажденных, терпевших всяческие лишения, написав им письмо:

«К коменданту и всем осадным.

Похваляя их службу и известуя о благополучном своем прибытии к армии и что, с помощью божиею, он, великий государь, немедленно приложит старание освобождения города Полтавы, чтоб в том упование имели на бога; притом напоминал, чтоб осадные о своих недостатках и в которых местах какие опасности письменно при-
слали».

Царское письмо тщательно запечатали в полное пушечное ядро. И кудесник русской артиллерии (к слову сказать, наши пушкари славились во все времена) генерал-поручик шотландец Яков Вилимович Брюс точно рассчитал траекторию полета столь необычного снаряда.

«Бомбическое письмо» дошло до осажденных. Полковник Келин зачитал царское послание на военном совете. Затем его зачитали в церкви на городской площади для горожан, на всех бастионах. И каждый раз после его

прочтения над крепостью прокатывалось дружное «ура». Весть о прибытии под Полтаву Петра I словно окрылила ее защитников. Она давала большую надежду на скорое снятие осады.

Русское командование понимало, что захват шведами полтавской крепости может внести в ход Северной войны изменения не в пользу России. Петр I видел, что положение осажденного гарнизона небезнадежно и что Келин со своими войсками будет сражаться до последнего. Что же касается короля Швеции, то он в конце концов должен был либо бросить все наличные силы на решающий штурм города, либо решиться на генеральную битву с русской армией. Иного выхода у него просто не имелось.

Настоятельно требовалось одно — ускорить события. И тем самым разрядить обстановку под осажденной крепостью, ослабить натиск на нее шведов.

Прибытие царя в действующую армию произвело на защитников Полтавы воодушевляющее воздействие. Комендант Алексей Келин не преминул воспользоваться прибытием Петра I в столь близкие места на пользу осажденных. На «бомбическое письмо» он немедленно ответил своим, подобным метким выстрелом. В ответном письме он выражал признательность за монаршьё внимание и ...попросил прислать по воздуху 50 пудов пороха.

Царь, увлеченный такой выдумкой, приказал немедленно исполнить просьбу городского коменданта:

«5-го в 10 часу, в город Полтаву начали бросать порох в бомбах. Неприятель, хотя и видел, что многое число в Полтаву бомбы бросают и, дознав, что в оных порох мечется, потому что ни одной взорвания не учинилось, но препятствия в том метании учинить не мог».

Такая «инициативная» просьба коменданта осажденного гарнизона дала защитникам города добрую помощь. Теперь снабжение Полтавы порохом, серой, лекарствами, разведывательной информацией производилось с помощью бомб. И не безуспешно. Положение же с продовольствием ухудшалось с каждым днем. Здесь «воздушный мост» помочь просто не мог.

Петр I со свойственной ему чертой действовал решительно. Он созывает военный совет: Полтаве надо помочь немедленно! Комендант крепости писал, что и без того скудный провиант кончается как в военных магазинах, так и у жителей города.

11 июня Петр I пишет Келину новое собственноручное письмо, которое в полой бомбе переправляется в Полтаву:

«Господин комендант.

Понеже мы померели реку перейти для вашей вырочки ж выше или ниже шанцев, и того ради объявляем вам, чтоб вы на тот час гораздо смотрели и когда у нас зачетца бой с неприятелем, и тогда дайте знак в наши опьроши из трех пушек и зажгите по сю сторону города немалые в трех местах огни, по которому знаку указ есть в наших опьрошах обретающемуся командиру тотчас атаковать на оныя шанцы, где удобнее, в которую пору и вам натлежит з другой стороны на непьриятельския опьроши, сколько возможно, силно вытить и атаковать. И ежели, с помощью божиею, выбьете их из опьрош, то тотчас две линии куманикации надлежит от города по обеим сторонам зделать какъ галареи, чтоб потом межъ двух линий свободный проход из-за реки к вам был.

И сие объявление до настоящего времени гораздо держи тайно, дабы хто не перекинулся и не дал знать неприятелю».

На военном (или, как его называли, — генеральном) совете в царской ставке рѣшили осуществить внушительное демонстрационное нападение на шведскую армию. Совет состоялся не позднее 11 июля, так как все петровские распоряжения и царское письмо Алексею Келину были сделаны в тот день.

В целом демонстрационные действия крупных сил русской армии были успешны. Их поддержали и защитники крепости. Но внезапно хлынувший дождь исключил возможность наступления полков Петра I через болото — «трудились чрез болоты, но не могли». Действительно, через разрастающуюся прямо на глазах непролазную топь хода ни пехоте, ни кавалерии просто не было. Хотя действия других наступавших отрядов оказались успешны.

Расчеты генерального совета на то, что шведы после неудачных боев отойдут от Полтавы, не оправдались. И Карл XII, и его ближайший советник по российским делам гетман Мазепа стояли на своем — крепость с ее «огромными запасами» должна быть взята штурмом. Или — капитулировать.

Мужественно защищавшаяся Полтава стала настоящим камнем преткновения для лучшей к тому времени европейской армии (слава коей померкла именно под стенами небольшой крепости на берегах Ворсклы).

Шведы, их одержимый поисками бранной славы король и немногочисленные мазепинцы недоумевали. По их расчетам и понятиям, глубокому убеждению, изнуренные длительной осадой, беспрерывными штурмами и бомбардировками гарнизонные люди должны были думать только о том, как сохранить собственную жизнь. И больше ни о чем другом. Но совсем иначе думали подчиненные полковника Келина, украинские казаки и горожане, хотя силы осажденных заметно таяли.

Шли дни. Комендант все так же продолжал удивлять своих врагов смелостью. Шведским генералам порой казалось, что полтавский комендант действует просто вопреки всякой военной логике, воюет, нарушая писанные в уставах правила ведения боя и оборонительных действий.

Так, осажденные выстроили за крепостью, на речном берегу, два редута — дерзко, прямо перед шведскими позициями. Тем пришлось изрядно поволноваться от столь неожиданного соседства новых русских укреплений. Когда же противник попытался помешать защитникам крепости укрепиться в них, Алексей Степанович Келин лично повел в штыковую контратаку отряд пехотинцев и далеко отбросил атакующих шведов.

Выстроенные в качестве передовой позиции редуты оказались наилучшим наблюдательным пунктом за шведской армией. А «бдить» ее приходилось весьма строго. Комендант крепости самолично наблюдал за всеми изменениями в осадном лагере и фиксировал их. Из редутов осажденные, выбрав момент поудобнее, делали смелые вылазки, постоянно держа врага в напряжении, изматывая его. Собранные разведывательные данные полковник Келин немедленно отправлял царю. Донесения шли или «бомбическими письмами», или через отважных вестников.

И русские, и шведы понимали, что сложившаяся под Полтавой обстановка становилась просто критической в войне, которая шла уже без малого девять лет. Всем было ясно, что решающего сражения в здешних местах просто не миновать.

19 июня полтавский комендант получает от государя Петра Алексеевича очередное «бомбическое письмо»:

«Господин комендант.

Понеже, как сами вы видите, что мы всею силою добивались камуникацию зделать в городом, «но за вели-

кими болоты и что неприятель место захватил», того ради за такую трудностью того учинить невозможно. И для того мы, покинув все шанцы, пойдем со всем войском к Петровскому мосту (где уже наш мост еще четвертою дни занят и укреплен) и тамо, перешед и осмотрясь, пойдем, с помощью божиею, на неприятеля искать со оным баталии и чтоб пробитца всем войском к городу. Бude же неприятель (паче чаяния) станет меж города и нашево войска окоп делать такой, что трудно оного брать будет и ежели не можем пробитца в две недели от сего дня к вам, тогда в первых числах июля, а ежели возможно и далее, усматривая время (в день или ночью), выйте вон за реку, куды удобнее, и тамошних жителей вывести мужеска полу таким образом: сказать им, будто указ вы получили иттить всем на шанцы неприятельския, и когда реку перейдете, тогда удобнее с ними можете дойти до нас. И сие надлежит зело тайно держать, дабы неприятель не проведал, а мы к тому дню приидем несколько конницы к сему месту, где был наш обоз. Також надлежит вам наши пушки, которыя вы привезли с собою, или тайно разорвать или в колодезь бросить, чтоб отнюдь не нашли, а знамена зжечь, також пороху в нескольких хоромах помалу поставить и при выходе, фетиль положа, замкнуть, чтоб после вас загорелся город, как сюды перейдете. И сие все объявить вам надлежит немногим из главных офицеров, а перво на том присягаю обзатца, а от жителей весма таить, також вам пожитков с собою отнюдь не брать, дабы не догадались. Сие вам пишем в запас для всякого случая, понеже корреспондencies, когда отступим, чрез бомбы быть невозможно, однакож подщитесь в исходе сего месеца, как ночи будут темны, прислать к нам с ведением от себя.

Когда сии писма получите, то дайте в наши шанцы сегодня знак не мешкав, однем великим огнем и пятью пушечными выстрелами рядом чтоб подлиннее нам знать, что вы те писма получили.

Також, ежели мы когда с неприятелем в бой вступим близ города, тогда и вы, с своей стороны, учините выласку, как сильно можете».

Письмо-приказание свидетельствовало о том, что Петр I действовал очень предусмотрительно. В секретном послании он указал, как действовать гарнизону в случае, если русской армии не удастся пробиться к городу. В случае крайне неблагоприятного развития событий полтавский комендант обязывался вывести все население

из крепости, поджечь ее, взорвать или надежно спрятать пушки и пробиться к своим.

Одновременно коменданту полтавского гарнизона давалась свобода действий. Он знал от «языков», что в окружении шведского короля не выработали единого плана военных операций. Одни генералы предлагали снять безуспешную, затянувшуюся осаду. Другие советовали королю сначала напасть на лагерь русской армии, разгромить ее, а затем уже покончить со столь необходимой крепостью. Карл XII же считал: Полтаву следует брать в первую очередь. Теперь уже генеральным штурмом — мощным, без передышки, до победного конца, истребляя всех на своем пути.

Король приказал начать общий штурм, когда получил сведения о переходе русских войск на правый берег Ворсклы. Складывающаяся обстановка просто подстегивала его.

На такое решение шведского коронованного полководца повлияло сообщение прибывшего полковника Сандула о том, что крымский хан со всей своей конницей стоит за Перекопом. Оттоманский вассал, мол, только выжидает удобного момента для выступления против России. Взятие Полтавы должно было подтолкнуть осторожничавшего хана к началу опустошающего набега на украинские и южнорусские земли.

В шведском лагере понимали: в таком случае небольшая часть русской действующей армии, особенно кавалерии и казаков, спешно ушла бы на юг для прикрытия границ. И в петровском стане ведали о том же. Что такое набег крымчаков, в российских пределах знали не понаслышке.

Штурм Полтавы 21 июня явился самым серьезным испытанием для мужественных защитников крепости. За все время осады в тот день, в его первой половине, полковник А. С. Келин в шифрованном письме А. Д. Мепшикову срочно сообщает о наблюдавшейся из крепости тревоге в осадном лагере. И последовавшей вслед перегруппировке неприятельских сил. Комендант точно определил, что все это связано с переходом полков русской армии 20 июня на правый берег реки Ворсклы. Алексей Степанович писал:

«Светлейший князь, премилосердный государь. Доношу вашему светлейшеству. Сего июня 21-го дня неприятель, совокупясь (с) своим войском, и построился во фронт против города на поле против Киевских ворот

и обоз весь поставил за Санжаровской башней вкупе. И была тревога у них великая с первого часу дня и после полуден два часа. Которая конница и пехота была в монастырю и в яру за Мазуровкой, и те были в совокуплении, а в опросах оставлено не можно признать сколко. И после того пехота приступила к монастырю и на супруновском тракту стала, и конница стала по жуковскому тракту. А обоз стаит за Санжаровской башней и до сего часа вкупе. Сего числа из швецкого войска выехал будицкой житель Сидор Грищенко и допросные речи послал до вашего светлейшества. 21-го дня июня 709-го (да) ис Полтавы. Вашего светлейше(ства) раб Алексей (Келин)».

Из письма видно, что наблюдения с крепостных бастионов и редутов дополнил будицкий казак полтавского полка Сидор Грищенко. Смелый разведчик, пробравшись через шведский лагерь, принес коменданту важные сведения, подтверждавшие увиденное.

События в тот день для защитников Полтавы разворачивались следующим образом. То был день генерального штурма крепости.

С раннего утра 21 июня вымуштрованная шведская армия выстроилась на просторном поле северо-западнее города. Полки, батальоны, эскадроны, батареи, роты, батареи стройными рядами передвигались на виду у всего города. Королевских солдат насчитывалось во много раз больше, чем осажденных.

Мазепинские сердюки и отряд запорожцев охраняли армейский обоз. Король и гетман не решились послать их в атаку, опасаясь, что обманутые Мазепой казаки в ходе боя перейдут на сторону русских. На то имелись серьезные опасения.

Карл XII ожидал, что петровская армия выйдет из своего лагеря для предлагаемого генерального сражения. Но этого не произошло. У Петра I имелись свои планы на противоборство с королем, а кроме того, еще не все силы были собраны для решающей битвы. Столько, сколько намечалось. Царь хотел бить шведов в полевом сражении только наверняка. Он и его генералы видели, как полтавская крепость ежедневно подтачивала силы и дух неприятельской армии.

Поняв, что русские в этот день не выйдут из своего укрепленного лагеря, король не решился на его атаку. Тогда Карл XII развернул изготовившуюся к битве армию против осажденного города. Шведы подошли под

самые крепостные стены и стали изготавливаться к штурму. Все говорило за то, что приступ будет генеральным.

Полковник Келин привычно изготовил крепость к отражению общей атаки. Все его приказанья выполнялись быстро и полно. Защитники Полтавы глазами и сердцем понимали, что для них наступал решающий час — идти на штурм собиралось не несколько тысяч вражеской пехоты, а вся армия Карла. Даже раненные, способные держать в руках оружие, вышли на валы, заполнив пустующие места за поврежденным во многих местах палисадом.

Генеральный штурм Полтавы начался в два часа дня, когда солнце стояло в зените и не слепило глаза идущим на приступ. По сигналу враз ожили осадные траншеи. Пригнувшись, под частый барабанный бой, шведы густо бежали к крепостному валу с лестницами в руках. Офицеры подбадривали своих солдат, строго следя за порядком в ротных колоннах.

Обороняющиеся не открывали огня до тех пор, пока волна атакующих не оказалась прямо под крепостными стенами — пороха и свинца оставалось совсем мало. И только тогда последовали разящие залпы из мушкетерских пушек. Так приказал гарнизонным офицерам и казначьим старшинам полковник Алексей Келин.

С самого начала приступа шведы стали нести большие потери от меткого огня полтавских «сидельцев»: целей для пуль, картечи и ядер виделось предостаточно. Однако, повинаясь приказу короля, неприятельские пехотинцы продолжали штурмовать земляные валы. Они шли на штурм волна за волной, которые, оцетинившись штыками, накатывались на крепостные бастионы и городские укрепленные ворота.

Город и его предместья охватил шум жаркого боя. Грохот пушечных и мушкетерских выстрелов, крики с обеих сторон, стоны раненых и предсмертные вопли погибающих — все слилось в один страшный гул. Напрасно, стараясь изо всех сил, надрывались барабанщики. Им не удавалось частой дробью перекрыть шум общей свалки.

Одновременно со штурмом шел обстрел города. От попадания бомб там начались пожары — горели дома. Тушить их было просто некому. Пламя многочисленных пожаров освещало кровавую картину разыгравшегося боя. Пехотные солдаты, полтавские казаки, горожане из

мушкетов стреляли в нападавших, кололи их пиками, рубились палашами, саблями. В ход пошли и факелы — их швыряли прямо на головы врагов. Женщины и дети с валов поливали штурмующих королевских солдат и мазепинцев расплавленным варом, кипятком, бросали в них камни.

Командант Алексей Келин попевал в тот день всюду. То он водил в контратаку свой небольшой резерв из нескольких рот пехотинцев-тверцев, то появлялся на оказавшейся в большой опасности батарее, то со шпагой и пистолетом в руках бросался туда, где было всего труднее. Одним своим появлением на бастионах он поднимал дух защитников крепости, тем самым укрепляя их стойкость и силы.

Раз за разом отбивались все приступы. Но не раз и не два были такие критические минуты, когда шведы уже стояли на валу и их барабанщики били сигнал победы. Но каждый раз воины гарнизона и горожане сбрасывали неприятеля с вала в ров. Рукопашного боя шведы явно не выдерживали.

К исходу дня атакующий порыв королевской армии окончательно иссяк. Дав ей отдохнуть час-другой, Карл XII решил штурмовать крепость до победного конца. Он видел с генералами, что осажденный гарнизон отбивался из последних сил, слабел огонь с бастионов.

Передышка в штурме оказалась совсем короткой. Зоркие часовые доложили коменданту Келину, что шведские отряды под прикрытием ночной темени изготовились для очередного приступа. Хотя противник старался не шуметь и не выдавать своего близкого присутствия, внезапности новой атаки не произошло.

В ночь на 22 июня король Карл снова бросил штурмовые колонны на крепостные бастионы. Солдат взяли из свежих полков, еще не участвовавших в деле. Полтавский же гарнизон давно истерпал свои и без того скромные резервы.

Полковник Алексей Келин уже имел под своим началом не тысячи, а всего сотни уставших до предела, как и он сам, русских солдат и офицеров, полтавчан. А на ночной штурм шли тысячи ожесточившихся шведов. И все же отважные защитники крепости вновь выстояли, хотя королевскому войнству удавалось дважды взобраться на вал. Келин постоянно находился в самой гуще рукопаш-

ных схваток. Судьба хранила его от шведских пуль и штыков.

Ночной штурм продолжался без устали до утра. Ярость его, казалось, не знала пределов. Вновь яркими факелами пылали дома горожан, освещая картину ночного боя. Лишь когда заалел восток, шведские барабанщики стали отбивать сигнал отхода от крепостных валов, обильно политых кровью сражавшихся. Но шведский король твердо решил на этот раз покончить с непокорявшейся Полтавой. Ему хватило всего несколько часов, чтобы свежие полки и батальоны пришли на смену, тем, кто понес ощутимые потери за ночь. И вновь трубачи королевской армии заиграли сигнал общей атаки. Им вторили мелкой дробью барабанщики. Грохот пушечных залпов известил защитников крепости о начале нового штурма.

Шведы опять решительно пошли на приступ валов и бастионов. Мокрая от крови трава скользила под ногами, однако солдаты упорно взбирались на кручу земляного вала, стараясь как можно скорее добраться до деревянного палисада, за которым с оружием в руках их поджидали обороняющиеся. Знаменщики шли в первых рядах. Король по традиции обещал большую награду тем, кто первым ворвется в крепость.

Вновь закипел рукопашный бой. Защитников Полтавы оставалось все меньше и меньше, а натиск врага заметно усилился. У осажденных уже давно сидевших на голодном пайке, на исходе были порох и пули. Смертельно уставшие, они из последних сил отбивались всем, чем могли. Крепостные батареи совсем приумолкли.

Королевские генералы во что бы то ни стало старались найти хоть маленькую брешь в обороне русских. Карл XII посылал на приступ отряды то в одном, то в другом месте. Он не щадил своих солдат и офицеров, а на мазепинцев уже просто не надеялся. Приказ короля Швеции гласил: взять город во что бы то ни стало. И шведы, сброшенные с валов, орущие до хрипоты, вновь шли под грохот барабанов на штурм. И вновь откатывались вниз...

То была воистину героическая оборона. Сродни обороне Смоленска и Пскова, Троице-Сергиевой лавры и крепостицы Корелы на рубеже XVII века. В ратную летопись государства Российского вписывалась еще одна славная страница. Вписывалась на века.

Если исходить из реального соотношения сил, то у защитников Полтавы практически не оставалось шансов на конечный успех. Слишком обескровила и измотала русский гарнизон почти трехмесячная осада, непрерывные штурмы и начавшийся голод. Есть же в конце концов граница воинской стойкости, за которой неминуемо следует поражение, гибель. Но эта граница оказалась у русских воинов надежнее, чем у шведов. Хотя у последних, казалось бы, имелись все преимущества — и в численности, и в опыте ведения войн.

Пример ратной доблести показывал прежде всего сам полтавский комендант Келин, преисполненный сознанием воинского долга и ответственности за судьбу крепости. Не смыкавший глаз последние двое суток, Алексей Степанович всегда появлялся в самых опасных местах, там, где штурмовавшие оказывались близки к успеху. Там, где во главе контратакующих шел Келин, там шведы одним ударом сбрасывались с вала. Он бился шпагой, стрелял из пистолетов и мушкетов, подбадривал словом солдат, казаков и вооруженных горожан. Все распоряжения полковником отдавались своевременно, с полнейшим знанием дела и видением хода боя, верой в возможности гарнизона.

Столь же безгранична была стойкость солдат и казаков гарнизона. Столь велико оказалось мужество полтавчан — мужчин, женщин и подростков. Все мужское население города, способное держать в руках оружие во время генерального штурма крепости, сражались на земляных стенах крепости.

Женщины — казачки и горожанки ни в чем не уступали мужчинам. Они бились наравне с ними, перевязывали раненых, тушили по возможности многочисленные пожары, подносили воинские припасы, готовили скудную пищу. И едва ли не самое главное — вселяли упорство в защитников города, придавали им мужество.

При защите полтавской крепости покрыли себя славой офицеры петровской армии — первой регулярной армии России. Остались в истории имена бесстрашных офицеров — полковника Алексея Головина и подполковника Гаврилы Репьева, майоров Волынского и Федора Кровкова, капитанов Василия Шиманского и Андрея Зубатова, поручиков Ивана Василевского и Афанасия Лихачева, подпоручиков Андрея Озерова и Андрея Якушева, прапорщиков братьев Алексея и Василия Озерова. Ивана Тургенева и Федора Мануйлова, казачьего сотника Ива-

на Левенца... Еще больше имен участников героической обороны история до нас не сохранила — нижних чинов из пехоты, украинских казаков, пушкарей, простых горожан.

...После почти непрерывного двухдневного штурма — 21 и 22 июня — шведская армия отступила от крепостных валов и бастионов, как говорится, не солоно хлебавши. То было бесспорное поражение доселе славного блестящими викториями короля-полководца воинственной Швеции.

За два дня ожесточенных боев малочисленный к тому времени гарнизон Полтавы потерял 1258 человек убитыми и ранеными! Он израсходовал почти весь боезапас. Беда была еще в том, что понесенные потери не восполнялись.

Шведов же осталось лежать под стенами крепости вдвое больше. Понесенные при генеральном штурме потери просто обескураживали неприятеля. В целом за период с 1 апреля по 22 июня королевская армия, нацелившаяся было на Москву, потеряла в бесплодных штурмах более шести тысяч человек! Потери же морального духа завоевателей оказались не меньшими.

Отбив такой тяжелейший штурм, генеральный для обеих сторон, мужественный гарнизон изготовился к отражению нового приступа. Казалось, сама смерть не могла испугать, поколебать защитников Полтавы. Но очередного штурма не последовало. Ни комендант Алексей Келин, ни его офицеры и подчиненные не знали еще тогда, что доселе упорный и упрямый Карл XII отказался от дальнейших попыток овладеть крепостью. Король Швеции убоился потерять армию.

Полтава героически выстояла в осаде, нанеся невосполнимый урон боеспособной шведской армии. В этом была заслуга защитников крепости, прославивших себя в ходе Северной войны.

Общие потери русского гарнизона за осадное время составили почти три тысячи человек. Но крепость была готова и способна еще держаться.

В ходе военных действий наступил перелом. Теперь инициатива находилась всецело в руках армии России. Такой результат был достигнут во многом благодаря стойкости защитников полтавской крепости, умелому командованию полковника Алексея Степановича Келина.

Почти на три месяца небольшая полтавская крепость приковала к себе шведскую армию и помыслы короля Карла XII.

По замыслу Петра I, показавшего в войне со Швецией себя великим стратегом и истинным полководцем, обескровленная крепость должна была продержаться еще немного. 26 июня царь шлет полковнику Келину, коменданту крепости и командиру Тверского пехотного полка, очередное «бомбическое письмо»:

«Г(осподин) к(омендант).

Понеже, когда мы с прежнему места сюды за реку пошли, тогда для всякого случая вам дали указ, что ежели на сих днях вас за какою причиною не можем выручить, чтоб вам из города вытить. Но ныне инако вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою до половины июля и далее, понеже мы лутчаю надежду отсея, с помощию божиею, имеем вас выручить, о чем паки подтверждаем: держитесь, как возможно, и нам давайте внять о себе».

Алексей Степанович Келин до конца верил в защитников крепости, которые 21 июня у Спасской церкви дали клятвенное обещание сражаться с шведами до последней капли крови. И когда один из местных жителей, купец по имени Илья, сказал, что шведы и мазепинцы все равно возьмут крепость, в которой кончались осадные припасы, вооруженный народ тут же, на городской площади, расправился с мажевром. Уверенность в копейной победе и решимость сражаться до последнего человека были, пожалуй, самым сильным оружием осажденных...

Дальнейшие события развивались стремительно, приближая день знаменитой Полтавской битвы, ставшей Викторией для русской армии.

Русские полки переправились через Ворсклу. Шведы оказались не в состоянии помешать этому. По приказу Петра I сразу же начались инженерные работы по возведению полевых укреплений на заранее выбранной позиции для решающего столкновения двух армий. Многого решал накопленный боевой опыт. Как и при Лесной, наши войска выстроились на закрытой местности. Флажки упирались в труднопроходимые леса. Тылы выходили к крутому берегу реки, через которую построили мосты. Открытая, хорошо обозреваемая равнина лежала впереди

готовящихся к сражению войск. Были возведены шесть редутов, где засели стрелки. При такой диспозиции шведская армия могла успешно наступать только по фронту.

Стороны готовились к сражению, ожидавшемуся как генеральному. 25 июня царь Петр собрал военный совет, разработавший план на битву. Провели смотр войскам. Распределили генералов по дивизиям, честь командовать кавалерией досталась светлейшему князю Меншикову, артиллерию возглавил генерал Яков Брюс. Государь лично объезжал полки на позициях.

К этому времени Карл XII уже знал, что польский король Лещинский и корпус генерала Крассау не смогут прийти ему на помощь. Султанская Турция не собиралась воевать с Россией. К тому же шведское командование всерьез обеспокоили все усиливающиеся слухи о том, что к противнику скоро ожидается приход подкреплений — 40-тысячная калмыцкая конница. В действительности называемая цифра была весьма далека от действительной.

Король Карл XII решил начать генеральное сражение. Царь Петр I был готов к нему.

27 июня произошла решающая битва Северной войны — Полтавская, одна из самых ярких страниц в истории армии России.

Перед началом сражения Петр, которого назовут впоследствии Великим, обратился к солдатам и офицерам созданной им армии:

«Воины! Вот пришел час, который решит судьбу Отечества. Итак не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество...»

Солдаты России вышли на поле брани и — победили...

28 июня, на следующий день после победы, русская армия торжественно вступила в Полтаву. У главных городских ворот выстрелил полтавский гарнизон во главе с комендантом. Петр I подъехал к полковнику Алексею Келану, выслушал его краткий рапорт, а затем расцеловал отважного офицера и сказал во всеуслышанье:

— Блаженная глава, совершившая блаженный подвиг, и надежда на тебя не обманула меня!

Затем государь сердечно поблагодарил весь храбрый гарнизон, а также мужественных жителей Полтавы за

то, что они выстояли в трехмесячной осаде под натиском шведской армии.

Петр I по-царски наградил участников героической обороны полтавской крепости. Все оставшиеся в живых войны были высочайше «жалованы» серебряными медалями и годовым жалованьем. Многие получили повышения в чинах.

Среди всех отличившихся в Полтавской баталии военачальников в офицерском звании особых наград удостоился Алексей Степанович Келин. Он был пожалован из полковников сразу в генерал-майоры, минуя звание бригадира (по некоторым источникам — в бригадиры), награжден «немалою суммою денег» и получил из рук царя Петра Алексеевича «богато осыпанный государев портрет». То была «нарядная» золотая «персона» с алмазными камнями, стоимостью в огромную по тому времени сумму — 873 рубля 33 копейки, выполненная золотых дел мастером А. Т. Соколовым.

Но самой главной наградой командиру Тверского пехотного полка, коменданту полтавской крепости Алексею Степановичу Келину стала громкая ратная слава и память народная — память истории Российского государства...

В современной красавице Полтаве, на бывшем Келинском (ныне Первомайском) проспекте, там, где он сливается с улицей Тараса Шевченко, недалеко от Мазуровских крепостных ворот возвышается памятник мужественным защитникам города и доблестному коменданту полковнику А. С. Келину. Он сооружен в 1909 году, в дни подготовки к празднованию 200-летия Полтавской битвы. Стоит на том самом месте, где 21 и 22 июня 1709 года — в дни генерального штурма — шли наиболее ожесточенные бои с устремившимися на приступ шведами.

Суровая композиция из куба и прямоугольной призмы, сложенных из отдельных блоков гранита, покоится на гранитном же основании из трех ступеней. На пьедестале у подножия обелиска с одной стороны лежит фигура разъяренного бронзового льва, а с трех других сторон помещены естественные, необработанные глыбы гранита. Под фигурой льва прикреплена медная доска с лаконичным текстом:

«Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келину и славным защитникам города в 1709 г.»

На противоположной стороне памятника — герб города Полтавы, а на бронзовой доске надпись:

«1 апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву. Три месяца гарнизон и жители героически отбивали все атаки шведов; последний ожесточенный штурм отбит доблестными полтавчанами 21—22 июня, после чего Карл XII снял осаду Полтавы».

...Северная война продолжалась еще более двенадцати лет. Ее заключительным аккордом стал договор, подписанный 30 августа 1721 года в Ништадте, оповещавший об установлении вечного мира между Швецией и Россией. По итогам войны, которая, по выражению Петра I, являлась «троекратной школой» боевой выучки русской армии, Россия получила выход к Балтийскому морю.

ЮРИЙ ЛУБЧЕНКОВ

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ

Каждая эпоха рождает свой тип героя. Ниспровергатели и охранители, бунтовщики и созидатели, рефлекслирующие вьюноши с демонической усмешкой на искривленных скепсисом устах и суровые старцы-подвижники. Человечество все мечется от одного к другому, страшась сделать окончательный выбор, ибо понимает, что, с одной стороны, его ждет распад и гибель, обернутые в сладкую бумажку вседозволенности, с другой же — тяготы жизни и неустанный труд, от которого столь легко отвыкнуть и к которому столь же тяжело возвращаться.

Но и здесь, среди всех этих метаний, одна доблесть остается неизменной — доблесть воина на поле брани. Солдат, человек долга, не свободен в выборе противника, но, поставленный силой обстоятельств с ним лицом к лицу, он сделает все, дабы держава, представителем и оборонителем которой он является, крепла и побеждала.

На протяжении столетий не было в России более высокого воинского отличия, чем понятие «георгиевский кавалер». Орден и его знак давались лишь за реальное мужество на поле брани. Люди, получившие этот символ доблести, пользовались всеобщим уважением и почетом. Пусть и теперь, когда мы многое забыли и утратили, от многого с легкостью отказались, их имена пребудут в нашей памяти.

Ах, Анапа ты, Анапа!

«Эх, насколько на воле хорошо, настолько в тюрьме плохо!» — философически думал подполковник Иван Васильевич Гудович, адъютант еще недавно не совсем последнего человека в Российской империи — принца Голштинского. Теперь — ни адъютантства, ни персоны сей

значительной нет. В смысле ценности ее. Ибо шел в России год 1762-й. Только что произошла вещь доселе непривычная: жена отобрала трон у мужа. Начиналась эпоха Екатерины II.

Выпускник Кенигсбергского и Лейпцигского университетов тридцатидвухлетний подполковник недолго просидел в узилище — всего лишь три недели. Его отпустили за ненадобностью, а на следующий год он даже был назначен командиром Астраханского пехотного полка: такова была первая ступень его столь громкой позднее воинской славы.

С началом первой в царствовании Екатерины II русско-турецкой войны Гудович — в самом ее пекле. Он отличился еще под Хотином в июле 1769 года. Затем победа в Рачевском лесу, сделавшая его бригадиром.

Ларга — славнейшая страница русского воинства. Немало строк в ней вписано и рукой Гудовича. Взятие турецких батарей сделало его кавалером редчайшей награды — ордена св. Георгия 3-й степени.

Затем был Кагул, Браилов, взятие во главе самостоятельного отряда Бухареста, штурм Журжи.

После войны он — рязанский и тамбовский генерал-губернатор. Но как только началось новое военное противостояние России и Турции — 1787 год, — он переводится в действующую армию. Взятие Хаджибея (Одессы) и Килии — на его счету. Гудович производится в генерал-аншефы и назначается начальником Казанской линии и командующим Кубанским корпусом. Ну, вот мы и добрались уже почти до Аваны...

Шел уже четвертый год войны, и Россия твердо решила не затягивать ее более: человек живет на Земле не для того, чтобы разрушать и убивать, а строить и приумножать. Конечно, история знала отдельные народы, с гордостью отбрасывавшие эту примитивную мудрость и видевшие единственную цель жизни в тешении воинских своих амбиций. Но русские были не из их числа. Словом, нужны были победы и победы, дабы Блистательная Порта, усташась, пошла на заключение мира. Причем победы такие, чтобы запомнились туркам накрепко, хоть те и отличались в подобных случаях девичьей памятью.

Каждый военачальник должен был действовать на своем месте: кто на суше, кто на море, кто в Европе, кто дома. Гудовичу выпала Анапа.

4 мая 1791 года его отряд, состоящий из 15 батальонов пехоты, 44 эскадронов кавалерии и трех тысяч казаков, имея при себе 36 полевых орудий, выступил к крепости. Кроме того, для усиления Гудовича из Крыма в Тамань был выслан и отряд генерал-майора Шица, насчитывавший 4 пехотных батальона, 10 кавалерийских эскадронов и 400 казаков при 16 орудиях. В движении отряды воссоединились под общим командованием генерал-аншефа Гудовича и, спокойно и достойно преодолев трудности похода по безводным местностям, палящую жару, летучие нападения кавалерии противника, дошли, наконец, до Анапы. И остановились верстах в пяти от нее — на высотах, дыбившихся двумя отдельными горами по обе стороны реки Бугуры.

На левом фланге Гудовича на дальних высотах явно просматривалась многочисленная вражеская конница, недвусмысленно показывающая всем своим видом, что удар во фланг и тыл штурмующим Анапу русским (если те паче чаяния все же решатся на сей штурм) не заставит себя ждать. Поэтому генерал-аншефу пришлось раздробить и без того не особенно значительные свои силы и выделить на прикрытие фланга особый отряд генерал-майора Загряжского.

После достижения подобной минимальной безопасности можно было и осмотреться (что и было проделано со всевозможным тщанием). Осмотр дал необходимое — уверенность в том, что крепость отнюдь не неприступна, и знание, как оную взять.

Анапа лежала на мысе, глубоко врезавшемся в жидкую переменчивую плоть Черного моря. Высоты, сбегаящие к воде, на которых, собственно, и располагалась крепость, образовывали здесь плоскую возвышенность, резко низвергающуюся к берегу моря, что омывало укрепление с юга, запада и севера. Таким образом, для штурма оставалась одна сторона света — восточная, предохранявшаяся, в свою очередь, рукотворными преградами: земляным валом и довольно-таки глубоким рвом, частично выложенным крупными камнями. Четыре бастiona на валу давали возможность вести продольную оборону. Словом, для русских Анапа казалась давно уже привычной. Вроде бы и трудно, но, коли надо взять, — не устоит.

Помня о недружественной кавалерии на своем левом фланге, Гудович перед штурмом оставил обоз в вагенбурге, назначив и для его охраны Загряжского. Наряду

с общим тылом. Затем оставшиеся силы были направлены к крепости. Левый фланг их боевых порядков смыкался с берегом моря, что на правой оконечности крепостного вала.

Именно на правой половине вала русский командующий решил нанести основной удар — укрепления здесь имели меньший профиль, следовательно — слабее. Для этого предназначались две колонны генерал-майора Булгакова. Две соседние колонны, должны атаковать центр турецкой армии, вел генерал-майор Денрерадович. Последняя, пятая колонна генерал-майора Шица, состоящая из его людей и отряда пеших казаков, должна была атаковать левую оконечность анапского вала. Через море, которое тут было мелко, Шицу предписывалось по воде обогнуть вал и вступить в него с тыла. Связь русских флангов обеспечивал резерв бригадира Поликарпова.

Стало известно, что к Анапе на всех парусах из устья Дуная спешат 32 судна флотилии Сор-паши, и Гудович решил штурмовать крепость немедленно. И 19 июня общий приступ крепости начался.

Четыре русские батареи обрушили на укрепления неприятеля огненную лаву. Канонада, казалось, никогда не прекратится. Уже ближе к ночи 20-го не выдержал даже город — здесь начались пожары, и яркое их зарево отражалось в белой пене прибоя и в размытом мутном серебре наплывающих волн. Горело до утра, горело еще и тогда, когда русский главнокомандующий, уловив чутким ухом военного неуверенность в ответах турецкой артиллерии, послал в крепость парламентаря с требованием немедленной капитуляции.

Парламентаря на полпути к укреплениям с постом встретили два турецких офицера. Кланяясь, они взяли пакет и обещали дать немедленный ответ. И действительно, ответ последовал тут же: два крепостных орудия повели огонь по стоящему на открытом месте русскому. Итак — штурм!

Весь следующий день прошел теперь уже в непосредственных его приготовлениях. За несколько минут до полуночи все русские батареи, подведенные по приказу командующего поближе к валу, открыли убийственный артогонь — желали, так сказать, доброго утра и гарантировали, что будет оно действительно добрым.

Одновременно с залпами двинулись вперед пехотные колонны, подошли к укреплению почти вплотную, замер-

ли. А за полчаса до рассвета так же молча начали штурм. Очнувшись, турки ответили картечью. Но ответ запоздал — пехота Гудовича была уже у самого рва.

Самая левая колонна, возглавляемая полковником Чемодановым, спустилась в ров и овладела правым бастионом крепости. Успеху солдат способствовали действия самого полковника — Чемоданов шел впереди всех и получил при штурме три почетные раны.

Шедшая немного правее колонна полковника Муханова тоже выполнила поставленную перед ней задачу, взяв на штык османскую батарею.

Муханов также был ранен — как и начальник третьей колонны полковник Келлер, как и сменивший Келлера премьер-майор Веревкин. А вот возглавлявший четвертую колонну полковник Самарин, первым взойшедший из всех атакующих на вал, остался невредим — бог покровительствует храбрецам!

Следя за успехом наступления, растроганный и счастливый Гудович видел, что вся правая половина вала — до подъемного моста у ворот — уже в руках его пехоты. Но увидел он и другое: вся толпа противника, замкнутая каменным периметром крепости и насчитывающая до 25 тысяч человек вдруг, хотя и запоздало, но пришла в движение и начала захлестывать уже отобранный вал изнутри.

Командующий бросил в горнило схватки все частные резервы. И свежие силы сыграли свою благодатную роль: атака осман захлебнулась, и они откатились назад, окончательно и бесповоротно потеряв вал, откатились к морю, вытряхиваемые по пути из всех крепостных стреевний.

Одновременно с успехами левого фланга выпала возможность отличиться и Загряжскому, ибо в те самые мгновения, когда четыре храбрых полковника оседлали вал, он добивал конный отряд неприятеля, насчитывающий восемь тысяч сабель и на основании этого самонадеянно решивший, что он смеет штурмовать вагенбург и угрожать русскому тылу.

Первый задор конной лавы противника погасили гребенские казаки. За ними свое веское слово сказала пехота, пошедшая под началом бригадира Щербатова вперед ускоренным шагом — подкрепить лихую атаку таганрогских драгун. Турки осознали ее нестрашную мощь и раз и навсегда рассеялись по чистому полю.

А в крепости бой все продолжался: колонна Шица по приказу Гудовича вступила в Анапу все же через мост — в подкрепление первых четырех колонн, дабы дополнительным нажимом способствовать быстрейшему выжиманию противника. До того этим же уже занялись 400 мушкетеров и 3 эскадрона спешенных кавалеристов, помогших самаринцам опустить подъемный мост.

Люди Шица серьезно потеснили еще цеплявшихся за ряд домов осман. Прибытие же резерва последних стегерей и вовсе разрядило атмосферу — действующего противника более не существовало. Остались лишь мертвые, павшие в бою, да уходили в небытие тонувшие.

Остались пленные — числом более восьми тысяч: пушки — около ста, да знамена — более сотни с четвертью. Да осталась Анапа, русский город. Отныне и на века.

Должно заметить также, что вся сила русского войска в этом сражении исчислялась семью тысячами. Так они и бились — один с четырьмя.

Затем — после Аваны — были еще славные дела в жизни Ивана Васильевича Гудовича. Были взлеты и падения. Его то назначали командующим, то отправляли в отставку. Большая часть этих событий связана с Кавказом: там он боролся и с чумой, и с врагами. Битва при Арначае в 1807 году сделала его фельдмаршалом, но настигшая славного воина вскорости болезнь, в результате которой он лишился глаз, вынудила его покинуть ту землю, с которой он сроднился за годы ратных и мирных трудов.

Новое назначение было и признанием его заслуг — в 1809 году он стал главнокомандующим в Москве. С этого поста он ушел зимой 1812-го, ушел и со всех остальных — годы давали о себе знать. И восемь лет — до самой смерти — фельдмаршал Гудович тихо прежил в своем имении Ольгополе, затерявшемся пед Подольском.

Постоянство в делах, постоянство в наградах

Редко кто из людей военного звания офицерского сословия минувших времен именовался кавалером одного только ордена. Многие битвы во многих войнах — соответственно и многие награды. Но бывали и, так сказать, «однолюбы» — конечно, не по желанию своему, а волею судеб и случая. К персонам подобного рода, без сомнения, должен быть отнесен и генерал-лейтенант граф

Ираклий Иванович Морков. Почти четверть века — а точнее, двадцать четыре года — его грудь украшал лишь почетнейший орден для военного — орден св. Георгия.

Родился Ираклий Морков — тогда еще не граф — около 1750 года. Вот потому, что не граф, и не известна точная дата его рождения — родовитых судьба примечала куда более тщательно. Воевал с турками в первую войну, воевал и во вторую (1787—1791), когда и прославился.

Впервые его имя зазвучало в победных реляциях и наградных указах после Очакова...

«Времен Очакова и покоренья Крыма» — фраза, свидетельствующая о седой старине. Но, произнося ее, мы уже как-то мало задумываемся, что тогда Очаков (наряду с Измаилом) был сильнейшей крепостью, считавшейся неприступной. А ее тем не менее надлежало брать на штык.

Крепость, одной стороной упирающаяся в море, с трех других вздыбилась высоким валом, перед которым зиял одетый камнем семи с лишним метров глубины ров. Пространство перед крепостью было, в свою очередь, окружено укрепленным десятью люнетами валом, перед которым располагалась линия рогаток. Многочисленные сады и виноградники, разбросанные с севера и запада от Очакова, не только несли аромат цветения в крепость, но и служили прекрасным укрытием для турецких стрелков, которые не ленились обстреливать передовые посты русских. Внутри укрепления было множество каменных зданий и две мечети, а на самом краю Очаковского мыса притаилась еще одна небольшая крепость — Гассан-Пашинский замок, обнесенный также валом и рогатками.

Штурму Очакова, следовавшему в декабре (6 числа) 1788 года, предшествовала долгая его осада, тянувшаяся с июля. Главнокомандующий армией Григорий Александрович Потемкин не хотел платить кровавую дань, которую непременно соберет приступ подобной твердыни, и потому надеялся взять крепость измором. Но турки держались стойко, и постепенно мудрая осторожность командующего начала оборачиваться своей пагубной стороной — русская армия была лишена простора и прикована к одному месту, начались болезни, возросла смертность среди солдат. Откладывать далее было некуда: либо штурмовать, либо уходить от крепости несолоно хлебавши. Потемкин выбрал штурм.

Согласно диспозиции, составленной начальником инженерных работ генералом Меллером (который за нее

станет бароном, получит ордена св. Андрея Первозванного и св. Георгия 2-й степени) и утвержденной Потемкиным, для производства приступа образовалось шесть отдельных колонн. В третьей из них, колонне генерал-майора князя Волконского, надлежало идти на штурм и Ираклию Моркову.

Ему вместе с его боевыми товарищами — корпусом лифляндских егерей, батальоном и рабочими херсонского пехотного полка — надлежало с началом атаки двинуться к ближайшим воротам ретраншемента, взять его и тут же выслать вправо и влево команды, дабы связать с флангов защитников укрепления, если те не отступят к крепости, и постараться их отрезать.

И вот наступило 6 декабря. В семь часов утра русские колонны подошли к крепости. Каждая из них действовала на пределе храбрости. Не отставала и третья.

Люди генерал-майора Волконского, бегом достигнув рва ретраншемента, ни минуты не мешкали, а тут же начали спускаться в ров. Подполковник Морков, идя во главе колонны, лично приелонил к валу первую лестницу и первым взобрал на укрепление. Лифляндские егеря следовали по пятам за своим командиром.

Турки ударили в ятаганы, и широкое лезвие османа скрестилось с молкией русского штыка. Егеря оттеснили противника. Волконский бросился с подкреплением на помощь к подполковнику, дабы одним мощным нажимом выбить турок, но был сражен пулей. Отнюдь не случайной, ибо значительно усилившиеся османы пошли, в свою очередь, вперед и начали вытеснять морковцев из ретраншемента.

Тогда сменивший Волконского полковник Юргенс, построив херсонцев развернутым фронтом перед неприятельским укреплением, повел тотальный огонь, заставивший осман сойти с вала.

Русские вновь вошли в ретраншемент, и егеря Моркова во главе с командиром вновь ударили в штыки. На этот раз — до полной победы. Счастливицы из числа защитников успели убежать, остальные полегли тут же. Морков же впереди колонны бросился к стамбульским воротам Очакова, куда прямо перед ним вошла и вторая колонна...

Турецкой гвердыни более не существовало. — все русские отряды поработали на славу. Отныне здесь находилась лишь русская крепость Очаков.

Награды вполне соответствовали подвигам. Не был забыт и Ираклий Морков — теперь уже полковник и кавалер ордена св. Георгия 4-й степени, отмеченный, помимо того, еще и золотой шпагой.

Менее чем через два года Ираклий Иванович был произведен в секунд-майоры лейб-гвардии Преображенского полка, и уже лейб-гвардейцем он отличился в этом же году при Измаиле.

Взятие этой дунайской твердыни свершилось 11 декабря 1790 года, а за день до этого Суворов отдал приказ, отозвавшийся в сердце каждого:

«Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что никто не может противиться силе оружия российского. Нам надлежит не сражение, которое бы в воле нашей состояло отложить, но непременно взятие места знаменитого, которое решит судьбу кампании и которое почитают гордые турки неприступным. Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славой».

Этот приказ, затаив дыхание, слушала вся армия, все девять колонн, на которые их разделила воля командующего. Шесть колонн, ведущие атаку с сухого пути, и три колонны, которые произведут высадку на судах, со стороны Дуная.

Полковник Морков был командиром как раз одной из этих трех десантных колонн, а именно — третьей, в составе которой находились 800 днепровских приморских гренадер, батальон бугского и два батальона белорусского егерского корпуса, а также тысяча казаков.

Позднее в реляции Екатерине II о взятии Измаила Потемкин скажет о Моркове, повторяя слова донесения Суворова:

«В сем случае начальник 3-й колонны изъявил новые опыты мужества, искусства и храбрости, примером его подчиненным служившие. Л. гв. секунд-майор Морков с начала устройства на острове Четала батарей, командовал оными и во время беспрестанной почти канонады ни на малое время не отходил. Побуждаемый беспримерной ревностью к службе, он сам наводил пушки и не токмо наносил неприятелю великий вред в городе, но и множество потопил судов во время же приступа, при высадке на берег войска и завладении неприятельскими батареями, учреждения его явили самого храброго и неопобедимого офицера».

Суворов знал, что говорил: он следил за своими офицерами, видя в них сегодняшних защитников и будущую надежду России...

Штурм Измаила начался в половине седьмого утра. Тогда же три десантные колонны под общим командованием генерал-майора Рибаса, прорываясь через губительный огонь береговых батарей турок, ринулся к крепости, где суда первой линии высадили десант.

Морков действовал на левом фланге десантной линии и вместе с колоннами генерал-майора Арсеньева и бригадира Чепеги одновременно — в едином порыве — ринулся на береговые укрепления осман, отбив их в жаркой молниеносной штыковой.

Спустя три четверти часа после начала штурма вся крепостная ограда — и со стороны реки, и со всех остальных — была в руках русских. Но надлежало брать еще саму крепость, что после короткой передышки и сделали солдаты Суворова, в буквальном смысле прокладывая себе путь штыками, беря каждый шаг с боем и шагая по трупам — своих павших товарищей и по неприятельским.

Никто уже не обращал внимания ни на свои, ни на чужие раны. Казалось, всякое чувство покинуло людей, кроме одного — жажды боя, когда легче умереть, нежели потерпеть поражение. Так думали и русские, и турки, но в битве двоих один должен быть побежденным, и османы с каждой секундой все более явственно понимали, кто будет этот проигравший.

Русские шли вперед, и уже никто и ничто не могло их удержать. Бились в строю и без строя. Каждый знал врага и не нуждался в подсказке командиров.

Именно в эти мгновения и был ранен полковник Морков. Ранен тяжело, но, к счастью, не смертельно. Лучшим же лекарством ему послужило взятие крепости и св. Георгий 3-й степени. Так было отмечено его участие в сем знаменитом сражении.

Лучшее в мире войско взяло лучшую в мире крепость. Можно верить главнокомандующему Потемкину, отписавшему императрице:

«Мужество, твердость и храбрость всех войск, в сем деле подвизавшихся, оказались в полном совершенстве. Нигде более не могло ознаменоваться присутствие духа начальников: расторопность солдат, когда при всем сильном укреплении Измаила, с многочисленным войском, при жестоком защищении, продолжавшемся 6 с полови-

ной часов, везде неприятель поражен был, и везде сохранен совершенный порядок».

Измаил помог Моркову помимо кавалерства св. Георгия 3-й степени стать еще и бригадиром, а по окончании войны генерал-майором, и именно ему была доверена почетная обязанность доставить в Петербург известие о Ясском мире.

В этом же 1792 году Морков был отмечен еще раз — на груди засияли звезда и крест кавалера ордена св. Георгия 2-й степени, награды чрезвычайно редкой для генерал-майора. Но Морков ее заслужил: во главе восьмитысячного отряда он у польского местечка Зелинцы сумел, сражаясь на два фронта с превосходящими силами Костюшки, принудить неприятеля к отступлению, удержав позицию за собой.

Вскоре к этим наградам прибавилась очередная — золотая шпага, украшенная бриллиантами.

В 1796 году (год вступления на престол Павла I) ему был пожалован титул графа, а еще через два года — отставка. Генерал-лейтенант граф Морков поселяется в Москве. Вторая столица стала его постоянным местом жительства. Он полюбил город и его жителей, они — седого ветерана: недаром ведь с началом Отечественной войны московские дворяне, узнав, что избранный ими в начальники ополчения Кутузов уже возглавил ополчение Санкт-Петербурга, не колеблясь, отдали голоса Моркову.

Престарелый граф привел московское ополчение на Бородино, где дрался плечом к плечу со старыми товарищами. Не покинул он их и после — до самого изгнания Наполеона из пределов России Морков находился во главе москвичей в действующей армии. После Березины же он, успокоенный, вернулся в сожженную Москву, которой и помогал стать еще краше чем она была доселе, помогал до самой смерти — до 1829 года.

Его университеты

Генерал от инфантерии Иван Васильевич Сабанеев в молодости закончил — один из немногих военных — Московский университет. И никогда не жалел об этом в дальнейшем. Как и о том, что не принял как свою судьбу покойное, размеренное течение статской службы, а в том же 1791 году девятнадцати лет от роду решил

узнать мир не по книгам, а наяву, на ощупь и перешел из сержантов лейб-гвардии Преображенского полка, куда он, родовитый ярославский дворянин, был приписан с раннего детства, в действительную службу — капитаном Малороссийского гренадерского полка. А вскоре (по его просьбе) — и в 1-й батальон Бугского егерского корпуса. Поближе к боевым действиям.

И действительно, уже через три недели он принял боевое крещение в битве у Мачина и удостоился первой из многих наград.

Потом были Польша, итальянский и швейцарские походы Суворова, участие в войне с Наполеоном на полях Восточной Пруссии в 1807 году.

Начавшаяся в следующем году русско-шведская война опять не обошлась без него: полковник Сабанеев во главе 3-го егерского полка в конце мая вступил на территорию Финляндии в составе подвижного корпуса Барклая де Толли. Вскоре он был ранен и временно покинул театр боевых действий, куда смог вернуться лишь к весне 1809 года.

Он застал свой полк в Вестротнии — в корпусе графа Шувалова — и принял активное участие в деле, можно сказать, неслыханном: русские войска перешли Ботнический залив с артиллерией, перешли его не зимой, а в начале мая, когда с полей уже сошел снег и они покрылись ярко-зеленой травой, чувствующей всеобщее пробуждение природы после долгой спячки. Сабанеев в этом деле исполнял должность пачальника авангарда обходной колонны генерала Алексеева, так что заслуга его здесь немалая...

Вскоре на место Шувалова был назначен Каменский 2-й, под началом которого Сабанеев служил столь же умело.

Новый командующий русского корпуса в Вестротнии перешел в наступление четвертого августа. Двумя колоннами: 12-я — генерала Алексеева, 2-я, ведомая лично Каменским. Арьергард, в составе 3-го егерского и Севского полков, возглавил полковник Сабанеев.

Русский корпус двигался навстречу шведскому, возглавляемому генералом Вреде, как вдруг 5 августа стало известно, что в тылу Каменского, в Ростане, высадился десант генерала Вахтмейстера, намеревавшегося совокупным усилием с фронтальным движением Вреде разбить русских, тем самым склонив их к большей уступчивости на только что начавшихся переговорах.

Каменский решил бить шведов по очереди и начать с десанта. Для этого он выделил из своей колонны четыре батальона для ложных атак на Вреде. Приказав ночью сжечь мосты и догонять основные силы, он развернул свою колонну обратно, а бывшему позади всех Сабанееву, теперь оказавшемуся ближе других к неприятелю, было предписано спешить на помощь тыловому отряду прикрытия полковника Фролова.

Тем временем шведы атаковали Фролова и, выбив его из местечка Диекнебоду, отрезали тем самым путь Каменскому. Назавтра Вахтмейстер снова (на этот раз всеми силами, а не, как накануне — авангардом) двинулся на Фролова, который еще раз подался назад и отступил к Тефтео, где соединился с подошедшим к нему на помощь Сабанеевым.

Шведы почему-то, несмотря на значительное превосходство, не решились атаковать соединенный отряд двух полковников. Тем самым Вахтмейстер потерял почти сутки, утратил инициативу и дал возможность русскому командующему собрать почти все свои силы, включая и большую часть колонны Алексеева, у Тефтео.

Наступало 7 августа, которое Каменский определил для себя как решающий день в преподавании урока, надолго запомнившегося шведскому десанту. Будущие учителя Вахтмейстера располагались следующим образом: авангард Сабанеева в составе 3-го и 23-го егерского полков, батальон Севского полка. Главный корпус Алексеева был разделен на две колонны: первой, состоящей из батальонов Тенгинского, Навагинского и Ревельского полков, командовал Ершов, второй — Азовский полк и батальон Севского — Готовцев. В резерве — по батальону Ревельского и Могилевского полков. Всего пять тысяч человек при восьми орудиях. Все остальные силы Каменский оставил для Вреде — если паче чаяния он захочет тоже испытать судьбу.

В шесть часов утра русские двинулись из Тефтео на Севар. Не доходя до него трех верст, Сабанеев встретил неприятельский авангард, шедший приблизительно с теми же намерениями, что и русский. Но, по-видимому, желание предвещения навстречу неведомому у русского полковника было более жгучее: шведы, даже не помышляя о рукопашном сближении, начали беспечно отступать — правда, отстреливаясь.

Они отходили к высоте, располагавшейся в двух с половиной верстах впереди Севара и защищавшей это се-

ление. Поскольку Сабанеев, враз осмотревшись, понял, что штурма сей знатно укрепленной высоты ему не избежать (другого пути просто нет), то сейчас он со спокойным сердцем, как джентльмен, сопровождал, не отрываясь, откатывающегося противника.

Шведский авангард, зная, что основные силы Вахтмейстера располагаются позади высоты по обе стороны Умео, надеялись хоть этим отпугнуть прилипчивых русских, но Сабанеев с ходу пошел в атаку на высоту.

Штабные теоретики утверждают, что нападающий теряет в три раза больше людей, чем защищающийся. Возможно, это и так. Но не всегда, да и не в данном случае — Сабанеев (при всем желании распоряжаться такими силами) просто физически не мог их иметь, равно как Каменский не мог их ему предоставить — их просто не было.

Русский авангард взломал шведскую оборону не числом, а умением, не массой своей, а мужеством и воинским высоким навыком. Полковник лично вел людей в атаку, посчитав, что и так из-за своей раны был слишком долго в стороне от назойливого жужжания вражеских пуль и ядер.

Егерей и севцев неприятель пытался сносить с высоты картечью и штыками — благо и стрелять, и колоть сверху вниз удобнее, нежели наоборот. Но егеря оказались тоже не лыком шиты и после первого прикидочного штурма, рассыпались поблизости от злополучно-желанной высоты, открыли по ней частый и плотный огонь, тщательно выцеливая всех сколько-нибудь смелых и бойких. Таких с каждым залпом и каждой минутой находилось все меньше и меньше.

И когда их совсем не стало видно за бруствером, Сабанеев повел егерей снова вперед. Но туда как раз переходило из лагеря свежее пополнение, и русским пришлось выдержать бой на штыках.

Времена Карла XII, увы, миновали, его железные гранатеры безвозвратно канули в Лету, что и доказал Сабанеев, выметя за два часа с укрепленной высоты и ее защитников, и всех их помощников.

Шведский командующий, не видя в себе и в своих подчиненных возможности выдержать фронтальную атаку, решил переломить ход битвы ловким боковым ударом и послал в левый фланг противника два батальона.

Батальоны эти не выполнили поставленной перед ними блестящей задачи — привыкнув ходить только лишь колоннами, они, продвигаясь по лесу, безнадежно разор-

вались, а когда встретились там еще и с егерями 23-го полка, то вообще почли за благо вернуться.

На отбитую Сабанеевым ключевую, по сути, высоту Каменский поставил артиллерию — все восемь орудий — и открыл яростный огонь. Тем временем генерал-майор Ансельм де Жибори, посланный русским командующим с батальоном Тенгинского полка и тремя ротами в брод через залив для обхода левого фланга неприятеля, а позднее с этой же целью усиленный еще двумя ротами Пермского батальона, продолжал движение.

Надо было выиграть время (шведы, в свою очередь, вознамерились взять высоту во что бы то ни стало), и генерал Готовцев обратился к Каменскому за разрешением на штыковую контратаку. Командующий разрешил.

Готовцев повел своих людей на левый фланг неприятеля, Алексеев — на правый. Вражеские колонны были опрокинуты, но русские дорого заплатили за эту победу: Готовцев был убит, а Алексеев ранен. На их место встали Сабанеев — командиром левого крыла и Аргун — командиром центра.

Тогда же Ансельм де Жибори, закончив обход, ударил шведам во фланг. Вахтмейстер отрядил против него три батальона, из них два гвардейских полка королевы. На помощь де Жибори Каменский бросил вперед, на правый фланг противника, батальон Ревельского полка, на левый фланг противника — батальон Севского. Шведы, не выдержав, отступили в лагерь, за мост, после чего разрушили его.

Еще в начале боя Сабанеев отправил одну роту Севского полка на шведский крайний левый фланг для наблюдения. И вот теперь ее командир штабс-капитан Шрейдер прислал полковнику донесение, что против него противника не видно и он просит подкрепления, дабы действовать уже на том берегу. Сабанеев выслал ему еще пять рот. Шрейдер перешел реку и повел людей направо, в тыл отряда, отражавшего Ансельма, и налево, во фланг Вахтмейстера.

Аргун, подкрепленный Каменским из резерва, начал перебираться через реку почти рядом с разрушенным мостом; де Жибори штыками подвинул еще шведов, и тут их командующий решил отступить.

Он отходил по правилам, под защитой сильного арьергарда, но Шрейдер отрезал его колонну, действовавшую против Ансельма, и она не выдержала — побежала. Многие погибли, еще большее число попало в плен.

Русский командующий решил не давать времени разгромленному противнику для осмысления происшедшего и извлечения уроков. Он спешил воспользоваться его деморализованностью, непременным следствием поражения, и быстро двинулся к Ротану на захват кораблей десанта.

Вахтмейстер, напуганный подобной перспективой и уже не думая о сопротивлении, бросился туда же.

Отступающему страх приделывает крылья — шведы пришли в бухту раньше русских. Флотилия подошла поближе к берегу, а пехота Вахтмейстера начала поспешно укрепляться поближе к спасительным морским орудиям: вот теперь можно было и встретить Каменского достойным фейерверком!

А Каменский тем временем ходко шел на сближение. Един в двух лицах: одна часть корпуса с авангардом Сабанеева двигалась прямо к морю, а вторая, имея впереди отряд Козачковского, взяла левее, с тем чтобы выйти на правый фланг шведов.

Сабанееву на полдороге попался неприятельский аррьергард, наивно полагавший, что он может послужить причиной отсрочки неминуемого. Командир русского отряда разубедил в этом противника в один момент: шведы не выдержали удара и легко покатались к гавани. Вскоре подошел и Козачковский. Каменский снова соединил свои силы в единый кулак.

На требование сдаться Вахтмейстер ответил полууклончивым отказом и тем самым вызвал общую атаку русского корпуса.

Шведская пехота, казалось, с облегчением побежала к судам. Русские заняли гавань и начали обстреливать суда. Те энергично отвечали. Не имея подобной дальнобойной артиллерии, Каменский был вынужден отодвинуться от берега. Здесь остались лишь егеря, которые, рассыпавшись по лесу, успешно стреляли по отходящим от пристани лодкам.

Все, кто успел и кто сумел, погрузились на корабли, и через день те отошли в море. В бесславие...

Севар и Ротан сорвали намерения шведов диктовать собственные условия при заключении мира. Отныне они их только принимали.

Сабанеев же за всю кампанию 1809 года, а более всего за две последние битвы, был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. Кроме того, он был произведен в генерал-майоры, а предводительствуемому им 3-му егерскому полку был пожалован «гренадерский бой».

Служба только, можно сказать, начиналась. После финляндской кампании он участвовал в войне с Турцией — брал Шумлу, Русчук. Потом — Отечественная война 1812 года. Заграничные походы 1813—1814 годов, в ходе которых Сабанеев сначала — начальник штаба армии Чичагова, затем — Барклай де Толли. Когда последнего назначили главнокомандующим, Сабанеев продолжал оставаться при нем также начальником штаба. Брал Париж. В послевоенные годы — командир 8-го корпуса.

В 1828 году Сабанеев по болезни вышел в отставку и через год его не стало.

КАРЕМ РАШ

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоту
Над нашими шатрами.

В. Жуковский

(«Певец во стане русских воинов»)

ЛИТУРГИЯ ВЕРНЫХ

Небо по-зимнему было стылым и серым. Мела поземка. И вдруг из осенних сумерек стали медленно выдвигаться с Ходынского поля офицерские батальоны, строй за строем. Они направились к Путевому царскому дворцу (Петровскому замку), ставшему Академией Жуковского. Ранняя стужа сковала той осенью все лужи по обочине дорог и вокруг Ходынской «парадной площадки», где каждый год отбивают, чекают, равняют строй те, кто готовится к параду на Красной площади, на святом Кремлевском холме. Метельным вечером шли офицерские батальоны, шли со свернутыми знаменами, молчаливые и усталые. Я уже однажды видел такую колонну около своего дома на Пречистенке, то были офицеры из Академии Фрунзе — почти всех родов войск. Несколько знакомых офицеров («афганцев»-десантников) я тогда даже узнал. Теперь шла колонна одних летчиков с Ходынского поля, которое для авиаторов не только «парадная площадка», но прежде всего поле чести, колыбель воздухоплавания. Мекка пилотов.

Как завороченный, не шелохнувшись, пропускаю перед собой офицерские батальоны. От них веет молчаливой надежной силой, одухотворенной и древней. В их длиннополых одеяниях, в благородном покрое русской шинели, самой красивой на земле одежде, неуловимо напоминающей одеяния подвижников на фресках старого

письма, в их старинном битвенном наряде с тусклым золотом на плечах явилась вдруг тайна русской истории с ее суровым смирением и просветленным подвижничеством. Шли офицерские батальоны, прямые потомки дружинной среды, давшей «Слово о полку Игореве», этого высокого мужского воинского плача, как и все эпические песни. То, что это шли авиаторы, представители рода войск, родившегося вместе с веком, небесные бойцы, усиливало неразрывность ратной отечественной традиции. Шла часть той силы, что древнее христианства на Руси, старше славянской письменности. Ступала армия — ровесница русской государственности, ее оплот, ее душа и надежда. Русь была языческой, а дала Святослава. Россия станет христианской и тысячу лет будет поставлять из своих недр офицеров-подвижников, святых воинов Александра Невского, сына его Даниила Московского, еще одного святого — Дмитрия Донского. Ни одна страна в мире не дала такого количества воинов, причисленных к лику святых, как русская земля. Это поистине святое воинство, давшее князей Даниила Щеню и Михайлу Воротынского, князя Шуйского и князя Пожарского. Россия из Московской стала императорской, и офицеры выдвинули князей Голицына, Шереметьева, Суворова, Потемкина, Кутузова. Стала Россия атеистической и дала величайшего полководца Георгия Жукова.

Офицеры — это часть вечной России, той, что пребывает в веках. Потому все временное, жадное, глупое и нечистое не любит и боится этих просветленных офицерских колонн.

Помню, как перед нами прошла с песнями целая дивизия авиации дальнего действия. Шли и цели. Один офицерский полк за другим. Это было волнующее шествие, из таких рядов когда-то рождались петровские канты. Но теперь у «Жуковки» вид молчаливых, не чеканящих шаг офицерских батальонов почему-то действовал сильнее. Быть может, оттого, что через их усталость сквозила самая непобедимая на земле сила — русское боевое смирение.

Метель, снег и офицерские полки. Это видение уже было. Этот исход и крестный путь русского воинства в донских степях и на сибирских равнинах уже стал частью русской судьбы. Теперь даже трижды коммунист не может не отдать должное этим рыцарям Белой мечты, испившим до дна чашу в Харбине, Галиполи, в Сербии и Париже. Выстояв на чужбине своими делами, кни-

тами и жизнью, они заложили нравственный чистый заряд на новое русское тысячелетие. Они верили, что новомученики преобразят и спасут Россию своей жертвенной судьбой. С белыми полками уходил цвет «русских мальчигов» — вчерашние кадеты, студенты, гимназисты, лучшее, что сотворила православная Русь веками усилий.

Они любили Россию больше жизни, потому соперничали каждой победе Красной Армии в войне с фашизмом. Красные офицеры в 1945 году в Дрездене, Харбине и Порт-Артуре пришли поклониться праху русских воинов, и впервые тогда, после 1917 года, восстановилась связь времен...

Летчики идут с Ходынского поля. Авиаторы готовятся к параду на Кремлевском холме, где в короткие мгновения шествия по брусчатке произойдет сретенье всех павших за Россию. Этот парад всегда священнодействие. Ибо если защита Отечества священна, то офицеры — главные священнослужители державы.

Военный парад — это литургия верных.

То самое богослужение, когда дьякон призывает остаться в Храме только православных, только верных.

Суворов — один из наших национальных учителей — назвал свой труд «Вахтпарад, или Наука побеждать». «Парад» и «победа» здесь не случайны. Армия не может жить без парадов, кои есть высокие смотры. Фабрика, завод, министерство, колхоз — словом, все могут жить без музыки ежедневной, а армия не может. В этом сокровенная тайна военного братства. Вооруженные люди не могут быть угнетены и приземлены. Музыка, пронизывая быт, на поверке или разводе караула поднимает человека над оружием, возвышает над смертью. Чем меньше музыки, осанки, песни, веселого повиновения, тем чаще забирают от солдат оружие в гарнизонах.

Но, увы, не всегда русские мыслители были сильны в основах государственности, державны, а накануне первой мировой войны они оказались больше эстетамы, чем философами и учителями. Василий Розанов так описал свою неожиданную встречу с идущими на фронт полками русской гвардии:

«На одной из улиц увидел идущие войска... Идут, идут, идут... Когда я вдруг начал чувствовать, что не только «боюсь» (это определенное чувство было), но — и обворожен ими, зачарован странным очарованием... Произошло странное явление: преувеличенная мужественность

того, что было предо мною, — как бы изменило структуру моей организации и отбросило, опрокинуло эту организацию — в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне любовью... Волны все шли... Этот однообразный гул. Эти ни на что не взирающие лица... Как они горды, самонадеянны. Суть армии, что, кроме полководцев, она никого не водит, не знает. Суть ее в великой самодовлеемости».

Поразительно у Розанова — это не по-русски — провожать на войну отборные части российского воинства и не постигнуть при этом жертвенного подвижничества солдата и его места в отечественной истории, не почувствовать — не на «возрождение России» их посылают, а на погибель. Никогда уже преображенцам и семеновцам, создавшим этот прекрасный на земле город, не вернуться домой,

Никто из них, салонных христиан конца века, подобно Розанову, не любил, по-моему, Россию. Все они — любили не Россию, а тему России. Любили тему до обожания, экзальтации и видения.

Но «дело России» (как понимают англичане «дело Британии») и «тема России» трагически разошлись уже на вечерах славянофилов. Народ остался сиротой без учителей в пути. А дух отвлеченности и тьмы, бесплодный, окаянный дух ослепил и увел самых чистых. А в учителя выбились двусмысленные и беспокойные «пророки» распада...

Теперь передо мной шли лучшие сыны «дела России», но с той поры брошенные на произвол судьбы всеми учителями. Новые поводыри у них отняли даже отвлеченную «тему России» и заменили ее на пролетарскую всемирность, которую социалисты-атеисты позаимствовали у Вл. Соловьева. Всемирность, размазанность, безграничность — другое название смерти и безбожия.

Бог — это мера.

Самоограничение рождает монаха, землепашца и солдата.

Без самоограничения нет ни культуры, ни личности, ни державы.

Где нет границ, там нет державы.

Главное дело сатаны — размазывать, разрушать и стирать границы.

Граница как мера — быть может, самая главная философская категория на земле.

Сейчас Россия стала перед новым тысячелетием. Уже и глава государства и съезды провозгласили многопартийность. Можете ли вы представить, чтобы командир полка был в одной партии, его заместитель — в другой, а начальник штаба — в третьей партии? Такая неразбериха невообразима даже для нашего выдавшего виды Отечества. Разве можно в России держать вооруженных людей из разных партий в одной казарме? Армия в здоровом обществе должна быть вне партии и вне политики. А призвание «политруков» — не следить за командиром, а заниматься традициями русского воинства, офицерской семьей и моральным духом армии. Только офицерское собрание должно быть парламентом полка, а не «первички» разных партий. Семьдесят лет к офицерству партаппарат относился как к «ливрейным» людям в мундирах, которыми можно понукать, бросать за Гиндукуш, в Корею, в Испанию, Сирию. Но на Руси не было и нет звания выше офицерского. Теперь, в пору официальной многопартийности, только армия и флот придают органичность и единство державе.

Только армия и народ еще едины.

Наконец воинство благодаря перестройке и гласности поняло, что оно-то и есть соль этой земли, ее становая сила и надежда.

Легче всех, думал я, стоя у обочины, перестроиться в стране вот этим офицерам. Они по существу всегда были однопартийны. Со времен юной языческой России они поклонялись одной партии как религии — верности своему народу.

Но нет сомнений, что жизнь, которая сейчас невероятно активна, идут ускоренные процессы перестройки, и мы неотвратимо идем к беспартийной армии. Офицеры будут черпать силу не в программе одной из партий, а в родных традициях и в любви к Отечеству.

Патриотизм — религия русских офицеров.

Она-то и спасла и пронесла армию через века. Когда Русь была языческой, они вот так же шли в поход в рядах великого Святослава. Тысячу лет христианской России они были ее опорой, надеждой и совестью.

Семьдесят лет атеистической России офицеры берегли, заслоняли и спасали державу.

Это воинство — плоть от плоти народа.

«Воинским делом, — скажет великий Петр, — Россия вышла от тьмы к свету»...

Колонна молчаливых летчиков пробудила память и воспоминание об их предтечах.

Де Голль, посетивший нашу страну впервые в 1944 году, пристально всматривался в лица встречавших его воинов и вечером того же дня записал: «Да, это была все та же бессмертная русская армия».

Память есть наиболее совершенное воплощение верности.

Кому же наследуют эти офицерские батальоны? Где их истоки?

Пойдем же туда, откуда вышли эти колонны, и продолжим литургию верных. В 1988 году погиб один офицер в стране. В 1989 году пало 59 офицеров. Погибли без Карабаха, Ферганы и Чернобыля. Пали в любимой России от рук соотечественников. Это впервые после войны, впервые в истории России. Нет конца жертвенному пути русского воинства — этому скромному, забытому всеми единственному священству, пережившему все религии, классы, формации, священству державы. Гегель тому и дело слил воедино, когда гениально подытожил: «Государство есть шествие Бога в миру».

«Россия — наш монастырь», — говорил Гоголь. Вспомните, даже по школьным учебникам, сколько тысяч и миллионов пали на рубежах этого Храма-державы, на его полях и за него же на чужбине и сколько умерли за любовь, за наживу, за потребление, и вы поймете, что единственное, что осталось нам в наследство после разрушенных церквей, отравленной почвы и воды, после несчастных интердевочек, после того, как мы дошли чуть ли не до духовного вырождения и создали «молодежную тему» и «женскую тему», то есть стали агрессивно различать друг друга по возрасту и полу, когда миллионы детей умирают от абортов в материнском лоне, — что же у нас осталось?

Только освященная жертвами миллионов держава — наша надежда, наше священное наследие.

Эти строки пишутся во флагманской каюте крейсера «Аврора», что стоит у невской гранитной стенки перед окнами одного из самых красивых зданий России — Нахимовского училища. Крейсер «Аврора» бесконечно дорог не потому, что он холостыми возвестил рождение новой эпохи. Он прежде всего — единственный уцелевший участник Цусимского боя.

Этот корабль — тоже своего рода храм. Корабль-символ.

Крейсер, сражавшийся в русско-японской войне, в первой мировой и Великой Отечественной, корабль-воин, дорог нам как символ единства русской истории и судьбы. Такой корабль должен стоять столько же, сколько Россия, и не где-нибудь, а перед взорами кадетов из Нахимовского училища.

Не за участие в смутах и бунтах гордится воинством народ, а за заступничество и спасение. (В этой же каюте, кстати, жил Колчак, когда командовал соединением кораблей.)

«Аврора» найдет свое место при любой будущности России.

Этот крейсер перекинул мост от ботика Петра к авианосным крейсерам нашего флота, к кораблям, которые зримо показали единство морского и воздушного флотов.

Раньше считалось, что государю приличествуют два занятия — военное дело и зодчество. Он был призван защищать и созидать. Я бы к царским занятиям отнес и работу по отбору породы в животноводстве, и особенно чистокровных лошадей. Теперь уже сорок пять лет после войны ни один глава последовательно не занимается ни воинством, ни зодчеством, ни породой. Хрущев начал уничтожать и первое, и второе, и третье. Так мы с этой инерцией и сползаем.

Великие события подчас происходят в нашей стране, и о них не знают ни страна, ни «первые люди» державы, ни парламент.

Построят БАМ — и даже как бы не могут в правительстве вспомнить, зачем строили.

Создадут океанический флот — и не понимают смысла и назначения его.

Создадут авиацию дальнего действия — и не могут «утвердить» концепцию ее применения. А все потому, что у правительства чаще всего были в советниках аппаратные, полуграмотные в военном деле шаркуны с учеными степенями. Они не могли осмыслить те вещи, которые относятся к основополагающим понятиям. Петр создал новую армию и доказал Европе, что для мировой державы государство — это флот.

Девиз народного любимца тридцатых годов Чалова: «Если быть, то быть первым» — верен и для страны в целом.

На здании Адмиралтейства при входе вас встречает бронзовая, начищенная до блеска доска с надписью: «Старший морской начальник». С недавних пор команду-

ет Ленинградской военно-морской базой вице-адмирал Валентин Егорович Селиванов, для которого чкаловский девиз с юности стал символом веры на службе Отечеству. Создатель нашего океанского флота адмирал С. Г. Горшков называл Селиванова «самым плавающим адмиралом».

Валентин Егорович рассказал мне об одном из самых великих событий в истории отечественного флота со времен Петра Великого, события, которого не отметила ни одна газета, ни одна телепередача. До революции даже действия канонерских шлюпок отмечались в анналах, подробно освещались историографами флота и оставлялись потомству в кожаных переплетах с золотым тиснением. Речь идет о следующем событии.

5 марта 1979 года в центральной части Ионического моря было сформировано первое Советское авианосное соединение в составе двух авианесущих крейсеров «Киев» и «Минск», отряда кораблей охранения и атомных подводных лодок. Соединение отрабатывало боевую подготовку в течение недели и от Ионического моря дошло до Гибралтара. Командовал этим историческим соединением контр-адмирал Селиванов. Американцы уважительно держались на расстоянии сотен миль. Впервые после Чесмы русский флот первенствовал в Средиземном море безраздельно.

Народ не узнал об этом, потому что некому было рассказать...

Вот какие навеяла мысли колонна офицеров-пилотов. Этот цвет нации так же безвестен народу, как и авианосное соединение, вышедшее в древнее Средиземное море во имя мира.

Авианосцы еще раз подтвердили идею зари воздухоплавания, когда авиация была названа флотом, небо было названо океаном, а тяжелые самолеты — кораблями.

Морской флот — единственный в мире род войск, который включает все виды вооруженных сил без исключения, потому авиация не могла не стать и морской.

Из этих офицерских батальонов летчиков многие свяжут жизнь с морем. Палубные летчики — самые рискованные в мире.

...А офицерские батальоны все идут и идут. Они готовятся к литургии верных у стен Кремля, на главной высоте России, где покоится прах святых русских офицеров — великих князей. Они знают: пока есть армия — есть Россия, которая никогда за тысячу лет не знала наемничества, когда решалась судьба России.

В мире нет ни одной армии, которая не была бы профессиональной.

Все регулярные армии профессиональны в той или иной степени. Непрофессиональны только партизаны.

Девяносто процентов офицеров нашей армии — люди до тридцати лет. В ней нет проблемы молодежи. Она молодая армия. Кое-кто ныне въедливо и недобросовестно подсчитывает число генералов. Сократить их нетрудно. Но говорят о генералах с тайной целью — вбить клин между офицерами, натравить последних на генералов. Среди молодых офицеров есть такие, которые с удовольствием слушают кулу на армию. Им, беднягам, кажется, что это их не касается, мол, ругают начальство — все тех же генералов. Таким офицерам лучше не служить. Хороший солдат никогда не обвиняет в поражении начальство, а только самого себя. Хороший офицер — тем более. Сейчас мы, быть может, самая неполитизированная и самая деидеологизированная армия в мире. Почему? Да хотя бы потому, что ни в одной уважающей себя армии мира — ни в ФРГ, ни в США, ни в Англии и Франции — ни один офицер с левыми взглядами, поносящий публично свое высшее военное руководство, не поднялся бы выше капитана. А у нас они процветают.

Бессмертная русская армия — вспомним — сотворила чудо на Галиполи и острове Лемнос, когда, разбитая, высадилась на древнем малоазийском берегу, куда приходили их предки на ладьях Игоря и казацких стругах, влекомые мечтой о Босфоре. Союзники — враги из Антанты — посчитали, что имеют дело с разложившимся, отчаявшимся и опасным вооруженным сбродом, но вдруг случилось то, что всегда приводило в изумление врагов россиян. В условиях, когда любое войско превращается в толпу мародеров, русское воинство перестроилось, разбило лагерь, заштопало, выстирало и отутюжило выгоревшее на солнце и пропахшее порохом обмундирование, выпрямилось, поставило караулы и на голом берегу в палатках показало невиданное в истории войн суровое смирение. Они ставили спектакли, учились, скудно ели, чистили оружие, пели в хорах. Когда союзники проявили к ним неуважение, они провели тут же столь грозное военное учение, что французы решили больше не соваться в русские лагеря.

Галиполи навсегда стал символом бессмертия России и ее воинства, создавшего русский военно-духовный орден рыцарей Белой мечты.

Да, это была все та же бессмертная русская армия, которая недавно, едва ли не всеми соотечественниками покинутая, забытая, в стране, полной «несунов» и озверевших от поисков дефицита и импорта обывателей, от взятки и рабской мечты о загранице, вдруг за Гиндукушем показала чудеса старинного русского боевого подвижничества, полного света и печали, как в трагическом походе полка Игоря в половецкие степи.

Теперь все они — участники единого вахтпарада. Везде, где строим на любом параде идет наше воинское подразделение, в любом месте от заставы до гарнизона или пирса, незримо присутствуют, поддерживают и освещают строй те, о ком поэт сказал: «Смотрите, в грозной красоте, воздушными полками, их тени мчатся в высоте над нашими шатрами...»

Они всегда с нами.

По сути, на Галиполи русские офицеры показали то, что повторно будет на Хасане, Халхин-Голе, острове Даманский, и что было тысячи лет становой чертой русского народа и его воинства, и что носит с собой каждый русский, белорус или украинец, где бы он ни жил — во Франции, в Штатах, на Кавказе или в Прибалтике; черта эта особенно ярко проявилась в казачестве и всегда поражала и друзей, и врагов.

Особенность русского в том, что, когда ему угрожают, он становится вдруг собранней, умней, зорче и намного сильнее. Он преображается.

Все ли — из недругов наших — помнят об этом?

Безопасность — первооснова государственного бытия. Вне огражденности силой пока нет в мире ни развития, ни спокойного труда, ни человеческого счастья. Военная мощь в известном смысле равна экономической мощи, но в баланс здоровой государственной силы органично входит и даже превалирует нравственная мощь общества, физическая крепость народа и его готовность к тяготам, труду, дисциплине и самопожертвованию.

На переговорах с другими державами имеет значение не только количество боеголовок, танков и самолетов, но и моральное состояние общества, которое за твоей спиной. Это с особой силой ощущают работники Генерального штаба, по известной формуле являющимся «мозгом армии», реагирующим на все абсолютно изменения в обществе. Рожденная перестройкой гласность — помимо серь-

езных и ответственных выступлений, проникнутых сыновней заботой о Родине — дала громадные выбросы ядовитой и разрушительной печатной продукции, которая ежедневно отравляет народное сознание и ослабляет готовность его нести бремя военной службы и расходов.

Одной из самых коварных и недобрых провокаций была посеянная через печать в сознание граждан идея о том, что «никто на нас не собирается нападать».

Это недобросовестное упрощение такого глубокого, трагического и сложнейшего явления, как война в судьбе народов, было рассчитано на эстрадно-бытовое сознание граждан, лишенных за десятилетия серьезного государственно-правового воспитания. На эту уловку попадались даже серьезного ранга деятели.

Вооруженные силы любой державы в течение столетий воспитываются, строятся и оснащаются не всегда из опасения перед конкретным и громогласным агрессором. Все серьезные государственные деятели знают, что «мир непредсказуем», как сказала госпожа Маргарет Тэтчер. Должен сказать, что глубокое военно-политическое, философское, хозяйственное или духовное осмысление роли вооруженных сил в судьбе державы, и особенно нашего самобытного исторического пути, никогда не было в поле зрения скоропалительных критиков армии и флота. Будем отделять нечестные мотивы наших оппонентов, как у нас, так и за рубежом, от искренних заблуждений или некомпетентности.

Беру на себя смелость утверждать, что ни в одной структуре нашего общества нет столько горячих сторонников глубокой военной реформы, как среди тех же генералов, потому что никто не принимает так близко к сердцу все, что связано с укреплением боеспособности Вооруженных Сил и их престижа в народе и за рубежом. Мы за обновление, за радикальную реформу и за такие переговоры и перемены, которые не ослабят нашу страну, ибо в каждой ракете, боевой машине и другом оружии материализованы бессонные ночи конструкторов и честный народный труд.

Военные часто высказывают озабоченность тем, что наши дипломаты идут на неоправданные уступки во время переговоров, не учитывая мнения именно военных специалистов. Других тревожит новый курс оборонного строительства, его осмысленность и реализм.

Когда в двадцатых и тридцатых годах мы имели малочисленную армию, в основном милиционную (нам и

сейчас усилленно советуют ее иметь!), тогда военные столкновения на границах были буднями страны. Когда слабеет армия, даже вчерашние мирные соседи вдруг недобро преобразуются. В свое время грозно хмурились и угрожали нам войной даже вовсе не великие державы — и Польша, и Румыния, и Иран, а китайские милитаристы и вовсе грозились дойти до Москвы. Великой державе грозили и грубили вчера еще смиренные малые страны. Конфликт с Финляндией не был только примитивной агрессивной акцией Сталина, как это упрощают ученые — баловни застоя. Сегодня мы с суровым реализмом должны помнить, что среди наших соседей нет ни одной страны, у которой не было бы группировок, имеющих к нам территориальные претензии. Это не берется в расчет ни нашими кабинетными политологами, ни дипломатами, ни тем более газетными крикунами, которые, увы, формируют общественное мнение, ибо партия начала перестройку, не обеспечив себя объективной, правдивой во всем прессой. Это, замечу, все равно что побежать в атаку без сапог, портупей и оружия — босиком.

Что диктует нам наше геополитическое положение и исторически сложившаяся ситуация? Мы не можем не учитывать при организации обороны страны такой вопрос, как объединение Германии и включение ее в НАТО. Некоторые считают, что речь якобы идет «лишь об увеличении потенциала НАТО за счет ГДР». В этом случае радикально меняется вся стратегическая ситуация в Европе и мире, может существенно измениться баланс сил, деформироваться сложившаяся структура безопасности.

Коренная ошибка наших политологов и дипломатов заключается в том, что они не рассматривают положения страны в ее целостности, не учитывают исторического наследия и традиций. Они специалисты по странам и регионам, а держава у нас одна и едина. Сейчас все внимание уделяется только Западу. Это коренной порок. Ни одна страна в мире не имеет такого своеобразного положения. Кроме объединенной Германии, потенциал которой превышает мощь Франции и Англии, взятых вместе, мы имеем сегодня нестабильную Восточную Европу, которая также непредсказуема, где может ожить недавний балканский клубок проблем и стычек, который лихорадил Европу перед первой и второй мировыми войнами.

Далее, с юга нас подпирают восемьсот миллионов мусульман. Причем, как показывают события в Афганистане, в ирано-иракской войне и на Ближнем Востоке, такие

конфликты принимают ожесточенный и затяжной характер. Исламского фундаментализма опасается даже добрая половина турецкого населения. Известны данные, что Зия уль-Хак лелеял надежду захватить Афганистан и втянуть в военный блок четыре исламских государства против Советского Союза (Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан) и с помощью фанатиков разжечь в нашей Средней Азии братоубийственную войну.

Далее, мы имеем семь тысяч километров границы с миллиардным Китаем, в котором, как предсказывают некоторые политологи, через несколько лет будет 30 миллионов безработных — больше, чем мы имеем населения за Уралом, — с Китаем, который еще недавно вся Европа называла 16-м членом НАТО и которому мы противопоставим пустующей Сибирью. И ни одного нашего «демократа»-демагога с ученой степенью и без оной это не волнует.

Наконец, на восточном фланге мы соседствуем с Японией — третьей в мире страной по вооружению, с Японией, которая вызывает глубочайшую тревогу у американцев (судя по опросам), но которая нашими констатациями изображается только как страна компьютерного рая. Япония накачивает втихомолку военные мускулы и разжигает территориальные претензии.

Без учета даже этой беглой зарисовки все разговоры о разоружении одностороннем есть предательство памяти тех, кто отдал свою жизнь за независимость и территориальную целостность нашего Отечества.

И, наконец, есть еще один глобальный аспект. Сегодня нет военной мощи без морского могущества, а последнего — без авианосного флота.

«Территория США, — писал как-то американский адмирал К. Риккетс, — оказалась бы в весьма опасном положении, если бы она была единственной базой использования современного оружия.

Всю мощь своего оружия противник направил бы в этом случае против территории США. Военно-морские силы с честью обеспечивают блестящие альтернативные возможности».

Похоже, наши застойные академики берут кооперативный подряд на то, чтобы лишить нашу страну этой «альтернативной возможности», чтобы не американская территория, а наша оказалась в «весьма опасном положении».

Гармоничное сочетание сбалансированных вооруженных сил и согласованных усилий — наша постоянная за-

дача. Роль и взаимодействие Армии и Флота всегда определяются меняющейся политико-стратегической обстановкой. Все послевоенное время нам противостояла коалиция именно морских держав. Флот ударами с моря способен радикально менять ход вооруженной борьбы даже на сухопутных театрах военных действий. Американцы и их союзники всегда исповедовали доктрину сокращения военно-экономического потенциала противника, прямыми ударами по его жизненно важным центрам, с океанских направлений. Сегодня воздушный и морской флоты слились, символом чего является хозяин океана — авианосец.

Без морской мощи нет великой державы. Без флота, как говорил Петр Великий, государство как бы с одной рукой, а с флотом две руки имеет. Наши ученые мужи так упорно подкапываются под нашу программу строительства современного флота, как будто мечтают сделать из нас однорукого гиганта, и по возможности на глиняных ногах, судя по их пропаганде разрушительной конверсии.

США и их союзники многократно превосходят нас по морской мощи и не желают даже и слышать о сокращениях.

Руководители Пентагона всегда видели военно-морские силы главной частью стратегических сил. Они идут дальше и считают, что без сильного торгового флота ряд серьезных военных решений может быть упущен. Морская мощь державы, кроме торгового, включает промышленный флот, океанографический, ибо превосходство в научной сфере дает лидерство и в военной. Ученые знают — будущее человечество во многом зависит от освоения богатств океана. Потому наше присутствие в океане, в отличие от известных атлантических кругов, необходимо не для господства над миром, а во имя мира.

Такова наша миссия в мире и наша историческая традиция.

Мы приветствуем позитивные процессы, происходящие в мире, готовы к сотрудничеству, диалогу и взаимному разоружению. Но почему более других встревожены офицеры? Да потому, что они знают: за безопасность страны народ прежде всего спросит с них, а не с профессионально улыбочивых работников Министерства иностранных дел. Потому они за государственную мудрость, взвешенность и сыновнюю преданность коренным интере-

сам народа, когда речь идет об оружии, в котором материализованы дух, пот, ум и усилия народа.

Когда к концу афганской войны во всех штабах мира уважительно отметили, что на сегодня лучше русского солдата и русского офицера в мире еще никого нет, — вот о той поре, словно по невидимому приказу, и подвергли тотальному чернению наши Вооруженные Силы, чтобы народ не воспользовался той нравственной высотой, на которую его подняла армия даже среди такой неблагоприятной, тяжелой и страшной войны, как афганская.

В октябре 1988 года — накануне вывода войск из Афганистана — десять тысяч солдат отказались демобилизоваться, чтобы не прислали необстрелянный молодежь, чтобы спасти их от пуль, мин и увечий. Если вспомнить, что за плечами у этих десяти тысяч «афганцев» был равнодушный и враждебный родной тыл, полный мафиози, ракетиров, взяточников, атеистов, пацифистов, бюрократов, интердевочек; тыл, набитый националистами, одуревшими от дармовых российских ресурсов; тыл с «бухарскими», «сумгайтскими» и «карабахскими» трагичными событиями, — то нельзя не признать этот поступок «русских мальчиков» за Гиндукушем чудом. С позиции же воинской чести они затмевают античные примеры доблести.

Если бы у нас не была самая застойная в мире печать, если бы у нас было народное телевидение России, то об этом событии узнал бы народ.

Такой поступок солдат по нравственной мощи способен одним могучим импульсом преобразить страну, очистить от скверны души.

Я бы провел эти десять тысяч по Красной площади 9 Мая. Дал бы им наименование «преображенцы» и восстановил бы еще раз духовную традицию армии. Вот это была бы Великая литургия верных — таинство причащения в духе.

Сейчас некоторые паникеры или иные лукавые аппаратчики, почувствовали, что почва уходит из-под ног и они оказались в народной изоляции, хотели бы сохранить привилегии, призвав к власти армию, а если не удастся, то и ее затащить с собой в пропасть. Ходят «разговорчики», шелестит шепоток... Но случись подобное — это гибель для армии в разваленной стране. Армия должна быть, и тем самым уже, своим спокойствием она спасет страну. Никаких авантюр! Армия должна заниматься только своим прямым делом.

При всем уважении к благородству мотивов А. Проханова, печатно им высказанных, полагаю, что армии никакая своя партия не нужна. Она только опасно оторгла бы Вооруженные Силы от общества. Армии надо, повторяю, только быть. Вокруг все так (если ничего не переменится к лучшему) станет разлагаться, мельчать, воровать и перемигиваться с заграницей, что, даже если армия не будет ничего делать, а только продолжит внутренне совершенствоваться, — она все равно с каждым днем в глазах народа будет казаться все прекрасней и надежней.

Причащение Тайн — Евхаристия — есть важнейшее из семи таинств христианства. Офицер, как и любой солдат, причащается жертвенной тайны державы, когда присягает и клянется не пощадить и жизни при защите Отечества. Присяга — та же Евхаристия. Ее никто не имеет права нарушать — это клятва перед лицом всех павших за Отечество. Нарушение этой святыни — погибельный путь к бесчестию.

В допетровской Руси и позже ни один сановник, воєвода или боярин не смели сидеть в присутствии священника. Неважно, был ли это кремлевский протопоп или бедный деревенский батюшка. Так глубоко было почтение перед той идеей, которую зримо воплощал сан. Самый задерганный, усталый, униженный окриками начальства, бытовым кошмаром офицер, даже сквернослов, сшиваясь и озлобляясь, хранит в тайниках своей души сокровенное знание о священном происхождении его погон и миссии в русской судьбе. Потому в России не было, нет и, надеюсь, не будет звания выше офицерского. Это они, офицеры, в «Афгане» заменили тем десяти тысячам ребят отцов, это они воспитали наших солдат под пулями. Никогда наемная армия (которую лукаво называют разрушители «профессиональной») не смогла бы свершить подвиг десяти тысяч.

Потому есть соподчинение сегодняшнего дня, есть социальный ранг и порядок. Временный и преходящий. Но есть таинственная иерархия перед другим масштабом, ранг перед лицом тысячелетней России. Вот в этом главном измерении любой лейтенант из провинциального гарнизона выше по роли и назначению и любого министра, и любого академика.

Я уверен (и эта надежда в моем сердце), что такой министр, как Столыпин, или такой академик, как Н. И. Вавилов, согласились бы со мной. Они постигли высоты культуры и служением таинству державы. Здесь речь не о германском понимании армии, как это было в Бисмарковской Пруссии, где любой профессор (и это в Германии, где так чтят ученость!) должен был сойти с тротуара и пропустить офицера. Причем профессор делал это без подобострастия и раздражения. Пусть в этом было много взаимного достоинства, но... это внешний обрядовый акт. В России все иначе. Речь о внутреннем глубоком чувстве уважения к офицерской судьбе.

Как когда-то перед священником склонялись почти-тельно все, так сегодня перед офицером мы обязаны молча склонить свои разгоряченные митингом и озлоблением головы. И не важно, кремлевский это генерал или офицер из глухой дальней точки...

Повторим еще раз. Перед всеми ними мы в неоплатном долгу. В 1988 году был убит один офицер. В прошлом, 1989 году убили 59 офицеров. Убили без Карабаха, Ферганы, не в Прибалтике и не в Молдавии. Убили на Руси, в своем Отечестве. Такого святотатства не знала русская земля за тысячу лет. Литургия верных посвящена и им. Память невинно убиенных должны бы все офицеры почтить минутой молчания на каждом офицерском собрании...

Кто разжег эту ненависть в обществе? Кто подстрекал речами, статьями и телепередачами к этому насилию? Кто посылал уголовников служить в армию, а потом кричал о неуставных отношениях? Кто растревожил всех матерей, нагнетая истерию вокруг армии? Но, главное, — почему ни один из руководителей ни разу за пять лет не остановил этой грязной кампании? Может, потому, что «умники» из «верхов» хотели использовать армию как козла отпущения; они вдруг поняли, что семьдесят лет в своем самодовольстве и при безнаказанности не постигали духа и назначения армии. Да и откуда им это знать, если в США все сто процентов сенаторов (все, все!) служили в армии, и каждый четвертый из них — офицер. Наши аппаратчики вдруг в смутной тревоге поняли, что партии, мафии, группы (даже династии и религии) сменяются, а армия стоит незыблемо, как скала, среди мут-

ной волны митинговых воплей. А вдруг — в такой вот — в ней главная опасность?

Армия и народ — едины во веки веков, если народу не подсунут наемников-рэкетиров под видом «профессиональной» армии.

Так встреча с колонной офицеров-летчиков вдруг прояснила до дна души, до глухих закоулков родной истории то, что теряется, по Пушкину, в «дыму столетий», высветив роль и назначение воинства в судьбе России. Только офицерский корпус — это единственное, воинское братство, которое сохранило тысячелетний дух «русского товарищества», о котором пророчествовал полковник Тарас Бульба; только оно, это священство державы, еще помогает уберечь дух братства народов страны, доводимый «сверху» до гибельного состояния.

В православный храм придут православные, в костел — католики, в кирху — лютеране, в мечеть — мусульмане, в синагогу — евреи, и только благородное офицерское собрание на Руси издревле соединяет в священном служении всех, и даже атеистов, — так высока идея!

В век жадного кооператорства, погони за деньгами, импортом и благами, в век безмозглого и изуверского туризма посреди разваленных святынь, в дни, когда посреди униженных церквей устраивают конкурсы несчастных красоток из разрушенных семей, в век торжества фирмачей и пошляков-бизнесменов наступают суровые времена для офицеров всех стран в Европе вне зависимости от блоков. Они — последний в мире рыцарский массив, последний на земле институт и сословие, исповедующие кодекс чести, заповеди которого перенесены в параграфы книги с древним и прекрасным русским словом — Устав.

Сколько ныне радиокриков и телевоплей о возможной гражданской войне в стране, в иных таких заклинаниях слышится бессознательный призыв к братоубийству. Русские сыты этим по горло. Никакой гражданской войны не будет, не должно быть. И порукой тому — спокойное достоинство наших воинов. Нашей древней и молодой надежды.

Любое познание, как и всякая деятельность, есть припоминание. Вспоминать — значит быть. Помнить — это жить. Пробуждение от тяжкого семидесятилетнего беспомытия началось. Мы возвращаемся к коренным началам русской жизни, где вера отцов есть главное национальное богатство.

Церковь называет литургию таинством таинств. В античной Элладе, в Риме и позже в Византии литургией именовали ряд государственных повинностей свободных граждан по укреплению и защите Отечества.

Военный парад, как и все воинские ритуалы (и особенно отдаче чести), делает высшую реальность зримой и конкретной для каждого солдата и гражданина.

В мире не было и нет ни одной культурной и процветающей страны с униженной и шельмуемой армией. Разрушители, видимо, не могут простить нашей армии, что при развале почти всех структур Вооруженные Силы не только держатся, но к неудовольствию крикунов, с каждым днем становятся крепче и просветленней, ибо мы вновь входим в семью верующих стран.

Только не надо спешить и вновь босиком бежать в атаку. Мы входим в мир не учениками, а самым умудренным на свете обществом. Нам надо только еще кое-что вспомнить. Офицер не может позволить ни себе, ни другим огульно чернить генералов и армию. Для резких суждений есть офицерские собрания. Пока человек ищет недостатки не в себе, а вовне, он еще раб, еще не свободен, еще не любит.

Подлинный парад есть проявление соборности.

Соборность — всепронизывающий метафизический принцип устройства бытия, где множество собрано и едино силой любви. Красота и величие офицера и монаха в том, что они не судят, а повинуются. Первый — из любви к Отечеству, другой — из любви к Богу. А это по сути одно и то же, если вернуться к общим началам.

Восстанавливая древнерусское «православное учение о мече во всей его силе и славе», даже лучшие наши мыслители считали, что человек, взявший бремя меча и защищающий добро, «не праведен, но прав», а государственное дело считали «второочередным», хотя и ответственным и могущественным. Даже гражданская зона их не вразумила. Видимо, нужно было нечто более страшное. И оно явилось как следствие февраля 1917 года. После освенцимов и ГУЛАГа мы знаем, что государственное дело пусть не абсолютное, но всегда первоочередное, а воин бывает не только прав, но и праведен.

Критиковать начальство — любимое занятие прежде всего дураков и лукавых. В пору, когда мы «балдеем» от этого общественного наркотика и своим самоосквернением вызываем брезгливость даже у Запада, наши скромные офицеры проняли даже чемпионов по дегероизации —

программу «Взгляд». Когда «телевики» увидели жизнь офицеров дальней авиации: их скученный, бедный быт и полет над просторами океана, — и когда те же офицеры прошли перед ними полк за полком с песнями, даже представитель «Взгляда» (что делает ему честь и прощает многие грехи их программы) в изумлении обронил:

— Это святые люди!..

Потому-то, когда осквернять, дегероизировать и унижать армию стало модой, так мерзко видеть, как в этой беснокойной толпе мелькают иногда мушкетеры офицеров. Ни одна уважающая себя страна не терпит в армии подобных.

К счастью, эталоном армии сегодня выступают другие офицеры. Недавно видел и бой-парад, и собранность в небе, когда дивизия десантников на учениях расцвела куполами поднебесья. Первым прыгнул генерал. За ним посыпались из люков десантники. К матушке-земле опускалось с неба воинство как братство, где все равны перед опасностью — от генерала до рядового.

Миллионы воинов в этом столетии просияли в русской земле и сделали этот любимый удел Богоматери самой святой землей на свете. Судьбы мира теперь будут вершиться не в Америке, не в Европе, не в Азии, а здесь. Благородство — вот главная духовная, политическая и экономическая категория нового русского тысячелетия. Мы призваны показать миру новый путь и в ратном служении, и в хозяйственном деле и соединить предпринимательство с благородством. Пока в полной мере это не было под силу никому. Быть может, мир ждал Россию и жертвы ее не напрасны.

Добро восторжествует, ибо пророчество великого духовного богатыря Ивана Санина (Иосифа Волоцкого) только-только набирает силу:

«Русская земля благочестием всех одоле».

ИВАН ИЛЬИН

ПРОТИВ РОССИИ

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и без понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов мы одиноки, непонятны и «непопулярны». Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первые поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «неевропейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Килия до Магдебурга и Гелле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Коринтии, Кроации и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь потом — волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести, искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними: зато требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы, и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура — иная, своя; и притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другие музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступ-

лению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, на котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и настоятелей (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовали «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее Церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготавливалось чудовищное месииво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда как суцая опасность. Особенно после того, как Россия в XVIII и XIX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России: с Салтыкова (Кунерсдорф), с Суворова и Александра Первого Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистич-

ческой революции превратила его в неутраченную тревогу.

Но страх унижает человека, поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и мечтавших о России и русском народе. Но европейское большинство и особенно его демократические министры кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают о ее ослаблении.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (Семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805—1815 году, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гагская конференция, жертвенная борьба с Германией 1914—1917 гг.) не вести перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивали этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевистской революции, то она решила, что это есть торжество европейской цивилизации, что новая «демократия» расчленил и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриги; а впрочем — ее необходимо всячески ослаблять.

Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчлениением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (например, через поддержание большевизма с его террором, — политика германцев 1917—1939 гг.); если возможно — то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноев-

ропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду ненавистью, но для того, чтобы верно предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям.

Нам нужна трезвость и зоркость.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисная организация и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы», так мир изобилует «руссофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мериллом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленителя — помощи, от религиозного софиста — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Честь, отвага, мужество

<i>Валерий Мигицко. Неприятности начнутся в полдень</i>	6
<i>Владимир Рыбин. Приказ есть приказ</i>	111
<i>Илья Рясной. Последняя версия</i>	174
<i>Александр Плотников. Профи</i>	234

Ратная летопись России

<i>Алексей Шишов. Предтеча Полтавской битвы</i>	306
<i>Юрий Лубченков. Георгиевские кавалеры</i>	340

Слушайте все

<i>Карем Раиш. Литургия верных</i>	358
<i>Иван Ильин. Против России</i>	378

ВОЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Шестой сборник, подготовленный Военно-патриотическим
литературным объединением «Отечество»
123308, Москва, ул. Зорге, 1

Составитель *А. В. Тимофеев*
Редактор *Г. М. Некрасов*
Художник *В. И. Кухарук*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *Е. А. Шестернева*
Корректор *Л. П. Миронова*

ИБ № 4302

Сдано в набор 14.01.91. Подписано в печать 07.08.91.
Формат 84×108/32. Бумага тип. Гарн. Обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отг. 20,16. Уч.-изд. л. 21,67.
Тираж 150 000 экз. Изд. № 15/6517. Зак. 864. Цена договорная

Воениздат, 103160, Москва, К-160
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

